

Два Вавилона

Александр Хислоп

Александр Хислоп

ДВА ВАВИЛОНА,

ИЛИ ПАПСКОЕ ПОКЛОНЕНИЕ,
ЯВЛЯЮЩЕЕСЯ НА САМОМ ДЕЛЕ
ПОКЛОНЕНИЕМ НИМРОДУ И ЕГО ЖЕНЕ.

(Перевод с английского)

Оглавление

1 Отличительная черта двух систем	1
2 Предметы поклонения	9
2.1 Троиединство	9
2.2 Мать и ребенок, и происхождение ребенка	15
2.3 Ребенок в Ассирии	19
2.4 Ребенок в Египте	37
2.5 Ребенок в Греции	43
2.6 Смерть ребенка	51
2.7 Обоожествление ребенка	54
2.8 Мать ребенка	72
3 Праздники	94
3.1 Рождество и Благовещение	94
3.2 Пасха (Истар)	104
3.3 Рождение Иоанна Крестителя	117
3.4 Успение	130
4 Доктрина и учение	134
4.1 Возрождение через крещение	134
4.2 Оправдание делами	148
4.3 Жертва Мессы (Литургии)	159
4.4 Соборование	167
4.5 Чистилище и молитвы об умерших	169
5 Ритуалы и обряды	172
5.1 Идольские процессии	172
5.2 Поклонение мощам	176
5.3 Одевание и увенчание статуй	181
5.4 Молитвы по четкам и культ Святого Сердца	187
5.5 Лампады и восковые свечи	190
5.6 Знак креста	195
6 Религиозная иерархия	202
6.1 Верховный понтифик	202
6.2 Священники, монахи и монахини	213
7 Два пути развития	219
7.1 Огромный Красный Дракон	219
7.2 Выходящий из моря Зверь	243
7.3 Выходящий из земли Зверь	255
7.4 Образ Зверя	262
7.5 Число Зверя и число его имени	266

Глава I.

Отличительная черта двух систем.

Основное доказательство вавилонской сущности Папской Церкви, на которое я хотел бы обратить внимание читателей, — это сущность *тайны беззакония*, имеющей отношение как к современной римско-католической, так и к древней вавилонской системам. Гигантская система нравственного разложения и идолопоклонства символизируется в Священном Писании в виде женщины с “золотой чашей в руке” (Откровение 17:4), заставляющей “все народы земли упиваться вином ее разврата” (Откровение 17:2; 18:3), и которая в духовном смысле названа “тайна: Великий Вавилон — мать блудницам и всем мерзостям земли” (Откровение 17:5). То, что Павел в своем 2 Послании к Фессалоникийцам называет “тайной беззакония”, находится в Риме. После проведения тщательного расследования это не вызывает сомнения ни у одного здравомыслящего человека. То, что в этих отрывках названо “тайна”, одинаково верно по отношению к обеим системам. Не трудно проследить связь сказанного с древним Вавилоном. Подобно женщине, державшей в руке чашу, и использующей ее содержимое для опьянения народов, поступал и древний Вавилон. Вавилон, погибель которого, несмотря на всю его славу, Господь предсказал через пророка Иеремию: “Вавилон был золотой чашей в руке Господа, опьянявшей всю землю; народы пили из нее вино и безумствовали” (Иеремия 51:7). Тогда почему точно такой же язык употребляется по отношению к двум системам? Естественно прийти к выводу, что они имеют много схожего. Подобно тому, как и Вавилон в Откровении характеризуется именем “тайна”, отличительной чертой древней вавилонской системы были халдейские Мистерии (таинства), сформировавшие существенную часть этой системы. И что касается этих мистерий, то сам язык еврейского пророка, пусть и символично, говорит о Вавилоне как о золотой чаше. По словам Салверта, “питие мистических напитков было неотъемлемой частью обряда инициации во время Мистерий”. Эти мистические напитки состояли из вина, меда, воды и муки. Из самой природы этих, а также возможных других употреблявшихся компонентов вполне очевидно их опьяняющее действие. И пока участники не попадали под их влияние, пока их сознание не затуманивалось и их чувства не возбуждались принятой дозой, они не были достаточно готовы для того, что им следовало увидеть и услышать. Если вникнуть в сущность и содержание этих древних Мистерий, то можно увидеть прямую аналогию с *тайной беззакония*, воцарившейся в Римской Церкви. Их главная цель заключается в том, чтобы скрытно,

шаг за шагом, под завесой секретности, скрепленной клятвой, посвятить в то, что нельзя было сделать сразу и открыто. То, что это было именно так, доказывает как раз само время происходившего. Халдейские мистерии восходят еще к дням Семирамиды, жившей всего лишь несколько столетий после потопа, Семирамиды, которая оказала тлетворное и развращающее влияние на своих подданных. Евсевий утверждает даже, что Семирамида царила во времена Авраама.

Эта красивая, но развращенная царица Вавилона, не только сама была образцом необузданной похоти и вожделения, но и лично участвовала в Мистериях, где она играла главную и направляющую роль, являясь объектом поклонения в качестве богини Реи, великой *Матери* богов. Это поклонение сопровождалось омерзительными ритуалами, отождествляющими ее с Венерой, *матерью* всякой нечистоты, и ввергало в нечистоту и сам город, в котором царствовала Семирамида. Благодаря чему Вавилон приобрел славу центра идолопоклонства и ритуальной проституции. Плиний писал о чаше Семирамиды, попавшей в руки победоносного Кира. Этот предмет был широко известен среди вавилонян и окружавших его народов своими гигантскими размерами. Чаша весила пятнадцать талантов, или 544 килограмма. (Plinii, *Hist. Nat.*) Таким образом, эта халдейская царица прекрасно соответствует роли описанной в Откровении *Женщины* с золотой чашей в руке, с именем на лбу “*тайна*: Великий Вавилон — мать блудницам и всем мерзостям земли” (Откровение 17:5).

Апокалиптический символ женщины-блудницы с чашей в руке изображался даже на предметах древнего языческого поклонения идолам, которое распространилось из Вавилона. Их можно было наблюдать в

Греции, ведь именно так первоначально изображалась греческая Венера (см. примечание внизу главы). Точно так же этот символ появился и в Римской Церкви, которая избрала его в качестве своей эмблемы. В 1825 г. по случаю юбилея Папа Лев XII выпустил медаль, где на одной стороне был изображен он сам, а на другой — Римская Церковь, которую символизирует *Женщина*, держащая в левой руке крест, а в правой руке — *чашу*,

Woman with cup ** from Babylon.—(KITTO'S *Biblical Cyclopedia.*)

Woman with cup from Rome, on reverse of medal.—(ELLIOTT'S *Horae.*)

а вокруг женщины имеется надпись *Sedet super universum — Ее трон - весь мир.*

Время, в которое жили Нин и Семирамида, — это период, когда вера патриархов все еще была свежа в умах людей, когда еще был жив Сим. Относительно возраста Сима смотрите Бытие 11:10, 11. Согласно Священному Писанию Сим после Потопа жил 502 года, т.е., согласно Еврейской хронологии, до 1846 г. до н.э. Возраст Нина, мужа Семирамиды, совпадает согласно Евсевию, как уже говорилось выше, с жизнью Авраама, который родился в 1996 г. до н.э. Получается, правда, что Авраам родился за девять лет до окончания царствования Нина. И, согласно этой точке зрения, царствование Нина должно было закончиться около 1987 г. до н.э. Клинтон, являющийся одним из главных авторитетов в области хронологии, считает, что Нин царствовал даже раньше. В своей книге *Fasti Hellenici* он называет 2182 г. до н.э. Лаярд придерживается такой же точки зрения. Говорят, что Семирамида пережила своего мужа на сорок два года. Независимо от точек зрения относительно возраста Нина, того, что считал Евсевий, Клинтон или Лаярд, очевидно, что Сим пережил как Нина, так и его жену. Естественно, что это утверждение исходит из правильности еврейской хронологии. Поэтому всякое публичное проявление вавилонского идолопоклонства, введенное его царицей, встретило бы активное противодействие со стороны тех, кто был верен истине и Всевышнему.

Из написанного в Книге Иова мы знаем, что патриархальные племена, не имевшие ничего общего с заповедями Моисея, твердо держались чистой веры патриархов, и любое идолопоклонство у них считалось преступлением, за которое виновные сурово карались. Иов говорит: “Смотря на солнце, как оно сияет, и на луну, как она величественно шествует, прельстился ли я в тайне моего сердца, и целовали ли мои уста мою руку? Это также было бы преступление, подлежащее суду, потому что я отрекся бы тогда от Всевышнего Бога” (Иов 31:26–28).

Если именно так обстояли дела в дни Иова, то тем более это должно было быть в ранний период зарождения Мистерий. Видимо, существовала веская причина тому, что такая омерзительная форма идолопоклонства, как вавилонская система, должна была практиковаться тайно. Дальше будут рассмотрены убедительные причины существования такой атмосферы строжайшей секретности. См. Главу 2.

Даже несмотря на то, что вавилонское идолопоклонство было введено властью, омерзение от него было настолько велико, что со стороны чистой части человечества предпринимались насильственные попытки положить этому конец, настолько отвратительно было это идолопоклонство и предмет его поклонения. Этот предмет должен был ослепить все человечество полной и абсолютной слепотой и подчинить все человечество вавилонской системе. Для осуществления этой задачи должны были

быть задействованы все знания, священные и нечестивые, монополизированные священниками, которые передавали их только посвященным (прошедшим обряд инициации) в *тайну* (Мистерии) и лишь в соответствии с их уровнем понимания. Для эффективного управления этим потребовалось утвердить грандиозную систему духовной деспотии. Таким образом, везде, где утверждалась вавилонская система поклонения, люди оказывались руками и ногами привязанными к священникам. Священники были единственными хранителями религиозных знаний, только у них была “истинная” традиция, в соответствии с символами и писаниями которой религия могла публично интерпретироваться. Без слепого и безоговорочного подчинения священникам не могло быть и речи о спасении. Так было в Вавилоне, а теперь сравните эту систему с ранней историей Папства и с его духом и образом действий. Какое поразительное сходство! Разве она началась в период сияния патриаршего света, когда омерзительная система вавилонских Мистерий еще только начала зарождаться? Нет, как раз в период много большего света началась нечестивая и противоречащая Писанию система Римской Церкви. Она началась еще в эпоху апостолов, когда первоначальная Конгрегация верующих была в самом расцвете, когда повсюду можно было видеть благословенные плоды Пятидесятницы, когда мученики запечатлевали истину веры своей кровью. Даже тогда, когда Благая Весть сияла так ярко, Дух Всевышнего ясно провозгласил через апостола Павла: “тайна беззакония уже в действии” (2 Фессалоникийцам 2:7).

Эта система беззакония, начавшаяся в те дни и предсказанная свыше, проявилась в поразительном отступлении от истины, и в надлежащее время будет ужасающе “открыта” и будет действовать, пока не будет уничтожена “дыханием Господа и погублена сиянием Его прихода”. Но первоначально, когда это беззаконие только вошло в Конгрегацию, оно делало это секретно и постепенно со “всяким *обманом* и беззаконием”. Оно действовало *тайно* под прикрытием внешне оправданных, но лживых требований, уведя многих от простоты истины которая суть в Иисусе. И оно делало это тайно по той же самой причине, по которой тайно вводились древние вавилонские Мистерии. Иначе было попросту опасно и неосмотрительно. Рвение истинно верующих, хоть и не подкрепленное гражданской властью, не дало бы лживой системе открыто выйти наружу и проявиться во всей силе. Если бы эта лживая система открыто вышла на поверхность во всей своей омерзительности, она была бы уничтожена в корне. Поэтому то она была введена тайно, шаг за шагом, когда одно отступление накладывалось на другое, и Церковь-отступница не стала готова терпеть это, пока, наконец, беззаконие не достигло гигантских размеров, которые мы сейчас наблюдаем, когда всякий аспект папской системы является полной противоположностью первой Конгрегации. Начало действия *Тайны беззакония* можно видеть на ранних надписях в римских

катакомбах. На протяжении первых трех столетий в этих катакомбах во времена преследований собирались, укрываясь от преследований, на служения верующие, здесь же они хоронили своих мертвых. На некоторых надмогильных камнях можно найти надписи, которые полностью опровергают хорошо известные принципы и практику современной Римско-Католической церкви. Вот только один пример: что в наши дни является более отличительной чертой папской системы, как не обязательный целибат (обет безбрачия) священников? А из надписей на могильных камнях можно узнать, что даже в Риме было время, когда о системе священнического целибата ничего не слышали. Вот некоторые из надмогильных надписей:

1. Басилиусу, пресвитеру, и Фелиции, его жене.
2. Петронии, жене священника, образцу скромности. Мои кости покоятся в мире. Утрите слезы, дорогие муж и дочь, и верьте, что нельзя плакать о тех, кто жив в Боге.

(Dr Mainland, *Church in the Catacombs*, pp. 191-192.) Тут и там звучат молитвы о мертвых: “Пусть Бог обновит твой дух”. Это доказывает, что хотя Тайна беззакония уже и начала действовать, но совершалось это не сразу, а медленно и осторожно, вплоть до нашего времени, когда Римская Церковь дошла до того, что запрещает своим священникам жениться. Постепенно и вкрадчиво Рим заложил основание своей системы священничества, которая впоследствии развилась в разветвленную суперструктуру.

С самого начала на Римской системе лежала печать *тайны*, и она не изменялась на протяжении всего процесса ее развития. Ей когда-то удалось исказить свет Благовестия, затуманить полноту и свободу благодати Всевышнего и совлечь с прямого пути человеческие души, отвлечь их от непосредственного и прямого общения с Единственным Главным Пророком и Первосвященником, достигаемым через личную веру. Вместо этого тайная сила была приписана священникам, что давало им *верховенство* над верой людей, верховенство, непосредственно развенчанное апостолами (2 Коринфянам 1:24). В сочетании с исповедью оно достигло своей вершины, полноты и завершения, как когда-то это было с вавилонскими священниками при посвящении в древние Мистерии. Клерикальная власть римского священства достигла своего завершения в таинстве исповеди. Сама эта исповедь была заимствована из Вавилона. Исповедь, практикуемая католиками, полностью противоположна исповеди, предписываемой в Священном Писании. В Писании четко сказано: “Признавайтесь друг перед другом в ваших проступках” (Иакова 5:16), что подразумевает то, что священник должен исповедываться перед людьми, а также люди перед священником, равно как друг перед другом. Выполнение этого правила не смогло бы привести к духовной деспотии, но Рим, оставив Священное Писание, принял вавилонскую систему. В этой систе-

ме тайная исповедь священнику в соответствии с предписанной формой требовалась для допущения к полному посвящению в тайны Мистерий, и пока такой исповеди не было, то и не могло произойти полной инициации (посвящения). Салверт описывает исповедь, которая практиковалась в Греции, ритуал, корни которого ясно указывают на его вавилонское происхождение: “Все греки, от Дельф до Термопил, посвящались в Мистерии в Дельфийском храме. Их молчание и хранение тайны по поводу того, во что их посвящали, гарантировались как страхом наказания за нарушения священного обета, так и общей *исповедью*, требовавшейся от посвящаемых — исповедью, вызывавшей у них большой страх перед священником, который мог уличить их в неосмотрительности”. Эту исповедь упоминает также Поттер в книге *Греческие древности*. В своем описании эллинских мистерий, после описания предварительных церемоний и наставлений кандидатам для инициации, он переходит к самому процессу посвящения: “Затем священник, который совершает инициацию, по имени Иерофант, задает определенные *вопросы* относительно того, постились ли они и т.д., на которые ему отвечают в установленной форме и т.д.” может и паразит неискушенного читателя, но это многозначительное “и т.д.”, подразумевает многое. Это значит: “Свободен ли ты от нарушения чистоты?” (здесь имеется ввиду не нормальная нравственная чистота, а та притворная чистота, которую всегда лелеет язычество. “Свободен ли ты от вины за убийство?” — ибо никто, виновный в убийстве, даже неосторожном, не мог быть допущен к обряду, пока не очищался через кровь, для чего существовали специальные священники, называемые “коэс”, которые *выслушивали исповедь* по поводу убийства и снимали вину. Строгость вопросов языческой исповеди хорошо описана в некоторых безнравственных поэмах Проперта, Тибулла и Ювенала. Уилкинсон в главе под названием “Приватные посты и епитимьи” пишет о том, что посты и епитимьи “строго налагались в связи с определенными правилами в определенные периоды”. Имеется ряд классических цитат, которые ясно показывают, откуда паписты почерпнули свои вопросы для исповеди, наложившие на них четкий отпечаток языческой мерзости. Исповедь (во время языческих мистерий) происходила в такой торжественной обстановке, и от исповедуемых требовался такой уровень святости и пиетета, что ни один человек с нечистой совестью или неснятым грехом не мог быть допущен к инициации. Поэтому, для безопасности тех, кто подлежал инициации, неотъемлемой частью процедуры была серьезная проверка священником совести посвящаемых, чтобы они не пришли к обряду без должного очищения от прежде совершенных грехов и вины за них, чтобы не вызывать гнев богов за *кощунственное* отношение неподготовленных. Все это было лишь имитацией святости, ведь если нам известна истинная языческая сущность этих богов и поклонения им, то вполне очевидна лживость таких обрядов. Единственной целью этих исповедей было то, чтобы свя-

щенники узнали о всех тайных помыслах и грехах людей, дабы обрести над ними полную власть. А в наше время Рим практикует исповедь точно так же и точно с такой же целью. Вместо того, чтобы священники и простые люди исповедывались друг перед другом, как об этом говорится в Писании, когда они согрешают друг против друга, Рим под страхом вечной гибели предписывает исповедь священнику, независимо от того, согрешил человек против него или нет, в то время как священник совсем не обязан исповедываться перед своей паствой.

Без такой исповеди Римская Церковь не допускает к Таинствам даже строже, чем это делали языческие священники во время древних Мистерий. Сейчас эта исповедь совершается каждым человеком в *тайне* и в *уединении* якобы во имя и от имени Всевышнего перед священником, наделенным властью исследовать совесть, судить о жизни, оправдывать или обвинять по своему собственному усмотрению и пожеланию. Это главный стержень, на котором держится вся воплощенная в папстве система *Тайны беззакония*, вся цель которой — подчинить человека священникам.

В соответствии с этим принципом, из которого вытекает таинство исповеди, Римская Церковь, т.е. клир (священство), претендует на роль единственной хранительницы истинной христианской веры. Так же, как в свое время халдейские священники считались единственными обладателями ключей к пониманию тайн вавилонской мифологии, ключей, переданных им от незапамятных времен, так же и католические священники считают себя единственными истолкователями Писания. Дескать, только они обладают истинной традицией (церковным преданием), передающейся из поколения в поколение, без коей было бы невозможно понять настоящую суть Писания. Поэтому-то они и требуют безоговорочной веры в их догмы. Все должны верить в соответствии с предписаниями Католической Церкви, тогда как Церковь вольна придавать этой вере такую форму, какую пожелает. Также, как обладательница верховной духовной власти, она может давать много или мало, судить или миловать и *хранить* великие религиозные истины — то, что было основным принципом вавилонской системы. Именно эта претензия на главенство над верой человека “злом попирало веру” (Римлянам 1:18) в древнем мире, когда “их размышления и представления привели их в тупик, и их неразумные сердца погрузились во мрак” (Римлянам 1:21). Именно эта претензия со стороны римских (католических) священников явилась причиной темных веков средневекового мракобесия, когда на протяжении многих мрачных столетий Благая Весть была неизвестна, а Священное Писание было запечатанной книгой для миллионов тех, кто назывались христианами. Во всех отношениях вполне правомерно говорить, что на челе Римо-католической Церкви написано: *Тайна*, Вавилон Великий.

Примечания: Женщина с золотой чашей

У Пausания мы находим описание богини, выглядящей в точности так как “Женщина” из Откровения. Он пишет: “Из мрамора была сделана статуя Немезиды. На голове богини находится корона, украшенная оленями и изображениями грандиозных побед. В левой руке она держит ветвь ясеня, а в ее правой руке — *чаша* с изображениями эфиопов” (Pausanias, Attica). Пausаний признается, что не в состоянии узнать причину, по которой на чаше изображены эфиопы, но значение изображенных эфиопов и оленей станет ясно из дальнейшего чтения. При этом из той же самой главы мы узнаем, что хоть Немезида обычно и считалась богиней возмездия, она была известна и в несколько ином качестве. Пausаний пишет дальше о статуе: “Но у этой статуи нет крыльев богини. Но впоследствии я обнаружил, что среди смирнцев подобные статуи всегда имели крылья”. Поскольку эта богиня имеет также отношение и к любовным делам, то у нее также должны были быть такие же крылья, как и у Купидона. То, что у нее были такие же крылья, как и у бога любви Купидона, наводит на мысль, что это богиня любви, т.е. Венера. В то время, как такой вывод логически вытекает из слов Пausания, мы находим подтверждение этому у Фотия, когда он говорит о статуе Немезиды Рамнусийской: “Первоначально она была воздвигнута в форме Венеры и поэтому держала ветвь яблони” (Photii, Lexicon). Хоть, на первый взгляд, богини любви и возмездия имеют мало общего, все же не трудно увидеть, почему это возможно. Богиня, которая открывалась иницируемым во время мистерий в самом соблазнительном виде, была также известна как самая безжалостная и жестокая, когда дело касалось наказания тех, кто раскрывал тайны Мистерий; поскольку каждый виновный беспощадно предавался смерти (Potter. Antiquities, “Eleusinia”). Таким образом, держащая чашу богиня была в одном своем аспекте была Венерой, богиней распущенности, в другом — Немезидой, неумолимой и безжалостной ко всем тем, кто восстал против ее власти. Примечательный тип женщины, которую увидел Иоанн и в одном случае назвал ее “мать блудницам”, а в другом — описал ее как “пьяную от крови святых”!

Глава II.

Предметы поклонения.

Часть I.

Триединство.

Если между вавилонской и римской системами существует сходство, то возникает вопрос: “Прекращается ли такое сходство только на этом?” Ответ: “Как раз наоборот”. Только мы рассмотрели древнюю систему вавилонских Мистерий, легших в основу всей римской структуры, как становится видно, как много чего другого Римская Церковь позаимствовала у Вавилона. Эти мистерии долгое время оставались прикрыты мраком, но теперь мрак рассеивается. Каждый, кто хоть немного знаком с литературой Греции, Египта, Финикии или Рима, знает о том месте, которое Мистерии занимали в этих странах, и что какими бы ни были различия в деталях, в главном эти Мистерии одинаковы в разных странах. То, что Вавилон является первоначальным источником всех этих систем идолопоклонства (на что указывает уже цитировавшееся место из Иеремии), подтверждается выводами большинства историков, основанными чисто на исторических данных. Исследователь древних текстов Зонарас так говорит об арифметике и астрономии древности: “Известно, что сначала эти дисциплины пришли от халдеев к египтянам, а от тех — к грекам”. Если арифметика и астрономия пришли в Египет и Грецию от халдеев, то вполне очевидно, что греки и египтяне, видя священные ритуалы халдеев, воспринимавшиеся как тайную священную науку, монополизированную священниками, позаимствовали у них и религию. Бунсэн и Лаярд также пришли к одинаковым выводам. Бунсэн утверждает, что религиозная система Египта происходит из Азии и “ранней империи в Вавилоне”. Лаярд, хоть и имеет более благосклонный взгляд на систему халдейских волхвов, также говорит о ней: “Относительно древнего поклонения идолам существует достаточно свидетельств, что первоначально оно возникло среди жителей ассирийских равнин. Об этом говорит как священная, так и светская история. Халдейская система получила эпитет совершенной и считалась самой древней из религиозных систем, предшествовавшей египетской. Отождествление многих ассирийских доктрин с египетскими подтверждается высказываниями Порфирия и Клементя”. И в связи с той же самой темой он цитирует следующие строки другого автора (Бирча) о

вавилонских памятниках письменности: “Знаки зодиака недвусмысленно показывают, . . . что греки заимствовали свое понимание расположения знаков зодиака (и в конечном итоге, связанной с ними мифологии) у халдеев. Тожество Нимрода с созвездием Ориона вполне вероятно”. Уваров также приходит к такому же заключению в своей работе об эллинистических мистериях. После упоминания того, что египетские священники приписывали себе честь передачи грекам первых элементов политеизма, он заключает: “Эти факты достаточно убедительно доказывают, что Мистерии, насажденные на греческой земле и соединенные с целым рядом местных особенностей, никогда не утратили сути своих первоначальных нравственных и религиозных идей. Все эти разрозненные факты, все отрывочные свидетельства вновь и вновь указывают на этот плодотворный принцип, делающий Восток центром науки и цивилизации”. Таким образом, у нас имеются свидетельства того, что религиозная система финикийцев проистекает из того же самого источника. Макробиус показывает, что отличительные черты финикийского идолопоклонства были, должно быть, ввезены из Ассирии, которая, согласно древним писателям, включала и Вавилонию. “Поклонение Венере, — говорит он, — когда-то процветало среди ассирийцев точно так же, как и среди финикийцев”.

А теперь для определения сходства между двумя системами древнего Вавилона и Папского Рима нам следует просто проследить, насколько сильно папство соотносится с системой вавилонских мистерий. При проведении такого исследования мы столкнемся с определенными сложностями; как в геологии невозможно копать все время в одном направлении вглубь, чтобы находить один пласт земли за другим, так же не следует ожидать полного и исчерпывающего описания каждой из систем. Но, как геолог, исследуя содержимое расщелины тут, возвышенности — там, исследуя самые различные материалы с поверхности, может понять порядок и последовательность земных пластов, так и мы можем исследовать вопросы, связанные с халдейскими мистериями. То, чего не достает в описаниях одной страны, можно найти в другой, и то, что разбросано по разным направлениям, в большой степени определяет то, чего прямо не видно на поверхности. Опершись, таким образом, на предполагаемое сходство вавилонского происхождения древних мистерий в Египте, Греции, Финикии и Риме в качестве ключа для проведения наших исследований, давайте шаг за шагом сравним доктрины и практику двух Вавилонов — Вавилона из Ветхого Завета и Вавилона из Нового.

Здесь, прежде всего, я должен указать на сходство *объектов поклонения* в Вавилоне и в Риме. Древние вавилоняне, так же как и современные католики, признавая *на словах* одного Всевышнего, вместе с тем поклоняясь бесчисленным мелким божествам, которые якобы обладали различным воздействием на человеческую жизнь, они выразительно признавали существование *единственного* бесконечного и всемогущего Творца, стоя-

щим над всем. Большинство других народов делало то же самое. “В ранние дни человечества, — говорит Уилкинсон в книге *Древние египтяне*, — существование единственного и всемогущего Творца, создавшего все, было, похоже, *всеобщим верованием* и по традиции передавалось из поколения в поколение, и позже было принято всеми цивилизованными народами”. “Религия готов, — говорит Маллет, — учила о существовании Всевышнего, Повелителя Вселенной, Которому подчинялось все и вся” (*Tacti. de Morib. Germ.*). Древняя исландская мифология называет его “Автором всего существующего, вечного, живого и устрашающего, исследующего тайное, Того, Кто никогда не изменяется”. Ему приписываются “неограниченная власть, неограниченные знания и неподкупная справедливость”. У нас есть свидетельства того, что точно так же верили и в древнем Индостане. Хотя современные индусы и верят в миллионы богов, оригинальные священные индийские книги показывают, что изначально было не так. Майор Мур, говоря о Брахме, верховном боге индусов, пишет: “Нет изображения того, кто так велик” (Веды). Он “освещает все, доставляет всем наслаждение, благодаря которому они живут и к которому они возвращаются” (Веды). Он описывается как “тот, кого может постичь лишь разум; чья сущность исключает внешние органы, у которого нет видимых частей, кто существует с вечных времен. . . , душа всякого существа, непостижимый ни для одного из существ”. В этом отрывке просматривается существование пантеизма, но сам язык свидетельствует о существовании когда-то у индусов намного более чистой веры.

Нет, не только древние индусы высоко ценили понятие о *естественных* совершенствах Всевышнего, но есть свидетельства, что они были прекрасно осведомлены о величественной сущности Всевышнего, которая открывалась в Его обхождении с погибшим и виновным миром. Само имя Брахмы указывает на бесконечного и вечного бога. По поводу значения этого имени имеется достаточное количество самых различных и противоречивых мнений, но при их внимательном рассмотрении становится очевидно, что имя Брахм (Brahm) — это измененное еврейское слово “рхм” (rhm) с префиксом-дигаммой, часто встречающейся в словах, заимствованных санскритом из еврейского и халдейского языков. “Рхм” (“рухам”) в еврейском языке обозначает “милостивый или сострадательный”. Но слово “рхм” обозначает также *матка* или *внутренности*, как местонахождение сострадания. То, что слово “Брахма” употребляется исключительно по отношению к верховному богу, можно объяснить лишь тем, что оно имеет то же значение, что еврейское “рхм”. В одной из священных индуистских книг бог Кришна, обращаясь к верховному божеству, говорит такие слова: “Великий Брахма — моя *матка*, и в него я помещаю мой зародыш, из которого произойдет вся природа. Великий Брахма является *маткой* различных форм существ, зачинаемых в каждой естественной матке”. Как такие слова могли быть употреблены по отношению к вер-

ховному богу, самому святому и главному над всеми остальными богами, кроме как в связи с “рхм” (матка) и “рхм” (милостивый)? Мы также узнаем, что “Брахм” — это то же самое, что и “Эр-раман” (всемилолюбивый) — титул, употребляемый турками по отношению к Всевышнему. Продолжая такую интерпретацию имени Брахма, мы видим истоки религиозного знания, которые почти совпадают с истинным описанием событий, содержащимся в Бытии. Хорошо известно, что брахманы, высшая каста священников, для обоснования своего верховенства над другими кастами на протяжении многих веков заставляли их поклоняться им по причине якобы того, что в отличие от других каст, созданных из рук, тела и ног Брахмы — видимых проявлений невидимого Брахмы, они, брахманы, вышли изо рта Брахмы. В их священных книгах содержатся доказательства того, что *когда-то* было другое учение. В одной из книг Вед говорится, что “все существа были созданы из *рта* Брахмы”. Если отбросить все языческие напластования, то, скорее всего, имелось в виду, что Тот, Кто после грехопадения был явлен людям как “милосердный, долготерпеливый и многомилостивый” (Исход 34:6), в то же самое время был известен как Всемогущий, Который в самом начале *сказал*, и так стало, создавший все своим *Словом*. После всего сказанного всякому знакомому с темой разговора становится понятно, насколько велика мерзость извращения титула Живого и Всемогущего Создателя, титула, который должен быть так дорог каждому грешному человеку. И насколько ужасно выглядит вся эта мерзость, которую можно повстречать в языческих храмах Индии.

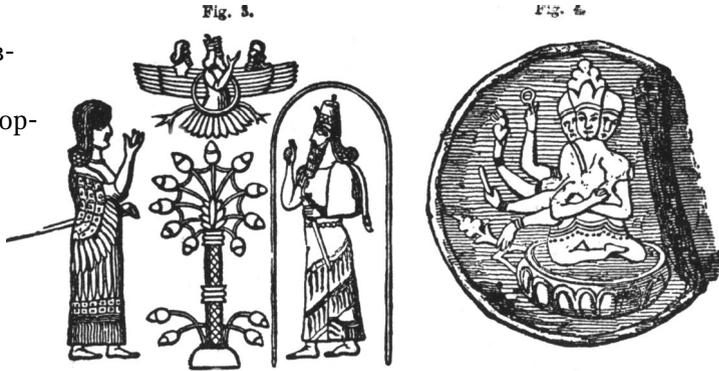
Согласно Ману-смрити, пуранам и Махабхарате, Брахма родился в яйце, плававшем в первобытных водах в виде золотого зародыша. Если в данном случае разговор шел о Брахме, то значение имени Дэва, которое можно перевести как “бог”, очень похоже на это. Это слово происходит от санскритского слова “див” (сиять), что является лишь одной из форм слова “шив”, имеющее такое же значение, которое, в свою очередь, происходит от халдейского слова “зив” (блеск, сияние) (Даниила 2:31). Есть и еще одно возможное происхождение этого имени. Оно могло произойти из халдейского слова “тав” (добрый), которое можно произносить как “тэв”, в эмфатической форме звучащее как “тэва” или “тэво” (добрый).

Вавилонское восприятие Всевышнего было настолько крайне языческим, что Господь, живой Бог, строго осуждает свой народ за попытки подражания в этом халдеям: “Те, которые освящают и очищают себя в рощах, один за другим, едят свиное мясо и мерзость, и мышей, все погибнут, говорит Господь Бог (Исаия 66:17). В традиционных переводах говорится “в рощах”, но в оригинале нет слова “рощи” или “деревья”, и правильный перевод должен звучать “по ритуалам Ахада”, т.е. “Единственного”. Это очень напоминает место из Второзакония, где говорится о единстве Всевышнего: “Слушай Израиль, Иегова, наш Бог, один Иегова, т.е. “единственный Иегова”. Когда вавилоняне хотели подчеркнуть Един-

ство (в смысле триединства), они употребляли слово “Ахад” (Macrobii Saturnalia).

В единстве этого Единственного Всевышнего вавилонян, было три лица. Для символического изображения учения о Триединстве, как это показывают открытия Лаярда, они использовали равнобедренный треугольник, точно также как это делает в наши дни Католическая Церковь. (Лаярд. Вавилон и Ниневия.) Египтяне также использовали треугольник в качестве символа своего “треугольного божества”.

В обо-
их случа-
ях такие срав-
нения чрез-
вычайно оскор-
бительны по
отношению
к Вечному
Царю, и мо-
гут прид-
ти лишь в
голову из-
вращенным

язычникам, если вообще можно только проводить какие-либо параллели между этой фигурой и Тем, Кто сказал: “С кем вы сравните Бога, чему уподобите Его?”

У католиков имеются монастыри так называемых Тринитарианцев (в Мадриде), в которых Триединый Бог изображается с тремя головами на одном туловище. Вавилоняне делали что-то похожее. Лаярд в одной из своих работ приводит пример такого триединого божества, которому поклонялись в древней Ассирии.

У язычников Сибири также был похожий трехголовый бог. В Индии верховное божество в самых древних храмах похожим образом представлено с тремя головами на одном теле. Имя этого идола “Эко Дэва Тримуртти” (один бог, три формы).

В Японии буддисты также поклоняются своему божеству, Будде, с тремя головами под именем “Сан Пао Фу”. Все это существовало с древних времен. Хоть и покрытый налетом идолопоклонства, Триединый Создатель одинаково признавался у всех народов мира, что доказывает, насколько глубоки корни этого древнего учения, которое непосредственно вытекает из книги Бытия.

Когда мы рассмотрим символы триединой фигуры в упомянутой выше книге Лаярда, то обнаружим, что они довольно показательны. Лаярд считает, что круг в этой фигуре означает “время без границ”. Но иероглифическое значение круга, очевидно, другое. Круг у халдеев означал

ноль, а ноль также имел значение “семя”. Без сомнения, арабы заимствовали ноль у халдеев, бывших первыми изобретателями арифметики, геометрии и идолопоклонства. Слово “зэро” (ноль), вполне очевидно, происходит от халдейского “зэр” (окружать), от которого, вне сомнения, произошло вавилонское название великого цикла времени, называемого “сарос” (Vunsen). Вполне очевидна иероглифическая (знаковая) связь между кругом, нулем и семенем.

Следовательно, согласно знатокам мистической системы Халдеи, которая в большой степени основывалась на двойном значении, если для обычного человека кружок обозначал лишь ноль, то посвященные понимали его как “семя”. Теперь, в свете этого, триединая эмблема ассирийского божества ясно показывает, какова была патриархальная вера. Во-первых, там изображена голова человека, потом — ноль, или круг, обозначающий “семя”, затем — крылья и хвост птицы или голубя, показывая тем самым, хоть и в святотатственном виде, единство Отца, Семени (Сына) и Святого Духа. Из места в Книге Бытия 1:2 “и Дух Божий витал (в смысле — махая крыльями) над бездной” (именно так звучит в оригинале), очевидно, что голубь стал священным символом Святого Духа еще в очень давние времена. Хоть для языческого идолопоклонства это и является естественным изображением Триединого Творца, и несмотря на то, что такой метод изображения сохранился до времени Сеннахериба, имеются свидетельства, что в древности вавилоняне имели истинное представление о Триединой личности.

Часть II.

Мать и ребенок, и происхождение ребенка.

Пока разговор шел о теории, о первом лице Творца практически ничего не было сказано. Как Великий и Невидимый, Который не вмешивается непосредственно в дела людей, Он должен был быть “почитаем посредством одной лишь тишины”, т.е. Он совершенно не был почитаем множеством людей. Точно так же происходит в современной Индии. Согласно

священным книгам индуизма, к первому лицу индуистской Триады обращаются через Брахму, хотя никогда и не поклоняются ему (первому лицу), и во всей Индии вряд ли можно найти хотя бы один посвященный ему храм. Точно так же и в странах Европы, где наиболее полно развита папская система. В папской Италии, за исключением некоторых мест, в которых проповедует чистая Благая Весть, все внешнее почитание Вечного и Невидимого Царя почти отсутствует, в то время как Мать и Ребенок являются основными объектами поклонения. Точно так же в этом отношении обстояли дела и в древнем Вавилоне. Вавилоняне, следуя своей распространенной религии, в основном поклонялись Богине-Матери и Сыну, которые были представлены в виде изображений матери с младенцем на руках.

Из Вавилона это поклонение Матери и Ребенку распространилось во все концы земли. В Египте Матери и Ребенку поклонялись под именами Исиды и Осириса. Осириса-ребенка чаще всего называли Хор (Bunsen). В Индии и по сегодняшний день им поклоняются как Иси и Исвару, (Kennedy. *Hindoo Mythology*). Хотя Исвар и является мужем Иси, он также изображается как младенец у ее груди. в Азии — как Сибиле и Дэоису, в языческом Риме — Фортуне и Юпитеру-пуэру, или мальчику Юпитеру,

в Греции — как Церее, Великой Матери с младенцем у груди, или Ирэне, богине Мира с мальчиком Плутусом на руках. Само имя, которым итальянцы обычно называют Деву, является всего лишь переводом одного из титулов вавилонской богини. Как Баал и Бэл были в Вавилоне именами важного мужского божества, так же и божество женского рода называлось Бэлтис. Это имя было найдено в Ниневии, где употреблялось по отношению к “Матери богов”, а также приписывалось Навуходоносо-ру. Оба титула “Бэл и Бэлтис” сочетаются как титулы важных вавилонских бога и богини. Греческим вариантом Бэла, представляющим самый высший титул вавилонского бога, несомненно, был Баал “Господин (Господь)”. Бэлтис, таким образом, как титул женского божества был эквивалентен “Баалти”, что переводится как “Моя Госпожа”, а на латинском языке — “*Mea Domina*”, в итальянском языке превратившаяся в хорошо известную “Мадонну”. В связи с этим следует отметить, что имя Юноны, классической “Царицы Небесной”, которую греки звали Гера, также обозначает “Госпожа”, и что особым титулом римской Сибилы, или Реи, была “*Domina*” (Госпожа). Более того, есть основания полагать, что имя Афина, известная также под именем Минерва, имеет точно такое же значение. Еврейское слово “адон” (Господь), при наличии точек произносится как “атон”. У нас есть данные, что это имя было известно азиатским грекам, главным образом от которых идолопоклонство распространилось на европейскую часть Греции, где Всевышнего называли “Атан”. Евстахий, когда писал о местных именах в лаодикийской местности, замечал: “Атан — бог”. Женская форма слова “Атан” (Господь) на аттическом диалекте была Атэна (Афина) — “Госпожа”.

Без сомнения, Минерва обычно считалась девственницей, но из некоторых древних источников мы узнаем, что от Гелиоса (или Солнца) она стала матерью Корибанта. Вполне определенно, что египетская Минерва, бывшая прототипом афинской богини, была матерью и именовалась “Матерью богов”.

Даже в Тибете, в Китае и в Японии иезуитские миссионеры были поражены тем, что обнаружили тамошний вариант Мадонны с ребенком, которой поклонялись так же ревностно, как и в самом папском Риме. Китайская Шинг Му, Священная Мать, была изображена с ребенком на руках в сиянии славы вокруг нее, все равно как ее нарисовал католический художник. (Crabb. Mythology.) Исследователь Гуцлафф считал, что Шинг Му была, должно быть, заимствована из папских источников, и нет сомнения, что в тех случаях, когда разговор идет о ней, были смешаны языческие и христианские истории. Но Сэр Дж. Ф. Дэвис показывает, что китайцы Кантона видят аналогию между их языческой богиней Куаньин и папской Мадонной и в разговоре с европейцами они часто называют их одним и тем же титулом. Первые иезуитские миссионеры в Китае также писали домой в Европу о том, что они нашли упоминания в китайских

священных книгах, языческих, естественно, о матери и ребенке, очень похожих на их собственную Мадонну и ребенка. Одно из имен китайской Святой Матери — Ма Цупо, о чем более подробно вы прочитаете ниже.

Примечания: Шинг Му и Ма Цупо в Китае

Имя Шинг Му, употребляемое китайцами по отношению к их “Святой Матери”, при сравнении с другим именем той же самой богини, но в другой провинции Китая, сильно наводит на мысль, что Шинг Му — всего лишь синоним одного из известных имен богини-матери Вавилона. Гилеспи утверждает, что в провинции Фу-киен китайской богине-матери, или “Царице Небесной”, моряки поклоняются под именем Ма Цупо. “Ама Цупа” обозначает “Пристально смотрящая Мать”, и имеется достаточно причин полагать, что Шинг Му обозначает то же самое, поскольку “Му” была одной из египетских форм имени “великой матери” Мут или Маут. У халдеев это имя звучало как “Шнг”, что значило “смотреть” или “всматриваться”. Египетская Му или Маут символизировалась коршуном или глазом в окружении крыльев коршуна (Wilkinson). Символическое значение коршуна можно узнать из следующего места Священного Писания: “Пути туда не знает хищная птица, и глаз коршуна не видал ее” (Иов 28:7). Коршун был известен своим острым зрением, и, следовательно, глаз в окружении крыльев коршуна показывал, что по той или иной причине “великая мать” египетских богов была известна как “всматривающаяся”. Но сама идея, заключенная в египетском символе, была, очевидно, заимствована из Халдеи, поскольку “Рея”, одно из наиболее известных имен вавилонской матери богов, является лишь халдейской формой еврейского слова “раа”, что обозначает одновременно “всматривающуюся женщину” и “коршуна”. Еврейское слово “раа” в некоторых диалектах также произносится “реа”, отсюда и имя ассирийской “великой матери-богини”; иногда было Реа, а иногда — Рея. В Греции точно такое понятие было об Афине или Минерве, которая, как мы уже видели, в некоторых местах считалась *Матерью детей солнца*. Одним из ее отличительных титулов был “Офтальмитис”, что характеризовало ее как богиню *глаза*. Это, несомненно, указывало на то же самое, что и в случае с египетской Маут, которая на голове носила коршуна: афинская Минерва имела на голове шлем с двумя глазами или отверстиями для глаз.

Таким образом, проследив за распространением по земле смотрящей матери, возникает вопрос: “Откуда могло произойти имя этой матери богов?” Исчерпывающий ответ на это дает отрывок из Санчуниатона, касающийся финикийской мифологии. Там говорится, что Рея зачала от Кроноса, который был ее братом, и при этом он был известен как отец богов, и впоследствии от него родился сын по имени Мут, т.е., “Смерть”, если правильно истолковывать слово в соответствии со словарем (Philo-

Byblius). Санчуниатон проводит четкую грань между этим “отцом богов” и “Типсistosом” (Всевышним). Мы, естественно, вспоминаем в связи с этим, что Гесиод сказал о Кроносе, отце богов, который за определенный злой поступок был назван Титаном и низвержен в ад.

Кронос, о котором говорит Гесиод, очевидно, не тот Кронос, который был человеческим отцом богов, или Нимрод, чьей истории в книге уделено много места. Этот Кронос — ни кто иной, как сам сатана. Имя Титан, или, как иногда говорили, Тэйтан, является всего лишь халдейской формой от Шейтан, имени врага, распространенного у арабов в той местности, где первоначально зародились халдейские мистерии, — Врага, который был настоящим отцом всех языческих богов, и символом которого (он добавил себе еще и титул “Кронос” (Рогатый), что вполне ему подходит) был Керастес или *Рогатый змей*. Все “братья” этого отца богов, участвовавшие вместе с ним в восстании против своего отца — “владыки небес”, получили постыдные имена “Титанов”. Но, поскольку бунт возглавлял он сам, то был самым главным Титаном.

А теперь предположим, что у этого “отца богов” и Реи, чей распространенный титул был “мать богов” и отождествляющейся с Геей, или Матерью-землей, имелся ребенок по имени Мут, или Смерть. Кем еще могла быть эта мать, как не Евой? В этом отношении чрезвычайно важно имя Рея (Смотрящая). Именно благодаря “смотрению”, мать человечества была искушена сатаной и дала рождение смерти, под игом которой люди стонут и по сегодняшний день. Через ее глаза была установлена первая связь между ней и самым главным Врагом в облики змея, чье имя Нахаш, согласно Ветхому Завету, значит “внимательно смотреть” или “пристально глядеть”. “И увидела женщина, что дерево хорошо для пищи и что оно приятно для глаз и вожделенно, потому что дает знание; и взяла плодов его и ела; и дала также мужу своему, и он ел” (Бытие 3:6). Здесь, таким образом, мы имеем родословную греха и смерти. “Нечистое желание зачинает и порождает грех, а сделанный грех ведет к смерти” (Иакова 1:15). Хоть Мут, или Смерть, был сыном Реи, разговор идет именно о родственном отношении и не о смерти как абстрактном понятии, а о боге смерти; следовательно, Мут понимался не только как смерть, но и как Плутон. В римской мифологии Плутон почитался и ставился на один уровень с Юпитером (Ovid, *Fasti*). А в Египте есть аналогичный пример Осириса, “семени женщины”, “Господина неба” и царя ада, или “Плутона” (Wilkinson; Bunsen). На великом множестве примеров можно показать (многие из которых приведены в данной книге), что речь идет ни о ком другом, как о самом дьяволе, который, согласно этим языческим мифам, воплотившись, совратил женщину, принес в мир грех и смерть, и тем не менее, благодаря всему этому, дал человечеству немалые выгоды. Поскольку имя “Плутон” означает то же самое что и “Сатурн” (скрытый), поэтому независимо от того, какие бы другие аспекты это имя не име-

ло, оно употреблялось по отношению к отцу богов — сатане, Скрытому Господину ада. Если проанализировать различные мифы о Сатурне, то можно увидеть, что вначале он был Дьяволом, отцом всякого греха и идолопоклонства, который скрылся под обликом змея, и Адамом, который прятался среди деревьев сада, и Ноем, который целый год скрывался в ковчеге, и Нимродом, который был скрыт за секретностью вавилонских мистерий. Именно для прославления Нимрода была создана вся халдейская система идолопоклонства. Он был известен как Нин (сын), а его жена — как Рея, которую звали также Аммас (Мать). Имя Рея в применении к Семирамиде имело еще и значение, которое, в сущности, было древней богиней, — “мать богов и людей”. Но для того, чтобы придать ее личности необычайно важное значение, ее и нужно было отождествить с древней богиней. И поэтому, хоть ее сын, которого она держала в руках, представлялся как рожденный для уничтожения смерти, она сама часто изображалась как принесшая в мир смерть. То же самое было и в различных странах, везде, где распространилась вавилонская система.

Часть III.

Ребенок в Ассирии.

Оригиналом этой так широко почитаемой матери была Семирамида, о которой мы уже упоминали. Хорошо известно, что под именем Рея ей как великой богине “Матери” поклонялись в Вавилоне и других восточных странах. Сэр Х.Роллинсон, найдя в Ниневии свидетельства существования Семирамиды за шесть или семь веков до нашей эры, посчитал, что это была *единственная* Семирамида из когда-либо существовавших. Но это опровергается всей историей. Тот факт, что Семирамида существовала еще в незапамятные времена, не подлежит никакому сомнению, хоть некоторые события, связанные с этой Семирамидой, позже были приписаны царице, жившей после нее. Лаярд не согласен с мнением сэра Х.Роллинсона.

Всю славу, поклонение и обожествление она получила благодаря своему сыну. Этот сын, хоть и представлен как ребенок на руках у матери, был человеком большого роста и невероятной физической силы, равно как обладал большим личным обаянием. В Священном Писании он упоминается по имени Таммуз (Иезекииль 8:14), но среди классических античных авторов он больше известен как Бахус, что значит “Оплакиваемый”. От “баха” (“плакать” или “рыдать”). По словам Хесихиуса, среди финикийцев слово “Бакхос” означало “плачущий”. Женщины оплакивали Бахуса точно так же, как они оплакивали Таммуза.

Для обычного читателя имя “Бахус” ассоциируется исключительно с пьянством и разгулом, но хорошо известно, что наряду с мерзостями, которые сопровождали его оргии, главным назначением празднований в его

честь (вакханалий) было “очищение душ” от вины и скверны греха. Этот оплакиваемый ребенок, которому поклонялись на руках у матери, на самом деле был мужем Семирамиды. Его имя Нин, под которым он обычно и упоминается в истории, буквально значит “Сын”. Поклонение Семирамиде как великой богине-Матери по имени Рея и ее мужу, одновременно и ее же сыну по имени Нин (Нинус), было очень широко распространено среди древних народов. Среди греков Рея была известна под именем Аммас. “Аммас” является греческой формой халдейского слова “ама” (мать). Несомненно, что это является объяснением долгое время мучающей исследователей загадки того, почему Нина иногда называли *мужем*, а иногда — *сыном* Семирамиды.

Это объясняет также аналогичную странную связь между Исидой и Осирисом, матерью и ребенком у египтян. По данным Бунсэна, Осирис в Египте был представлен одновременно как сын и муж своей собственной матери. Одним из его почетных титулов был “Муж Матери”. Это проливает дополнительный свет на ранее упомянутый факт того, что индийский бог Исвара изображался как ребенок у груди своей собственной жены Иси, или Парвати. Нужно заметить, что это же самое имя “Муж Матери”, данное Осирису, широко используется и по сей день, хоть люди и не отдают отчет тому, каково его происхождение. Геродот упоминает, что во время пребывания в Египте он поражался тому, что египтяне исполняли широко распространенную в его родной Греции траурную, но вместе с тем торжественную, “Песню Линуса” (правда, под другим именем). Линус был таким же самым богом, что и греческий Бахус, или египетский Осирис. В “Илиаде” Гомер пишет о мальчике, поющем песню Линуса во время сбора урожая винограда, а Схолиаст говорит, что эту песню пели в память о Линусе, которого в клочья разорвали собаки. Эпитет “собаки”, сказанный по отношению к тем, кто разорвал Линуса на части, употреблен в мистическом смысле. Мы скоро увидим, что другое имя — Нарцисс, под которым он известен, прекрасно отождествляет его с греческим Бахусом и египетским Осирисом. В некоторых местах в Египте для исполнения песни Линуса, или Осириса, использовалась особая мелодия. Савари говорит, что в храме Абидоса “священник произносил семь гласных звуков в форме гимнов, а музыкантам запрещалось их сопровождать”. Страбо, на которого ссылается Савари, называет собаку этого храма Мэмнон. От Уилкинсона мы узнаем, что Осирис был великим богом Абидоса. Отсюда следует, что Мэмнон и Осирис были лишь разными именами одного и того же бога. В Египте имя Линуса, или Осириса, как “мужа своей матери”, было Камут (Bunsen). Когда Григорий Великий ввел в католической церкви то, что сейчас называется григорианским пением, он перенял его из халдейских мистерий, практиковавшихся в Риме задолго до него. Католический священник Евстасий признается, что это пение было в большой степени основано на “лидийских и фригийских мелодиях” (*Classical Tour*).

Как известно, Лидия и Фригия были в числе основных центров мистерий, тогда как египетские мистерии были лишь ответвлением от них. Эти мелодии были священны, это была музыка великого бога, и, введя их в католическую церковь, Григорий ввел музыку Камута. На сегодняшний день имя языческого бога носит известный всем музыкальный термин — гамма (У Хислопа по-английски “gamut”), состоящая из “семи гласных звуков”, которые в свое время звучали как гимн Осирису.

Подробные описания этого самого Нина, или “Сына”, которого держит на руках вавилонская Мадонна, полностью отождествляют его с Нимродом. Трогус Помпеус, которого цитирует Иустин, говорил: “Нин, царь ассирийцев, движимый новой страстью — жадой завоеваний, прежде всего изменил весь древний уклад жизни. Он был первым, кто стал воевать со своими соседями и завоевал все народы от Ассирии до Ливии, поскольку те не были знакомы с искусством войны”. Название “ассириец”, как мы уже говорили, имело среди древних классических авторов очень широкое толкование, включая в их число как вавилонян, так и собственно ассирийцев.

Это описание непосредственно применимо к Нимроду и больше ни к кому другому. Описание Диодоруса Силуса полностью соответствует этому и добавляет некоторые дополнительные факты, помогающие представить себе эту личность. Вот это описание: “Нин является самым древним из ассирийских царей, которого упоминает история, и он совершил великие деяния. Будучи от природы очень воинственным и страстно желающим славы великого воина, он вооружил значительное количество молодых мужчин, которые мужеством и силой были подобны ему, на протяжении длительного времени учил их, заставляя выполнять тяжелые задания и преодолевать трудности, благодаря чему они могли с легкостью переносить невзгоды войны и неустрашимо смотреть опасности в лицо”. Поскольку Диодорус называет Нина “самым древним из ассирийских царей” и зачинщиком войн, которые подняли его власть на невероятную высоту во времена покорения им вавилонского народа еще тогда, когда самого Вавилона еще не существовало, это показывает, что он занимал положение, которое как раз и занимал Нимрод, о котором Писание говорит как о “начавшем быть сильным на земле” и что его царствование *началось* в Вавилоне.

После смешения языков вавилонских строителей, когда они рассеялись по всей земле и, таким образом, покинули как город, так и башню, строительством которой они занимались, Вавилон не имел какого-нибудь существенного значения до тех пор, пока Нимрод не основал в нем центр своей власти и не начал расширять свое могущество. Это стало началом возвышения Вавилона как города. В этом отношении истории Нина и Нимрода в точности совпадают. То, как Нин приумножил свою власть, абсолютно точно напоминает стяжание власти Нимродом. Нет сомнения,

что постепенно приучая своих последователей трудностям и опасностям военного дела, он научил их владеть оружием и подготовил их в качестве своих помощников по расширению своих владений, так же, как делал Нин, долгое время наставляя своих соратников “в трудных упражнениях и учениях”. После этого они стали пригодны для возведения его на престол в качестве первого ассирийского царя.

Выводы, основанные на таких свидетельствах древней истории, в большой степени подкрепляются многими дополнительными факторами. В книге Бытия (10:11) содержится место, которое при правильном понимании проливает очень яркий свет на данный предмет. Это место в традиционных переводах звучит так: “Из этой земли вышел Ассур и построил Ниневию”. Примечательно, что Ассур поселился в *непосредственной близости* с Нимродом и основал такое же могущественное царство, как и у Нимрода, и построил *четыре* города, причем особо сказано, что один из них был “великий” (стих 12). Нимрод также построил четыре города, но ни один из них не называется “великим”. Поэтому крайне маловероятно, чтобы Нимрод мог тихо наблюдать, как рядом с ним спокойно развивается такой могущественный соперник. Чтобы разрешить такое противоречие, многие ученые предлагали переводить десятый стих так: “Из этой земли он (Нимрод) вышел в Ассур, или Ассирию”. Но тогда, согласно обычным грамматическим правилам, в оригинале должно было бы быть слово “Асура” с соответствующим аффиксом, обозначающим движение, тогда как здесь говорится просто “Ассур”, без всяких аффиксов с признаками движения. Я убежден, что вся сложность понимания этого места, поставившая комментаторов в тупик, вытекает из предположения, что “Ассур” — это имя собственное, тогда как в действительности здесь нет никакого собственного имени. “Ассур” — это пассивная причастная форма глагола, переводящаяся с халдейского как “делать *сильным, усиливать*”. Если взять за основу такое прочтение, то весь отрывок (стих 10) становится прост и ясен для понимания: “И началом его (Нимрода) царства был Вавилон, Эрех, Аккад и Халне, в земле Сеннаар”. Начало естественным образом подразумевает успех в чем-то. В чем — мы видим далее в стихе 11: “Из этой земли вышел дальше, когда стал силен (Ассур), и построил Ниневию, Реховофир, Калах”. Вот теперь все в точности согласуется со словами из изложения древней истории Иустином: “Нин *усилил* размеры своих новых владений путем постоянных захватов. Подчинив себе силой соседей и *усилив* свои войска, он пошел против других племен, и каждая новая победа прокладывала ему путь к новой. Так он покорил народы Востока”. Таким образом, Нимрод, или Нин, был строителем Ниневию, о чем свидетельствует само название города как “места обитания Нина”, к тому же объясняющее тот факт, что название главной части руин Ниневию в наши дни называется “Нимрод”.

Взяв за основу предположение, что Нин — это Нимрод, можно объ-

яснить необъяснимые по-другому факты древней истории. Сказано, что Нин (Нинус) был сыном Бэлуса, или Бэла, а Бэл, как известно, был основателем Вавилона. Если Нин действительно был первым царем Вавилона, как тогда может быть, что Бэлус, или Бэл, его отец, также называется основателем Вавилона? Подходят оба варианта, если мы присмотримся к тому, кем был Бэл и чем он занимался. Если Нин был Нимродом, то кем был исторический Бэл? Он должен был быть Кушем, потому что именно “Куш (Хуш) родил Нимрода” (Бытие 10:8), а Куш обычно называется предводителем великого отступления от истинной веры. А Куш, в свою очередь, как сын Хама, был Гер-месом (более правильно – “Хэр-мэс/Эр-мэс (Her-mes)” или Меркурием, потому что “Хэр-мэс” — это всего лишь египетский синоним для слова “сын Хама”. Gregorius Turonensis, *De rerum Franc*, Григорий приписывает Кушу то, что обычно приписывают его сыну, но слова Григория показывают то, как об этом думали в его дни, что полностью согласуется с другими источниками, т.е. Куш был предводителем отступников от истинного поклонения Всевышнему. Слово “Хэр-мэс” образовано “Хэр” и “Мэс”. “Хэр” является халдейским синонимом имени “Хам”, или “Кхэм” (горящий). “Хам”, как и “хэр”, значит “горячий или горящий”, что отождествляет Хама с “Солнцем”, тем самым обожествляя великого патриарха, чьим именем, как связанным с солнцем, была названа Египетская земля. В более поздние времена Кхэму, или Хаму, открыто поклонялись в земле Хам (Bunsen), но на раннем этапе это было слишком смело. Сначала нужно было проложить дорогу для такого поклонения при помощи синонима “Хэр”. “Хэр” — это имя Хора, который отождествлялся с солнцем (Bunsen), что указывает на настоящую этимологию этого имени. Вторая часть имени Хэр-мэс — “мэс”. “Мэс” образовано от “Мэшех”, или, без последней части корня, “Мэш” (*выявляться, выходить*). В египетском языке “мс” значит “производить, порождать” (Bunsen, *Hieroglyphical Signs*, что является еще одной формой того же самого слова. “Мс” также употребляется и в пассивной форме (Bunsen, *Vocabulary*). Латинский вариант слова “Мэшех” звучит как “Extrahit”, что указывает на *рождение*. Этот самый подход объясняет значение имен египетских фараонов Рамзэса и Тотмэса: Рамзэс — “Сын Ра”, Тотмэс — “сын Тота”. Точно так же Хэрмэс — это “Сын Хэра”, или Хама (горящего, горячего), т.е. Куша.

Гермес был оригинальным великим пророком идолопоклонства, поскольку язычники признавали его за автора их религиозных ритуалов и истолкователя воли богов. В качестве бога пророчеств Гесениус отождествляет его с вавилонским Нэбо, а место из Хигинуса показывает, что он был известен как главная движущая сила, вызвавшая смешение языков. Вот что пишет Хигинус: “На протяжении многих веков люди жили под управлением Юпитера, без городов и без законов, и все говорили на одном языке. Но после того, как Меркурий истолковал речь людей (поэтому истолкование называется герменевтикой), он же и рассеял народы.

Тогда начались разногласия”. (Hyginus, *Fab.* Автор пишет, что в это время Форонэус был царем.)

Здесь имеется очевидная загадка. Зачем Меркурию, или Гермесу, вообще нужно было истолковывать речь людей, если они “говорили на одном языке”? Для ответа на этот вопрос нам следует обратиться к языку Мистерий. “Пэрэш”, что по-халдейски значит “истолковывать”, у древних египтян и греков, и часто у самих халдеев, произносилось как “пэрэс” (разделять). Тогда получается, что Гермес, или Куш, “сын Хама”, был “разделителем речи людей”. Выглядит, что он был главным предводителем строительства великого города и Вавилонской башни, а хорошо известный титул Гермеса — “истолкователь богов” — помог людям поверить в то, что строительство башни было санкционировано свыше, в результате чего они оказались рассеянными по лицу земли. А теперь обратите внимание на имя Бэл, или Бэлус, которое в связи с этим носил отец Нина, или Нимрода. Тогда как греческое имя Бэлус относится как к Баалу, так и к халдейскому Бэлу, они, тем не менее, были двумя разными титулами. Оба этих титула носил один и тот же бог, но они имели совершенно разное значение. Титул Баал, как мы уже увидели, значил “Господин, Господь”, а Бэл значил “приводящий в смущение”. Поэтому, когда мы читаем, что Бэл, отец Нина, был основателем Вавилона, может ли быть сомнение относительно значения титула “Бэл” в смысле “приводящий в смущение”? По поводу этого значения имени вавилонского Бэла в Священном Писании имеется очень выразительное упоминание: “Бэл посрамлен” в смысле “Приводящий в смущение посрамлен”. То, что Куш в древности был известен как Бэл, “Приводящий в смущение”, ясно доказывается местом из Овидия. Разговор идет об отрывке, где говорится, как Янус, “бог богов”, (Так называли Януса в самых древних гимнах Салии. (Macrobius, *Saturn.*) от которого произошли все остальные боги, говорит сам о себе: “Древние. . . называли меня Хаос”.

Прежде всего это ясно показывает, что Хаос был известен не просто как состояние беспорядка (смятения), но был “богом Беспорядка”. Но всякому, знакомому с правилами халдейского произношения, известно, что Хаос — это еще одна установившаяся форма имени Хус, или Куш. Если взглянуть на символ Януса, которого “древние называли Хаос”, то мы увидим, насколько точно он соответствует деяниям Куша, когда тот отождествляется с Бэлом, “Вызывающим смущение”. Этот символ — дубинка. В халдейском языке слово “дубинка” образовано от того же самого слова, которое значит “разбивать вдребезги или *рассеивать*”. Имя Куш звучит также как Хус, поскольку в халдейском языке “ш” часто переходит в “с”, а “Хус” при произношении становится Хаюс, или без “у” — “Хаос”. Sir Wm. Betham’s *Etruscan Literature*

and Antiquities Investigated, 1842. На обратной стороне медальона этрусков имеется надпись “Бэл-атри” (Господин высматривающих), которое, вероятно, было дано Янусу в связи с его известным титулом “Янус Теэнс”, что можно перевести как “Янус Провидец”, или “Всевидящий Янус”.

В Притчах (25:18) молот, или дубинка, названы словом “мэфаиц”. У Иеремии (51:20) то же самое слово без буквы “йод” используется для обозначения дубинки (в традиционных переводах оно переводится как *боевой молот*), предназначение которой не разрубить, а именно “дробить, разбивать вдребезги”.

Тот, кто стал причиной смешения языков, был и тем, кто “раздробил” прежде единую землю (Gen 11:1) и рассеял ее осколки. Понятно, насколько значительна дубинка в качестве символа деяний Куша в ипостаси Бэла, “Смущающего”. И эта важность становится более очевидна, когда читатель обратится к еврейскому оригиналу книги Бытия (11:9) и увидит то самое слово, от которого образовано слово “дубинка”, слово, описывающее последствия смешения языков, когда люди оказались рассеяны по всей земле. Слово, переводящееся как “рассеивать по всей земле”, в оригинале звучит как “хэфаиц”, в греческом языке становящееся “хэфаизт”, откуда становится понятна этимология имени Хэфаистос, которым называют Вулкана, “отца богов”. Существует множество похожих примеров. Так, “боцра” в греческом языке становится “бостра”, а “мицраим” — “мэстраим”.

Хэфаистос, “Рассеивающий”, было именем предводителя первого бунта, точно так же, как Бэл, “Смешавший языки”, было именем той же самой личности. Здесь читатель может увидеть корни мифа о молоте Вулкана, являющимся еще одним названием дубинки Януса, или Хаоса, “Бога смущения”, которым земля разбивается вдребезги, о чем имеется соответствующее упоминание у Иеремии (50:23), где Вавилон отождествляется с этим древним богом: “Как разбит и сокрушен молот всей земли!” Поскольку строительство башни было самым первым после потопа проявлением бунта, а Куш, как и Бэл, был его предводителем, то он, конечно же, был первым, кто был назван именем Мэродах, “Великий Бунтовщик”. В соответствии с привычным параллелизмом пророческого языка оба имени вавилонского бога идентичны друг другу, когда предсказывается кара для Вавилона: “Вавилон взят, Бэл посрамлен, Мэродах сокрушен, истуканы его посрамлены, идола его сокрушены” (Иеремия 50:2). Слово “Мэродах” образовано от “мэрэд” (восставить, бунтовать) и “дах”, подчеркивающее уникальность или величие.

Каря постигает вавилонского бога в соответствии с тем, что он совершил. В качестве Бэла он “привел в смущение” всю землю, поэтому и он “посрамлен”. В качестве Мэродаха он посредством бунта раздробил единый мир на части, поэтому и его самого сокрушили.

Это то, что мы хотели сказать по поводу исторического аспекта личности Бэла, отождествляемого с Янусом или Хаосом, *богом* смущения, держащим символическую дубинку. Военственные обожествленные цари по линии Куша создавали себе славу тем, что вызывали *смятение, смущение* среди своих врагов, *рассеивали* их армии, и силой своей непреодолимой мощи крошили землю на куски. Именно о таких деяниях древнего Бэла упоминает Иеремия в своем обличении Вавилона. Физическое значение этих имен было также воплощено в дубинке, в той же самой дубинке Януса, врученной греческому Геркулесу, который считался великим реформатором мира, но уже посредством своей физической силы. Двухликий облик Януса с дубинкой на двухстороннем изображении, вероятнее всего, имел целью представление Куша старого и Куша молодого, или Нимрода, как одного целого. Но двухсторонне изображение вместе с другими атрибутами указывало также на “Отца богов”, который, как будет рассмотрено далее, имел особое отношение к воде.

Опираясь на эти умозаключения, нетрудно увидеть, что Бэл, или Бэлус, отец Нина, основал Вавилон, тогда как Нин, или Нимрод, полностью построил этот город. Хотя Бэл, или Куш, первым заложил основание Вавилона, он нигде не называется его первым царем. Нигде в священной или светской истории не говорится о том, что он когда-либо был царем вавилонской монархии, если можно так сказать. В армянской версии “Хроник Евсевия”, имеющих неоспоримую репутацию точного исторического отчета, его имя полностью отсутствует в списке ассирийских царей. Первым здесь стоит имя Нина, что полностью соответствует содержащемуся в Священном Писании описанию Нимрода. Таким образом, поскольку в свете древних исторических источников Нин является сыном исторического Бэла, который, в свою очередь, является Кушем, мы имеем дополнительные доказательства идентичности Нина и Нимрода.

Если посмотреть на то, что сказано о Семирамиде, жене Нина, у нас появляются дополнительные свидетельства. Эти свидетельства окончательно доказывают, что жена Нина (Нинуса) не могла быть никем иным, как женой Нимрода. Более того, она добавляет еще один дополнительный штрих к великой личности, под видом которой Нимрод был обожествлен и почитаем. В книге Даниила (11:38) говорится о боге по имени “Ала Махозин”, т.е. “бог крепостей”. Кем мог быть этот бог крепостей, комментаторы затрудняются сказать. В древних документах о существовании *бога* крепостей, как правило, не упоминается, и обычный читатель не осведомлен о таком боге. Но о существовании *богини* крепостей имеется достаточно свидетельств. Ей была богиня Сибила, которая обычно

изображалась увенчанной короной в виде крепостной стены или башни. Почему Рея, или Сибила, так изображалась? Овидий сам себе задает вопрос и сам же на него отвечает: “Почему на голове у статуи Сибилы имеется корона из башен? Да потому что она первой построила их в городах”. Первым городом в мире после потопа (от чего часто и ведется отсчет времени самого мира), имевшим башни и стены, был Вавилон, а Овидий сообщает нам, что, как верили древние язычники, именно Семирамида, первая царица этого города, “окружила Вавилон кирпичной стеной”. Тогда Семирамида, бывшая первой обожествленной царицей этого города и его башни, вершина которой, как планировалось, должна была достичь неба, стала, должно быть, прототипом для богини, которая “первой построила в городах башни”. Если взглянуть на Диану Эфесскую, мы увидим то же самое. Как правило, Диана считалась девой и покровительницей девственности, но Диана Эфесская совсем другая. Ее изображали со всеми атрибутами Матери богов и как Мать богов она носила корону в виде башни, так что, рассматривая ее статую, трудно не вспомнить о Вавилонской башне. Как раз эту Диану с башней-короной на голове отождествил с Семирамидой древний автор. По словам Лаярда (*Nineveh and its Remains*, один древний ученый считает Семирамиду богиней Артемидой или Дэспоиной. Артемида была Дианой, а титул Дэспойна показывает, что она отождествлялась именно в ипостаси Дианы Эфесской. Ведь “Дэспойна” — это греческий вариант латинского слова “*Domina*” (Госпожа), отличительного титула Реи, или Сибилы, древнеримской богини-строительницы. (Ovid, *Fasti*.)

Когда мы вспомним, что Рея, или Сибила, богиня-строительница башен, фактически была Вавилонской богиней, а Семирамиде после ее обожествления поклонялись под именем Рея, то, как мне думается, не остается никакого сомнения относительно личности “*богини крепостей*”.

Нет никакой причины верить в то, что лишь одна Семирамида построила укрепления Вавилона (хоть так полагают некоторые ученые). У нас имеется достаточно свидетельств древнего историка Мэгафэна, цитируемого Абидэном, что как раз “Бэлус окружил Вавилон стеной”. Но поскольку “Бэл”, Приводящий в смущение, не закончил начатое им строительство Вавилона и его башни, то разговор не мог быть о *нем*. Разговор мог идти только о его сыне Нине, унаследовавшем титул отца и ставшего первым настоящим царем Вавилонской империи, т.е. это был Нимрод. Настоящая причина того, что Семирамида, жена Нина, получила всю славу от окончания укреплений Вавилона, заключается в том, что она сумела приписать достижения своего мужа себе и заставила поверить в это древних идолопоклонников. Если мы установим одну из ипостасей, в которой была обожествлена *жена*, то на основании этого мы сможем узнать о личности ее *мужа*. Лаярд очень четко указывает на веру в то, что Рея, или Сибила, увенчанная башней-короной богиня, была всего лишь женским

аналогом “бога, ответственного за укрепления или крепости”, и что этим богом был Нин, или Нимрод. Из разрозненных древних источников мы также узнаем, что он был первым обожествленным царем Вавилона под именем, которое отождествляет его как мужа увенчанной башней-короной богини Реи. Это имя было Кронос, или Сатурн.

В греческой мифологии Кронос и Рея обычно выступают как брат и сестра. Нин и Семирамида, согласно данным истории, и близко не находились в такой родственной связи друг с другом. Но это совсем не препятствует отождествлению Нина и Кроноса, поскольку, во-первых, отношения богов во многих странах крайне противоречивы. Например, в Египте в разные времена Осирис представлен как сын и муж Исиды, а также как ее отец и брат (Bunsen). Во-вторых, независимо от родственных отношений людей во время их человеческой смертной жизни, после их перехода в разряд богов, у них появляются новые отношения. Для *анофеоза* мужа и жены было необходимо, чтобы они оба были представлены как сверхъестественные дети верховного бога, другими словами, “детьми божьими”. До потопа одним из великих грехов, приведшим человечество к краху, было то, что “Сыны Всевышнего” брали себе в жены “дочерей человеческих”, а не “дочерей Всевышнего”, другими словами, не тех, “которые были бы их духовными *сестрами*” (Бытие 6:2,3). Пока в новом мире доминировало влияние Ноя, превалировала противоположная практика, поскольку “сыны Всевышнего” должны были жениться исключительно на “дочерях Всевышнего” или на своих “*сестрах*” по вере. Иначе и быть не могло. Отсюда благодаря извращению духовной идеи пришло понимание того, что царское достоинство и чистоту царской линии наследников можно сохранить лишь через браки царственных братьев и сестер. Это имело место в Перу (Prescott), в Индии (Hardy) и в Египте (Wilkinson). Отсюда вытекают отношения Юпитера и Юноны, известной как “*soror et conjux*”, — “*сестра и жена*” своего мужа. Отсюда же и аналогичные отношения между Исидой и ее мужем Осирисом. Исида ведь, кроме всего прочего, известна “плачем по своему *брату* Осирису” (Bunsen). Несомненно, что именно по этой причине Рея считалась сестрой своего мужа Кроноса.

Хорошо известно, что Кронос, или Сатурн, был мужем Реи, но мало известно, кем был сам Кронос. Если проследить истоки его происхождения, то окажется, что этот бог был первым царем Вавилона. Феофил Антиохийский показывает, что на востоке Кроносу поклонялись под именем Бэл и Бал, а от Евсевия мы узнаем, что первого из ассирийских царей, чье имя было Бэлус, ассирийцы звали также Кронос. Поскольку оригиналы произведений Евсевия не упоминают ни о каком Бэлусе как царе Ассирии, бывшем до вавилонского царя Нинуса, который является совершенно другой личностью, то получается, что Нинус, первый царь Вавилона, и был Кроносом. Более того, мы знаем, что Кронос был царем циклопов, его братьев, и заимствовал от них свое имя, и что циклопы были известны как

“изобретатели строительства башен”. Ученый по имени Орест, занимавшийся Еврипидом, говорит, что “циклопов называли так потому, что их царя звали Циклоп”. Согласно этому ученому, циклопы считались фракийцами. Орест приводит место из “Прометея” Эсхила, показывающее, что Кронос был царем циклопов: “Циклопы. . . были братьями Кроноса, отца Юпитера”.

Царь циклопов, изобретатель строительства башен, занимал положение, в точности соотносящееся с положением Реи, которая первая построила в городах башни. Если, таким образом, Рея, жена Кроноса, была богиней крепостей, то Кронос, или Сатурн, муж Реи, т.е. Нинус, или Нимрод, являвшийся первым царем Вавилона, должен был быть Ала Махозин (богом крепостей). (см. примечание в конце главы)

Имя Кронос само по себе несколько не подтверждает этого предположения. “Кронос” значит “Рогатый”. Поскольку рог — это хорошо известный на Востоке символ власти или могущества, то Кронос, Рогатый, был, в соответствии с мистической системой, лишь синонимом эпитета *Гербер* (Сильный), употребленного в Священном Писании (Бытие 10:8) по отношению к Нимроду: “Этот начал быть *силен* на земле”. Каждому знатоку классической античной литературы известно, что имя Кронос применимо к Сатурну как “Отцу богов”. Мы уже упоминали еще об одном “отце богов”. Разговор шел о Куше в ипостаси “Приводящего в смущение” Бэла, или Хэфаистоса, “Рассеивающего”. Нетрудно понять, почему, когда началось обожествление смертных людей и “сильный” Сын Куша был объявлен богом, его отец, что полностью вписывается в идолопоклонническую систему, также был обожествлен, естественно, в ипостаси Отца “Сильного” и всех последующих за ним “бессмертных”. Но суть дела в том, что именно Нимрод был *настоящим* Отцом богов, поскольку он был *первым* обожествленным смертным. Следовательно, исторически вполне обоснованно говорить, что Кронос, Рогатый, или Сильный, в классическом Пантеоне известен именно под таким титулом.

Значение этого имени Кронос, “Рогатый”, употребительно к Нимроду полностью объясняет происхождение этого примечательного символа, так часто встречающегося среди скульптур Ниневии. Это гигантский *рогатый* человек-бык. То же самое слово, обозначавшее *быка*, переводилось также как “правитель” или “князь”. В еврейском языке слово, употребляющееся для обозначения быка или правителя, без огласовки звучит как “шур”, в халдейском языке становящееся “тур”. А от слова “тур” в смысле “бык” образовано латинское слово “Taurus”, а от него в смысле “правитель” образовалось “Tigannus”, первоначально не имевшее никакого отрицательного значения. Таким образом, в этих классических словах мы имеем пример действия того же самого принципа, который привел к изображе-

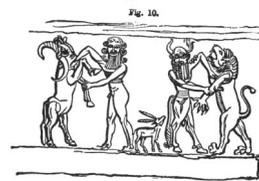

нию обожествленных ассирийских царей в виде человека-быка.

Поскольку “Рогатый бык” значит “Сильный, могущественный князь”, это указывает на него, как на наследника тех самых “Сильных, могущественных”, которые под именами Гуэбры, Габры или Кабири занимали заметное место в древнем мире, которым обожествленные ассирийские цари обязаны своим величием и мощью. Это выясняет причину того, почему у греков Бахус изображался с рогами и почему к нему в качестве одного из высших титулов его божественности часто применялся эпитет “Имеющий рога быка”. Даже в сравнительно недавние времена Тогрул Бек, предводитель турок сельджуков, выходцев из соседней с Евфратом местности, похожим образом изображался с тремя растущими прямо у него из головы рогами как символом его власти.

Это, кроме того, замечательным образом объясняет происхождение одного из богов — Зэрнэбогуса, которому поклонялись наши предки англосаксы. Этот бог Зэрнэбогус был “черным и злым предвестником беды”, другими словами, точным выражением широко распространенного представления о дьяволе, изображаемом в виде черного существа с рогами и копытами. Если проанализировать и сравнить это имя с приведенной в книге Лаярда резьбой по дереву, можно увидеть общий источник происхождения всеобщего суеверия в отношении самого главного Врага.

Имя Зэр-Нэбо-Гус звучит почти чисто похалдейски и очень напоминает “Семя пророка Куша”. Мы привели доводы в пользу того, почему под именем Бэл, отличным от имени Баал, Куш считался великим прорицателем, или лживым пророком, которому поклонялись в Вавилоне. Но независимые исследования привели нас к заключению, что Бэл и Нэбо были всего

лишь различными титулами одного и того же бога, бога-прорицателя или пророческого бога. Вот как Китто комментирует слова Исаии (46:1) “Пал Бэл, низвергся Нэбо”, сказанных в отношении Нэбо: “По всей видимости, это слово происходит от Нибба (предсказывать; прорицать; пророчествовать) и, следовательно, значит “пророчество; прорицание”. И в таковом значении, по мнению Калмета (*Commentaire Literal*), не может быть ничем иным, как еще одним именем самого Бэла, или же является его характерным эпитетом. В древних текстах нет ничего необычного в повторении в одном предложении различных эквивалентных названий одного и того же предмета или понятия. “Зэр-Нэбо-Гус”, великое “семя пророка Куша”, конечно же, был Нимродом, ведь Куш был отцом Нимрода. Обратимся сейчас к Лаярду и увидим, насколько тесно связаны наша страна и Ассирия. На деревянных гравюрах мы находим “Ассирийского Геркулеса”, т.е. “гиганта Нимрода”, как он назван в книге Бытия в ее греческом варианте — Септуагинте, гиганта, который нападает на быков без палки, копыта и

всякого другого оружия. Победив быка, он возлагает его рога себе на голову в качестве победного трофея и символа силы. С этого времени герой изображался не только с рогами и копытами, находящимся над ним, а и с ногами быка. В таком виде он показан борющимся со львом. Скорее всего, это делалось для увековечения какого-то события из жизни того, кто первым стал силен на охоте и на войне, и кто, согласно всем древним преданиям, славился своей физической силой, став, тем самым, предводителем гигантов в их восстании против небес. Поскольку Нимрод был сыном Куша, он был черным, т.е. негром. “Может ли эфиоп изменить свою кожу?” — именно так первоначально звучало выражение “Может ли это сделать кушит?” Помня об этом, мы рассмотрим фигуру, найденную при раскопках в Ниневии. В ней мы узнаем прототип англосаксонского Зэр-Нэбо-Гуса, “семени пророка Куша”, и настоящий оригинал черного Врага человечества с рогами и копытами. Он немного отличался от того вида, в котором первоначально поклонялись Нимроду, но среди людей сильного телосложения, какими были англосаксы, так уж водилось, что их объект для поклонения непременно должен был внушать страх. Так было и в случае с Кроносом, Рогатым, носившим “рога” в качестве символа его физической силы и верховной власти. В массовом суеверном сознании он являл собой воплощение дьявола.

Во многих странах рога стали символом монаршей власти. *Корона*, все еще украшающая головы европейских монархов, отдаленно напоминает символ *силы*, принадлежавший *Кроносу*, или Сатурну, который, по словам Фересиды, был “самым первым из тех, кто начал носить корону”. Похоже, что самой первой царской короной была простая головная повязка с прикрепленными к ней рогами. Основываясь на идее заключавшейся в “роге” силы, даже нижестоящие правители носили на голове кольцо с прикрепленным одним единственным рогом, что было знаком их власти. Путешественник Брюс приводит пример абиссинских вождей, отмеченных именно таким образом. Он пишет, что рог привлекает особое внимание, и *правителей* провинций узнают по их отличительным головным уборам. Kitto's *Illustrated Commentary*, vol. iv. pp. 280–282. На иллюстрации видны две мужские фигуры абиссинских вождей. Две женщины, которых Китто изобразил рядом с ними, являются матронами с горы Ливан. Их рогатые головные уборы историк Валпол считает отголоском древнего поклонения Астарте. (Walpole's *Ansayri*, vol. iii. p. 16)

В случае с верховными правителями, царские головные повязки иногда украшались двумя, а иногда тремя рогами. Два рога были первоначальным символом власти или могущества монарха. Так, на египетских памятниках обожествленные царственные особы носят не более двух ро-

гов, указывающих на их власть. Поскольку в случае с Нимродом власть основывалась на физической силе, то и два бычьих рога были символом этой самой физической силы. В соответствии с этим, как мы читаем у Санчуниатона, “Астарта возложила себе на голову быка в качестве символа царской власти”. Однако постепенно пришла более продвинутая идея, выражавшаяся в видимом символе из *трех* рогов. Такой головной убор со временем стал ассоциироваться с царскими рогами.

В Ассирии трехрогая шапка стала одной из *священных символов*, указывающих на то, что связанная с ним власть имеет небесное происхождение. Три рога, вполне очевидно, указывали на власть триединого бога. Тем не менее, у нас имеются все основания говорить, что рогатая повязка, безо всякой шапки, издревле была *коронай* или царской короной. Корона, которую носит индуистский бог Вишну в своем аватаре (перевоплощении) Рыбы, представляет из себя лишь открытый круг или ленту с тремя вертикально стоящими рогами с набалдашниками на концах.

Все аватары изображаются увенчанными коронами, которые, похоже, были скопированы с этой. Они состоят из диадемы с тремя вертикально отходящими от нее отростками. В этих диадемах Сэр Уильям Джонс узнает эфиопскую диадему. Открытая тиара Агни, индуистского бога огня, имеющая на нижнем кольце двойной рог, сделана точно так же, как и ассирийская, указывая, тем самым, на древность традиции и на место ее возникновения. На смену трем рогам пришли три роговидных листа растения, и таким вот образом рогатая повязка постепенно превратилась в современную корону с тремя геральдическими лилиями или в другие знакомые нам украшения в виде трех листьев.

У американских индейцев был аналогичный вавилонский обычай ношения рогов, когда во время танца бизона каждый из танцоров украшал свою голову рогами этого животного. Следует особо отметить, что сатирические танцы или танцы Сатира в Греции, были аналогом таких же индейских празднований, ведь сатиры были рогатыми божеествами, а одевания рогов во время танцев было имитацией рогов на головах у сатиров. Сатиры сопровождали Бахуса и “танцевали вместе с ним” (Bryant, *Aelian Hist.*) Если вспомнить, кем был Бахус и что его отличительным эпитетом был “Быкорогий”, то рога “сатиров” проявляются в истинном свете. По конкретной мистической причине рога сатиров всегда были рогами козла, но первоначально они должны были быть такими же, как и Бахуса.

Таким образом, когда мы узнаем, что этот обычай был основан на символическом подтексте, характерном для местности, в которой зародилась власть Нимрода, и перенятым во множестве разных, далеко удаленных друг от друга стран, где в повседневной жизни такая символика не при-

существовала, мы можем быть уверены, что данный обычай не был результатом простого совпадения, но указывает на широкое распространение влияния, разошедшегося из Вавилона во все стороны еще в те времена, когда Нимрод впервые “начал быть сильным на земле”.

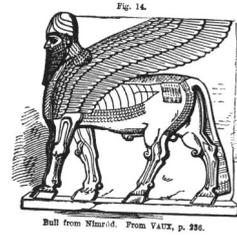
Кроме рога сила Нимрода символически проявлялась и по-другому. Синонимом слову “гербер” (сильный, могущественный) было слово “абир”, а слово “абер” означало “ветер”. Нимрод как глава и военачальник солдат, которыми он себя окружил и которые были инструментами для укрепления его власти, был “Баал-аберином”, “Господином сильных”. А “Баал-аберин” (произносится почти одинаково) значило “Крылатый”, и, следовательно, символически он был представлен не только как рогатый бык, но одновременно как рогатый и крылатый бык, что показывало не только то, что он сам был сильным, а имел сильных под своим командованием, готовых привести в действие его волю и подавить всякое сопротивление его власти. Широко раскинувшиеся крылья служили для большего подчеркивания обширного распространения его власти. В соответствии с одной восточной идиомой, имеющей множество примеров. Так, *Баал-аф*, “господин гнева”, означает “гневного человека”, *Баал-лашон*, “господин языка”, — “красноречивого человека”, *Баал-хацим*, “господин стрел”, — “лучника”. Точно так же *Баал-аберин*, “господин крыльев”, значило “крылатый”.

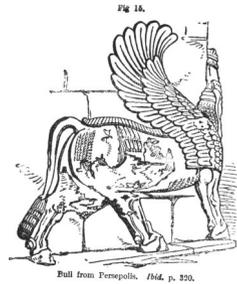
Относительно такого способа изображения могущественных царей Вавилона и Ассирии, подражавших Нимроду и его преемникам, имеется явная ссылка у Исаии: “За то, что этот народ пренебрегает водами Силоама, текущими тихо, и восхищается Рецином и сыном Ремалииным, наведет на него Господь Бог воды реки бурные и большие царя Ассирийского со всей славой его; и поднимется она во всех протоках своих и выступит из всех берегов своих; и пойдет по Иудее, наводнит ее и высоко поднимется дойдет до шеи; и *распростертые крыльев ее* будет во всю широту земли твоей, Иммануел!” (Ис.8:6-8) Если мы посмотрим на соответствующие изображения быков, символизирующих ассирийских царей, с их громадными распростертыми крыльями, то можно понять всю глубину и силу слов пророка!

И насколько ясно, что распростирание *крыльев* ассирийского монарха, которые должны были быть “во всю широту земли Иммануела”, имеет упомянутое мною символическое значение, т.е. расширение владений “сильных” при помощи орд вооруженных людей, которые должны были сопутствовать вавилонскому царю в его захватнических походах! Знание того, как изображались ассирийские монархи, и понимание значения таких изображений добавляет дополнительный вес истории о сне Кира Великого, рассказанной нам Геродотом.

По словам историка, Кир увидел во сне сына одного из своих князей, находившегося в то время в одной из отдаленных провинций, с двумя огромными “крыльями, одно из которых покрывало Азию, а другое Европу”, из чего царь немедленно заключил, что тот готовит против него *восстание*. Символы вавилонян, чью столицу занял и подчинил своей власти Кир, были ему полностью понятны. Если крылья были символами монаршей власти и владение ими подразумевало господство над сильными, т.е. армиями империи, легко увидеть, насколько естественно у царя возникало подозрение в неверности, если подозреваемый человек вдруг представал во сне в описанном виде.

Понимание двусмысленного слова “Баал-аберин” может само по себе легко объяснить примечательные слова Аристофана о том, что в начале сотворения мира сначала были созданы “птицы”, а затем, после их сотворения, появился “род благословенных бессмертных богов”. Эти слова поэта считались либо проявлением атеизма, либо бессмысленным бредом, но если подойти к его словам с соответствующим ключом для расшифровки тайного языка, то обнаруживается важный исторический факт. Следует лишь помнить, что “птицы”, т.е. “крылатые существа”, символизировали “Господ сильных”. Тогда значение становится вполне понятно: *вначале* люди “стали быть сильными на земле”, а *затем* были обожествлены “Господа” или начальствующие над этими самыми “сильными”. Знание мистического значения этих символов применимо также и к мифу о Персее, сыне Юпитера, чудесно рожденного Данаей. Персей совершал чудеса, переносясь из страны в страну на крыльях, которые были даны ему божественным образом. Это в равной степени проливает свет на символические мифы о Бэллерофоне и подвигах, совершенных им на своем крылатом коне, и проясняет катастрофическую подоплеку этих мифов: как высоко он взобрался в воздух, и насколько ужасным было его падение. То же верно и в отношении Икара, сына Дедала, который летел над морем на своих скрепленных воском крыльях. Когда Икар попробовал подняться выше, солнце растопило воск, и Икар упал в море, дав последнему свое имя. Эти мифы рассказывают о тех, кто шел следами Нимрода, первого “Господина сильных”, и который в этой ипостаси был символически представлен с крыльями.

Примечательно, что в приведенных ранее словах Аристофана, где говорится о птицах или о “крылатых существах”, появившихся до богов, сообщается о том, что тот, от кого произошли “сильные” и боги, был никем другим, как крылатым мальчиком Купидоном. Аристофан писал,

что Эрос, или Купидон, произвел “птиц” и “богов” *смешением* всего. Это указывает на значение имени “Бэл”, одновременно обозначающее “смешивающий” и “приводящий в замешательство”. Это имя принадлежало отцу Нимрода, но поскольку сын изображался тождественным своему отцу, у нас имеется свидетельство того, что это имя досталось по наследству сыну, а от него — другим.

Купидон, сын Венеры, занимал в мистической мифологии, как мы покажем дальше, то же самое место, что и Нин, или Нинус, сын, по отношению к Рее, матери богов. Поскольку Нимрод, вне всякого сомнения, был после Потопа *первым* из “сильных”, слова Аристофана о том, что мальчик-бог Купидон, также “крылатый”, произвел всех птиц или “крылатых”, занимая при этом то же самое положение, что и Нин, или Нинус, сын, показывает, что Нинус и Нимрод также во всех отношениях идентичны. Это значение слов поэта в точности подтверждается выводом историка Аполлодора о том, что “Нинус — это Нимрод”. А затем, в полном соответствии с тождеством Нинуса и Нимрода, на одной из наиболее знаменитых скульптур древнего Вавилона мы видим Нинуса и Его жену Семирамиду, изображенных в момент охоты: “Несущая колчан со стрелами Семирамида” составляет подходящую компанию “сильному охотнику перед Всевышним”.

Примечания: Ала-Махозим

Насколько мне известно, имя “Ала-Махозим” никогда не встречается у древних авторов, а в Священном Писании оно имеется только в пророчестве. Учитывая, что пророчество всегда имеет некоторую непонятность относительно будущего события, при этом являясь практическим руководством для праведных и внимающих пророческим словам верующих людей, не удивительно, что необычное слово должно служить для описания рассматриваемого божества. Хоть само имя “Ала-Махозим” в древней литературе и не встречается, мы находим его синоним, указывающий на Нимрода. У Санчуниатона говорится об “Астрате, которая во время путешествия по миру нашла упавшую с неба звезду и освятила ее на священном острове Тир”. Миф об этой упавшей с неба звезде — это ничто иное, как история о падении Мульцибера с небес или Нимрода с его высокого положения. Ведь как мы уже увидели, Макробиус писал (*Saturn.*), что миф об умершем Адонисе, который (миф) был в Финикии излюбленной темой, пришел сюда из Ассирии. Хорошо известно, что имя великого бога на священном острове Тир было Мэликарт (*Kitto's Illus. Comment.*, но это имя, после того, как было принесено из Тира в Карфаген, а оттуда на Мальту (ставшей колонией Карфагена), где его и нашли на одном из памятников, не проливает ни малейшего света на сущность вопроса. Некоторые ученые считают, что имя Мэликарт произошло от Мэлек-карт, “царь земли”

(Wilkinson), но то, как оно начертано на скульптуре на Мальте, показывает, что в действительности “Мэлк-карт” значило “царь окруженного стеной города”. Найденное в Кэр-нарвоне слово “Кир” значит “окружающая стена” или “город, полностью обнесенный стеной”, а Карт было женской формой имени Карфаген, иногда звучавшего как Кар-хэгон, а иногда — Кар-хага или Карт-хаго. В книге Притч имеется вариант женского имени Карт, которое, понятно, обозначает защитный вал или укрепление. Так в книге Притч мы читаем: “Имущество богатого крепкий *город* (карит) его” (Притчи 10:15). Тогда Мэлк-карт, “царь окруженного стеной города”, передает ту же самую мысль, что и Ала-Махозим. Брайнт, цитируя Грутэра (*Inscriptions*), называет титул Марса, римского бога войны, в точности совпадающим со значением слова “Мэлкэрт”. Мы уже привели достаточно доводов в пользу того, что оригиналом Марса был Нимрод. Упомянутый мною дальше титул подтверждает этот вывод и находится на римской надписи в древнем храме в Испании. Этот титул показывает, что храм был посвящен “Марсу Кир-адэну”, повелителю “Кира”, или “окруженного стеной города”. Как известно, римская буква “с” иногда звучит как “к”, а “Адон” (Господь) — как Адэн. Имея такой ключ, попробуем решить неразгаданную до сих пор мифологами загадку отличия имени *Mars Quirinus* от *Mars Gradivus*. Буква “к” в слове “Кир”, в еврейском или халдейском языках называемая “коф” и отличная от буквы “каф” в латинском языке, часто обозначалась буквой “Q”. Таким образом, “Quir-inus” значит “принадлежащий окруженным стенами городам” и указывает на безопасность, которую обеспечивали городам стены. “Gradivus”, с другой стороны, образовано от “Grah” (конфликт) и “divus” (бог) — еще одна форма слова “Deus”, что, как уже упоминалось, является халдейским словом и значит “бог битвы”. Оба этих титула в точности соответствуют личности Нимрода как великого строителя города и великого воина. Обе эти ипостаси и выражены упомянутыми именами, о чем мы узнаем у Фусса: “Римляне поклонялись двум похожим идолам [т.е. богам по имени Марс]. Одного звали Quirinus, “страж города и его покоя”, а другого звали Gradivus, “жаждущий войны и убийств”, чей храм стоял за пределами города (Fuss’s *Antiquities*).

Часть IV.

Ребенок в Египте.

Если мы обратимся к Египту, то обнаружим примечательные свидетельства того же самого. Иустин, как мы уже увидели, пишет: “Нинус подчинил себе все страны вплоть до Ливии”. Сюда входил и Египет. Диодор Сикулюс писал о том же самом: Египет был в числе стран, которые Нинус заставил ему подчиняться. В точном соответствии с этими историческими фактами мы обнаруживаем, что имя третьего лица в древней египетской “троице” было Хонс. Но Хонс в египетском языке происходит от слова, обозначающего “охотиться”. Таким образом, имя Хонс, сын Маут, богини-матери, отличительные черты которой позволяют отождествлять ее с Реей, великой халдейской богиней-матерью, в действительности значит “Охотник”, или бог охоты. Внешним отличительным признаком Маут был головной убор в виде грифа. А имя Рея в одном из своих значений переводится как “гриф”.

Если Хонс находится в таком же отношении к египетской Маут, что и Нинус к Рее, как тогда его титул “Охотник” отождествляет египетского бога с Нимродом? Это самое имя Хонс в свете римской мифологии не только объясняет значение данного имени в Пантеоне, до этого требовавшее разъяснения, но при его истолковании заставляет его опять проливать дополнительный свет на упомянутое египетское божество и подтверждает уже достигнутые выводы. Имя, о котором я веду речь, — это латинский бог Консус, который в чем-то отождествлялся с Нептуном, но также считался “богом тайных советов”, или “хранителем тайны”. Его считали покровителем искусства верховой езды и разводящим лошадей. Кто еще мог быть “богом тайных советов”, или “хранителем тайны”, как не Сатурн, бог “мистерий, тайн”, и чье имя было известно в Риме как “Тайный, скрытый”? Отец Хонса, или Охосо (как его еще называли), или Амоун, по словам Плутарха, был известен как “Скрытый, тайный бог” и одновременно как отец и сын в божественной триаде. Это показывает, что Хонс должен был быть известен и как Сатурн, “Скрытый”. Тогда, если латинское слово Консус в точности соответствует египетскому Хонсу как богу тайн (мистерий), или тайных советов (собраний), можно ли сомневаться, что Хонс, Охотник, также соответствует тому же самому римскому богу, который, якобы, разводил лошадей? Кто вероятнее всего мог иметь репутацию разводящего лошадей и великого вавилонского охотника, кто славился своими охотничьими успехами и стяжал себе славу и почитание в борьбе с лесными

Fig. 16.

Fig. 17.1

зверьями? В данном случае на ум сразу приходят легенды о Кентавре, полу-человеке-полулошади, рассказами о котором изобилуют мифы Древней Греции. Это фантастическое существо, как тогда верили, первым научило человека искусству верховой езды.

Чтобы проиллюстрировать принцип, лежащий в основе мифа о Кентавре, уместно привести следующий отрывок из книги Прескотта “Мексика”, где автор описывает чувства мексиканских индейцев, когда те впервые увидели человека верхом на лошади: “Он [Кортес] приказал своим людям [кавалерии] направить свои копыта в сторону неприятеля, который, испугавшись страшных чудовищ, коими были люди верхом на лошадях и которых индейцы никогда до этого не видели и приняли всадника и лошадь за одно существо, панически бежал”.

Но это существо не было лишь плодом воображения греков. Здесь, как и во многих других случаях, греки только заимствовали этот миф из более ранних источников. Кентавра можно увидеть на монетах, отчеканенных в Вавилонии, иллюстрирующих то, что идея об этом существе имеет вавилонское происхождение.

Кентавр присутствует в Зодиаке, древность которого восходит к самым ранним временам истории Вавилона. Кентавр изображался в вавилонских храмах с незапамятных времен, в чем нас весьма точно убеждает вавилонский историк Бэрозус. Греки просто заимствовали и приписали себе изобретение мифа о Кентавре. Хотя Иксион и изображался обычно как отец Кентавра, они признают, что самый ранний Кентавр был тождественен Кроносу, или Сатурну, отцу богов. Схолиаст говорит, что Харон был сыном “Кентавра, который есть Кронос”. Если кто-либо захочет возразить этому, ссылаясь на то, что, согласно мифам, Харон жил во времена Троянской войны, а, следовательно, его отец Кронос не мог быть отцом богов и людей, то Ксенофон на это парирует тем, что “Кронос был братом Юпитера”.

Но мы увидели, что Кронос был первым царем Вавилона, или Нимродом. Соответственно, первый кентавр был тем же. То, как кентавр изображался на вавилонских монетах, а также в составе Зодиака, в свете всего сказанного выглядит просто поразительно. Знак Кентавра был тем же самым, что и знак Стрельца, или “Лучника”. Если основателем Вавилонской славы был “сильный Охотник”, чье имя даже в дни Моисея было нарицательным (“Нимрод начал быть силен на земле. Он был сильный зверолов перед Всевышним”. — Бытие 10:8-9), а “Лучник” с луком и стрелами был символом верховного вавилонского бога, от которого и берет свое начало известный знак Зодиака. Я думаю, мы можем спокойно заключить, что этот Человек-лошадь, или Лучник-человеколо-

шадь, указывал именно на него и должен был увековечить память о нем, как о великом охотнике и укротителе лошадей (смотрите примечание в конце главы).

Если мы вот так сравним египетского Хонса, “Охотника”, латинского Консуса, бога верховой езды, который разводил лошадей, и вавилонского Кентавра, которому приписывается слава изобретения верховой езды, то увидим, что все мифы о них уходят корнями в Вавилон, откуда и был заимствован египетский бог Хонс.

Хонс, сын великой богини-матери, обычно изображался как взрослый бог. Вавилонский бог в Египте часто изображался точно так же, как и у себя на родине, т.е. как ребенок на руках у матери. Один из символов, посредством которого был представлен Хонс, показывает, что даже он отождествлялся с *ребенком-богом*, ведь, по словам Уилкинсона, “у него на голове был локон Харпократа, или *детства*”.

Именно так часто изображался Осирис, “сын и муж своей матери”. И то, что мы читаем об Осирисе, в равной степени применимо и к Хонсу. А это показывает, что он был никем иным, как Нимродом. Известно, что тайная система Масонства изначально была основана на Мистериях египетской Исиды, богини-матери, или жены Осириса. Но что общего было бы у Масонства с этими Мистериями, если бы они не имели отношения к архитектуре и строительству, и если бы бог, которому в Мистериях поклонялись, не славился своими успехами в искусстве строительства крепостей и зданий? Если так оно и было, учитывая рассмотренную выше связь Египта с Вавилоном, кто в первую очередь мог бы претендовать на роль великого покровителя каменщиков? Да, это был Нимрод. Он первым прославился именно в такой роли. В качестве ребенка вавилонской богини-матери ему поклонялись в ипостаси Ала махозим, “бог крепостей”, о чем мы говорили раньше. Похожим образом и Осирис, ребенок египетской Мадонны, в равной степени почитался как “сильный начальник строительства”. В Египте этому сильному начальнику строительства первоначально поклонялись со всеми физическими чертами Нимрода.

Я уже указывал на тот факт, что Нимрод, как сын Куша, был негром. Плутарх рассказывает о египетском предании, по которому “Осирис был *черным*, что в стране, где люди и так были смуглыми, его чернота, должно быть, действительно была необычайно насыщенной. Плутарх также говорит, что Хор, сын Осириса, “был красивой внешности”. Осириса именно так и изображали. Но у нас есть определенное свидетельство того, что Осирис, сын и муж великой египетской богини-царицы, также изображался как самый настоящий негр. В книге Уилкинсона приводится иллюстрация с его изображением, где он имеет ярко выраженные черты кушита, или негра. Этот негроидный Осирис с ног до головы одет во все *пятнистое*, где верхняя часть одежды является шкурой леопарда, а нижняя часть — просто пятнистая материя для соответствия шкуре.

Само имя “Нимрод” значит “укротитель леопарда”. “Нимр-род”, от “Нимр” (леопард) и “рада” или “рад” (подчинять, покорять). Согласно неизменному правилу еврейского языка, когда два одинаковых согласных звука стоят вместе, как в случае с двумя буквами “р” в слове Нимр-род, один из них опускается. Так и в случае с Нин-невия, “Место обитания Нина”, становится Ниневией. Обычно считается, что имя Нимрод образовано от слова Мэрэд (восставать), но в связи с такой этимологией всегда существовала определенная проблема, поскольку в таком случае имя Нимрода означало бы “тот, против кого восстали”, а не “восставший”. Нет сомнения, что Нимрод *был* бунтовщиком, и этот бунт хорошо отражен в древних мифах. Но в таком качестве его имя было не Нимрод, а Мэродах, или в римском варианте, Марс, “бунтовщик”, или среди итальянских осканов — Мамэрс, “тот, кто стал причиной восстания”. То, что римский Марс в оригинале был вавилонским богом, очевидно из самого имени, которое носила богиня, считавшаяся его сестрой, а иногда его женой. Это Бэллона, что по-халдейски значит “оплакивающая Бэла” (от “Бэл” и “она” (оплакивать)). Египетская Исида, сестра и жена Осириса, представлена, как мы уже видели, похожим образом — “оплакивающей своего брата Осириса”. (Bunsen)

Нимрод прославился тем, что, укротив лошадь, он использовал ее для охоты на диких зверей. Но к этой славе он добавил еще приручение леопарда, который затем помогал ему во время охоты. Похожая разновидность дрессировки леопарда для охоты существует в Индии и в наши дни. В анналах Багаэта Первого, Великого Могола Индии, содержится повествование об охотничьем приказе его двора. Для охоты здесь использовались не только гончие собаки, но и леопарды с ошейниками, “украшенными драгоценными камнями”. По поводу слов пророка Аввакума (1:8) — “быстрее леопардов” (в русском переводе — “барсов”) — Китто замечает следующее: “Быстрота леопарда вошла в поговорки во всех странах, где только встречается этот зверь. Учитывая и другие его качества, на Востоке леопарда специально дрессировали для охоты. . . В наше время в Западной Азии леопардов редко держат для охоты, разве по прихоти царя или губернатора. Такая практика больше распространена в Восточной Азии. Орозиус сообщает, что одного леопарда король Португалии послал римскому Папе, где выдрессированное животное, к немалому изумлению, с легкостью убивало оленей и диких кабанов. Ле Брюон рассказывает о леопарде одного паши, управлявшего Газой и другими территориями древней Палестины. Паша часто использовал этого леопарда для охоты на шакалов. Но именно в Индии больше всего развито искусство охоты при помощи леопарда. Такой обычай приручения леопарда и использования его на службе у человека можно проследить вплоть до самых ранних времен древности. Из работ Сэра Уильяма Джонса мы узнаем, что в персидских легендах говорилось о Хошанге, отце

Тамура, который построил Вавилон и был “первым, кто разводил собак и леопардов для охоты”. Поскольку Тамур, который построил Вавилон, не мог быть никем другим, как Нимродом, эта легенда лишь приписывает его отцу то, чем он сам занимался. Как львиная шкура у носившего ее античного бога Геркулеса, убившего Немейского льва, считается его символом, так и шкура леопарда естественным образом представляет из себя отличительный знак Нимрода, “укротителя леопарда”. У нас есть четкие указания на то, что связь шкуры леопарда с египетским богом была не случайна. Уилкинсон пишет, что, когда во время значительных торжеств призывали египетского первосвященника для совершения определенного ритуала, неотъемлемой частью церемонии было ношение им шкуры леопарда в качестве символа первосвященнической власти. Во всех идолопоклоннических системах существует универсальный принцип того, что первосвященник носит знаки отличия бога, которому он служит. Поэтому пятнистая шкура леопарда воспринималась как символ самого бога. Обычно Осириса, любимого египетского бога, *мистически* изображали в виде молодого быка или теленка по имени Апис, того самого золотого теленка, которого у них заимствовали израильтяне. Этот теленок являл собой языческого бога Сатурна, “Скрытого”, где “Апис” — лишь еще одно из имен Сатурна. По-египетски имя Апис звучало как Хэпи или Хапи, образованное от халдейского “хап” (покрывать). По-египетски “хап” значило “скрывать” (Bunsen).

Корова Атора, которая была женским аналогом бога Аписа, хорошо известна как “пятнистая корова” (Wilkinson). А друиды Британии поклонялись как раз “пятнистой корове” (Davies’s *Druids*). Хотя и редко, но имеются примеры изображений пятнистого теленка или молодого быка.

Полковник Гамильтон Смит приводит копию изображения из коллекции Французского института в Каире, на которой мы видим это божество.

Когда мы узнаем, что Осирис, главный египетский бог, в своих разнообразных формах также носил шкуру леопарда, а первосвященник этого бога обязательно носил пятнистую одежду, то становится понятно, что такая одежда имела в себе глубокое значение. Каковым могло быть это значение, как не отождествлением Осириса с вавилонским богом, известным как “укротитель леопарда”, которому поклонялись в виде *ребенка* Нина (Нинуса) на руках у своей матери?

Примечания: Значение имени Кентавр

Обычная классическая этимология этого имени не дает удовлетворительного объяснения относительно его происхождения. Ведь если даже объяснить его происхождением от слов, обозначающих “убивающий быков”, такое значение проливает совсем не много света на миф о Кентавре. Если взять его в качестве халдейского слова, то можно сразу увидеть, что вся история древнего Кентавра полностью соотносится с историей Нимрода, идентичность которых мы уже доказали. Слово “Кентавр”, по всей видимости, образовано от слов “кен” (священник) и “тор” (идти по кругу). “Кен-тор”, таким образом, значит “священник ходящего по кругу”, т.е. солнца, которое создает впечатление ежедневного обращения вокруг земли. Письменное написание титула священника выгладит как “кн”. В зависимости от диалекта это слово произносилось как “кон”, “кан” или “кен”. “Тор” (ходящий по кругу) применительно к солнцу вполне очевидно является лишь еще одной формой греческого “Зэн” или “Зан”, употреблявшегося по отношению к Юпитеру. Еврейское “зон” или “завон” (окружать) в халдейском языке превращается в “дон” или “давон”, открывая нам значение имени, которым в простонародье называли “сильного охотника”, Ориона. Это имя было Кандаон, о чем пишет Схолиаст в цитировании Баянта: “Ориона в простонародье называют Кандаон”. Тогда “Кан-даон” и “Кен-тор” были всего лишь различными формами одного и того же титула. В первом случае — “священник *ходящего по кругу*”, в другом — “священник *кружащегося*”. Эти титулы эквивалентны титулу “Бол-кан”, или “священник Баала”, или “Солнце”, которые, вне всякого сомнения, были отличительными титулами Нимрода. Поскольку титул Кентавра в точности согласуется с известным положением Нимрода, то история отца Кентавра полностью повторяется.

Мы уже говорили, что хоть Иксион у греков был отцом таинственного народа, даже сами они признавали, что Кентавр имел более высокое происхождение и его имя они заимствовали из более ранних источников. Это была обычная для древних времен практика, когда один народ заимствовал мифы другого народа из более ранней эпохи (*Salverte, Des Sciences*). Если взять саму историю Икстона и на время забыть его имя, то можно увидеть, что все, что говорится об отце Кентавра, или всадника-лучника, в точности применимо к Нимроду и присутствует во множестве мифов о самом оригинале. Легенда гласит, что сначала Кентавр был взят на небеса (Думоск *Ixion*), т.е. крайне высоко вознесен и пользовался там особым расположением к себе. А затем он полюбил Нефелу, выступившую под именем Юнона, “Царица Небесная”. По-гречески Нефела значит “облако”, поэтому ребенка Кентавра называют рожденным “облаком”. Но Нефела на языке страны, где первоначально появился миф о ней, значит

“падшая женщина”. История о Нимроде, или Нине, гласит, что он полюбил Семирамиду и взял ее себе в жены, когда та была женой другого мужчины. В результате она стала дважды падшей — падшей как женщина и отпавшей от веры предков, в которой она была наставлена. Хорошо известно, что после ее смерти вавилоняне стали поклоняться “падшей женщине” под именем Юнона, или Голубка. В Греции слово Нефела употреблялось в отношении падшей жены Атамаса. (Smith’s *Class. Dict*, “Athamas”)

За самонадеянность и гордыню верховный бог поразил Кентавра молнией и сбросил в ад (Думоск, *Ixion*). Таким образом, это еще один вариант мифа о Фазтоне, Эскулапе и Орфее, которые были поражены подобным же образом и за сходный проступок. В подземном адском мире отец Кентавра изображен привязанным змеями к постоянно крутящемуся колесу, что говорит о вечном характере его наказания (Думоск). Понятно, что под змеями имеются в виду символы нимродовского змеепоклонства. Если он учредил поклонение змеям то, в соответствии с поэтической справедливостью, змеи должны быть инструментом его вечного наказания. А крутящееся колесо четко указывает на имя самого Кентавра как “священника *ходящего по кругу* солнца”. Поклонение солнцу в личности “Ходящего по кругу” символически выражено не только в круге, который у язычников был символом бога солнца, и в горящем колесе, которым солнце часто изображалось (Wilson’s *Parsi Religion*), но и в *круговых* танцах вакханалий. Отсюда и выражение “*Bassaridum rotator Evan*” (*Кружащийся* Эван вакханалий) Statius, *Sylv*). Отсюда же и круговые танцы друидов, что видно из отрывка друидской песни: “Берег моря горел красным цветом, когда все пришедшие, одевшись во все белое, совершали круговые движения” (Davies’s *Druids*). То, что такие круговые танцы у язычников имели связь с солнечным кругом, видно из трактата Лукиана “О танцах”, где он рассказывает о круговых танцах в честь бога солнца у древних восточных народов, танцах, “предназначенных подражать этому богу”.

Часть V.

Ребенок в Греции.

А теперь из Египта перейдем в Грецию. Здесь мы не только находим подобные свидетельства, но и намного больше их. В Греции поклонялись богу-ребенку на руках у Великой Матери. Его звали Дионисий, или Бахус (Вакх), или Иакх, который, согласно древним источникам, отчетливо отождествляется с египетским Осирисом. Именно об этом и писал Геродот, говоря об Осирисе как о Бахусе. То же относится и к свидетельству Диодоруса Сикулуса. Он говорит: “Заимствованный из Египта Орфей был значительной частью мистических церемоний и оргий, отмечавших странствования Цереры и всего мифического подземного мира теней. Ритуалы Осириса и Бахуса одинаковы; а Исида и Церера в точности похожи

друг на друга, за исключением имени”. И как будто для отождествления Бахуса с Нимродом, укротителем леопардов, его коляску тянули леопарды, а он сам изображался одетым в шкуру леопарда, а его священники облачались одинаково, часто в пятнистую шкуру молодого оленя. Похоже, что этот обычай ношения пятнистой шкуры олененка был завезен в Грецию из Ассирии, где пятнистый молодой олень был священным символом, о чем мы узнаем из скульптур Ниневии. Здесь же мы находим и божество, несущее в руках пятнистого олененка как некий мистический символ

Важность этого пятнистого олененка и его шкуры имеет очевидное происхождение: когда Нимрод, укротитель леопардов, начал одеваться в шкуру леопарда, свой охотничий трофей, его пятнистая одежда и внешность должно быть поразили представление тех, кто его видел, и его не только начали называть “Покоритель Пятнистого” (ведь именно таково значение имени “Нимр” — имя леопарда), но и его самого прозвали “Пятнистый”. На этот счет у нас имеются исчерпывающие свидетельства (Damascius), согласно которым вавилоняне обра-

щались так к “единственному сыну” великой богини-матери “Момис” или “Моумис”. В Халдее эта Момис/Моумис, подобно Нимру, означала “Пятнистая”. Таким образом, становится легко представить Нимрода символом “пятнистого олененка”, и особенно в Греции и везде, где доминировала греческая культура. У греков имя Нимрод звучало как Нэброд. Название молодого оленя (“пятнистого”) у греков было Нэброс. И нет ничего более естественного, как Нэбросу стать синонимом самого Нэброда. Таким образом, когда символом греческого Бахуса был Нэброс, или “пятнистый олененок”, то вполне логично соотнести его с Нимродом. В греческой Септуагинте, переведенной в Египте, имя Нимрод звучит как Нэброд. Нэброс, имя олененка, означает “пятнистый”. “Нмр” в египте стало “Нбр”, поскольку “м” и “б” у египтян часто взаимозаменялись.

У нас есть свидетельства, что этот бог, чьим символом был Нэброс, славился своим происхождением от Нимрода. Из Анакреона мы узнаем, что у Бахуса был титул “Аитиопаис”, т.е. “сын Этиопса”. Но кем был этот Этиопс? Эфиоп. Поскольку эфиопы были кушитами, то разговор идет о Куше. “Эфиопы произошли от Куша”, — говорит Евсевий. Иосиф Флавий свидетельствует о том же. Как отец эфиопов, Куш и сам был эфиопом. Поэтому Эпифан, говоря о Нимроде, пишет следующее: “Нимрод, сын Куша, эфиоп”. Бахус также был сыном Эфиопса, или Куша.

Fig. 22.

Как Нин (сын) он изображался юношей или ребенком, которые всегда держали в руке чашу.

Для большинства людей эта чаша означала, что он бог пьянства и разгула. Нет сомнения, что пьянство в изобилии имело место в его оргиях, и все же, чаша несла скорее знаковую нагрузку, указывая на имя этого бога. Название чаши на священном языке было “хус”, следовательно чаша в руке юного Бахуса, сына Эфиопса, показывала, что он был молодым Хусом, или сыном Хуса. На одном из изображений чаша в правой руке Бахуса повернута особым образом, что указывает на ее символическое значение, равно как и ветвь в другой руке. Но следует заметить, что на ветви отсутствуют листья, что не позволяет определить, с какого растения эта ветвь. Следовательно, это просто символ ветви, или ветви вообще, и, следовательно, чтобы понять что это за ветвь, и для завершенности символизма, ей требуется чаша. Таким образом, два символа следует рассматривать вместе. Тогда получается следующее значение: “Ветвь Хуса”, т.е. “потомок или сын Куша”. У Гомера есть выражение “Ветвь (отрасль) Марса”, что значит “Сын Марса”. Вышеописанный символ также был создан по такому же принципу. Одна лишь чаша в руке молодого Бахуса должна была указывать на него как на “молодого Хуса”, или “мальчика Хуса”. Здесь хорошо вспомнить Пausания, который описывает “мальчика Куатоса”, являющегося виночерпием Геркулеса (*Pausanias Corinthiaca*. “Куатос” по-гречески значит “чаша” и происходит от еврейского слова “хус” (чаша), которое в одной из халдейских форм становится “хут” или “хуат”. Сейчас известно, что имя Куш часто встречалось в форме “Кут”, а это имя в некоторых диалектах звучало как “Куат”. Тогда “мальчик Куатос” — всего лишь греческая форма “мальчик Куш”, или “молодой Куш”.

Существует еще одна знаковая связь с Бахусом — ветвь плюща. Никакой другой символ не был так связан с поклонением Бахусу. Везде, где совершались ритуалы в честь Бахуса, где происходили его оргии, везде обязательно присутствовала ветвь плюща. Плющ, в той или иной форме, был неотъемлемой частью таких празднований. Поклонники Бахуса несли плющ в руках, обвязывали его вокруг головы или вокруг туловища. В чем было значение всего этого, для чего же служил плющ? Прежде всего, греческое слово Киссос, обозначавшее плющ, было одним из имен Бахуса. Кроме того, несмотря на то, что имя Куш было известно священникам Мистерий, был еще и греческий вариант произнесения имени его потомков, который в восточном стиле звучал как “киссаиои” или “киссиои”. Например Страбо, говоря о жителях Сусы из народа Хусистан, или древней земли Куш, писал: “Сусиан называют киссиои”, — это, вне всякого сомнения, кушиты. Название Киссаиои применяется в отношении земли Куш. У Эсхила она имеет название Киссинос. Причем, они одновременно являются и титулами Аполлона. “Киссеус Аполлон” значит “Аполлон Кушитов”.

Следовательно, если Киссиои — это кушиты, то Киссос — это Куш. Мы уже знаем, что ветвь плюща занимала важное место в празднованиях в честь Бахуса (вакханалиях) и была символом самого Бахуса. Священник, который во время Мистерий выступал от имени Бахуса, назывался “ветвь”. Отсюда становится ясно, как Киссос, греческое название плюща, стало именем Бахуса. Как сын Куша он иногда назывался по имени его отца — Киссосо. Именно ветвь плюща раскрывала его настоящую связь с отцом как “ветвью Киссосо”, что в первоначально звучало как раз “ветвь плюща”, изменившаяся затем в ритуальное имя “Ветвь Куша”. Жеребейка (лента вокруг головы) из плюща имеет такое же знаковое значение, поскольку греческое “Зэйра Киссоу” означает либо “ленточка или повязка из плюща”, или “семя куша”. Греческое слово “зэйра” (повязка), происходящее от халдейского слова “зэр” (окружать), показывает, что “зэро” (семя), произносившееся также как “зэраа”, в некоторых греческих диалектах похожим же образом превратилось в “зэйра”. Греческое слово “киссос” (плющ) содержит в себе идею халдейского “хэша” или “хэза” (покрывать или прятать), что дает основания считать, что имя Куш — производное от “плющ” и означает “скрывающий или прикрывающий”. В связи с этим можно сказать, что второе лицо финикийской троицы — это Хурсорус, что, очевидно, и есть “Хуз-зоро” (Семя Куша). Мы уже узнали, что финикийцы заимствовали свою мифологию из Ассирии.

И вот, этому богу, которого считали “отпрыском Куша”, поклонялись под именем, которое, хоть и было уместно в качестве описания его как бога виноделия, описывало его также как великого Фортификатора (строителя укреплений). Это было имя Бассареус, что имеет два значения: “Виноградарь или сборщик винограда”; и “Тот, кто окружает стеной”. В своем последнем значении оно отождествляет греческого бога с египетским Осирисом — “сильным начальником строителей”, а также с ассирийским “Бэлом, который окружил Вавилон стеной”. Слово “Бассареус” происходит от халдейского “бацар”, имеющее двойное значение: “собиратель винограда” и “фортификатор”. “Бацар” превращается в “базар” точно также как Нэбухаднэцар (Навуходоносор) произносится как “Нэбухаднэззар”. Что касается “создания непреодолимой защиты”, то уместно сравнить это с местом из Иеремии: “Хотя бы Вавилон возвысился до небес, и хотя бы он на высоте укрепил (табацар) твердыню свою; но от Меня придут к нему опустошители, говорит Господь Бог”. Здесь видна связь с двумя значительными элементами мощи Вавилона: во-первых, его башня, во-вторых, его мощные укрепления или окружающие его стены. К тому, что слово “бацар” означает “делать неприступным”, следует добавить происхождение этого слова. “Бацар” состоит из двух частей: “ба” (в) и “цар” (окружать).

Таким образом, у нас есть примеры Ассирии, Египта и Греции, сохраняющие неопровержимые свидетельства того, что ребенок на руках у

матери, которому во всех этих странах поклонялись под именем “Нин” (сын), в латинском варианте “Нинус”, — это Нимрод, сын Куша. Что-то незначительное могло быть заимствовано оттуда или отсюда и добавлено к первоначальному прототипу, но несомненно то, что именно ребенок Нимрод был этим оригинальным прототипом.

Поразительные масштабы поклонения этому человеку указывают на то, что в нем было нечто необычное, и есть все основания полагать, что при жизни он был чрезвычайно популярен. Несмотря на то, что став царем, Нимрод нарушил патриархальную систему и ограничил свободы людей, многие считали его великим благодетелем, даровавшим им значительные блага, сторицей компенсировавшие потерю свобод, и Нимрод стал славен и почитаем. Должно быть, ко времени его появления дикие лесные звери настолько расплодились и распространились по земле, что наносили большой урон рассеянному и враждующему населению земли, что вызывало у него великий ужас. Мысль об опасности для жизни людей, когда население очень невелико, содержалась в повелении самого Всевышнего, когда Он повелел истреблять хананеян. Несмотря на то, что их участь была предreshена, истреблять их следовало постепенно: “Не выгоню их от лица твоего в один год, чтобы земля не сделалась пуста и не умножились против тебя звери полевые: мало-помалу буду прогонять их от тебя, пока ты не размножишься и не возьмешь во владение земли этой” (Исход 23:29,30). По всей видимости, старания Нимрода по очищению земли от диких зверей, его охотничьи подвиги создали ему славу благодетеля своего народа. Благодаря своему умению и достижениям, он добился значительной власти и значительно возвысился. Затем он стал первым после потопа строителем города. Он собрал в одно место людей, окружил их стеной, что еще более усилило их безопасность и освободило их от тревог рассеянной жизни, когда человек в любой момент мог столкнуться с дикими зверями. Город дал надежную защиту. И люди чувствовали, что в большой степени обязаны всем этим Нимроду. Не удивительно, что имя “могущественный охотник”, бывшее в то же самое время прототипом имени “бог фортификаций”, стало его отличительным признаком. Если бы Нимрод довольствовался только этим, то с ним все было бы в порядке. Но теперь, не удовлетворившись тем, что избавил людей от страха перед зверями, он решил избавить их и от страха перед Всевышним, Который является началом мудрости и единственным источником счастья. Похоже, что именно благодаря этому Нимрод заслужил титул “Освободитель”, или “Избавитель”. Возможно читатель вспомнит имя, упоминавшееся в этой связи. Это имя Форонэус. Эпоха Форонэуса в точности совпадает с эпохой Нимрода. Он жил приблизительно в то же время, когда люди говорили на одном языке, потом произошло смешение языков и рассеяние человечества по всей земле. О нем говорится как о том, кто первый собрал людей в общины, стал первым царем и первым

принес жертвы идолам. Это описание не подходит никому другому, но именно Нимроду. Здесь очень важно данное ему имя в связи с его усилиями по “собираанию людей в одно место”. Слово “Форонэус” в одном из его наиболее естественных значений означает “отступник; изменник”. Скорее всего, что это имя было дано ему здоровой частью сынов Ноя. Но это имя имеет также значение “освободитель”, поэтому и его приверженцы также приняли такое имя, хоть он, как великий “освободитель”, стал первым, кто ограничил свободы людей. Отсюда в той или иной форме этот титул передался его обожествленным преемникам как почетный титул. От слова “фаро” (произносится также как “фаранг” или “фаронэг”) — “отречься, раздеть, отторгать, освобождать”. Это обычно выступает в значении “отречься”. Сабинская богиня Ферония имеет очевидное отношение к Форонэусу как “эмансипаторша (освободительница)”. Она считалась “богиней свободы”, потому что в ее храме в Террацине освобождали рабов, и потому что свободные люди Рима собирали как-то денег для приношения в ее храме. (Smith. Classical Dictionary, “Feronia”) Так, мы читаем (Pausanias, Attica) о “Юпитере-освободителе” и о “Бахусе-избавителе”. Имя Тесея, похоже, имело такое же происхождение: от “нтес” (освободить), “н” впоследствии было утеряно. Поттер пишет: “В память о Тесее, который во время своей жизни помогал и защищал бедных, храм Тесея имел привилегию быть убежищем для рабов, где находили укрытие бежавшие от преследований сильных своих хозяев”.

С ранних времен многие источники и предания доносят информацию об отступничестве Нимрода и его успехах в увODE людей от веры патриархов и в том, что он сумел “избавить” их ум от страха перед Всевышним, страха перед судом свыше. И все это тогда, когда еще была свежа память об опустошающем потопе. И согласно всем принципам грешной человеческой природы, это также, в чем нет сомнения, еще больше увеличило его популярность, поскольку люди с готовностью поддерживают того, кто сможет придать привлекательный вид разумности любому учению о возможности получить вечное счастье на небесах без необходимости изменения жизни, сердца и раскаяния, без жизни с Всевышним еще в этом мире. Насколько высоко были оценены нечестивыми людьми “благоденствия” Нимрода по “освобождению” человечества от влияния истинной веры и отстранении небесного руководства над ними, хорошо описывается в полинезийских преданиях, по-своему рассказывающими об этом. Известный миссионер Джон Уиллиамс рассказывает, что, согласно древнему преданию островитян южных морей, “небеса были настолько близко к земле, что люди не могли ходить, и вынуждены были ползать” под ними. “Это не нравилось людям, но потом нашелся человек, придумавший, как поднять их на более приемлемую высоту. Он взялся за работу со всеми силами и старанием. Сначала он приподнял их на высоту мягкого растения под названием “тэвэ” — чуть больше метра. Потом после достаточного

отдыха он предпринял вторую попытку и приподнял небеса на высоту дерева под названием “Кауарики”, такого же размера, что и платан. Во время третьей попытки он приподнял их на высоту гор, и спустя долгое время передышки он поднял их до настоящего уровня”. За это могущественное благодеяние для человечества островитяне обожествили этого человека и стали поклоняться ему как *Поднявшему небеса*. Что еще может более точно описать положение человечества сразу после потопа и деяния Нимрода как Фронэуса (Освободителя), чем эта полинезийская сказка? Имя “Фронэус” (Освободитель) будет рассмотрено в Главе III, Части I, “Рождество”, где будет говориться о том, что в день его рождения рабы получали частичное освобождение.

Сразу после ужасной катастрофы, посредством которой Всевышний показал Свою карающую справедливость по отношению к грешникам, память об этих событиях была еще свежа среди праведных потомков Ноя. Они хорошо помнили этот урок человечеству, и “небеса”, т.е. Творец, действительно казались им очень близкими к земле. Поддерживать эту наибольшую близость между небом и землей была, должно быть, основной целью тех, кто любил Всевышнего и заботился о благе человечества. Но это означало ограничение и пресечение всякого порока и “греховных удовольствий”, которых всегда жаждет природный, невозрожденный и неосвященный человек. По-видимому, каждый нечестивый человек испытывал из-за этого состояние закабаленности. “Плотской человек находится во вражде по отношению к Всевышнему” и “не подчиняется Его закону”, равно как и не может этого делать. Так сказано о них в Священном Писании: “Удались от нас, ибо мы не хотим знания Твоих путей”. Все то время, пока в новом мире сохранялось влияние великого отца на его потомков, пока его слова почитались, пока в мире царила святая атмосфера, все те, кто были далеки от Творца и святости, испытывали невыносимую тяжесть от близкого присутствия небес и их влияния. Естественно, что при таких условиях они “не могли ходить”, но лишь “ползали”, т.е. у них не было свободы “ходить по желанию своих глаз и по повелению своих сердец”. И от этого ига их освободил Нимрод. Через отступление от святости и освящающего влияния Всевышнего он преподнес им свободную жизнь греха, помог отодвинуть Всевышнего и строгую духовность Его законов в сторону и стал, таким образом, “Поднявшим небеса”, дав людям возможность чувствовать и поступать так, как будто небеса были очень далеки от земли, как будто Творец неба “не мог видеть сквозь темные тучи” или не мог выразить своего неудовольствия нарушением Его законов. Теперь все такие люди смогли свободно вздохнуть и делать все, что хотят. Такие люди просто не могли не считать Нимрода великим благодетелем.

Подумайте, кто бы мог представить, что предание с Таити может дополнить миф об Атласе? И, тем не менее, если держащего на руках Атласа сопоставить с обожествленным героем Южных морей, осчастлививше-

го мир тем, что он держит сильно давящее на него небо, то сразу видна связь между ними. В полинезийском мифе говорится о том, что небеса и земля были “связаны вместе при помощи веревок”, и “разорвали” их мириады “стрекоз”, которые “своими крылышками” внесли важный вклад в эту грандиозную работу. Разве здесь не упоминаются нимродовские “могущественные” или “крылатые”? Обожествленные “могущественные” часто изображались как крылатые змеи. У Уилкинсона мы находим, что бог Агатодемон изображался как крылатый аспид. Среди невежественных людей память о таких изображениях вполне вероятно ассоциировалась со стрекозой, а все могущественные или крылатые существа эпохи Нимрода, по-настоящему золотого века язычества, после смерти стали демонами (Гесиод. Труды и дни). Если кого-то смущает такая связь между мифологией Таити и Вавилона, то пусть обратят внимание на то, что имя таитянского бога войны было Оро, в то время как в Египте сына Осириса звали Хорус (или Орус), имя, несомненно, заимствованное из Вавилона. И чем другим могло быть разрывание веревок, связывавших небо и землю, как не разрыванием уз завета, которыми Всевышний привязал к Себе землю, когда до Него дошло благоухание жертвенных сожжений, совершенных Ноем. Он возобновил Свой завет с Ноем как главой всего человечества. Этот завет не просто выражался в обещании не подвергать опять землю всемирному потопу, но и содержал в себе обещание духовных благословений всякому, кто будет этого завета держаться. Благоухание жертвоприношений Ноя имеет отношение к вере в Мессию. Последствия приятного благоухания выразились не только в том, что благословил Господь Бог Ноя и сыновей его (Бытие 9:1), и не только в земном аспекте, но и в духовном, имеющем вечные благословения. Таким образом, каждый из сынов Ноя, у которых была вера Ноя, и ходивший, как ходил Ной, гарантированно унаследовал свою долю в вечном завете. Благословенны узы, связывающие небеса и землю, которыми Всевышний связал Себя с верующими людьми. С другой стороны, те, кто присоединились к отпадению Нимрода, который разорвал эти связи, и вышли из-под непосредственной власти Творца, сказали: “Давайте разорвем узы, которыми Он нас связал”. О таком разрыве связи между землей и небом говорится и в вавилонском мифе. В нем говорится, что Бэл, т.е. Нимрод, после того, как рассеял первоначальную тьму, отделил друг от друга небо и землю и привел мир в порядок. Согласно этому мифу, Бэл является “создателем мира”. Но тогда это новый мир, поскольку до того, как он проявил свою силу демиурга, на земле уже были разные существа. Новый мир, сформированный Бэлом, или Нимродом, был попросту новым порядком вещей, который они, восстав против Небес, установили, сведя на нет все установления Всевышнего. Восстание Гигантов как раз и изображается как восстание против Небес. Упоминание об этой древней вражде между вавилонскими властелинами и Небесами имеется в словах Даниила, об-

ращенных к Навуходоносу, когда ему было предсказано скорое падение и последующее восстановление.

Таким образом, получается, что Атлас с покоящимися на его плечах небесами имеет отношение не к астрономическим знаниям, какими бы великими они бы ни были, как многие полагают, но к совершенно иным вещам, а именно к великому отступничеству, когда Гиганты восстали против Небес. В первую очередь разговор идет об отступничестве Нимрода, “могущественного”, всеми признанного главаря и зачинщика. В сделанном в Египте греческом переводе Священного Писания — Септуагинте термин “могуществен” (силен), употребленный по отношению Нимрода в Бытии 10:8, передает обычное имя “Гиганта”.

Исследователи Айван и Каллери, описывая историю Японии, упоминают японский миф, похожий на миф об Атласе. Согласно ему, “император, сидя на своем троне, держит мир и всю империю”. Что-то похожее было сказано и об Атласе, который также изображался держащим как небо, так и землю.

При вавилонской системе, в которой Нимрод был главной движущей силой, люди поверили в то, что было необходимо радикальное духовное изменение. Если рассмотреть данный вопрос в свете Вакхических оргий, которые, как читатель уже знает, были исторической памятью о Нимроде, вполне очевидно, что именно он совлек человечество на поиски чувственных удовольствий, забыв о страхе перед гневом Святого Творца. Во всем, что делал Нимрод, его всегда сопровождали толпы женщин. При помощи музыки и песен, игрищ и оргий и всего того, что могло служить угождению плоти, он создал себе славу великого благодетеля человечества.

Часть VI.

Смерть ребенка.

По поводу смерти Нимрода Священное Писание хранит полное молчание. Согласно древнему преданию, его постигла насильственная смерть. Однако обстоятельства его смерти не известны. В преданиях говорится, что шквал ветра, посланный Всевышним на Вавилонскую башню, разрушил ее, и Нимрод погиб под ее обломками. Но это не так, ибо мы знаем, что Вавилонская башня стояла еще долгое время после Нимрода. Относительно смерти Нимрода светская история говорит очень туманно и таинственно, хотя имеется упоминание о том, что он встретил насильственную смерть, похожую на смерть Пенфея, Ликурга, и Орфея, которые, как говорится, были разорваны на куски. Ликург, обычно считающийся врагом Бахуса, был разорван на части за непочтительное отношение к последнему. (Ludovicus Vives, *Commentary on Augustine*). Нин/Нинус здесь Вивес и называется “Царем Индии”. В классической литературе слово “Индия”, хоть и не всегда, обозначает Эфиопию, или землю Куш. Например, Вер-

гилий пишет, что Нил течет от “цветных индийцев”, т.е. от кушитов, или африканских эфиопов. Осирис также называется “индийцем по происхождению” (Diodorus Siculus. *Bibliotheca*.) Нет сомнения, что “Нин, царь Индии” — это кушитский или эфиопский Нин.

Поскольку уже установлена связь между Нимродом и египетским Осирисом, мы, таким образом, можем пролить свет на обстоятельства смерти Нимрода. Осирис погиб насильственной смертью, и эта смерть была центральной темой во всем египетском идолопоклонстве. Если Осирис был Нимродом, как мы уже увидели, то его насильственная смерть, которую египтяне так патетически оплакивали во время своих ежегодных празднований, была смертью Нимрода. Различные повествования о смерти бога, которому в различных странах поклонялись в различных мистериях, говорят об одном и том же. Согласно Платону, в его дни египетский Осирис отождествлялся с Таммузом; а Таммуз, как известно, был и Адонисом, по поводу чьей смерти, как говорит миф, Венера пролила горькие слезы. Утверждение Платона сводится к тому, что известный Фот был советником Тамуса, царя Египта. Сейчас Фот известен как “советник” Осириса. Следовательно, можно заключить, что Тамус и Осирис — одно и то же.

Так же как египетские женщины рыдали по Осирису, как финикийские и ассирийские женщины рыдали по Таммузу, так и греческие и римские женщины оплакивали Бахуса, чье имя, как мы уже видели, означает “тот, кого оплакивают”, или “оплакиваемый”. А сейчас мы увидим важность установленной связи между Нэбросом, “пятнистым олененком”, и Нэбродом, “могущественным охотником”. Нэброс, или “пятнистый олененок”, был символом Бахуса, а также представлял Нэброда и самого Нимрода. В определенных случаях, во время мистических празднований Нэброс, или “пятнистый олененок”, был разрываем на куски, что являлось символическим повторением того, что случилось с Бахусом, которого символизировал олененок. Фотий цитирует Демосфена, который говорил, что “пятнистые молодые олени (или нэброи) были разрываемы на куски во время определенных мистических или таинственных церемоний”, а он сам рассказывает, что разрывание на куски нэброи (пятнистых оленят) было имитацией того, что произошло с Дионисом (Бахусом).

Разрывание на части Нэброса, “пятнистого”, только подтверждает вывод, что смерть Бахуса и даже смерть Осириса представляют из себя смерть Нэброда, которому вавилоняне поклонялись под именем “Пятнистый”. Хотя мы и не находим описания мистерий, которые совершались в Греции в честь Ориона, воспетого Гомером гиганта и могущественного охотника под этим именем, он все же символически изображен умирающим точно так же, как и Осирис, после чего был вознесен на небо

(Овидий. *Fasti*). Овидий изображает Ориона настолько преисполненным гордости и высокомерия по поводу своей великой силы, что тот начинает хвастаться о том, что ни одно существо на земле не сможет со-

стяжаться с ним, когда вдруг появляется скорпион, и говорит поэт, “он пополнил количество звезд на небе”. По-халдейски скорпион — “акраб”, но “ак-раб”, если именно так написать это слово, обозначает “великий угнетатель”. Это скрытое значение зодиакального созвездия Скорпиона. Этот знак олицетворяет того, кто поразил вавилонского бога и уничтожил созданную им систему. В момент нахождения солнца в созвездии Скорпиона египетский Осирис “исчезает”, и по поводу его исчезновения поднимается великий плач.

На основании персидских материалов мы точно знаем, что именно Нимрод после смерти был обожествлен под именем Ориона и помещен среди звезд. Таким образом, у нас имеются обширные и согласующиеся между собой свидетельства того, что смерть Нимрода, которому поклонялись как вавилонскому идолу в виде ребенка на руках у матери-богини, погиб насильственной смертью.

Когда погиб могучий герой, которого смерть унесла в самом расцвете его славы, то людям это показалось страшной катастрофой. Когда эта новость распространилась за пределы Вавилона, то любители плотских удовольствий почувствовали, что ушел самый великий благодетель человечества, и пришел конец веселью народов. По поводу такой катастрофы повсюду был великий плач среди отпавших от первоначальной истинной веры. Затем началось всеобщее оплакивание Таммуза, вовлекшее даже дочерей Израиля. Существование этого обычая можно проследить не только по анналам классической античной литературы, но и в литературах самых разных стран, включая Японию.

У. Гиллеспи так описывает подобный плач в Китае: “В середине лета происходят празднования лодок-драконов. Это время великого возбуждения. Около 2000 лет назад здесь жил всемерно уважаемый и любимый народом молодой китайский мандарин Ват-юнь. Ко всеобщему горю, он неожиданно утонул в реке. Множество лодок бросились на его поиски, но тела так никогда и не нашли. Но с тех пор в этот же день месяца лодки-драконы отправляются его искать”. “В этом, — добавляет автор, — есть что-то похожее на оплакивание Адониса, или на оплакивание Таммуза, о котором упоминается в Священном Писании”. Поскольку великий бог Будда изображается в Китае в виде негра, это может помочь в установлении личности всеми любимого мандарина, чья смерть ежегодно оплакивается. Религиозная система Японии в большой степени похожа на китайскую. В Исландии и по всей Скандинавии практиковался похожий плач по поводу смерти бога Балдера. Балдер, согласно записи в книге судьбы, был убит из-за предательства бога Локи, духа зла. Он был убит, хоть вся небесная империя зависела от его жизни. Его отец Один из книги судьбы узнал ужасную тайну. Все боги затрепетали, узнав об этом. Затем Фригга (жена Одина) обратилась к каждому предмету, живому и неживому, взяв с них клятву не поднимать руки на Балдера. Огонь, вода, камни и расте-

ния были связаны этим торжественным обязательством. Было пропущено только одно растение — омега. Локи узнал об этом упущении и сделал из презренного куста смертельное оружие. Среди военных развлечений Вальгаллы (сонма богов) было пускание стрел в неуязвимого бога, которому доставляло немалое удовольствие подставлять свою заколдованную грудь под их оружие. И вот на таком состязании злой гений вложил в руки слепого Ходера шип омелы и помог навести на цель. Таким образом, произошло как бы неумышленное убийство. Зрители были поражены и не могли вымолвить ни слова. Их несчастье усиливалось еще и от того, что никто из уважения к святости места не мог отомстить за это. Со слезами и плачем они перенесли безжизненное тело на берег и положили его на корабль вместе с его возлюбленной невестой Нанной, которая умерла от горя. Его лошадь и оружие были сожжены, как того требовала древняя погребальная традиция северных героев. Фринна, его мать, была объята горем. Безутешная в своем горе из-за потери прекрасного сына, — пишет доктор Кричтон, — она отправляет Хермода (быстрого) в обиталище Хэлы (богини ада, или адского места), чтобы предложить выкуп за освобождение сына. Мрачная богиня обещает, что освободит его, если весь мир будет его оплакивать. Тогда по всему миру были разосланы гонцы, чтобы убедиться, что все выполняют это повеление, и в результате всеобщей скорби происходит всеобщее потепление. Существуют различные варианты этих легенд, но в своей основе они идентичны, что указывает на их происхождение из одного первоисточника.

Часть VII.

Обожествление ребенка.

По поводу трагической смерти Нимрода больше всех была обеспокоена его жена Семирамида, которая со своего скромного первоначального положения была вознесена до царского трона, на котором восседала вместе с мужем. Что в такой непредвиденной ситуации ей было делать? Нужно ли ей тихо покинуть великолепие и славу, к которым она привыкла? Нет! Хоть смерть мужа и нанесла сильный удар по ее власти, тем не менее, ее не покинули решительность и безграничные амбиции. Наоборот, ее амбиции еще больше усилились. Ее мужа при жизни считали героем, а после смерти ему должны были поклоняться как богу, обетованному семени женщины, “Зэро-аштра”, которому было предназначено поразить змея в голову и который, сделав это, был ранен в пятую. “Зэро” по-халдейски — “семя”, хотя, как мы уже увидели, в греческом языке оно иногда звучит как “зэйра”. “Зэро” вполне естественно переходит в “Зоро”, что видно на примере изменения слова “Зэруббабель” в “Зоро-бабель”. Отсюда и “Зуро-аштра” (семя женщины) становится “Зороастр” — широко известное имя главы огнепоклонников. Имя “Зороастр” известно также как “Зэроастр-

эс” (Johannes Clericus, De Chaldoeis). Если заглянуть в очень толковую и весьма ученую работу доктора Уилсона из Бомбея, посвященную религии Персии, мы обнаружим, что Зороастр существовал задолго до того, как был Зороастр, который жил во время царствования Дария Хистаспа. Во всеобщей истории больше всего говорят о Зороастре Бактрийском, но голос древности четко и внятно говорит о том, что первым и великим Зороастром был ассирийский, или халдейский, Зороастр, и что он был основоположником идолопоклоннической системы Вавилона и, следовательно, Нимродом. Вполне очевидно и то, что он погиб насильственной смертью, как и в случае с Нимродом, Таммузом или Бахусом. Тождественность Бахуса и Зороастра еще больше подтверждается эпитетом Бахуса “Пириспор”, содержащимся в Орфических гимнах. Когда древнее обетование Едема начало забываться, значение имени “Зэро-аштра” было утрачено всеми теми, кто были знакомы только с экзотерическим учением язычества. Поскольку “ашта” по-халдейски означало “огонь”, а также “женщина”, а ритуалы Бахуса во многом были связаны с поклонением огню, “Зэро-ашта” стало пониматься как “семя огня”, отсюда и эпитет Бахуса “Пириспор”, или “Игнигена”, “рожденный от огня”. Из-за такого неправильного понимания имени “Зэро-ашта” или, скорее, из-за сознательного истолкования его таким образом священниками, желавшими выработать одно учение для посвященных, а другое — для непосвященных, возникла целая история о нерожденном младенце Бахусе, спасенном из огня, поглотившем его мать Семелу, когда Юпитер пришел к ней во всей своей славе

Известно также и другое имя Зороастра, которое довольно показательно — Зар-адас (“единственное семя”). (Johannes Clericus, De Chaldoeis.) В книге Уилсона *Parsi Religion* приводится имя или Зороадус или Зарадэс. Древние язычники во времена, когда они признавали одного единственного Творца, знали также, что было одно единственное семя, в котором заключена вся надежда человечества. Почти у всех народов был не только великий бог, известный под именем Зэро или Зэр (семя) и великая богиня по имени Ашта или Иша (женщина), но великий бог Зэро часто характеризовался эпитетом, подразумевавшим, что он — “Единственный”. На что могут указывать такие имена или эпитеты? Бытие 3:15 очень точно подходит здесь, и ничто другое. Имя Зар-адэс или Зоро-адус также поразительно подходит к высказыванию Павла: “не сказано *его* потомкам, а *его* семени, то есть имеется в виду один его потомок — Мессия” (Гал. 3:16).

Уместно заметить, что религиозная система персов, начинающая свой отсчет от реформирования древнего огнепоклонства во времена Дария Хистаспеса, отвергнув поклонение богине-матери, отбросила также имя “женщина” от имени Зороастр. И, таким образом, на зэнде — священном языке персов получилось имя их великого реформатора “Заратустра”, что значит “избавляющее семя”. Последняя часть имени происходит от “тушт”

(от халдейского корня “нтш”, где опущена начальная “н”) — “отпускать, освобождать”. “Тушт” — инфинитив с присоединенным к ним “ра” на санскрите, с которым зэнд имеет много общего и указывает на совершающего действие, вроде русского -ель (делатель). Зэндовский Заратуштра, таким образом, является эквивалентом Форонэуса (“Освободителя”).

Патриархи, как и весь древний мир в целом, были прекрасно осведомлены о великом древнем обещании Едема, и они прекрасно знали, что укус в пята обещанного семени подразумевал его смерть и что проклятие могло быть устранено из мира лишь через смерть Великого Избавителя. Если содержащееся в Бытии обещание об поражении змея в голову, данное нашим прародителям, действительно имело место, и если все человечество происходило от них, тогда следовало бы ожидать, что среди разных народов можно найти следы памяти о том обещании. Так и есть на самом деле. Трудно найти на земле народ, в чьей мифологии это не было бы отражено. Греки изображали своего великого бога Аполлона убиваемым змеей Пито, а Геркулес боролся со змеей еще в своей колыбели. В Египте, в Индии, в Скандинавии, в Мексике мы находим ясные упоминания об одной и той же истине. “Злой дух, — пишет Уилкинсон, — и враг египетского бога Хора часто изображался в виде змея, чья голова была пронзена копьем. Тот же миф можно найти в религии Индии, где Вишну в аватаре (своем воплощении в виде) Кришны убивает злую змею Калию, а скандинавский бог Тор известен тем, что поразил голову великого змея своей булавой.

Происхождение всего этого, — добавляет Уилкинсон, — можно легко найти в Священном Писании”. У Гумбольта мы находим упоминание о похожем веровании среди мексиканцев: “Великий дух Тэотль убивает одного из подземных богов, духов зла — Какодемона, когда тот принимает обличие змея”. Во всех случаях, если основательно изучить предмет, оказывается, что змея, убивающая бога, показана страдающей и в конце гибнущей. Так, бог Тор, победив змея, погибает от его яда. Похоже, что таким же образом вавилоняне представляли и своего великого змея-разрушителя, изображенного на древних рисунках. Его таинственные страдания описаны греческим поэтом Аратусом, чей язык показывает, что когда он писал, значение описываемого было утеряно, хотя если посмотреть на это в свете Священного Писания, оно достаточно значительно: “Под ним извивается ужасная голова дракона. А его нога непоколебимо стоит на дергающейся блестящей груди чудовища”. Действия этой фигуры сами по себе предполагают титул таинственного страдальца как “сокрушитель змея”. Правда, иногда само сокрушение змея показывалось как значительно более легкий процесс, хотя при этом конечным результатом

была смерть героя, а смерть сокрушающего змея описывалась таким образом, что не оставляла сомнений по поводу того, откуда был заимствован сюжет мифа. Это особенно верно по отношению индийского бога Кришны, о котором писал Уилкинсон. В легенде о нем удивительным образом практически описывается выполнение древнего едемского обетования. Во-первых, на картинах и других изображениях он показан как наступающий одной ногой на голову великого змея. А после того, как он убивает змея, он умирает от пущенной в ногу стрелы. Так же как и в случае с Таммузом, по его поводу происходят ежегодные оплакивания. Даже в Греции в классическом мифе о Парисе и Ахиллесе имеется явная ссылка на часть древнего обетования, это что касается раны в пяту победителя. Ахиллес, единственный сын богини, был неуязвим во всем, за исключением пятки, куда и был смертельно ранен. Именно сюда прицелился его противник, и результатом стала смерть.

Таким образом, если имеется столько свидетельств, что даже язычники знали о смерти обещанного Мессии, Который через это должен был освободить их от власти смерти, т.е. дьявола, то насколько же лучше знало об этом все человечество во времена Семирамиды, когда оно было так близко к первоисточнику всего учения о Всевышнем. Когда, таким образом, имя Зороастр, “семя женщины”, было дано тому, кто (Нимрод) погиб в расцвете блестящей карьеры ложного поклонения и отступления, то нет сомнения насчет значения этого имени. И сам факт насильственной смерти героя, который, по мнению его сторонников, сделал столько благодеяний для человечества, чтобы сделать жизнь еще счастливее, чтобы избавить людей от страха грядущего гнева, что смерть, вместо того, чтобы нанести фатальный удар по его титулу, произвела совершенно противоположный эффект. Все, что требовалось для укрепления подобного отношения части тех, кто желал дальнейшего продолжения отпадения от истинного Творца, — это приписать главному покровителю отпадения черты жертвы, в которую он добровольно принес самого себя ради блага всего человечества. Именно это и произошло. Халдейская версия мифа о великом Зороастре говорит о том, что тот обратился к “Всевышнему Богу” с молитвой забрать его жизнь; его молитва была услышана, и он отошел, убедив предварительно своих последователей, что, если они должным образом будут хранить память о нем, вавилоняне никогда не лишатся своей империи. Вавилонский историк Бэрозус рассказывает именно об этом, когда пишет об отсечении головы великого бога Бэлуса. Бэлус, говорит Бэрозус, приказал одному из богов отрубить ему голову, чтобы потом смешать с землей его кровь, пролитую по его повелению и с его же собственного согласия, из чего должны быть сделаны новые творения, поскольку первое творение оказалось неудачным. Таким образом, смерть Бэлуса, которым был никто иной, как Нимрод, также как и Зороастр, была подана как вполне добровольная, совершенная ради блага человечества.

Похоже, что после того, как мертвый герой был обожествлен, были и установлены тайные Мистерии. Прежние формы отпадения от истинной веры, имевшие место во время Нимрода, стали открытыми и всеобщими. Смерть великого предводителя отпадения была не смертью погибшего в битве воина, а торжественно совершенным сознательным поступком. Это хорошо прослеживается в описаниях смерти как Таммуза, так и Осириса. Вот приводимое Маймонидам описание произошедшего с Таммузом, которое являлось частью обязательного образовательного чтения для всякого халдея: “Когда лжепророк по имени Таммуз проповедовал одному царю о том, что тому следует поклоняться определенным звездам и двенадцати знакам Зодиака, царь приказал предать его ужасной смерти. В день его смерти в вавилонском храме были собраны все изображения из всех концов земли и помещены перед громадным золотым изображением Солнца, находившегося между небом и землей. Когда было упомянуто о том, что произошло с Таммузом, это изображение пало ниц посреди храма, равно как и все остальные изображения вокруг него. Изображения плакали и рыдали всю ночь, а наутро они разлетелись во все концы земли, каждое в свой храм. И с тех пор пошла традиция каждый год в первый день месяца Таммуз плакать и рыдать о Таммузе”. В этом отрывке, несомненно, просматривается вся причудливость идолопоклонства, содержащаяся в халдейских священных книгах, которые исследовал Маймонид, но нет причин сомневаться по поводу формы и причины смерти Таммуза. В этой халдейской легенде говорится, что по повелению “одного царя” какой-то предводитель бунта (отступления) был предан смерти. Кем же мог быть этот царь, так решительно противопоставивший поклонению небесным светилам? Некоторую информацию дают описания того, что относится к египетскому Геркулесу, одному из самых ранних прообразов известного идола. Уилкинсон в своих исследованиях отмечает, что самый ранний Геркулес был именно тот, которого знали в Египте и который имел “силу богов” (т.е. дух), которой победил Гигантов. Имя истинного Создателя (Елохим) стоит во множественном числе. Таким образом, “сила богов” и “Елохима” относятся к одному и тому же понятию.

Нет сомнения, что титул и черты Геркулеса были впоследствии даны язычниками тому, кому они поклонялись как великому избавителю или мессии, точно также, как противники языческих идолов были заклеены восставшими против Небес Гигантами. Но пусть читатель сам рассудит, кем в действительности были восставшие против Небес Гиганты. Ими были Нимрод и его компания, поскольку Гиганты были теми самыми “Могущественными”, чьим предводителем и был Нимрод. Кто же тогда мог противостоять отступничеству от веры патриархов? Если в это время еще был жив Сим, что не вызывает никакого сомнения, то кто, как не он? В точном соответствии с этим выводом мы находим, что имя того, кто стоял за египетским Геркулесом, было Сим.

Тогда, если Сим был первоначальным Геркулесом, победившим Гигантов, причем не просто физической силой, а “силой Елохима” или под влиянием Святого Духа, это полностью соответствует его характеру. Более того, это прекрасно согласуется с египетским описанием смерти Осириса. Египтяне говорят, что архивраг их бога победил его не благодаря открытой силе, но благодаря *заговору* семидесяти двух начальствующих Египта, отдавшие Осириса в его (архиврага) власть, а потом умертвили, порубили мертвое тело Осириса на куски и разослали их по всем городам страны. Истинное значение этого мифа проясняется, если мы рассмотрим законодательную систему Египта. Число судей, как гражданских, так и религиозных, было семьдесят два, которые в соответствии с египетскими законами должны были определять степень наказания за тяжелые проступки, вроде действий Осириса. Для рассмотрения такого случая были необходимы два трибунала. В первом случае — это обычные судьи, обладавшие правом казнить или миловать, чье число составляло 30 человек, а над ними стоял трибунал из сорока двух судей, которые в случае вынесения Осирису смертельного приговора должны были решить, может ли его тело быть погребено, поскольку каждый человек после смерти должен был пройти через суровое испытание этого трибунала. По словам Диодора, как это приводится в стандартных изданиях, число судей было просто больше сорока, без указания их конкретного количества. В Codex Coislianus их число было “на два больше сорока”. По мнению Уилкинсона и Бунсэна, количество земных судей, занимавшихся вопросом погребения, соответствовало числу судей inferнальных сфер. На сегодня установлено, что, кроме их главы, судей было ровно сорок два человека. Упомянув это число, одинаковое как для судей этого мира, так и для судей мира загробного, Бунсэн говорит следующее: “Сорок два бога (число земных членов земного суда над мертвыми) восседают на судейских местах”. Сам Диодор, хоть и писал о числах “на два больше сорока” или “более сорока”, дает основания считать, что он говорил именно о сорока двух судьях, поскольку пишет, что “весь подземный мир теней был зеркально отображен в египетских погребальных церемониях”. Таким образом, если в подземном мире теней было точно сорок два судьи, то и количество членов земного трибунала было точно таким же.

Поскольку Осирису было отказано в погребении, то это должно было касаться обоих трибуналов. И все они во главе с Тифоном приговорили Осириса к смерти и расчленению тела на куски. Разговор идет о том, что в результате такого грандиозного заговора великому противнику системы идолопоклонничества удалось настолько убедить всех этих судей относительно гигантских размеров преступлений Осириса, что те приговорили преступника к ужасной смерти и к последующему бесчестию, чтобы и другим неповадно было совершать подобное. Расчленение мертвого тела на куски и рассылка их по всем городам страны имеет описанную в

Священном Писании параллель, когда в Книге Судей 19:29 говорится о разрезании левитами на части наложницы и рассылке ее частей во все колена Израиля. Подобный шаг был предпринят и Саулом, когда “взял он пару волов и рассек их на части, и послал во все пределы Израильские” (1 Царств 11:7). Комментаторы говорят, что как левиты, так и Саул действовали по обычаю патриархов, наказывавших посредством этого тех, кто не пришел по вызову на всеобщее собрание, и через такой ритуал как бы принуждая виновного предстать перед всеми. Разрезая и рассылая волов, Саул сказал, “что так будет поступлено с волами того, кто не пойдет вслед Саула и Самуила” (1 Царств 11:7). Подобным же образом, когда по решению семидесяти двух “заговорщиков”, или верховных судей Египта, разрезанные части тела Осириса были разсланы по всем городам, это было равнозначно торжественному провозглашению того, что “так будет сделано со всяким, кто поступит так, как поступил Осирис; что его тело также будет расчленено”.

Когда идолопоклонство и отступление опять достигло своего пика, это действие, примененное в отношении главаря отступников и деспота, каковым был Осирис, он же Нимрод, было, естественно, объектом крайнего отвращения и ненависти со стороны его сторонников. Поэтому того, кто играл в таком решении главную роль, они назвали Тифоном, или “Злым”. Уилкинсон пишет, что в Египте это ненавистное имя в разное время принадлежало разным личностям. Одна из наиболее примечательных личностей, кого называли именем Тифо, или “Злой”, был Сиф (Eriphanus, Adv. Noeres). В данном случае под этим именем подразумевался сын Ноя и брат Иафета Сим (Шем). В Египте Сим был известен и под своим непосредственным именем, когда его также называли и Тифоном. Уилкинсон в книге “Египтяне” сообщает нам, что имя Тифон обозначало “разрушение и опустошение”. Таким образом, в глазах его врагов Сим стал Разрушителем или Опустошителем, т.е. Дьяволом.

Должно быть этот ненавистный для идолопоклонников Тифон обладал немалым влиянием на умы так называемых “заговорщиков”, если с Нимродом так сурово расправились. Это показывает, что, несмотря на то, что его поступок по отношению к Осирису покрыт пеленой неизвестности, а самого его называли ненавистным именем, он был ни кем иным, как древним Геркулесом, который победил Гигантов “силой и Духом Всевышнего”.

Личность Сима имеет отношение и к мифу об Адонисе, который отождествляется с Осирисом, погибшим от клыков дикого кабана. Это довольно очевидно. Клык дикого кабана был символом. В Священном Писании клык называется “рогом”, кроме того, среди древних реков он воспринимался в таком же самом свете. В Индии есть миф о демоне “с лицом хряка”, который благодаря оказывавшемуся ему почитанию обрел такую силу, что стал угнетать своих “почитателей” или поклонников бога, которым

довелось от него прятаться. (Moog. Pantheon) Похожий миф существует даже в Японии. Пausаний считает, что в те времена многие люди воспринимали клыки как зубы, и утверждает, по моему мнению достаточно убедительно, что их воспринимали также и как “рога”.

Поскольку теперь нам известно, что в свете идолопоклоннического символизма клык воспринимался как “рог”, то становится ясно значение клыков кабана, от которых погиб Адонис. Рога быка, которые носил Нимрод, были символом физической силы. Клыки кабана были символом духовной силы. Также как “рог” означает силу, также и клык во рту означает “силу рта”. Другими словами, силу убеждения, ту самую силу, которой был одарен “Сим”, древний Геркулес. Мысль о силе рта содержится даже в древних преданиях Шотландии, что увязывается с великим сыном Ноя, получившим особое благословение Всевышнего, как об этом и сказано в Священном Писании. Кельтский Геркулес назывался Геркулес Огмиус, что в переводе с халдейского означает “Геркулес Плачущий”.

Исследователи культуры кельтов проследили происхождение имени Огмиус от кельтского слова “Огум”, что означает “секрет письма”. Но, скорее всего, слово “Огум” походит от имени бога, а не имя бога походит от него.

Никакое другое имя так не подходит к истории Сима, как это. За исключением нашего прародителя Адама, не было, возможно, другого человека, видевшего столько горя, как он. Он видел не только грандиозное духовное отступление, которое для него, человека духовного и праведного, в сочетании с ужасной катастрофой потопа, привело его в крайнее огорчение, но он пережил *семь поколений* своих потомков. После потопа он прожил 502 года, а поскольку продолжительность жизни человека после этого события была значительно сокращена, то перед его глазами умерло не меньше семи поколений его потомков (Бытие 11:10-32). Насколько же подходит имя Огмиус (Плачущий или Скорбящий) человеку с таким жизненным опытом! И как этот “Скорбящий” Геркулес показан уничтожающим и обличающим зло? Не палкой, как это делал греческий Геркулес, а силой убеждения. За ним шло множество людей, увлекаемых прекрасными, выходящими из его рта цепями из золота и янтаря, продетыми в их уши. W. Betham. Gael and Cymbri. В связи с этим Огмиусом, одним из имен Сима, великого египетского Геркулеса, победившего Гигантов, следует упомянуть и имя “Хон”. Брайант в книге “Etymologicum Magnum” пишет: “Говорят, что в египетских диалектах Геркулеса называют Хон”. Сравним это с тем, что написано у Уилкинсона, когда Хона называли Симом. “Хон” по-халдейски — значит “плакать, скорбеть”, и поскольку Сим, Священник Всевышнего, был “Хоном”, его личность и окружавшие обстоятельства соответствуют имени Хон (плачущий), что еще больше подтверждает правильность отождествления его с египетским Геркулесом. Не следует забывать, что у тех, кто старается отвернуть грешников от

заблуждений, красноречие довольно убедительно сопровождается слезами. Слезы Хона, плачущего Геркулеса, должно быть, немало помогли ему победить Гигантов.

Существует громадная разница между двумя символами — клыками кабана и золотыми цепями, выходящими изо рта и увлекающими за собой людей через протянутые сквозь их уши, но в обоих случаях эти символы прекрасно иллюстрируют одну и ту же мысль — силу убеждения, позволившую Симу в свое время противостоять обрушившимся на мир волнам зла.

После того, как Сим так сильно повлиял на умы людей, с тем, чтобы побудить их к назидательной казни великого Отступника, когда расчлененное тело этого Отступника было разослано по основным городам, где, вне всякого сомнения, была распространена его система идолопоклонства, сторонники этой системы для дальнейшего продолжения своей практики должны были совершать это в тайне. Ужас казни такого могущественного человека, как Нимрод, сделал необходимым, по крайней мере на определенное время, соблюдать крайнюю осторожность. В этих условиях и зародилась система Мистерий (таинств), где Вавилон был их центром, откуда они распространились по всему миру. В этих мистериях под завесой секретности и печати обета, а также при употреблении всякого рода магических ритуалов, люди постепенно вернулись к подавленному прежде публичному идолопоклонству, к которому были прибавлены новые, еще более святотатственные чем прежде, элементы. Эти магия и идолопоклонство были близнецами-братьями и вошли в мир одновременно, чему у нас имеется множество свидетельств. “Говорят, что он (Зороастр), — пишет историк Иустин, — первым изобрел искусство магии, и очень усердно исследовал движение небесных тел”. Иустин говорит о бактрийском Зороастре, но, по всеобщему мнению, это ошибка. Стэнли в своей книге “История Восточной Философии” приходит к выводу, что эта ошибка появилась в результате сходства имен, в результате чего бактрийскому Зороастру было приписано то, что имело отношение к халдейскому, “поскольку трудно представить, чтобы бактриец был изобретателем того, в чем живший в одно время с ним халдей был настолько сведущ”. А намного раньше точно к такому же заключению пришел и Эпифан. На основании имевшихся в его распоряжении источников он утверждает, что именно “Нимрод основал науку магии и астрономии, изобретение, приписанное позже (бактрийскому Зороастру)”.

Как мы уже увидели, Нимрод и халдейский Зороастр — одно и то же лицо. По поводу этого древние источники в точности согласуются с современными исследованиями. В арсенале секретной системы Мистерий был широкий набор средств воздействия на чувства иницилируемых, включавший в себя различные трюки и магические приемы. И, тем не менее, вопреки всем мерам предосторожности и скрытности тех, кто проводил

такие инициации, о них просочилось достаточно информации, чтобы довольно ясно взглянуть на их истинный характер. Воздействие на умы новичков было настолько интенсивным и приводило их в такое состояние возбуждения, что после этого они полностью отдавались воле священника и были готовы принять все что угодно. После того, как кандидаты для инициации проходили через исповедь и приносили требуемую клятву. “С ними происходили удивительные и странные вещи, — пишет Уилкинсон. Иногда им казалось, что вокруг них кружится или дрожит земля, иногда они видели яркий сверкающий свет и огонь, после которого вновь воцарялась тьма, иногда сверкали молнии и гремел гром, иногда слышались пугающие звуки и рев, а временами перед глазами изумленных зрителей предстали ужасные призраки. А затем им, наконец, являлся центральный объект их поклонения — Осирис, Таммуз, Нимрод или Адонис, и являлся именно так, чтобы успокоить их чувства и принять их слепую любовь.” Описание таких проявлений, хоть и очень осторожные, встречаются в литературе языческого Рима и показывают сущность магических секретов, при помощи которых достигались такие явные чудеса: “В явлении, о котором никто не должен рассказывать. . . на стене храма показался огонь, который появился вначале на большом расстоянии. Он менялся и преобразовывался в лицо очевидно божественное и сверхъестественное, немного строгое, но тронутое добротой. Согласно учениям мистических религий, александрийцы почитают его как Осириса или Адониса”. На основании этого описания нет никакого сомнения, что искусство магии было осуществляемо при помощи того же, что и в современном иллюзионизме. Такие или похожие приемы использовались в очень ранние периоды секретных Мистерий для показа живым тех, кто уже умер. В древней истории есть упоминания о временах Семирамиды, где говорится о том, что магические ритуалы совершались именно для этой цели. Это было что-то похожее на волшебный фонарь (предтеча современного кинематографа — прим. переводчика) или что-то наподобие его. По крайней мере, в более поздние времена использовались именно такие же методы, или похожие, для создания таких же эффектов. Один из источников, на которые я ссылаюсь, содержится в следующих словах Моисея из Хорена в его “Истории Армении”, где он упоминает ответ Семирамиды друзьям Арэуса, убитого в организованной ею битве: “Я отдала повеление своим богам, — говорит Семирамида, — чтобы они лизали раны Арэуса и воскресили его к жизни. Боги лизали Арэуса, — говорит она, — и возвратили ему жизнь”. Если Семирамида действительно совершила то, о чем говорит, то это должно было быть чудо. Магические эффекты были на самом деле лживыми чудесами; и Иустин и Эпифан показывают, что лжечудеса появились при зарождении идолопоклонства. Если бы лжечудеса воскресения мертвых при помощи магии не практиковались во времена Семирамиды, то маловероятно, что она дала бы такой ответ

тем, кого она хотела успокоить; а с другой стороны, как она вообще могла бы помыслить о том, чтобы дать такой ответ, и опять же, как она могла бы ожидать желаемого эффекта от ответа, если бы в то время уже не существовала вера в силу некромантии? Мы знаем, если верить Манэто, что в Египте приблизительно в это же самое время практиковалось искусство магии. Иосевий пишет: “Манэто говорит, что он (старший Хор, о котором говорится как о человеке и о смертном царе) был допущен в присутствие богов, и что Амэнофис хотел удостоиться такой же чести”. Это так называемое допущение в присутствие богов подразумевало использование искусства магии, о котором упоминается в тексте.

В ловких руках хитрых и изобретательных людей это было мощное средство воздействия на тех, кто был к этому готов и хотел этого, кто питал отвращение к святой вере в настоящего Творца, для тех, кто был привержен подавленной системе идолопоклонства. Для тех, кто контролировал Мистерии, после того как они открыли неизвестные большинству людей секреты, которые они тщательно хранили, было легко визуально показывать людям, что Таммуз, который был убит, и о котором стояло такое сильное стенание, был, на самом деле, жив и наделен божественной небесной славой. Разве так трудно было поверить в слова, сходящие с уст настолько чудесно прославленного, или, что практически тоже самое, из уст невидимого священника, говорившего где-то за сценой?

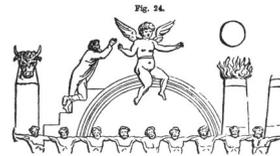
Таким образом, вся система тайных Мистерий Вавилона была направлена на прославление мертвого человека; а после того, как поклонение мертвому было упрочено, последовал массовый приток поклонников. Это проливает свет на язык Псалма 105:28, где Всевышний, укоряя Израиль в отпадении от Него, говорит: “Они прилепились к Баал-пэору и ели жертвы мертвым”. Таким образом, для возникших на исторической сцене Мистерий был открыт путь всякого рода мерзостям и преступлениям; поскольку это вполне подходило тем, кто не хотел обращаться к Всевышнему за знанием и верой и предпочитал видимые объекты для поклонения, которые воздействовали на их органы чувств и на их плотской ум. Для них не было никакого другого основания для веры и ее практического воплощения, кроме как заповеди, которые они слышали своими собственными ушами в сопровождении многих величественных проявлений почитаемого ими божества.

Тщательно разработанная схема возымела свое действие. Семирамида переняла славу от своего покойного и обожествленного мужа; и со временем им обоим с невероятным рвением стали поклоняться как Рее и Нину, или “Богине-Матери и Сыну”, а их изображения были повсюду, которые почитались с не меньшим усердием. Похоже, что публичного идолопоклонства не было до царствования внука Семирамиды Ариоха или Ариуса. (Cedreni Compendium)

То, что Нимрод был негром, не явилось препятствием для поклонения

ему. Это неудобство было легко устранено. Согласно халдейскому учению о переселении душ, было лишь необходимо учить тому, что Нин появился вновь в виде посмертного сына, сверхъестественно рожденного его же вдовой-женой после того, как отец отошел во славу. Поскольку у развратной и распущенной Семирамиды было множество детей, которым нельзя было приписать конкретного земного отца, то такое утверждение легко освящало грех и позволяло ей убажывать чувства тех, кто не хотел поклоняться Господу, и при этом не хотел склоняться перед богом-негром. В свете, падавшем на Вавилон от Египта, а также на основании многочисленных изображений вавилонского ребенка на руках богини-матери, у нас есть все основания полагать, что так оно и было. В Египте излюбленным объектом для поклонения был белокурый Хор, сын черного Осириса, который изображался на руках у богини Исиды. Хор, как говорили, был чудесным образом рожден в результате связи этой богини с Осирисом уже после смерти последнего. Так что новорожденный был новым перевоплощением (реинкарнацией) этого бога, рожденного вновь для совершения возмездия над своими убийцами. Примечательно, что в наши дни (1853) во многих странах миллионы людей, никогда не видевшие живых негров, поклоняются богу-негру. И тем не менее, как мы увидим дальше, среди цивилизованных народов античности Нимрод не пользовался почти никаким уважением именно “по причине своего отвратительного вида”. Даже в самом Вавилоне посмертный ребенок, отождествлявшийся со своим отцом, и унаследовавший славу своего отца, и при этом имевший внешность (белую расу) своей матери, стал любимой разновидностью божественного сына Мадонны.

Этот сын на руках у матери, которому так широко поклонялись, считался наделенным всеми характерными чертами и был называем почти такими же именами, что и обетованный Мессия. Как Мессия в Ветхом Завете назывался Адонай, так и Таммуз назывался “Адон” или “Адонис” (Господь).

Под именем “Митрас” ему поклонялись как “Посреднику”. Как Посредник и глава завета благодати, он являлся стилизованным Баал-беритом, “Господом Завета” (Судей 8:33). В этой ипостаси он представлен в персидских памятниках сидящим на радуге, хорошо известном символе завета. В Индии он был известен под именем Вишну, “Хранитель или Спаситель людей”, который, несмотря на свою божественность, был почитаем как великий “Человек-Жертва”, который еще до появления миров, поскольку больше жертвовать было нечего, принес в жертву себя самого. Священные книги индуизма учат, что таинственное приношение состоялось до создания всего, и равного этому жертвоприношению не было никогда. В роли искупляющего бога Вишну, как сказано, “удаляет шипы (колюч-

ки) трех миров” (Moog. Pantheon). “Шипы” (колючки) были символом проклятия — Бытие 3:18.

Кто-нибудь задумывался над тем, почему такие слова содержатся в священных книгах языческой мифологии? Почему, собственно? С тех пор, как грех вошел в мир, был один единственный путь для спасения — через кровь вечного завета — путь, о котором когда-то знало все человечество еще с дней праведного Авеля. Когда Абель, благодаря своей вере, принес Всевышнему жертвоприношение более превосходное, чем Каин, это была его вера “в кровь закланного Агнца”, которая по замыслу Всевышнего еще до сотворения мира в надлежащее время должна была быть действительно пролита на Голгофе. Так что Абель вложил в свою жертву все свое прилежание. Если Абель знал о “крови Агнца”, почему бы и индусам было не знать о ней? Одно короткое слово показывает, что даже в Греции когда-то знали цену “крови Всевышнего”, хоть эта цена, как это видно по произведениям греческих поэтов, была крайне завуалирована и искажена. Это слово — “ихор”. Каждый читатель классической греческой литературы знает, что “ихор” — это кровь греческих мифологических богов. По словам Гомера — это “влага, какая струится у жителей неба счастливых”. И в другом месте: “из чистой вены течет бессмертный ихор, струится из раны раненого бога”. Каково значение слова “ихор”? В греческом языке у него нет никакого этимологического значения, однако в халдейском языке “ихор” означает: “драгоценность; нечто драгоценное”. Такое название, применительно к крови божества, могло иметь только один источник. Оно свидетельствует о своем происхождении от древней традиции патриархов, о знании того, что позволило Авелю видеть в будущем “драгоценную кровь” Мессии, самый “драгоценный” дар, который могла подарить виновному миру любовь Всевышнего. Эта кровь единственного подлинного “Человека-Жертвы” в то же самое время является действием истины, “крови Всевышнего” (Деяния 20:28). Даже в самой Греции с существовавшим в ней крайне языческим учением, знание об этом не было окончательно утеряно. Оно было смешано с ложью и мифами, оно было сокрыто от большинства людей; и тем не менее, оно занимало важное место в тайной мистической системе. По словам Сервиуса, главная цель Вакхических оргий была “в очищении душ”, и во время этих оргий в память о крови великого бога обязательно проливалась кровь животных, что должно было, как считалось, символизировать пролитие крови этим божеством и “очищение” от греха. Мы уже увидели, что страдания вавилонского Зороастра и Бэлуса носили, по учению их почитателей, явно выраженный добровольный характер ради блага всего человечества и были связаны с поражением великого змея в голову, что подразумевало удаление греха и проклятия. Если греческий Бахус (Вакх) был лишь одной из форм вавилонского божества, тогда его страдания и пролитие его крови должны были быть представлены как совершенные

ради той же самой цели — для “очищения душ”. Давайте смотреть на хорошо известное в Греции имя Бахуса именно с этой точки зрения.

Имя Дионисий. Каково значение этого имени? До сих пор оно не поддавалось никакой интерпретации. Но рассмотрим его как неотъемлемую часть языка той страны, откуда первоначально походит сам этот бог, и его значение становится вполне понятно. “Дъион-нусо-с” означает “понесший грех”, имя, полностью соответствующее личности того, чьи страдания были так таинственно представлены и кого считали великим очистителем душ. Фраза из Книги Исход 28:38 “понесет беззаконие” — “нша эон” (первая буква в слове “эон” — аин). Синоним для слова “эон” (беззаконие) — “аон” (где первая буква — алеф). В халдейском языке первая буква превращается в “и”, следовательно, “беззаконие” — “ион”. Тогда “нша” (нести) в соответствующей форме становится “нуша”. Поскольку у греков не было звука/буквы “ш”, то оно превращается в “нуса”. “Дэ”, или “Да”, означает “Этот” или “Великий”. Отсюда “Дъион-нуса”, что означает “Великий, несущий грех”. То, что античные язычники имели некоторое понятие о вменении в вину греха и о заместительном страдании, доказывают слова Овидия об Оленосе. Оленос, по его словам, принял на себя и добровольно понес обвинение и наказание за то, в чем не был виновен. По словам поэта, под тяжестью этой вмененной ему вины Оленос претерпел такой ужас, что превратился в камень. Поскольку камень, в который превратился Оленос, был поставлен на священной горе Ида, это показывает, что Оленос, должно быть, считался священной личностью. (см. примечания в конце раздела). Этого вавилонского бога, известного в Греции как “Понесший грех”, а в Индии, как “Человек-жертва”, а также среди буддистов Востока, систем, в основе которых лежала вавилонская первооснова, называли “Спаситель мира”. Достаточно хорошо известно, что Греки иногда поклонялись верховному богу по имени “Спаситель Зевс”, но считалось, этот титул имел отношение лишь к спасению во время битвы или другому временному избавлению. Но поскольку известно, что “Спаситель Зевс” был исключительно титулом Дионисия, “понесшего грех Бахуса”, его личность как “Спасителя”, начинает выглядеть в несколько ином свете. В Египте халдейский бог был важным объектом любви и обожания как бог, через которого “человечеству были явлены добро и истина”. Он считался предопределенным наследником всего; и считалось, что в день его рождения был слышен голос, провозгласивший “Родился Повелитель всей земли”. В этой ипостаси он был своего рода “Царь царей и Повелитель повелителей”. Он не только почитался как “Царь мира”, но и считался Повелителем невидимого мира и “Судьей мертвых”. По существовавшему тогда учению в мире духов всякий человек должен предстать перед ужасным трибуналом, где будет определена дальнейшая участь умершего. Как и настоящий Мессия, предсказанный в пророчествах как “Человек, чье имя будет ветвь (отрасль)”, языческий бог не только назывался Отрасль

Куша, но и Отрасль Всевышнего, который был милостиво дарован миру для исцеления от всех болезней. В Вавилоне ему поклонялись под именем Эль-Бар, или Бог Сын. Вавилонский историк Бэрозус называет его именно этим именем, ставя на второе место в числе главных вавилонских богов.

Это эзотерическое (известное или понятное лишь посвященным) значение “Золотой Ветви” мы находим у Вергилия и у друидов (Ветвь омелы). Это подтверждается некогда широко распространенным поклонением священным ветвям. Этим занимались не только африканские негры при поклонении фетишам, в качестве которых иногда выступали священные ветви (Hurd. Rites and Ceremonies, но следы этого можно найти и в Индии. Мой брат С.Хислоп, миссионер в Нагпоре, сообщает мне, что покойный раджа Нагпора каждый год, в определенный день совершал поклонение ветви определенного вида дерева, называемого Апта, посаженного специального для этого. Во время ритуала этому дереву воздавались божественные почести, потом его выкапывали, а листья раздавались местным принцем другим титулованным особам. На улицах города во множестве продавались такие же деревья, а листья под названием “сона” (золото) дарились друзьям.

Имя Эль-Бар приведено здесь в еврейском варианте. Оно широко известно широкому читателю по английскому переводу Библии. Халдейская форма этого имени — “Ала-Бар”, что у Бэрозуса на греческом языке звучит как “Ала-Пар”, плюс традиционный греческий аффикс “ос” на конце. Изменение “Бар” на “Пар” в греческом языке основано на том же принципе, что и “Аб” (отец), которое по-гречески звучит как “Аппа”, а “Бард” (пятнистый) становится “Пардос” и т.д. Это имя (Ала Бар), возможно, было дано Бэрозусом Ниниасу как законному сыну и преемнику Нимрода. То, что имя Ала-Пар-ос изначально предназначалось для обращения к божеству, “Сыну Бога” или “Богу-Сыну”, подтверждается еще одним вариантом прочтения того же самого имени, написанного по-гречески. Это имя Аласпарос. Имя Пирсипорус, употребляемое по отношению к Бахусу, значит “Игнигена” (или “Семя Огня”); а Ала-спорос (“Семя Бога”) — это лишь похожее выражение, образованное таким же самым образом в соответствии с законами греческого языка.

Под этим именем он был найден Лаярдом на скульптурах Ниневии. Имя Бар (Сын) имеет знак, обозначающий “Эль” (Бог). Под тем же именем его нашел Сэр Х.Ролинсон. Здесь имена “Бэлтис” и “Сияющий Бар” находятся в непосредственном соседстве. В ранние времена в Египте ему поклонялись под именем Бар, хотя в более поздние времена бог Бар понизился рангом в популярном пантеоне, уступив место другому популярному богу. По словам Овидия, в самом языческом Риме ему поклонялись под именем “Вечный Мальчик”. Таким вот непосредственным образом обычный смертный человек был противопоставлен “Сыну Благословен-

ного”.

Чтобы понять истинное значение вышесказанного, следует обратиться к примечательной форме клятвы, распространенной среди римлян. В Риме самой священной формой клятвы была (как мы узнаем из *Aulus Gellius*) во имя “Юпитера, Камня”. Само по себе это звучит бессмысленно. Но если перевести “*lapidem*” (камень) на священный халдейский язык, клятва звучит как во имя “Юпитера, Сына” или во имя “сына Юпитера”. “Бэн”, что по-еврейски “Сын”, в халдейском языке становится “Эбэн”, что также обозначает камень, что видно на примере слова “Эбэн-эзэр” (Камень помощи). Самые серьезные исследователи древних источников признают, что римская форма имени “Юпитер” была заимствована от еврейского “YHWH — Имени Всевышнего. Это объясняет, почему самые сильные клятвы приносились в вышеописанной форме. Это также показывает, почему Бахуса, “сына Юпитера”, называли “Вечным Мальчиком”. (Овидий. *Метаморфозы*).

Примечания: Оленос, Понесший грех

В различных частях этой работы приводятся свидетельства того, что Сатурн, “отец богов и людей”, был, в определенном смысле, нашим пра-родителем Адамом. О Сатурне также говорится и то, что он пожрал всех своих детей. Иногда говорится о том, что он пожрал своих детей только мужского пола, но в Смитовском “*Classical Dictionary*”, в статье “Гера”, написано, что он пожрал всех своих детей обоих полов.

В эзотерической истории, адресованной тем, кто не был посвящен в тайный смысл, это представлялось мифом, с которым мы все знакомы: он пожрал их всех сразу после их рождения. Но реальное содержание этого состоит в изложенном в Священном Писании факте грехопадения, т.е. он уничтожил их не через съедение, а через съедение запретного плода. Дальнейшее повествование языческого мифа говорит о том, что уничтожение детей отца богов и людей было совершено при участии его жены Рея. Рея, как мы уже увидели, внесла такой же вклад в пожирание детей Сатурна, что и сам Сатурн; но по мере развития язычества и идолопоклонства, Рея, или Ева, получила славу за счет Сатурна. Сатурн, или Адам, стал представляться как мрачное божество, в то время, как Рея, или Ева — исключительно добрая, которая подарила своему мужу камень, завернутый в пеленки, который тот жадно сожрал, и таким образом дети отца-каннибала были спасены. Камень, завернутый в пеленки, на священном языке звучит как “Эбн Хатул”, но “Эбн-Хат-тул” означает также “несущий грех сын”. Слово “хата” (грех) есть также и в халдейском языке. Если вспомнить Хора с его повязками, Диану с повязкой вокруг головы, символического быка персов, обмотанного похожим образом, и даже используемое таитянами в качестве бога бесформенное полено, обмотанное веревками,

то можно увидеть, как мне думается, что в таких повязках (обматывании, пеленании) содержалась некая важная тайна.

Это не обязательно значит, что Ева, или мать человечества, сама родила обетованное семя (хотя насчет этого есть множество мифов), но что, приняв благую весть сама, она передала ее мужу, который верой принял ее от жены, что и положило основание его личного спасения и спасения его потомков. Пожирание Сатурном завернутого в пеленки камня — это лишь символическое выражение готовности, с которой Адам верой принял благую весть о семени женщины; поскольку как в Ветхом, так и в Новом Завете действие веры символизируется приемом пищи. Так, Иеремия (15:16) говорит: “Обретенны слова Твои, и я съел их; и было слово Твое мне в радость и в веселие сердца моего”. Это также хорошо показано Самим нашим Повелителем Мессией Иисусом, Который говорил о необходимости есть Его тело и пить Его кровь, и в то же самое время сказал: “Дух дает жизнь, от тела же нет никакой пользы. Слова, которые Я вам говорил, — это дух и жизнь” (Иоанна 6:63). То, что Адам с готовностью принял благую весть об обетованном семени и сложил ее в своем сердце как жизнь своей души, очевидно из имени, которым он назвал свою жену сразу после того, как услышал об этом: “И назвал Адам жену свою: Ева, ибо она стала матерью всех живущих” (Бытие 3:20).

История о завернутом в пеленки камне не заканчивается пожиранием его и уничтожением детей Сатурна. Как гласит миф, этот завернутый камень “был принесен в дельфийский храм, где о нем заботились и смазывали оливковым маслом, и покрыли его шерстью” (Maurice. *Indian Antiquities*). Если этот камень символизировал “понесшего грех сына”, то, конечно же, он символизировал Агнца Всевышнего, убитого от основания мира, который был символически покрыт, когда наши прародители получили от Творца одежды из кожи. Таким образом, хоть для глаз он выглядел как камень, но должен был иметь подобающее покрытие из шерсти. Когда он был представлен как отрасль, отрасль верховного бога, отрасль также была покрыта шерстью (Potter, *Religion of Greece*). Ежедневное помазание маслом очень важно. Если камень представляет “понесшего грех сына”, что могло означать помазание маслом этого “понесшего грех сына” как не указание на “Помазанного Повелителя”, или “мессию”, которому поклонялись идолопоклонники в противопоставление истинному Мессии, Который должен был еще открыться?

Одно из имен, которым называли этот завернутый и помазанный камень, звучит поразительным подтверждением вышесказанного вывода. Это имя — Баитулос. Его мы находим у Прискиана, который, говоря об “этом камне, пожранным, согласно мифу, Сатурном”, называет его по-гречески “Баитулос”. “Бъаитуло” значит “ребенок, возвращающий жизнь”. От халдейских слов “тли”, “тле” или “тло” (ребенок), и от “хиа” или “хайа” (жить, возвращать жизнь). Это “хиа” в греческом варианте произносится

как “хайа”. У нас есть данные, что существительное “хиим” (жизнь) также произносилось как “хайим”, что по-гречески означает “кровь”. Принцип Торы “кровь — это жизнь”, таким образом, был известен не только иудеям. “Хайа” (жить, восстанавливать жизнь) с дигаммой-префиксом становится “бъайа”. В Египте слово “бай” означало “душа” или “дух” (Bunsen), что является принципом жизни. Тогда “бъаитулос” означает “ребенок, возвращающий жизнь”. Пъайа-н — имя бога.

Отец богов и людей уничтожил всех своих детей путем их пожирания; но, как гласит миф, принятие “завернутого в пеленки камня вернуло их к жизни” (Гесиод. Теогония). Отсюда и имя Баитулос, а его значение полностью находится в соответствии с тем, что Санчуниатон сказал о Баитулиа, созданной финикийским богом Оураносом: “Бога Оураноса придумал Баитулиа, создав камни, двигавшиеся как живые”. Если камень Баитулос показан как “ребенок, возвращающий жизнь”, то вполне естественно, что этот камень должен был, по возможности, быть создан имеющим видимость как сам обладающий жизнью.

Существует сильная аналогия между завернутым в пеленки камнем, представлявшим “понесшего грех сына”, и упомянутого Овидием Оленосом, который взял на себя не свою вину, и превратившимся в результате в камень. Мы уже увидели, что Оленос, превратившись в камень, был поставлен во Фригии на святой горе Иды. У нас есть основания полагать, что камень, который, согласно мифу, столько сделавший для детей Сатурна, был установлен поблизости дельфийского храма и представлял того же самого Оленоса. Мы знаем, что Олен был дельфийским оракулом (пророком), основавшим в Дельфах первый храм. Поскольку пророки и священники обычно имели имена богов, которых они представляли (Хесихиус вполне недвусмысленно говорит нам, что когда священник представлял в мистериях великого бога под именем ветви, то и его самого называли именем Бахус), это свидетельствует о том, что одним из древних имен бога было имя “Дельфи”. Если, таким образом, на горе Ида на территории основанного Оленом дельфийского храма находился священный камень Оленоса, можно ли сомневаться в том, что священный камень в Дельфах обозначал то же самое, что и священный камень Иды? Завернутый в пеленки камень, поставленный в Дельфах, цитировавшийся выше Прискиан, недвусмысленно называет “бог”. Этот бог, символический помазанный елеем, считался тем, что вернуло к жизни детей Сатурна, отца богов и людей. Доказано, что этот камень, который отождествлялся с Оленосом, занимал место понесшего грех Мессии, пришедшего для того, чтобы взять грехи людей и занять их место, и пострадать вместо них; поскольку Оленос, как мы уже увидели, добровольно взял на себя грех, который он сам не совершал.

Мы уже рассмотрели, как много веры патриархов кроется под мистическими символами язычества. При этом следует отметить, что Тайна Беззакония проявилась в том, что завернутый в пеленки камень язычества оказался среди того, что называется христианским символизмом. Баитулос, или завернутый в пеленки камень, имел округлую или шаровидную форму. Когда Брайант показывает, что богиня Сибила считалась “Spes Divina” (Священной надеждой), мы видим основание этой священной надежды, предлагаемое миру в виде завернутого в пеленки (четыре различных пеленки) камня, который она держит в правой руке.

В книге Дэвида “Antiquites Etrusques” мы находим богиню с ящиком Пандоры — источником всех бедствий, который она держит в своей вытянутой руке, а в ящике виднеется перевязанный (завернутый в пеленки) шар; и если у шара только две повязки, то они пересекаются крест-накрест. И этот перевязанный языческий шар язычников является двойником шара в пеленках, и мистический Тау, или крест, на нем называется разновидностью “державы” и часто встречается на профанирующих все истинно святое изображениях “Бога-Отца” Излишне говорить, что крест известен как самый популярный символ “Сына Божьего”, которого представляет и завернутый в пеленки камень. Поскольку бог, которого символизирует завернутый камень, не только возвратил к жизни детей Сатурна, но и восстановил владычество над землей самому Сатурну, которое тот утратил в результате прегрешения, то нет ничего удивительного в том, что, согласно мифу об “этих освященных камнях”, из которых некоторые были посвящены Юпитеру, а другие — Солнцу, они считались священными именно в связи с Сатурном, отцом богов (Maurice), и что Рим впоследствии вложил круглый камень в руку изображения, которое святотатственно называют “Бог-Отец”, а этот круглый камень, окруженный знаком Таммуза (буква Тау (T), крест), по всей папской Европе стал символом владычества (“держава” в руке у монарха).

Часть VIII.

Мать ребенка.

Если первоначально мать получила свою славу от божественности, приписываемой ребенку у нее на руках, то в конечном итоге ее собственная слава *затмила* славу ребенка. Прежде всего не ясна первопричина обожествления матери. В свое время было обетование, которое дало человечеству основания для ожидания того, что когда-нибудь Сын Всевышнего чудесным образом снизойдет на землю как Сын Человеческий. Но не было и намека относительно обещания того, что женщине когда-либо будут приписаны качества, могущие вознести ее на один уровень с Всевышним. Это было до крайней степени невозможно, поэтому, когда мать была впервые изображена с ребенком на руках, она не предназначалась в

качестве объекта поклонения. Она, несомненно, была использована как пьедестал для божественного Сына, и то, что она родила его человечеству, давало ей достаточно славы и выделяло ее среди остальных дочерей Евы, ведь она родила обетованное семя, единственную надежду мира. И хоть, несомненно, так первоначально и было задумано, но основным принципом идолопоклонства является, в первую очередь, воздействие на чувства человека. Даже в своем новом воплощении, которым, по верованиям язычников, являлся Нимрод в новом теле, Сын был мало привлекателен, тогда как держащая его на руках мать была изображена со всем умением тогдашнего искусства живописи и скульптуры. Она была показана необычайно красивой, какой она и была при жизни. Говорят, что красота Семирамиды однажды послужила причиной подавления восстания среди ее подданных, когда она неожиданно появилась среди них; сохранились упоминания о необычайном воздействии на умы людей ее статуи, воздвигнутой в Вавилоне. Валериус Максимус не упоминает ни о каких изваяниях Семирамиды с ребенком на руках; но пишет об обожествленной Семирамиде в виде богини Реи, Богини-матери. У нас есть данные, что имя “Семя Женщины” (Зороастр) имеет очень древнее происхождение, с времен самой Семирамиды, что наводит на мысль о том, что если существовало какое-либо изображение для поклонения, то “Семя Женщины” занимало в нем значительное место. Во всем мире можно в той или иной форме встретить Мать и ребенка. Их можно обнаружить на ранних египетских монументах, и это показывает, что поклонение своими корнями должно уходить в ранние эпохи истории. Если, таким образом, мать единолично изображалась в таком восхитительном виде, то можно быть уверенным в том, что она наделялась такой же красотой, когда изображалась вместе с ребенком у нее на руках.

Эта вавилонская царица была не просто похожа своей *персоной* на греческую Афродиту или римскую Венеру, но, как свидетельствуют факты, была историческим прототипом для этих богинь, которые в античные времена считались самым воплощением всего самого привлекательного в женщине, образцом женской красоты. Ибо Санчуниатон сообщает нам, что Афродита, или Венера, отождествлялась с Астартой, а Астарта была никем иным, как “женщиной, построившей башни и городские стены”, т.е. Семирамидой. Как известно, римская Венера была кипрской Венерой, а исторически доказано, что Венера с Кипра происходит из Вавилона. Таким образом, если ребенок был объектом для поклонения, то тем более — и его мать. Фактически, мать стала излюбленным объектом для поклонения. Насколько экстраординарной, даже фанатичной, была приверженность вавилонян этой царице-богине хорошо иллюстрируется словами Геродота, когда он пишет о том, как нужно было ее ублажать. То, что целый народ принял этот обычай, показывает, какое влияние на них оказало поклонение ей. Ноннус, говоря о той же самой богине, называет

ее “надеждой целого мира”. Это была та же самая богиня, которой, как мы уже увидели, поклонялись в Ефесе и о которой серебряных дел мастер Димитрий сказал так: “Богиня, которой народ поклоняется в Азии и во всем мире” (Деяния 19:27). Поклонение этой царице-богине было таким сильным не только среди вавилонян, но и во всем древнем мире; так что слава Семирамиды полностью затмила славу ее мужа Нина (Нимрода). Что касается Реи, Сиби́лы и Венеры, то смотрите примечания ниже.

Для оправдания такого поклонения, мать была вознесена до статуса божества так же как и ее сын; ее рассматривали как предназначенную для поражения змея в голову. Для этого она и произвела на свет великого Сына — Нина (Нимрода).

Римская Церковь подчеркивает, что змея поразил в голову не столько сын (*семя*, сколько сама женщина. Вопреки всем правилам грамматики о ней говорится как об исполнительнице приговора свыше: “*Она* поразит тебя в голову, а ты порaziшь *ее* в пятау”. Так же говорили и древние вавилоняне, которые символически изображали ее в своих храмах. Рассказывая о вавилонской башне, или храме Бэла, Диодор Сикулюс сообщает нам, что там стояли три статуи великих вавилонских богов, и одна из них — *женщина*, схватившая голову змеи. Среди греков бытовала такая же символика. Диану, берущую свое начало от греческой богини, также изображали держащей в руках *обезглавленную змею*. По мере того, как шло время и факты об истории с Семирамидой покрывались исторической пеленой времени, с необычайной смелостью было провозглашено о чудесной природе рождения ее сына. Поэтому ее называли “Alma Mater”, “Дева-Мать.” Точно такое же слово “Альма (Alma)” употребляется пророком Исаией в еврейском Ветхом Завете, когда он говорит о 700 годах перед рождением Мессии от Девы. Закономерен вопрос: а как еврейское слово “Альма” (не в римском, а в еврейском значении) оказалось в Риме. Ответ таков: через Этрурию, имевшую тесные контакты с Ассирией. Слово “матэр (mater)”, от которого происходит наше слово “матерь”, имеет еврейское происхождение. Оно образовано от еврейского слова “мш” (выявлять), а по-египетски “мс” (производить, породить) (Bunsen), что в халдейском языке приобретает форму “мт”, а по-египетски “маут” (матерь). “Эр”, равно как и в английском языке (такая же форма есть и в санскрите) значит “делающая”. Так что “матэр” или “матерь” означает “производящая, порождающая”.

В свете вышеизложенного могут возникнуть сомнения относительно употребления эпитета “альма” по отношению к Венере, которая, естественно, не была девственницей. Но это сомнение скорее кажущееся, чем реальное. По свидетельству Августина, лично бывшего свидетелем подобного язычества, мы знаем, что ритуалы Весты, называвшейся под именем “Терра”, “римской богиней-девственницей”, были точно такими же, что и ритуалы Венеры, богини нечистоты и разврата (Augustine, De Civitate

Dei). А в другом месте Августин говорит, что Весту, богиню-*девственницу*, некоторые называли “Венера”.

Даже в мифологии скандинавов есть весьма примечательное свидетельство о том, что первоначально им была известна *Альма Матэр*, или *Мать-Девственница*. У них был бог по имени Хэймдал, описываемый в мифах самыми возвышенными словами, который мог слышать, как растет трава из земли или шерсть на спине овцы, и когда он трубил в свою трубу, его можно было слышать во всех мирах. Этого бога называли парадоксальным именем “сын девяти девственниц” (Mallet). Очевидно, что здесь кроется какая-то загадка. Пускай ключ к разгадке даст язык, на котором первоначально возникла религия Одина, а именно — халдейский. Разгадка в этом случае мгновенна. По-халдейски “сын девяти девственниц” звучит как “Бэн-Альмэт-Ишаа”, “сын девы спасения”. Этот сын повсеместно известен как “спасительное семя”. “Зэрахоша” и его дева-мать, названная впоследствии “девой спасения”. Даже на самих Небесах Всевышний сделал так, что Его враги свидетельствуют о великой истине Священного Писания, провозглашенной еврейским пророком: “дева родит сына, чье имя будет Эммануэл”. Любимое большинством астрономов созвездие Девы было посвящено Церере, великой вавилонской богине, поскольку Церере поклонялись вместе с ребенком у ее груди (Софокл. Антигона), точно так же как и в случае с вавилонской богиней. Дева первоначально была ассирийской Венерой, матерью Бахуса или Таммуза. Тогда Дева была *Девой-Матерью*. Этот *новый* титул вавилонская богиня получила после того, как плененные евреи принесли в Вавилон пророчество Исаии.

То, что рождение Великого Избавителя должно было носить чудесный характер, было широко известно еще до мессианской эры. На протяжении столетий, по некоторым мнениям, за тысячи лет до пришествия Мессии, среди буддистских священников существовало предание, что *Дева* должна родить ребенка, который будет благословением для мира. То, что это предание не имеет папистских или христианских корней, очевидно из того, насколько сильно были удивлены и впечатлены миссионеры-иезуиты, когда впервые попали на Тибет и в Китай. Здесь они обнаружили не только поклонение матери и ребенку, но и то, что мать, которой здесь поклонялись, в точности соответствовала их собственной Мадонне, “*Virgo Deipara*, (Дева, Матерь Божья), причем это было в тех местностях, где не было и намека на знание о Мессии Иисуса.

Сэр Дэвис приводит отчет папских миссионеров, которые пишут о том, что в священных книгах китайцев говорится не только о Святой Матери, но и о Матери-Деве. Более подробную информацию не эту тему смотрите ниже.

Древнее обетование о том, что “семя женщины поразит змея в голову”, естественным образом наводит на мысль о чудесном рождении. Учение священников и человеческие предположения породили веру в то, что они

могут сами увидеть исполнение этого обетования; и царица Вавилона оказалась им той, кому следовало воздать честь. Соответственно, ей были присуждены самые высокие титулы. Ее назвали “царицей небесной” (Иеремии 44:17,18,19,25).

Когда Ашту, или “женщину”, стали называть “царица небесная”, имя “женщина” стало самым высоким титулом, которым награждали собственно женщину. Это было обычной практикой среди древних народов Востока, когда к царицам и самым уважаемым особам женского пола обращались по имени “женщина”. “Женщина” в нашем языке сейчас является самым обычным словом; но раньше наши предки (автора книги (англичане)) употребляли его точно так же как и восточные народы. Английское слово “queen” (королева, царица) происходит от “cwīno”, которое у древних готов означало “женщина”.

В Египте ее называли Атор, т.е. “место обитания Бога” (Bunsen), что подчеркивало ее пребывание среди “полноты Бога”. Для того, чтобы подчеркнуть значительность богини-матери в ее пантеистическом смысле, как когда-то делалось исповедниками истинной веры в отношении Бесконечного и Всемогущего Творца, на одном из ее храмов была сделана надпись: “Я есть все, что было, что есть, и что будет. Ни один смертный не снял моего покрова. Плод, который я принесла, — Солнце”. В Греции у нее было имя Гестия, а у римлян — Веста, что является всего лишь разновидностью того же самого имени — имени, которое, хоть обычно и понималось в ином смысле, в действительности значило “Место обитания/пребывания”. Гестия по-гречески значит “дом” или “обиталище”. Оно обычно считается второстепенным значением этого слова, а его основное значение — “огонь”. Но то, что мы сказали о Гестии, показывает, что это имя происходит от “гес” или “гесэ” (покрывать, укрывать), что имеет непосредственное отношение к дому, который “покрывает” или “укрывает” от непогоды. Глагол “гес” также означает “защищать”, “проявлять милость”, от которых, вполне очевидно, берутся черты личности Гестии: “защитница просящих”. Если взять за основание посылку то, что “Гестия” происходит от “гес” (покрывать, укрывать), то легко принять следующее утверждение Смита: “Гестия была богиней домашнего очага, которая дарует всякое домашнее счастье. В качестве каковой она, как верили ее поклонники, жила в каждом доме, а также изобрела ремесло строительства домов”. Если “огонь” первоначально увязывался с Гестией, то каким образом “огонь” мог быть причастен к “строительству домов”!? Но если рассматривать Гестию в смысле Обиталища или Жилища, происходящую от “гес” (убежище, укрытие), легко увидеть, как Гестия стала увязываться с “огнем”. Богиня, считавшаяся “Обиталищем Бога”, была известна под именем Ашта (Женщина), тогда как “Ашта” также означает “огонь”. Таким образом, Гестия, или Веста, по мере развития вавилонской системы стала с легкостью соотноситься с “огнем”, стала “богиней огня”.

О том, что предложило идею того, чтобы богиня-мать стала Обиталищем, смотрите примечания ниже.

Гестии или Весте, как Месту обитания божества, был посвящен орфический гимн:

Дочь Сатурна, почтенная дама,
Живущая среди сияния вечного огня,
В тебе боги нашли свое *место обитания*,
Надежное основание для смертных.

(Taylor. Orphic Hymns: Hymn to Vesta). Хотя Веста здесь и называется *дочерью* Сатурна, во всех пантеонах она также соотносилась с Сибиллой или Реей, женой Сатурна.

Даже когда Веста отождествляется с огнем, отчетливо проявляется один и тот же вид личности Весты как “Места обитания”. Так, Филолаус, говоря об огне посреди центра мира, называет ее “Веста вселенной, дом Юпитера, мать богов”. В Вавилоне титул матери-богини как “Места обитания” богов был Сакка, или в другой форме — Сакта, что значит “скиния, шатер”. Отсюда и по сегодняшний день великая индийская богиня называется Сакти, что значит “скиния, шатер”. Синоним для слова “Сакка” (скиния) — “Ахел”, слово, которое при расстановки огласовки произносится “Охел”. Из первой формы слова было образовано имя жены бога Будды, которое, согласно Кеннеди, было “Ахалия”, а согласно Муру — “Ахилия”. От второй формы подобным же образом было образовано имя жены патриарха перуанцев “Мама Оэлло”. (Prescott. Peru). У перуанцев слово “мама” употреблялось в Восточном смысле. Похоже, что и “Оэлло” также употреблялось в таком же смысле.

В ней, согласно верованиям язычников, также, как и в истинных Скинии или Храме Всевышнего, была сосредоточена не только сила и власть, но и благодать и милость. Она считалась средоточием всякой милости и доброты, и когда смерть положила конец ее деятельности, она была обожествлена и, согласно мифу, превратилась в голубя, явив тем самым свою божественную сущность, после чего ее стали называть Д’Юнэ (голубь), а без артикля — Юнона — имя римской “царицы небесной”, имеющее то же самое значение. Как известно, вавилоняне поклонялись ей в виде голубя.

Diodorus. В связи с этим читатель классической литературы может вспомнить название одной из историй из “Метаморфоз” Овидия — “Семирамида становится голубем”.

Диона, имя матери Венеры, часто употреблялось по отношению к самой Венере, что, вполне очевидно, является аналогом вышеуказанного имени. Овидий называет вавилонскую богиню этим именем — Диона, в смысле Венера. (Fasti)

Голубь, этот основной символ обожествленной царицы, обычно изображался держащим в клюве оливковую ветвь, также как и она сама, еще в человеческом теле, держала в руке оливковую ветвь.

Очень возможно, что именно из этой формы ее изображения и произошло имя, под которым она повсеместно известна, поскольку “Зъ-емир-амит” означает “несущая ветвь”. От “зъ” (та, эта), “эмир” (ветвь) и “амит” (носительница). Гесихиус говорит, что Семирамида — это название “дикого голубя”. Вышеизложенное объяснение оригинального значения имени Семирамиды, имевшего связь с диким голубем Ноя (вполне очевидно, что голубь был диким, поскольку прирученный не подошел бы для эксперимента), показывает, что греки употребляли его по отношению к *любому* дикому голубю.

Если богиню изображали как Голубя с оливковой ветвью, то нет сомнения, что этот символ частично имел отношение к потопу; но этот символ был не просто воспоминанием о великом событии. “Ветвь”, как уже было доказано, являлась символом обожествленного сына, и когда обожествленная мать изображалась в виде Голубя, это могло значить ее тождество с Духом всякой благодати, как голубем, парящим над всяким творением. На скульптурах Ниневии можно найти изображения крыльев и хвоста голубя, являющихся частью изображения языческой ассирийской *троицы*. В подтверждение этой точки зрения нужно вспомнить о том, что ассирийская “Юнона”, или “Дева Венера”, как ее называли, отождествлялась с воздухом. Так, Юлиус Фирмикус писал: “Ассирийцы и часть африканцев хотят, чтобы воздух главенствовал над другими элементами, поскольку они освятили этот самый элемент под именем Юнона, или Дева Венера”. Почему же тогда воздух отождествлялся с Юноной, чей символ был частью ассирийской *троицы*? Да потому, что в Халдее то же самое слово, обозначавшее “воздух”, значило и “святой дух”. Даже Прокл по этому поводу писал: “Юнона вызывает рождение души”. А что еще может быть источником души (духа) человека, как не Дух Всевышнего? В соответствии с такой сущностью Юноны как воплощения “божественного духа”, источника жизни, а также богини воздуха и звучат “Орфические гимны”

“О царственная Юнона с величественной внешностью,
Воздушная, божественная, возлюбленная Юпитера,
 Восседающая на голубом троне *небес*,
 Ты постоянно заботишься о роде смертных,
 Только твоя сила заставляет шуметь *холодные штормы*.
 Дающая *жизнь*, которой жаждет всякое существо;
 Матерь дождей и ветров, только ты
 Создаешь все, о чем известно смертным.
 Вся природа показывает твой божественный характер,

И вся она подчинена тебе,
Завыванием *ветра*, пеной морской
И быстро текущими реками; все это от тебя”.

Каждому читателю классической литературы должно быть известно отождествление Юноны с воздухом. А следующий отрывок из Прокла еще более показателен: “Наша верховная повелительница Юнона, обитающая в высотах, проникает во все, она присутствует в каждой частице воздуха; ведь воздух — это символ души, в соответствии с чем душа также называется духом”.

Таким образом, обожествленная царица, кроме того, что она считалась самым воплощением женской добродетели, в то же самое время почиталась и как воплощение “святого духа”, духа любви и мира. В храме Иераполиса в Сирии стояла известная статуя богини Юноны, к которой стекались толпы молящихся. Эта статуя была богата украшена. У нее на голове был золотой голубь, а ее звали Семеион. (Bryant) Что значит “Семеион”? Это — “Место пребывания/обитания”; а золотой голубь на ее голове ясно показывает, кто, якобы, обитал в ней — “дух божий”. От “зэ” (“тот” или “великий”) и “маон”, или “майон” (“место пребывания”), что на ионическом диалекте, на котором говорил описавший богиню Луциан, будет “Меион”.

Если ей приписывали такие необыкновенные титулы, если она была так высоко вознесена, а для глаз людей она представляла как Венера Урания (Небесная Венера), царица красоты, гарантировавшая своим почитателям спасение, высвобождая в то же самое время всякое нечистое желание, всякий извращенный и чувственный аппетит, то нет ничего удивительного, что повсюду она была так горячо обожаема. Под именем “Матерь богов” вавилонская царица-богиня стала объектом почти повсеместного поклонения. “Матери богов, — пишет Клерикус, — с глубочайшим благоговением поклонялись персы, сирийцы и все цари Европы и Азии”. Тацит свидетельствует о том, что вавилонской богине поклонялись в центре Германии, а Цезарь после вторжения в Британию обнаружил здесь священников той же самой богини, только известной под друидским именем.

(Caesar, De Bello Gallico.) Считалось, что название “друид” походит от греческого “друс” (дуб) или от кельтского “дэру”, имеющего такое же значение; но все это, вполне очевидно, — ошибочные мнения. В Ирландии название друида было “дрои”, в Уэльсе — “дриу”. Оказывается, связь названия друидов с дубовым деревом была больше, чем сходство их имени со словом “дуб”. Друидская система во всех своих деталях была, что вполне очевидно, вавилонской системой. Дионисий сообщает нам, что ритуалы Бахуса практиковались на Британских островах и островах, расположенных поблизости к ним. Здесь также практиковались ритуалы поклонения Церере и Прозерпине, точно также, как это делалось в Самофракии.

Дальше (см. главу IV, раздел III) мы познакомимся с описанием друидской Керидвэн и ее ребенком и большим сходством между ее сущностью и сущностью великой вавилонской матери-богини. Такова была система; и названия “дриу” или “дрои”, употреблявшиеся по отношению к священникам, в точности соответствуют этой системе. Имя “Зэро”, которым по-еврейски или на раннем халдейском называли сына великой царицы-богини, в позднем халдейском языке превратилось в “Дэро”. Священник Дэро (“семени”), как и в большинстве религий, носил имя своего бога, отсюда и известное имя “друид”. Это показывает, что он был священником “Дэро” — “обетованного *семени* женщины”. Классические гамадриады были, вполне очевидно, на подобный манер священниками “Гамер-дэро” — “желанного семени”, т.е. “желания всех народов”.

Геродот на основе личных знаний свидетельствует, что в Египте эта “царица небесная” была “самой великой и наиболее почитаемой из всех божеств”. Где бы поклонение ей ни появлялось, просто удивительно, насколько сильным оно становилось. Воистину, можно сказать, что все народы “упивались вином ее разврата”. Иудеи времен Иеремии настолько сильно пили из ее чаши, настолько были охвачены идолопоклонническим поклонением ей, что даже после сожжения Иерусалима и опустошения их земли, они не могли оставить этого пагубного занятия. Живя в Египте в качестве несчастных изгнанников, они вместо того, чтобы свидетельствовать окружающим их язычникам об Истинном Творце, сами приняли идолопоклонство египтян. Всевышний послал Иеремию, чтобы предсказать о Его грядущем гневе против них, если они не прекратят поклоняться царице небесной; но Его предупреждения оказались тщетны. “И отвечали Иеремию все мужчины, знавшие, что жены их кадят идолам, и все женщины, стоявшие там в большом множестве, и весь народ, живший в земле Египетской, в Пафросе, и сказали: слова, которые ты говорил нам именем Господа Бога, мы не слушаем от тебя; но непременно будем делать все то, что вышло из уст наших, чтобы кадить царице небесной и возливать ей возлияния, как мы делали, мы и отцы наши, цари наши и князья наши, в городах Иудеи и на улицах Иерусалима, потому что тогда мы были сыты и счастливы и беды не видели” (Иеремия 44:15–17). Так поступали иудеи, избранный Всевышним народ. Они подражали египтянам в их поклонении царице небесной.

Поклонение богине-матери с ребенком на руках практиковалось в Египте до появления Мессии. Казалось бы, что когда Благая Весть доходила до людей, то они должны были бы прекратить поклоняться богине-царице. Но так происходило не часто. Вместо этого происходила простая подмена имен. Вместо поклонения вавилонской богине во многих случаях происходила перемена ее имени. Теперь ее называли Дева Мария, и христиане истово поклонялись ей вместе с ее ребенком точно также, как когда-то это делали откровенные язычники. И как следствие в 325 Н.Э.,

когда на Никейском соборе была осуждена ересь арианства, отрицавшая тождественность Мессии с Всевышним, это было сделано не без помощи тех, кто всеми силами стремился поставить творение — Деву-мать — вровень с Творцом, поместив ее рядом с Сыном. На Никейском соборе представители так называемых египетских христиан предложили формулировку Троицы: “Троица состоит из трех лиц — Отец, Дева Мария и Мессия, их Сын”. На Никейском соборе эта странная идея прославления Марии была изложена ее сторонниками не менее причудливым образом. Мария была описана ими как “царица, сидящая на небесном сияющем троне, мать любви, имеющая мудрость и надежду, созданная от начала сотворения мира, присутствовавшая на советах Всевышнего”. Это место звучит очень похоже на слова из книги Откровения: “. . . одетой в солнце, у которой под ногами была луна, а на голове — венец из двенадцати звезд”.

(Newman. Development.) Проницательный читатель с легкостью увидит абсурдность соотнесения этого видения “женщины” Апокалипсиса с Девой Марией. Иоанн ясно говорит о том, что он видел “знамение” или “символ”. Если женщина здесь — буквальная женщина, то и женщина, сидящая на семи холмах, также должна быть настоящей женщиной. Но в обоих случаях “женщина” — это символ. “Женщина” на семи холмах — это символ ложного собрания верующих (лже-церкви), а женщина, одетая в солнце, — это истинное собрание верующих в Мессию — Невеста, жена Агнца.

Почитатели Марии в своем рвении доходят до святотатства, приравнивая женщину к ее Сыну. Если допустить, что Римская Церковь в этом случае не практикует идолопоклонства, тогда и арианство можно назвать вполне нормальным учением. Да, это самое настоящее святотатство. Все аргументы этого святотатственного учения сводятся к следующему: если Мессия признан Вечным Творцом, достойным поклонения наравне с Всевышним, то и родившая Его мать заслуживает того же самого, и ее следует вознести над всем творением и поклоняться ей как соучастнице дел Всевышнего. Тождественность Мессии с Богом была перенесена на тождественность Его матери с Всевышним. Таково Папство девятнадцатого столетия, Папство в Англии. Издавна было известно, что Папство издавна славилось своим диким святотатством. Пример тому — следующая надпись на фронтоне собора в Лиссабоне: “Этот храм посвящен Деве, богине Лоретто, и ее божественности”. Это точное воспроизведение учения древнего Вавилона о богине-матери. Римская Мадонна, таким образом, — это лишь вавилонская Мадонна. “Царица Небесная” в одной системе — это та же самая “Царица Небесная” в другой системе. Богиня, которой поклонялись в Вавилоне и Египте как “Скинии и Месту пребывания Бога”, тождественна той, чье имя Мария, которую Рим называет “Дом, посвященный Всевышнему”, “святое Местопребывание”, “Обитель Всевышнего” (Pancreium Marie), “Скиния Святого Духа”, “Храм

Троицы”.

Латинское слово, употребляемое для обозначения “Места пребывания” — это чисто халдейское слово “забуло”, однокоренное с именем Забулун, которое Лия дала своему сыну, когда сказала: “Теперь *будет жить* у меня муж мой” (Бытие 30:20).

Кто-то, возможно, захочет встать на защиту такого языка, ссылаясь на то, что Священное Писание говорит о том, что каждый верующий является храмом Святого Духа, и, таким образом, нет ничего плохого в том, когда речь идет о Деве Марии, которая, вне сомнения, была святой Всевышнего. Верно, Павел пишет: “Разве вы не знаете, что вы — храм Господа Бога и что в вас обитает Дух Господа?” (1 Кор. 3:16) Это не только верно, но и содержит в себе великую и благословенную истину — истину, дающую покой и радость каждому, кто ее принимает. Эту истину в той или иной степени испытывает на себе каждый верующий, о чем и писал Павел в другом месте: “Мы — храм живого Господа Бога, и Господь Бог сказал о нас: Я буду жить в них. Я буду их Богом, и они будут Моим народом” (2 Кор. 5:16). Следует отметить, и отметить с радостью, что это имеет отношение ко всем лицам Славной Троицы; ведь Господь Иисус сказал: “Кто любит Меня, тот будет поступать так, как Я учу, и того будет любить Мой Отец, к тому Мы придем и будем жить у него” (Иоанна 14:23). Хоть взгляды Священного Писания и папистов по поводу этих двух отрывков на первый взгляд кажутся одинаковыми, но сущность их совершенно противоположна. Когда сказано, что верующий является “храмом Всевышнего” или храмом Святого Духа, это значит, что Мессия верой пребывает в сердце каждого верующего (Ефессянам 3:17). Но когда Рим говорит, что Мария — это “Храм” или “Скиния” Всевышнего, то значение термина здесь чисто языческое, а именно то, что связь между ней и Всевышним сходна ипостатической связи между небесной и человеческой природой Мессии. Человеческая природа Мессии — “Храм Всевышнего” — была умаленной природой Его небесной сущности, с тем, чтобы мы смогли безопасно приблизиться к вечной сущности Всевышнего. Именно об этой славной истине и говорит Иоанн: “Слово стало Человеком и жило среди нас. Мы видели Его славу, которой наделен Единственный, полный милости и истины, пришедший от Отца” (Иоанна 1:14). В этом смысле Мессия, Всевышний-человек, является единственной “Скинией Всевышнего”. Именно в таком смысле католики называют Марию: “Скинией Всевышнего” или “Святого Духа”. Так пишет автор папистского труда, посвященного прославлению Девы, где называет Марию титулами, являющимися прерогативой Мессии: “Вот скиния Всевышнего, храм Всевышнего, место обитания, город Всевышнего среди людей, в людях и для людей, для их спасения, возвеличения и вечного прославления. . . Вполне ясно, что это истинно в отношении святой церкви, а также истинно в большинстве святых таинств тела Господня. Это истинно по отношению каждого из нас, если только мы истинные хри-

стиане. Несомненно это так, но нам следует хорошо поразмышлять об этой тайне самой святой Матери нашего Господа”. (Pancarium Mariae) Затем автор доказывает, что “Мария справедливо считается Скинией Всевышнего среди людей” и что в определенном, отличном от того, что все верующие — это “храм Всевышнего”, смысле она является особой Скинией: “Воистину велика польза, драгоценна честь того, что Скиния Всевышнего дана людям, в которой люди могут безопасно приблизиться к ставшему человеком Всевышнему”. (Ibid.) В этих отрывках описывается тайна славы Мессии, Всевышнего-человека, в Котором телесно пребывает вся полнота Троицы; но здесь все эти качества приписаны Марии или, по крайней мере, поделены поровну. Эти отрывки взяты из книги, опубликованной несколько веков назад. А намного ли изменилось Папство с того времени? Покаялись ли католики в своем святотатстве? Нет, наоборот. Это хорошо подтверждается вышеприведенными цитатами из книг Отца Ньюмана; но есть и более веские доказательства. В одной из недавно опубликованных книг в еще более откровенной форме содержится та же самая святотатственная мысль. Здесь Мария прямо называется “домом, посвященным Всевышнему” и “храмом Троицы”, а следующий отрывок четко показывает, что она считается храмом Святого Духа: “Господь сам создал Ее в Святом Духе и излил ее на все свои творения. О Матерь Божья, услышь нас. . .” и так далее. Этот ошеломляющий язык недвусмысленно подразумевает, что Мария отождествляется со Святым Духом, когда о ней говорится как об “излитой на все творения Всевышнего”, точно также, как и Женщина, о которой мы уже упоминали, считается среди язычников “Храмом” или Домом Бога. И где используется такой язык по отношению к Деве? Не в Испании, не в Австрии и даже не в темных уголках Европы, а в Лондоне, центре мирового просвещения.

Святотатственные имена, которыми паписты наделили Марию, не только не имеют ничего общего со Священным Писанием, но и заимствованы целиком и полностью из вавилонского идолопоклонства. Все черты и особенности римских и вавилонских мадонн совершенно одинаковы. До недавнего времени, пока Рафаэль не отошел от установившегося канона, в итальянской, или даже римской, Мадонне не было ничего еврейского. Если бы эти картины имели целью изображать Деву-Мать нашего Повелителя, то они, естественно, отражали бы ее еврейские черты внешности. Но так не произошло. В стране темноглазых красавиц с черными волосами Мадонна всегда изображается с голубыми глазами и золотыми волосами, внешностью, совершенно отличной от еврейской внешности, которая, по понятным причинам, была у матери нашего Спасителя. Но внешность католической Мадонны в точности соответствует изображениям вавилонской царицы-богини. Почти во всех странах эта великая богиня была известна как женщина с золотыми или желтыми волосами, что указывает на то, что был один основной прототип, ко-

тому все эти изображения соответствовали. “Желтоволосая Церера” сама по себе не будет главным доводом, поскольку тогда можно сослаться на происхождение ее прозвища “желтоволосая” от цвета кукурузы, покровительницей которой она была. Но многие другие богини имели точно такое же прозвище. Европа, которую похитил Юпитер в облики быка, звалась “желтоволосая Европа” (Ovid, Fasti). Гомер называет Минерву “голубоглазая Минерва”, а Овидий — “желтоволосая”. Анакреонт называет охотницу Диану “желтоволосой дочерью Юпитера”, прозвище, которое никак не могло быть подсказано бледно-серебристым цветом луны. Теокрит описывает Диону, мать Венеры, как “желтоволосую” женщину. Саму Венеру часто называли “Aurea Venus” (Золотая Венера) (Гомер. Илиада). Индийская богиня Лакшми, Матерь Вселенной, часто описывалась как имеющая “золотую внешность”. Ариадну, жену Бахуса, называли “желтоволосой Ариадной” (Гесиод. Теогония). Горгона Медуза до своей трансформации славилась красотой и золотыми волосами. Русалка, так многократно описанная в романтических историях северных стран, была, вполне очевидно, заимствована из истории об Атерграте, сирийской богине рыб, которую называли матерью Семирамиды и которую иногда отождествляли с самой Семирамидой, изображалась точно с такими же волосами. В скандинавских мифах есть русалка, чье имя переводится как “Светловолосая” или “Золотоволосая”, которая необычайно сладко играла на струнном музыкальном инструменте. “Ее можно было часто видеть сидящей на поверхности воды и расчесывающей свои длинные золотые волосы золотой расческой”. Даже когда Атор, египетская Венера, изображалась в виде коровы, то ее голова и шея были позолочены. (Геродот и Уилкинсон) Теперь, когда мы знаем, что в Италии самые известные картины с изображением Матери-Девы показывают ее с белым (не смуглым) цветом лица и золотыми волосами, и когда у нас есть пример того, что по всей Ирландии Дева почти всегда одинаково изображается подобным же образом, кто может опровергнуть вывод о том, что она была скопирована со своего прототипа языческой богини?

Доказательством служит не только цвет лица, но и его черты. У евреев весьма отличительные черты лица. Но оригинальные Мадонны не имеют ничего общего с еврейской внешностью. Но те, кто тщательно изучал этот вопрос, в один голос заявляют о сходстве их (мадонн) черт лица с вавилонскими Мадоннами, изображения которых Сэр Роберт Портер нашел среди руин Вавилона.

Следует отметить еще одну отличительную особенность этих картин. Это *нимб-круг* света вокруг головы римской Мадонны. Таким же кругом окружены головы так называемых статуй Христа. Откуда же взялось это явление? В случае с Мессией можно говорить лишь о лучах вокруг Его

головы, поскольку в Священном Писании говорится о том, что на святой горе его лицо стало сиять необычным светом. Но где во всем Писании есть место, говорящее о том, что Его голова была окружена диском или кругом света? Поиски в Священном Писании будут абсолютно тщетными, но такое явление можно найти в художественных изображениях великих богов и богинь Вавилона. Диск, особенно круг, были хорошо известными символами Солнца-бога и широко использовались в восточной символике. Бог-Солнце изображался с головой, окруженной таким кругом или диском. То же было и в языческом Риме. Таким образом очень часто изображался Аполлон, сын Солнца. Богиня, которая, согласно мифам, была в родстве с Солнцем, также имела нимб или сияющий круг. В Помпеях нашли изображение Цирцеи, “дочери Солнца”, с кругом вокруг головы, точно таким же, как и у Римской Мадонны наших дней. Каждому, кто сравнит нимбы вокруг головы Цирцеи и вокруг головы папской Девы, будет очевидна их полная тождественность. В книге “Помпея” содержится объяснение статуи: “Один из них (рисунков) взят из Одиссеи и показывает Улисса (Одиссея) и Цирцею в тот момент, когда герой, выпив чашу с колдовским зельем, не поддавшийся ему благодаря противоядию, которое ему дал Меркурий (также хорошо известно, что у Цирцеи была золотая чаша, какую имела и вавилонская Венера), вытянул свой меч и бросился мстить за своих спутников, которые, отведав из ее чаши, превратились в свиней. Эта картина, — добавляет автор “Помпеи” — примечательна тем, что показывает нам происхождение омерзительной и бессмысленной славы, которой часто окружены головы “святых”. . . Эту славу часто называли нимбами или ореолами, которые, по определению Сервиуса, были “сияющими флюидами, окружавшими головы богов”. Такой нимб был и у Цирцеи, дочери Солнца. Императоры также считали ореолы знаком их божественности. Церковь заимствовала их, как и многие другие языческие суеверия и обычаи”. Хоть императоры в данном случае играли не самую последнюю роль, не они принесли в Церковь языческие суеверия, а римский Епископ (Папа).

Поэтому разве можно поверить, что все эти совпадения носят случайный характер? Конечно, даже если бы изображение Мадонны в точности соответствовало реальной Деве Марии, то это все равно не было бы оправданием для идолопоклонства. Но когда очевидно, что богиня, канонизированная папской церковью в качестве главного объекта поклонения, является той самой вавилонской царицей, учредившей Нимрода, или Нина (Сына) в качестве соперника Мессии, и которая сама, собственной персоной, была воплощением всякой нечистоты и распущенности, то насколько мрачным выглядит современное римское (католическое) идолопоклонство. Разве может уменьшить гнусность самой природы этого идолопоклонства то, что ребенка на руках языческой богини называют Езус (Иисус)? Его звали “Зоро-ашта” (семя женщины). Но это не предот-

вратило праведного гнева Всевышнего против тех, кто в древние времена поклонялся “идолу ревности, возбуждающему ревнование”. Иезекииль 8:3. Бытовало множество мнений по поводу того, чем мог являться это “идол ревности”. Но когда известно, что основной отличительной особенностью древнего идолопоклонства было поклонение Матери и ребенку, то все становится ясно. Сравните стихи 3 и 5 со стихом 14 и вы увидите, что “женщины, плачущие по Таммузу”, плакали рядом с идолом ревности.

То, что ребенка на руках у римской мадонны называют Христом, не устраняет ее сущность “идола ревности” и не делает ее менее оскорбительной для Всевышнего, не уменьшает Его крайнее неудовольствие. Ведь вполне ясно, что ребенку поклоняются как ее сыну, а ей поклоняются как Царице Небесной, имеющей все атрибуты божественности, ей, в то же самое время являющейся “Матерью блудницам и всем мерзостям земли”. Всевышнему мерзко любое поклонение изображениям; но поклонение изображениям такого рода особенно отвратительно для Его святой сущности. Если приведенные мною факты действительно верны, то просто замечательно, что в Священном Писании можно найти такие ужасающие предупреждения о наказании, касающиеся папского отступничества от веры, и что чаши такого ужасающего гнева должны излиться на головы виновных. Если все это верно (попробовал бы кто-нибудь это опровергнуть!), кто же теперь осмелится обращаться к папскому Риму или называть его собранием верующих в Мессию? Если эти строки читает тот, кто имеет страх перед Всевышним, то он должен признать, что только чистое язычество вдохновило мельхитов предложить на Никейском Соборе учение о том, что Святая Троица состоит из “Отца, Девы Марии и Мессии, их Сына”. Разве найдется такой человек, который не содрогнется от ужаса при такой мысли? А что читатель скажет о Церкви, которая учит своих детей поклоняться Троицы вот таким образом:

“Сердце Езуса (Иисуса), я поклоняюсь тебе;
Сердце Марии, я умоляю тебя;
Сердце Иосифа, чистое и справедливое;
В этих сердцах - моя надежда и вера”.

(Преп. И.Фурнесс. Что должен знать и делать каждый христианин. Дублин.) Кроме очевидного святотатства эта папистская книга содержит множество безнравственных принципов и вредные учения ярко выраженного лживого характера. После того, как вокруг этого издания поднялся большой скандал, книга была изъята из обращения. Но подлинность вышеприведенных строк несомненна. Мой друг из Ливерпула прислал мне книгу, содержащую данный отрывок. Такой “троице” поклоняются не только в Ирландии. В Англии в церкви Св. Марии я наткнулся на книгу, адресованную “Дорогим христианам”, где в параграфе 4 сказано: “Никогда не забывайте делать бодрые дела христианина для совершения нашей миссии. Пусть будут благословенны Езус (Иисус), Мария и Иосиф. Езус,

Мария и Иосиф, вам я отдаю свое сердце, свою жизнь и свою душу. Езус, Мария и Иосиф, всегда помогайте мне; в эти мои минуты пробуждения ото сна, вам, Езус, Мария и Иосиф, я отдаю свой дух. Аминь”.

Для того, чтобы заставить приверженцев Рима совершать подобные “деяния доброго христианина”, им обещаны немалые посулы. На странице вышеприведенной книги под заголовком “Правило жизни” содержится следующий текст: “Утром, до того как вы подниметесь, совершите знак креста и скажите: “Езус, Мария и Иосиф, я отдаю вам свое сердце и свою душу”. (Каждый раз, когда вы повторяете эту молитву, вы получаете индульгенцию на 100 дней, которую вы сможете отдать душам в Чистилище.)” Между прочим, название этой книги также “Что должен знать каждый христианин”. Только выдана она была в Лондоне. Обе эти книги содержат святотатственные слова, и обе эти книги получили разрешение (Imprimatur) католической цензуры и высших католических иерархов.

Если это не язычество, то что тогда следует называть язычеством? Именно такой “троице” с детства учат поклоняться римо-католиков Ирландии. Именно этой троице учат поклоняться приверженцев папства последние учебники по катехизису. Книги были одобрены католической цензурой и архиепископом Дублина Паулюсом Кулленом. Неужели после всего этого найдется тот, кто станет называть Римо-Католическую Церковь христианской только потому, что она придерживается учения о Троице? Точно также верили и вавилонские язычники, но поклонялись ли они Тринединному УНВН, Вечному Царю, Бессмертному и Невидимому? *Так что давайте избавимся от смертельного заблуждения относительно христианства римо-католиков!* Когда-то для такого заблуждения, может, и было оправдание, но с каждым днем “Великая Тайна” все больше и больше открывает свой истинный характер. Нет и не может быть в Вавилоне спасения для людских душ. “Выйди, мой народ!” — четко звучит повеление Всевышнего. Те, кто не подчиняются этому повелению, делают это на свой собственный страх и риск.

Примечания: Установление личностей Реи, Сибилы и Венеры

В эзотерических учениях Греции и Рима сущности личностей Сибилы, матери богов, и Венеры, богини любви, в целом весьма отличительны, правда, несведущий человек не может без труда их определить. Но такая трудность исчезает, если помнить об основном принципе Мистерий, т.е. они признавали единого Адада (Адад — “один бог”). Адад был Тринединным, что наводит на мысль о том, что после того, как сформировалась вавилонская Тайна Беззакония, Адад стал восприниматься как разные формы божества — отец, мать и сын, которые в языческом мире приобрели самые разнообразные формы великого множества богов. Этому име-

ются довольно убедительные свидетельства. Апулей рассказывает нам, что, когда он проходил обряд инициации, богиня Исида ему открылась как “первая из всех небожителей и единообразное проявление богов и богинь. . . *чье единобожие* было почитаемо по всей земле в разных формах, в различных ритуалах и под самыми разнообразными именами”; являясь под всеми этими именами, она провозглашает себя единственной “матерью богов” (т.е. Сибиллой) и Пафианской Венерой. Как это имело место в более поздние века Мистерий, точно так же должно было быть и с самого начала; потому что все это брало начало от знания о *едином* Всевышнем. Как Уилкинсон, так и Бунсэн, занимавшиеся египетской системой, пришли к такому же самому выводу, что и я. Уилкинсон пишет: “Я установил, что Амун-рэ и другие боги принимали различные формы разных божеств, что, на первый взгляд, вызывает определенные трудности с их идентификацией. Но при пристальном их рассмотрении оказывается, что все различные божества, чьим изображениям или символам поклонялись язычники, были лишь *производными*, или обожествленными атрибутами *одной и той же великой личности*, чьи отдельные черты они отображали в каждом конкретном случае”. То, что говорил по этому поводу Бунсен, звучит похоже: “Исходя из таких предпосылок, я вправе придти к выводу, что два ряда богов первоначально были идентичны, и такая *великая пара* богов, все их характеристики и отличительные черты в их множественном мифологическом разнообразии берут начало от одного источника”.

При рассмотрении вопроса об идентификации Сибилы, или Астарты, или Венеры, вышеприведенные цитаты весьма важны. В результате извращения Писания язычники выработали учение о том, что поскольку все люди — это дети Всевышнего, зачатые от Отца и рожденные от Духа, то в их понимании Дух Всевышнего был матерью, представленной в форме голубя (что является памятью о том, что в момент сотворения мира Дух “носился над водой” (Бытие 1:2). В те времена эту богиню называли Опс (пархающая), или Юнона, “Голубица”, или Хубеле (вяжущая узами), где последний титул указывает на ее причастность к “узам любви” (Осии 11:4). В данном случае это узы, связывавшие в Едемском саду посредством Духа нашего прародителя Адама с Всевышним. Следует отметить, что римляне употребляли два слова “Юнона” и “Хубеле” или, как обычно произносят “Сибилла”, вместе, и иногда считали их верховным божеством по имени Юнона Ковелла, что значит “голубь, вяжущий узами (веревками)”. Если взглянуть на триединый символ ассирийского божества, можно воочию увидеть саму эту мысль. На них у голубя вместо ног имеется переход в свое зеркально отражение (Layard’s Nineveh and its Remains, vol. ii. p. 418; посмотрите также имеющийся в этой книге рисунок

В память о событиях после грехопадения имя Сибилы ассоциировалось определенным образом. “Хубел” означает не только “связывать узами”, но и “мучиться в родах”; отсюда Сибила выступает как “Матерь богов”, посредством которой должны быть рождены или возрождены все дети “Бога”. Но по этой причине считалось обязательным ее единство, в первом случае с Реей — “Глядящей”, человеческой матерью богов и людей. Отсюда отождествление Сибилы с Реей, которые во всех пантеонах считались лишь различными именами одной и той же богини, хоть, как мы увидели, эти богини в действительности имели свои отличительные черты и не были одной личностью. Точно такой же принцип применялся и ко всем остальным обожествленным матерям. У каждой из этих матерей была своя легенда и свой определенный ритуал поклонения им. Но во всех случаях она (такая богиня) считалась инкарнацией (воплощением) “духа Бога”, “великой Матерью всего сущего”, т.е. ей приписывались атрибуты “Святого Духа”.

Именно так происходило с богиней, называвшейся Астарта, или Венера, или Рея. Хоть и были отличия между Сибиллой и Реей, Астартой и Милиттой, ассирийской Венерой, Лаярд в своем исследовании показывает, что у них было много общего. Сибила, или Рея, была известна своей башнеобразной короной. Милитта, или Астарта, изображалась с такой же короной. Милитта, или Рея, ехала на повозке, которую тянули львы; Милитта, или Астарта, изображалась стоящей на льве. Поклонение Милитте, или Астарте, было массовым видом морального разложения (Геродот). Точно таким же было поклонение Сибиле под именем “Терра” (Августин, *De Civitate*).

Первой обожествленной женщиной, без сомнения, была Семирамида, также, как и ее муж был первым обожествленным мужчиной. Но вполне очевидно, что такое обожествление произошло лишь спустя некоторое время после появления Мистерий, поскольку это произошло не раньше, чем Семирамида умерла и была провозглашена богиней, когда ей стали поклоняться в форме голубя. Когда Мистерии были первоначально введены в практику, их темой были деяния Евы, которая через связь со змеем принесла в мир *смерть*; поскольку в основании всякой религии лежит тема греха и смерти, а во времена Семирамиды и Нимрода, Сима и Хама все люди, должно быть, знали о факте Грехопадения. Первоначально грех Евы воспринимался с полным пониманием его степени тяжести (в чем немалую роль сыграло рвение Сима, который пробуждал сознание людей на этот счет). Но затем женщина была обожествлена, и, судя по сюжету этой мистической истории, восприятие греха было значительно смягчено, что повлекло за собой искаженное восприятие имени “Ева” (“мать всех живущих”): “мать всех живущих отступников от истинной веры”. Она была прославлена как источник духовной жизни и под именем “Рея” была провозглашена матерью богов. Для тех, кто знаком с сущностью

Тайны Беззакония, не составит большого труда увидеть, что имя “Рея” первоначально уместное для матери человечества, с трудом подходило для матери богов, т.е. всех обожествленных смертных. “Рея”, в активном своем значении — “глядящая женщина”, а в пассивном значении значит “красавица”. Таким образом, одно имя воплотило два значения: мать человечества и мать языческих богов, т.е. Семирамида. На сегодня известно, что Рея почиталась как “Мать богов и людей” (Гесиод. Теогония). Таким образом, нет ничего удивительного, что ей было дано имя “Рея”, известное у ассирийцев как Астарта, или Венера.

Языческая Мать-дева

“Почти все князья Тартара, — говорит Сальверт (Des Sciences Occultes), — происходят от небесной девы, забеременевшей от солнечного луча или другим чудесным образом”. В Индии мать Сурьи, солнечного божества, рожденного для уничтожения врагов богов, согласно мифу, забеременела именно таким образом — от вошедшего в ее матку луча солнца, что привело к рождению бога солнца. Знание об этом довольно распространенном мифе проливает свет на тайное значение имени “Аврора”, данное жене Ориона (Гомер. Одиссея). В физическом смысле имя “Аур-ора” означает “беременная светом”; а слово “ора” (“зачать” или “быть беременной”) в греческом языке отождествляется со словом “жена”. Согласно персидским мифам, Орионом был Нимрод; а Нимроду под именем Нин поклонялись как *сыну* своей жены, что имело место после того, как он был обожествлен и объявлен богом солнца; а его жену звали Аврора, что в точности соответствует похожему индийским и тартарским мифам. Эти мифы Тартара и Индии ясно доказывают, что языческая идея о чудесном зачатии не возникла из какого-либо смешения христианства с суеверием, а берет свое начало непосредственно от обетования “семени женщины”. Но возникает вопрос, откуда же тогда взялась идея о беременности от солнечного луча? Есть основания считать, что она возникла из одного из естественных названий для Солнца. По-халдейски “зр” — “сиять”, а в форме причастия оно звучит как “зуро” или “зурэ” — “сияющий”. Отсюда получается “сияющее семя”. В Персии солнце, где оно было главным божеством, называли “Бог Сурэ” (Antiquities).

Богиня-мать как место обитания

Что вообще побудило человечество к тому, чтобы назвать Богиню-мать, или мать богов и людей, Домом или Местом обитания? Ответ содержится во второй главе книги Бытия, где говорится о создании матери человечества: “И навел Господь Бог на человека крепкий сон; и, когда он уснул, взял одно из ребер его и закрыл то место плотью. И создал Господь

Бог из ребра, взятого у человека, женщину” (Бытие 2:21–22). Еврейское слово “создал” буквально значит “*построил*”. То, что эта история о ребре была хорошо известна Вавилонянам, явствует из одного из имен, данного их древней богине. Об этом писал Бэрозус. Это имя — “Талатт”. Но “Талатт” всего лишь халдейская форма еврейского слова в женского рода “цалаа”, слова, употребленного в книге Бытия для ребра, из которого была создана Ева. Бэрозус называет еще одно имя, которое употребляется наравне с “Талатт”, это — “Оморка”, что значит “Матерь мира”. От “ам” (мать) и “арка” (земля). Первая буква “алеф” в обоих этих словах произносится как “о”. В греческом языке “ам” означает “плечо”. А если произносить “ом”, то получается плечо, несущее бремя. Отсюда и имя “Ома”, что буквально значит “Мать”.

После того, как мы, таким образом, расшифровали имя “Талатт”, употребляемое по отношению к “матери мира”, мы можем понять значение имени “Таласиус”, употреблявшегося римлянами по отношению к богу брака. (Происхождение этого имени до сих пор оставалось неясным.) Талатти значит “принадлежащий ребру”, а у римлян оно становится “Таллаттиус” или “Таласиус” (мужчина ребра). Какое еще имя более подходит Адаму — “богу брака”, который, когда ему принесли ребро, сказал: “Вот, это кость от костей моих и плоть от плоти моей; она будет называться женщиной, ибо взята от мужчины” (Бытие 2:23). Когда Талатт, ребро, было превращено в женщину, эта “женщина” стала “Местом пребывания” или “Храмом Всевышнего”, и если бы не вмешательство грехопадения, то все ее дети естественным образом стали бы детьми Всевышнего. Появление в мире греха разрушило первоначальный ход вещей. Когда было дано обетование о Спасителе, было дано и новое пребывание Святого Духа, не в том смысле, чтобы женщина сама по себе имела способность рождать детей Всевышнему, а только для того, чтобы она могла выполнять роль матери духовно живых детей — тех, на кого была направлена благодать Всевышнего. Язычники сознательно оставили все это в стороне и стали учить, когда вновь посвящаемые были к этому готовы, что вселение духа “Бога” было ее обожествлением. Тогда мать человечества Рея (глядящая), была отождествлена с Сибиллой (вяжущей узами) или Юноной (голубем), т.е. “Святым Духом”. В святотатственном языческом смысле она стала “Атор” (местом пребывания “Верховного Бога”), или Сакка, или Сакта, “скинией” или “храмом”, “в котором телесно пребывает вся полнота Верховного Бога”. Таким образом, она стала Хевой (“Живой”); не в смысле, который Адам вложил в имя своей жены после грехопадения, когда так неожиданно среди смерти ей был дан дар жизни, но в смысле передающей духовную и вечную жизнь людям; ведь Рею называли “источником благословенных”. Таким образом, эта обожествленная женщина в этом падшем мире стала рождать духовных детей “Богу”. Под этим углом зрения становится понятным имя вавилонской богини в 4-ой книге

Царств 17:30. Имя “Суккот-Бенот” часто имело форму множественного числа и обозначало шатры, использовавшиеся вавилонянами для нечестивых целей. Но исходя из наблюдений Клерикуса (De Chaldoeis), который ссылается на такое же мнение Раббинса, контекст четко указывает на то, что это имя было именем идола: “Притом сделал каждый народ и своих богов и поставил в капищах высот, какие устроили Самаряне, каждый народ в своих городах, где живут они. Вавилоняне сделали Суккот. . .” (стихи 29, 30). Ясно видно, что идол, о котором идет речь, женского рода и является изображением богини. В свете этого и всей халдейской системы получается, что значение имени “Суккот-Бенот” — попросту “скиния (шатер) деторождения”. Т.е. Место пребывания, в котором обитает “Дух Бога” для рождения духовных детей.

Когда вавилонская система достаточно развилась, Ева изображалась в ней как первая занявшая это место, и само имя Бенот значит “рождающая детей”, что объясняет то, почему Женщину, как и Хестию или Весту, назвали “Местом пребывания” и как она заслужила титул “изобретшей искусство строительства домов” (Smith, “Hestia”). Глагол “бена”, от которого образовано и слово “Бенот”, значит “рожать детей” и “строить дома”; рождение детей метафорически считается “строительством дома или семьи”.

В языческой системе богиня-мать имела две формы: Небесную и Земную, т.е. были небесные, и земные матери “благословенных” смертных, и каждая из них, как считалось, имела свою выраженную индивидуальность, и как результат обе эти разные матери были причастны к различным инкарнациям (воплощениям) Спасителя-семени, рожденного от двух матерей. Хорошо известно, что имя “Бимарэр”, или “Двойная мать”, является отличительным эпитетом, применявшимся по отношению к Бахусу. Овидий объясняет такой эпитет мифом о том, что когда Бахус был еще зародышем, он был спасен из огня, в котором погибла его мать, помещен в бедро Юпитера и затем в надлежащее время рожден. Не углубляясь в тайное значение всего этого, в любом случае можно сказать, что у Бахуса было две матери-богини, поскольку он не только был зачат Семелой, но рожден в мир богиней Иппой (Proclus. Timoeum). Без сомнения, это то же самое, что и упоминание о том, как после смерти матери его тетя Ино выполнила роль матери и вскормила его. То же происходит и в египетской мифологии, где Осирис в виде Анубиса был рожден Нефти, а потом усыновлен и возвращен богиней Исидой. Весьма популярная Триада также состоит из двух матерей и сына. Из книги Уилкинсона читатель узнает, что божественная Триада состояла из Исиды и Нефти с ребенком Хором между ними. Согласно Диодору, в Вавилоне Триада в одно время состояла из двух богинь и сына: Гера, Рея и Зевс; а в римском Капитолии подобным же образом Тριάдой были Юнона, Минерва и Юпитер; в то время, когда римские матроны поклонялись Юпитеру как “Юпитеру-ребенку” (“Jupiter

риег”), который был в одной компании с Юноной и богиней Фортуной (Cicero, De Divinatione). Божественная Триада такого рода была у римлян от самых древних времен. Дионисий и Ливий свидетельствуют о том, что в римском храме издавна поклонялись Церее, Либеру и Либере.

Глава III.

Праздники.

Часть I.

Рождество и Благовещение.

Если Рим (католическая церковь) и в самом деле является Вавилоном Апокалипсиса, тогда Мадонна, которой поклоняются в бесчисленных святынях, является той самой языческой царицей небесной, поклонение которой иудеями времен Иеремии вызвало сильный гнев Всевышнего. А если согласиться с такой мыслью, то всякий осознавший это, всякий, благоговейно почитающий Слово Всевышнего, должен будет содрогнуться, лично или всенародно, мерзости такого беззакония. Уже многое было сказано в доказательство тождества римской и вавилонской систем; но с каждым шагом этот факт становится все более очевиден. В частности, это особенно хорошо видно при тщательном сравнении праздников двух этих систем.

В Римо-Католической церкви существует неисчислимое множество праздников, но для нашего анализа мы выделим пять самых важных из них: Рождество, Благовещение, Пасха, рождение Иоанна-погружателя и Успение. Можно доказать, что каждый из них является вавилонским. Начнем с праздника в честь рождения “Христа”, или Рождество. Как получилось, что этот праздник оказался связан с 25 декабря? Ведь в Священном Писании нет ни слова о конкретном дне и годе рождения Мессии. То, что записано в Писании, подразумевает, что день Его рождения никак не мог быть 25 декабря. Когда ангел объявил пастухам о Его рождении в Вифлееме, они ночью пасли скот в открытом поле. Несомненно, климат в Палестине не такой суровый, как у нас, но даже там, несмотря на существенную дневную жару, в период между декабрем и февралем ночной холод довольно пронизывающий. Поэтому уже в конце октября пастухи Иудеи прекращали выпас скота в открытом поле.

Гилл в своем “Комментарии” к Книге Луки 2:8 пишет следующее: “У иудеев было два вида скота. . . скот домашний, который находился в городе, и скот открытого поля, который находился на пастбище”. По поводу последнего один из комментаторов (Maimonides, Misn. Betza) замечает: “Этот скот находится на пастбищах в открытом поле и не загоняется в город до наступления дождей”. Первые дожди начинаются в конце октября

— начале ноября. . . Из чего следует, что Мессия должен был родиться до начала октября, до начала дождей. Китто в комментарии к Второзаконию 11:14 (Illustrated Commentary) говорит, что “первый дождь выпадал осенью, т.е. в сентябре или в октябре. Это несколько сдвигает время удаления скота с полей на более ранний срок, нежели я отметил ранее, но нет сомнения, что это не могло быть позже уже указанного времени, что подтверждается свидетельством Маймонида, чье знание всех еврейских обычаев широко известно.

Таким образом, абсолютно невероятно, чтобы рождение Мессии могло произойти в декабре. По этому вопросу у комментаторов существует большое единодушие. Все они (Barnes, Doddridge, Lightfoot, Joseph Scaliger, Jennings) сходятся во мнении, что 25 декабря не мог быть днем рождения нашего Повелителя. Иосиф Мидийский также авторитетно подтверждает это мнение. После долгого и тщательного рассмотрения данной темы, среди прочих аргументов, он говорит следующее: “Во время рождения Мессии каждая женщина и ребенок должны были прийти в свой родной город для переписи. Некоторым из них для этого пришлось совершить долгое путешествие. А середина зимы мало подходила для такого предприятия, особенно для женщин с детьми. Следовательно, Мессия не мог быть рожден в разгар зимы. Опять-таки во время рождения Мессии пастухи в ночное время лежали в поле, чего не могло быть в середине зимы. И если кому-то кажется, что зимний ветер не был такой же холодный, как и у нас, пусть вспомнит слова Мессии из Благовестия: “Молитесь, чтобы ваше бегство не случилось посреди зимы”. Если зима была настолько плохим временем для бегства, то вряд ли оно подходило для того, чтобы пастухи лежали в открытом поле, а женщины и дети путешествовали”. Действительно, большинство наиболее образованных и беспристрастных авторов всех направлений признают, что день рождения нашего Повелителя невозможно установить и что до третьего столетия среди Собрания Верующих даже не было слышно о таком празднике, как Рождество, который стал отмечаться только в четвертом веке.

Лоример цитирует Сэра Питера Кинга, который в своем исследовании ранней Общины приходит к выводу, что первоначально верующие в Мессию не отмечали такого праздника. И добавляет: “Маловероятно, чтобы они отмечали день рождения Мессии, если они не могли согласовать день и месяц Его рождения”. В комментарии к книге Луки Дж.Рил признает, что день и время рождения Мессии не ясны, хоть он и высказывается против мысли о том, что стада животных не могли находиться в открытом поле в конце декабря, ссылаясь на слова Иакова к Лавану: “Я томился днем от жара, а ночью от стужи”. (Бытие 31:40) В этих словах содержалась вся сила возмущения Иакова жадностью своего родственника, когда Лаван заставлял его делать то, чего никто другой не делал. Правда, приводя этот довод о холодных ночах (хоть, однако, это не является однозначным

понимаем этого места из Писания), Рил доказывает совершенно противоположное тому, о чем сам же и пишет, т.е. то, что обычно пастухи не пасти скот в открытом поле в середине зимы. Gieseler, Chrysostom (Monitum in Hom. de Natal. Christi), написано в Антиохии около 380 года н.э.: “Не прошло и десяти лет, как нам стала известна эта дата. Что является хорошим примером того, как новым обычаям придается видимость апостольского установления”, — добавляет Гислер. А вот что говорит Иоанн Златоуст: “Среди жителей запада это было известно издревле, с незапамятных времен, о чем знали и жители Тарса и Кадиса”. Т.е. о том, что неизвестный на востоке день рождения нашего Повелителя в Антиохии, на самой границе со Святой Землей, где Он был рожден, был отлично известен во всех европейских регионах запада, от Тарса до Испании!

Каким же образом Католическая Церковь установила 25 декабря в качестве праздника Рождества? А вот так: задолго до четвертого века и задолго до самой мессиянской эры среди *язычников* этот праздник и именно в это время отмечался в честь рождения сына вавилонской царицы небесной. И можно справедливо предположить, что праздник был принят (заимствован) Римской Церковью для того, чтобы угодить язычникам, а также повысить количество номинальных христиан. Его лишь увязали с личностью Мессии. Эта тенденция по перениманию христианами языческих обрядов проявилась очень рано. Например, Тертуллиан приблизительно в 230 году горько плачет о непоследовательности учеников Мессии в этом вопросе, которые составляют разительный контраст язычникам, остававшимися верными *своим* суевериям. Он писал: “Мы, не соблюдающие субботы, новолуния и другие некогда угодные Всевышнему праздники, стали праздновать сатурналии, январские празднества, брумалии, матроналии, носить туда-сюда дары, с помпой обмениваться новогодними подарками, участвовать в шумных спортивных мероприятиях и пирах. О, насколько же много более верны своей религии язычники, следящие за тем, чтобы не перенять никаких торжеств от христиан”. Праведные мужи боролись с общим течением, но вопреки всем их усилиям, ересь распространялась, пока Церковь, за исключением немногочисленного остатка, не погрузилась в пучину языческих суеверий. То, что Рождество изначально было языческим праздником, вне всякого сомнения. Время года и характер празднований доказывают его происхождение. В Египте в это время, время зимнего солнцестояния, отмечали рождение сына Исиды, египетской царицы небесной. Еще одно распространенное название Рождества — Юль (Yule-day) (английский аналог русского “Святки”) — доказывает его языческие вавилонские корни. “Юль” — это халдейское название “младенца” или “маленького ребенка”. То, что наши англо-саксонские предки задолго до контакта с христианством знали день 25 декабря “Юль”, или “День ребенка”, а предшествующую ему ночь — “День матери”, является достаточным доказательством его настоящей

сущности.

От слова “эол” (ребенок). В Шотландии, по крайней мере в нижней его части, юльские пирожки называли еще нур-пирожками. Что по-халдейски означает “рождение”. Таким образом, нур-пирожки — это “рождественские пирожки”. Скандинавские богини, называвшиеся “норами” и при *рождении* предопределявшие детям их судьбы, по всей видимости, заимствовали свое название от халдейского слова “нор” (ребенок).

Этот день рождения широко отмечался среди язычников. Этот праздник обычно считался чисто астрономическим, указывая на завершение солнцем его годового вращения и начала нового цикла. Но имеются несомненные свидетельства тому, что в своей основе этот праздник имел отношение к чему-то большему, нежели символическому рождению солнца и возобновлению его круговорота. Разговор шел о рождении великого Спасителя. Среди сабеев Аравии, считавших луну, а не солнце, видимым символом их излюбленного объекта для идолопоклонства, тот же самый период считался праздником рождения. Вот что можно прочесть в книге Стэнли “Сабейская философия”: “24 числа десятого месяца (т.е. по нашему календарю в декабре) арабы праздновали *день рождения господ*, т.е. Луны”. Господь Луна была великим объектом арабского поклонения, и этот Господь Луна, по их верованиям, родился 24 декабря. Это ясно показывает, что отмечаемый ими день рождения не имел связи с круговоротом солнца. Следует также особо отметить, что среди древних саксов день Рождества отмечался как день рождения любого повелителя небесного сонма, почти так же как это происходило в Аравии. Всем известно, что саксы считали Солнце богиней, а Луну — богом. Тэрнер цитирует арабское стихотворение, которое показывает, что и у арабов солнце было женского рода, а луна — мужского, точно так же, как это было и у англо-саксов.

Таким образом, 25 декабря они, скорее всего, отмечали день рождения не Солнца, а Господа Луны, точно так же, как арабы 24 декабря отмечали день рождения того же самого Господа Луны. Имя Господа Луны на Востоке было, похоже, Мени, поскольку оно естественным образом соответствует сказанному пророком Исаией: “А вас, которые оставили Господа Бога, забыли святую гору Мою, приготавлиете трапезу для Гада и растворяете полную чашу для Мени” (Исаия 65:11). Есть все основания полагать, что Гад — это бог-солнце, а Мени — это бог-луна. Имя “Гад” в первом случае, очевидно, имеет отношение к богу войны, поскольку оно обозначает *нападение*; но это же слово значит также и “созывающий”. В обоих случаях оно применимо к Нимроду, потому что он был первым великим воином; а под именем Форонэус он почитался как тот, кто первым собрал человечество в социальные группы (города). С другой стороны, имя “Мени” (исчисляющий, перечисляющий) было, похоже, синонимом имени Куш или Хус, что в первом значении переводится как “покрывать” или “прятать”, но обозначает также “исчислять” или “перечислять”. У ме-

ня нет сомнения, что настоящее значение имени “Куш” — “исчисляющий, перечисляющий” или “Арифметик”. Ведь в то время, когда его сын Нимрод в качестве “могущественного” при помощи силы и власти был главным распространителем вавилонской системы идолопоклонства, так же, как и Гермес, он был истинным формирователем этой системы. О нем ведь было сказано, что он “научил людей правильно обходиться с Богом, ублажая его молитвами и жертвоприношениями” (Уилкирсон). А поскольку идолопоклонство и астрономия были тесно взаимосвязаны, то для того, чтобы быть максимально эффективным в такой своей деятельности, он должен был быть весьма искусным в науке чисел. Считается, что Гермес (он же Куш) “первым открыл числа”, искусство счета, геометрию, астрономию, шахматы и игру в кости. Исходя из значения имени “Куш”, вполне вероятно, что некоторые называли “число (цифру) отцом богов и людей”. Имя “Мени” — это халдейская форма еврейского слова “мене” (исчисляющий, перечисляющий), поскольку в халдейском языке “и” на конце слова часто становится “е”. Мы уже упоминали о том, что Нэбо, великий пророческий бог Вавилона, был тем же самым богом, что и Гермес. Это показывает особое значение первых слов из того, что Всевышний сказал о падении Валтасара: “мене, мене, Текел, упарсин”, что можно перевести как “Исчисляющий исчислен”. Мы знаем, что чаша была символом Куша, откуда пошло жертвоприношение ему, как богу чаши, в виде возлияний напитков. А поскольку он был великим Гадателем, отсюда и гадания о грядущем годе, которые Иероним увязывает с упомянутым Исаией божеством. В Египте Гермес, как “исчисляющий”, отождествлялся с луной, которая исчисляет месяцы. Его называли “Господь луны” (Bunsen); а как “распределитель времени” (Wilkinson) он держал “пальмовую ветвь, символизировавшую год”. Таким образом, если Гад был “богом-солнцем”, то Мени вполне естественно считался “Господом Луна”.

Мени, или Манаи, значит “Исчисляющий”. Именно по фазам луны и исчисляются месяцы: “Он сотворил луну для указания времен, солнце знает свой запад” (Псалмы 103:19). Имя “Человека Луны”, или бога саксов, управлявшего этим светилом, было Мане, как об этом записано в “Эдде”, или Мани — в “Волуспе”. То, что наши предки на Рождество праздновали день рождения “Господа Луны”, хорошо подтверждается названием празднества в честь последнего дня года, отмечаемого в долинах Шотландии, что, по всей видимости, осталось от древних празднеств в честь дня рождения, где употреблялись пирожки под названием нур-пирожки, или рождественские пирожки. Название этого празднества — “Хогманай”. По-халдейски “хог-манаи” значит “праздник Исчисляющего”; другими словами, праздник Deus Lunus, или Человека Луны. Для того, чтобы показать связь между разными странами и существующий в них глубоко укоренившийся обычай отмечать эти праздники, следует отметить, что Иероним, комментируя уже цитировавшиеся слова Исаии о “приготовле-

нии трапезы для Гада” и “растворении полной чаши для Мени”, замечает, что “во всех городах, и особенно в Египте и Александрии, существовал весьма древний обычай накрывать столы и уставлять их разнообразной роскошной едой и чашами со смесью нового вина. Это происходило в последний день месяца и года, чтобы на основании этого люди могли увидеть предзнаменования об урожайности года”. Египетский год начинался в отличное от нашего время; но это было очень похоже (только заменив вино на виски) на то, как в последний день последнего месяца года в Шотландии до сих пор отмечается Хогманай. Не знаю, видит ли кто в процессе этого какие-либо предзнаменования, но каждый человек на юге Шотландии лично знает о том факте, что среди тех, кто придерживается старых традиций, на Хогманай, вечером накануне Нового Года, накрываются столы, где расставляются разные лакомства, среди которых овсяные пироги и сыр, которые предназначены специально для тех, кто никогда не мог бы отведать овсяных пирогов, только как на таком празднике; крепкие напитки также являются неотъемлемой частью праздничного стола.

Даже там, где солнце было излюбленным объектом для поклонения, как это имело место в Вавилоне, на таких праздниках не просто поклонялись дневному светилу, но воплощенному Богу. Существенным принципом вавилонской системы было то, что Солнце, или Баал, было одним единственным великим Богом. Таким образом, когда Таммузу поклонялись как воплощенному богу, то имелось ввиду то, что он был воплощением Солнца. Это очень выразительно проявляется в индуистской мифологии, в значительной степени являющейся вавилонской. В ней Сурья, или солнце, представляется как воплощение (инкарнация), рожденное для покорения врагов богов, чего нельзя было бы достичь без такого рождения. Ванс Кеннеди, один из самых знаменитых исследователей санскрита, пишет о веровании в то, что брамины пришли из Вавилона. Само имя “Сурья”, употребляемое во всей Индии по отношению к солнцу, связано с его рождением. Хоть первоначально слово и имело другое значение, оно, вполне очевидно, отождествлялось священниками с халдейским “Зэро” и выражало мысль о рождении “Солнца-бога”. Пракритское имя очень близко по значению содержащемуся в Священном Писании названию обетованного “семени”. Это “Суро”. Как уже отмечалось в предыдущих главах, в Египте Солнце также считалось *рожденным* богиней.

Когда язычники отмечали зимнее солнцестояние, это был не просто астрономический праздник. В Риме этот праздник назывался праздником Сатурна, и то, как он там отмечался, показывает его происхождение. По постановлению Калигулы праздник длился пять дней. Особенностью праздника было *пьянство* и разгул, а рабы получали временное освобождение и всякую свободу от своих хозяев. Впоследствии число дней Сатурналий было увеличено до семи. Если Сатурн, или Кронос, был, как мы имеем все основания полагать, *Форонэусом* (Освободителем), то “вре-

менное освобождение” рабов на этом празднике полностью соответствует сущности этого мифического персонажа.

Согласно Бэрозусу, именно так выглядел пьяный праздник месяца тэб-эт, что соответствует нашему декабрю, или, другими словами, отмечавшийся в Вавилоне праздник Бахуса. Существовал обычай, пишет Бэрозус, — чтобы во время пяти праздничных дней хозяева начинали подчиняться своим слугам, один из которых, подобно царю, облачившись в пурпурную одежду, начинал управлять домом своего хозяина. Такого облаченного в пурпур слугу называли “Зоган” (Человек спорта и разгула), и он величался “Господином Беспорядка”. В средние века во всех католических странах он возглавлял пьяный разгул Рождества. Пьяная чаша рождественского разгула имела свое соответствие в “Пьяных празднествах” Вавилона, откуда пришли и многие другие обычаи Рождества, которые у нас совершаются и по сей день. Свечи, зажигаемые на Сочельник в некоторых частях Англии и горящие весь праздник, точно так же зажигались язычниками в канун праздника в честь вавилонского бога: горящие восковые свечи на его алтаре были одной из отличительных черт поклонения ему. Рождественское дерево, настолько распространенное среди нас, было в равной степени распространено в языческом Риме и языческом Египте. В Египте этим деревом была пальма, а в Риме — ель. Пальма символизировала языческого мессию Баал-Тамара, а ель отождествляла его с Баал-Беритом. Согласно мифам, мать Адониса, Солнца-Бога и великого бога-посредника, таинственно превратилась в дерево и в таком состоянии родила своего божественного сына. Если мать была деревом, то сына, вероятно, должны были называть “Человек ветви (отрасли)”. Это полностью соответствует обычаю вечером накануне Рождества класть Юльское полено в огонь и ставить на утро в доме рождественскую елку. Как Зэро-Ашта (Семя женщины), имя, которое также значило “Игнигена” (рожденный от огня), он должен был войти в огонь в “Ночь Матери”, чтобы на следующий день он смог из него родиться в качестве “Ветви Бога” или Дерева, приносящего людям все божественные дары. Но возникает вопрос, почему же тогда он входил огонь в символическом виде Полена? Для понимания этого нужно вспомнить, что божественный ребенок, рожденный во время зимнего солнцестояния, был рожден как новое воплощение (инкарнация) великого бога (после того, как этого бога порубили на куски) для того, чтобы отомстить своим убийцам за собственную смерть. Этот великий бог, убитый в расцвете своей власти и славы, был символически представлен в виде большого дерева, очищенного ото всех ветвей и срезанного под самый корень. Был такой символ возвращающего жизнь Эскулапа, где великий змей (змея) обвивается вокруг мертвого дерева, и вот возле мертвой палки пробивается молодой побег — дерево совершенно другого вида, которому предназначено никогда не быть срубленным враждебными силами. Это пальма — символ победы. Как уже говорилось,

в Риме рождественское дерево было другим видом дерева — елью; но в ней была заложена та же самая мысль, что и в случае с пальмой. Это был символ новорожденного Бога — Баал-берита, “Господа Завета”. Этот символ отражал вечную природу его власти, который, пав от рук своих врагов, вновь победоносно восстал над ними всеми. Имя “Баал-берет”, только одной буквой отличающееся от имени “Баал-берит”, что означает “Господин ели”.

Таким образом, 25 декабря, который в Риме отмечался как день победоносного повторного появления на земле бога, считался *Natalis invicti solis* (День рождения непобедимого Солнца). Юльское полено, мертвый ствол Нимрода, обожествленный как бог солнца, но срубленный его врагами, — это и есть рождественское дерево, символизирующее воскресшего Нимрода, бога, который был убит и вновь вернулся к жизни. В

свете вышесказанного вспомним и о традиции, которая живет и по сегодняшний день на юге, хоть ее истоки теряются в седой древности. Давайте вспомним о том, как в канун Рождества принято целоваться под веткой омелы (в Англии традиционное украшение дома на рождество. Эта ветвь, дань традиционному суевию друидов, чье происхождение, как мы уже говорили, берет свое начало в Вавилоне и символизировала “мессию”, “человека-отрасль (ветвь)”. Омела считалась божественной ветвью — ветвью, пришедшей с небес, выросшей на дереве, которое вышло из земли.

В скандинавском мифе о Балдере ветвь омелы отличается от умершего бога. Друидские и скандинавские мифы немного отличаются друг от друга, но при этом даже в скандинавском мифе отчетливо видна необычайная сила, приписывавшаяся ветви омелы, ибо она могла совершать то, чего не было в состоянии сделать никакое другое создание: она убила бога, на котором, как верили англо-саксы, “держалась вся небесная империя”. Для разгадки такого очевидного парадокса следует лишь понять, что обладавшая такой силой “ветвь” была символическим образом мессии. Греческий Бахус считался “семенем змея”, поскольку, согласно мифу, он был зачат в результате половой связи его матери с Юпитером, принявшим вид змея. Если и сама личность Балдера была похожей, то он хорошо вписывается в историю о “семени змея”, убитом “семенем женщины”. Конечно же, этот миф должен быть связан с его врагами. Но идолопоклонники приняли лишь то, чего они просто не могли отрицать, но в своей, искаженной интерпретации.

Они были соединены через прививание небесной ветви к земному дереву, неба к земле, земле где приумножился грех, и, таким образом, ветка омелы стала знаком примирения бога с человеком, а поцелуй издавна считался хорошо известным знаком прощения и примирения. Откуда же могла прийти такая мысль? Может из Псалмов (84:11-12): “Милость и

истина встречаются, правда и мир целуются; истина возникнет из земли, и правда прикиннет с небес”? Известно, что этот Псалом был написан вскоре после вавилонского пленения; и множество иудеев оставались в Вавилоне под управлением вдохновенных мужей веры, таких, как Данииил, и им проповедовалось Слово Всевышнего точно так же, как и их соплеменникам в Палестине. В то время Вавилон был центром цивилизованного мира, и язычество, осквернив Священную символику, как это обычно и происходило, имело широкие возможности распространять во все концы земли свои лживые учения через Мистерии, являвшиеся в Вавилоне основной и центральной системой. Таким образом, существующие на сегодняшний день рождественские обряды проливают неожиданный свет на некогда явленные миру милость и благодать, и на усилия, которые прикладывают сатана и его представители для того, чтобы придать им материалистическую, плотскую и низменную форму.

Во многих странах кабан приносился в жертву богу за якобы причиненные тому раны. По одной из версий мифа, смерть Адониса, или Таммуза, произошла, как мы уже рассматривали раньше, в результате ран, нанесенных кабаньими клыками. Согласно мифу, фригийский Аттес, возлюбленный Сибилы, чья история отождествляется с историей Адониса, погиб точно так же — от клыков кабана. А Диана,

которая, хоть и выступает в популярных мифах в качестве охотницы Дианы, в действительности была великой матерью богов и часто изображалась в соседстве с головой кабана, что символизировало не только успех в преследовании зверя, но и ее торжество над главным врагом идолопоклоннической системы, в которой она занимала такое видное место. Согласно Теокриту, Венера примирилась с убившим Адониса кабаном, потому что, когда тот в цепях предстал перед ней, он так жалостно убеждал ее в том, что он убил ее мужа не из злобных побуждений, а лишь по случайности. Но в память о том, что сделал этот таинственный кабан, многие кабаны теряли головы или приносились в жертву оскорбленной богине. В книге Смита Диана изображена с лежащей возле нее головой кабана на вершине кучи камней, где римский император Троян кадит перед этой же богиней, причем голова кабана представляет из себя довольно значительный элемент рисунка

На Рождество континентальные саксы приносили кабана в жертву Солнцу, чтобы ублажить эту богиню за утрату ее возлюбленного Адониса. Читатель, должно быть, помнит, что Солнце — это была *богиня*. Маллет пишет: “Они приносили Фригге (матери умершего Балдера) самого большого кабана, какого только могли найти. В Египте раз в год, во время праздника Луны свинью приносили в жертву Луне и Бахусу, или Осирису.

Для них это был единственный законный способ жертвоприношения”. (Aelian)

В Риме, очевидно, существовал похожий обычай, поскольку кабан являлся значительным атрибутом праздника Сатурна, что подтверждается словами Марциала: “Этот кабан сделает вам хорошую Сатурналию”.

В Англии кабанья голова все еще является основным рождественским блюдом, хоть значение ее давно забыто. Да, “рождественский гусь” и “юльские пироги” были существенной частью поклонения вавилонскому Мессии, практиковавшемуся как в Египте, так и в Риме.

Говоря о Египте, Уилкинсон показывает, что “любимым жертвоприношением” Осирису был “гусь”, более того, “гуся нельзя было есть ни в какое другое время, кроме зимы”. Что касается Рима, то Ювеналий писал: “при оскорблении Осириса его можно было успокоить только большим гусем и тонким пирогом”. Мы знаем, что во многих странах гусю приписываются священные черты. Также хорошо известно, что столица Рима однажды среди ночи была спасена гоготом посвященных Юноне гусей, которые находились в храме Юпитера. В Малой Азии гусь был символом Купидона, точно так же, как в Египте гусь был символом Сэба.

The Egyptian God Seb, with his symbol the goose; and the Sacred Goose on a stand, as offered in sacrifice.

В Индии гусь занимает похожее положение, потому что в этой стране известно о священном гусе, посвященном Брахме. Наконец, памятники Вавилона показывают, что в Халдее он тоже имел мистические свойства и приносился в жертву так же, как в Египте и Риме: на вавилонских памятниках есть изображения священника с гусем в одной руке и ножом для жертвоприношений в другой. Стоит особо отметить символическое значение жертвоприношения гуся. “Гусь, — говорит Уилкинсон, — в иероглифике (знаковой системе) обозначает ребенка или сына”. А Хоразоло говорит: “Он был избран для обозначения сына, готового принести себя в жертву за других. Вот почему египтяне считали его священным животным. Здесь раскрыто настоящее значение символа сына, добровольно отдающего себя в качестве жертвы за тех, кого он любит, т.е. языческий мессия”.

Не может быть сомнения, что языческие празднования зимнего солнцестояния — Рождество, другими словами, — проводились в честь дня рождения вавилонского мессии.

Рассмотрение следующего великого празднования в папском календаре дает весьма сильные подтверждения всему вышесказанному. Этот праздник, называемый Благовещение, отмечается Римом 25 марта якобы

в честь воспоминания о чудесном зачатии нашего Повелителя Девой, о дне, когда посланный к ней ангел объявил об оказанной ей чести стать матерью Мессии. Но кто может сказать, когда это произошло? Священное Писание не дает никакой информации по поводу времени. Это и не было важно. Но в папском календаре “день Благовещения” совпадает с отмечавшимся в языческом Риме праздником в честь Сибилы, матери вавилонского мессии.

То, что сказано абзацем выше, проливает свет на отмечавшийся в Египте праздник, по поводу которого нет достаточной информации. Этот праздник отмечался в честь “входа Осириса в луну”. Осирис, как и Сурья в Индии, был просто Солнцем (Plutarch, De Iside et Osiride). Луна, с другой стороны, хоть часто и выступала символом Гермеса или Тота, была также и символом богини Исиды, царицы небесной. Бунсэн, правда, оспаривает это, но его же слова показывают, что делал он это безосновательно. А вот Иеремия (44:17) упоминает об этом вполне определенно. Получается, что входение Осириса в луну было *зачатием солнца* Исидой, царицей небесной, чтобы точно так же как и в случае с индийским Сурьей, он в надлежащее время смог родиться как великий спаситель. Отсюда и само имя “Осирис”. Как в греческом языке “Исида” заимствовано от “Хьиша” (женщина), так, согласно надписям на египетских памятниках, и “Осирис” — от “Хэ-сири” (семя). Обычно Осирис считался также и мужем Исиды, потому что, как мы уже говорили, Осирис был одновременно сыном и мужем своей матери. В Египте этот праздник, как и Благовещение, обычно отмечался в марте, так же, как и в языческом Риме в этот месяц был первый большой праздник в честь Сибилы. Мы уже упоминали, что в Риме распространенным титулом Сибилы была “Домина” (Госпожа) (Ovid, Fasti, а в Вавилоне — Бэлтис, откуда, вне сомнения, образовалось английское название этого праздника — “Lady-day” (день Госпожи).

Ясно, что Благовещение и Рождество находятся в тесной взаимосвязи. Между 25 марта и 25 декабря ровно 9 месяцев. Если, таким образом, лже-мессия был зачат в марте и рожден декабре, то наблюдается очень точная синхронизация не только по месяцам, но и по дням. Чего не могло бы быть в случае с Истинным Мессией. Таким образом, праздники Благовещения и Рождества чисто вавилонские.

Часть II.

Пасха (Истар).

Теперь взглянем на Пасху (Истар). Поскольку в данной главе разговор идет о западном варианте этого праздника с названием Истэр (Easter), от заимствованного “Истар”, то в некоторых случаях при переводе будет употребляться именно это слово. Что касается русского варианта названия “Пасха”, образованного от “Пэсах”, то со староеврейского это слово

(именно так как оно звучит в русском языке — “Пасха”) буквально переводится: “ты говоришь, как козел”.

Что означает само слово Истар? Это языческое название. Оно имеет чисто халдейское происхождение. Истар — ни что иное, как Астарта, один из титулов Бэлтис, небесной царицы, чье имя произносилось жителями Ниневии точно так же, как оно звучит в современном английском названии этого праздника. Это имя, согласно исследованиям Лаярда ассирийских памятников, звучит как Иштар. Поклонение Бэлу и Астарте было очень давно завезено в Британию друидами, “священниками рош”. Даже считалось, что друидская форма поклонения была первоначально предложена финикийцами, которые за многие столетия до христианства торговали с рудокопами олова в Корнуолле. Но имеются убедительные доказательства того, что эта форма поклонения практиковалась в тех районах Британии, где финикийцев никогда не было. Первое мая до сих пор называют Бэлтэйн, от слова Бэл. И до сих пор существуют обычаи, демонстрирующие, как выглядело поклонение Бэлу или Молоху (ибо оба этих имени принадлежат одному и тому же богу) в северных частях острова. “Покойная Леди Бэйрд из Фэрн Тауэра, Пэртшир, — пишет автор “Записок и Наблюдений”, — сказала мне, что каждый год во время Бэлтэйна (или 1 мая) на принадлежащей ей земле около Киффа возле древнего друидского каменного круга собирается множество мужчин и женщин. Они разжигают в центре костер, каждый человек кладет кусок овсяного пирога в шляпу пастуха, затем они все садятся и с завязанными глазами вытягивают из нее по куску. Один кусок был заранее поджарен до черноты, и вытянувший его должен прыгать через костер в центре круга, а также платить откупного. Фактически, это часть древнего поклонения Баалу (Ваалу), и в древние времена человек, вытянувший меченный кусок, сжигался на костре в качестве жертвы. Теперь это заменено перепрыгиванием через костер, а жертвоприношение — символическим выкупом”. Если Баалу поклонялись таким образом в Британии, то не трудно поверить, что его супруга Астарта также почиталась нашими предками, и что от Астарты, чье имя в Ниневии было Иштар, берут свое начало ныне практикующиеся в апреле религиозные торжества, именуемые Истар. Этот месяц наши предки-язычники называли Истар-монат. Праздник, о котором мы читаем в истории Церкви и называемый сейчас Истар (Пасха), в третьем-четвертом веках был совершенно иным праздником, отличным от того, который в наши дни отмечает Римо-Католическая Церковь, и, конечно, не имел такого названия. Он назывался Пасх, или Пэсах, и хоть и не был установлен Посланныками, очень рано появился среди верующих как воспоминание о смерти и воскресении Мессии. Сократ, исследователь истории древних вероучений, составивший довольно пространное описание того, как в его время Пасха отмечалась в разных странах, писал: “Исходя из имеющихся данных, можно сказать, что у нас имеется достаточно дока-

зательств тому, что празднование Пасхи повсеместно начиналось скорее как традиция, нежели как заповедь Мессии или кого-нибудь из посланников (апостолов)". (Hist. Ecclesiast.) Каждому известно, что слово Пасха (Easter), используемое сегодня для перевода, имеет отношение не к христианскому празднику, а к иудейскому Пэсаху. Это одно из нескольких мест, когда переводчики проявляли неоправданную предвзятость.

В дни Тертуллиана в конце второго века этот праздник первоначально совпадал по времени с иудейским Поскайау (Пэсахом), когда Мессия был казнен на столбе, что произошло, как считалось, 23 марта.

Этот праздник не был связан с идолопоклонством и не предварялся Великим Постом. "Следует знать, — сказал в своем сочинении Касьян, монах из Марсея, сопоставляя раннюю Общину верующих с церковью его времени, — что пока ранняя Община оставалась в нетронутым виде, не было никакого сорокадневного поста". Откуда же тогда взялся этот пост? Сорокадневный Великий Пост был непосредственно позаимствован у поклонников Вавилонской богини. Подобный Великий Пост продолжительностью сорок дней "весенней порой" все еще практикуется езидитами или поклоняющимися дьяволу язычниками из Курдистана, которые, в свою очередь, унаследовали его от своих прежних повелителей — вавилонян. Весенний сорокадневный Великий Пост соблюдался также мексиканцами. Об этом можно прочитать у Гумбольдта, где он описывает обычаи мексиканцев: "Через три дня после весеннего равноденствия... начинался торжественный *сорокадневный пост* в честь солнца". Такой же сорокадневный Великий Пост соблюдался и в Египте, о чем можно прочитать в книге Уилкинсона (Wilkinson) "Египтяне". По словам Лэндсира (Landseer) в его книге "Sabean Researches" сорокадневный Великий Пост был специально посвящен Адонису, или Осирису, широко почитавшемуся богу-посреднику. Похоже, что в это же время и подобным же образом отмечалось и похищение Прозерпины; по этому поводу Юлиус Фирмикус сообщает, что "на протяжении сорока ночей" продолжалось "оплакивание Прозерпины"; а от Арнобиуса мы узнаем, что пост, называемый "Кастус", или священный пост, который соблюдали язычники, христиане того времени считали, главным образом, подражанием длительного поста Цереры, которая продолжительное время отказывалась принимать пищу из-за "крайней скорби" по поводу утраты своей дочери Прозерпины, похищенной Плутоном, богом ада (Аида). По мере того, как истории о Бахусе, или Адонисе, и Прозерпине подгонялись друг к другу и изменялись, когда Бахус стал именоваться Либер, а его жена Ариадна — Либера (одно из имен Прозерпины), очень даже возможно, что сорокадневный Великий Пост был введен в более поздние времена, чтобы иметь отношение ко всем этим мифам. Похоже, что среди язычников этот Великий Пост был неотъемлемой частью подготовки к великому ежегодному празднеству в честь смерти и воскресения Таммуза, что выражалось в попеременном

рыдании и ликовании. Этот обычай распространился позже на Палестину и Ассирию, где он отмечался в июне, называвшемся “месяц Таммуз”; в Египте он отмечался в середине мая; и в Британии — где-то в апреле. Для примирения язычества и номинального христианства Римская церковь, следуя своей обычной политике, предприняла меры для того, чтобы соединить христианские и языческие праздники, и путем сложных, но искусных изменений в календаре она успешно с этим справилась. Таким образом, язычество и христианство, которое в то время уже и так сильно погрузилось в идолопоклонство, пожали друг другу руки. Инструментом для такого слияния стал аббат Дионисий Маленький, которому мы, кроме всего прочего, как это доказали современные историки, обязаны смещением дня начала отсчета нашей эры и дня рождения Самого Мессии на *четыре года* вперед от реальной даты. Неизвестно, было это сделано преднамеренно или по неведению, но нет сомнения, что день рождения Иисуса был перенесен на четыре года вперед от реальной даты. Изменение календаря ради праздника Пасхи сопровождалось немедленными последствиями. Это привнесло в Церковь ощутимую порчу и крайнее суеверие, касающееся воздержания во время Великого Поста. Достаточно почитать о всех тех зверствах, совершавшихся во время “священного поста”, или языческого Великого Поста, описываемые Арнобиусом и Клементом Александрийским, и станет стыдно за христианство тех, кто, зная обо всех этих мерзостях, “пошли в Египет” за помощью в деле оживления чахлой веры выродившейся Церкви, тех, кто не смогли найти лучшего способа для ее “пробуждения”, нежели путем заимствований из такого отвратительного источника; абсурд и омерзение, которые так призывали отвергнуть ранние христианские авторы. То, что христиане вообще могли помыслить о введении языческих ограничений/воздержаний Великого Поста, является признаком зла и показывает, как низко они пали, что также явилось причиной зла; и это вело к еще большей деградации. Первоначально даже в Риме Великий Пост с предварявшим его шумными пиршествами Карнавала был абсолютно неизвестен. Даже тогда, когда пост перед мессианским Поскайау (Пэсахом) стал считаться необходимым, он не сразу слился с языческими ритуалами. Неизвестно, какова была длительность поста в Римской Церкви до решений Никейского Собора, но имеются достаточные свидетельства, что значительное время спустя после Собора он не превышал трех недель.

Gieseler, говоря о праздновании Поскайау восточной частью верующих второго столетия, писал: “Во время (поминания смерти Мессии) они (восточные верующие) на протяжении восьми дней едят пресный хлеб, возможно, так же, как и иудеи. . . Нет признаков того, чтобы они праздновали воскресение (событие), потому что это они делают каждое воскресенье (день недели)”. Что касается западных верующих, то в более поздний период, в эпоху Константина, в связи с мессианским праздником

Поскайау (Пэсахом) на протяжении, по всей вероятности, пятнадцати дней выполнялись религиозные упражнения. Об этом писал Bingham, отрывки произведений которого мне любезно прислал мой друг. Bingham пишет: “Торжества Поскайау (Пэсаха) начинались за неделю до дня Воскресения и продолжались еще неделю после. . . Древние источники говорят о праздновании Страданий и Воскресения на протяжении пятнадцати дней. Пятнадцать дней по велению закона Империи и пятнадцать дней по повелению вселенской Церкви. . . Scaliger упоминает закон Константина, предписывавший на Пасху две недели отдыха от всех юридических процессов”.

Вот что писал об этом в 450 году Сократ: “Населяющие царственный город Рим постятся перед Пасхой три недели, за исключением субботы и дня воскресения Мессии”. Но, в конце концов, после того, как поклонение Астарте достигло своего пика, были сделаны шаги для распространения всего халдейского Великого Поста продолжительностью в шесть недель, или сорок дней, на всю западную часть Римской Империи. Почва для этого была подготовлена около 519 года Собором в Аурелии во время римского Епископа Хормисдаса. Собор постановил, что перед Пасхой должен соблюдаться Великий Пост. Это постановление было, несомненно, принято с учетом того, что через несколько дней календарь должен был быть изменен Дионисием. Это постановление не могло быть принято само по себе. В конце шестого века была предпринята попытка волевым решением ввести новый календарь. Первая такая попытка была предпринята в Британии, где она встретила сильное сопротивление. Разница во времени между мессиянским Поскайау (Пэсахом), который отмечали местные верующие, и языческой Пасхой (Easter), учрежденной Римом, на момент ее введения составляла целый месяц. И только путем насилия и кровопролития праздник англосаксонской или халдейской богини заменил собой праздник, отмечавшийся в честь Мессии. Приведем слова Куммиана в цитировании архиепископа Ушера: “Те, кто выросли в традиции празднования Рождества и Пасхи, и при этом от всего сердца испытывают отвращения ко всему папскому и языческому идолопоклонству, возможно, могут почувствовать определенный дискомфорт в связи со сказанным выше об истинном происхождении этих праздников. Но после некоторого рассуждения они смогут прогнать это чувство. Они увидят, что если то, о чем я говорю, правда, нет никакого смысла это игнорировать. Некоторые из излагаемых здесь фактов достаточно известны многим авторам из числа неверующих и скептически настроенных писателей, которые используют их для развенчания веры молодых и неосведомленных в вопросах христианской веры людей. Несомненно, в таком случае следует на первое место ставить правду во всем ее естественном виде, даже несмотря на то, что она будет действовать против укоренившихся мнений, особенно если эта правда, серьезно принятая во внимание, бу-

дет содействовать воспитанию в молодежи способности противостоять обольщениям Папства и укреплять их в вере, переданной когда-то Святым. Если язычник способен сказать — “Я люблю Сократа и Платона я люблю, но истину я люблю больше”, — то, несомненно, что ум истинного верующего проявит не меньшее благоразумие. Разве на протяжении всего этого времени не достаточно накопилось того, от чего следует избавиться, приложив все усилия и смелость, чтобы очиститься от установленных Истэблишментом ритуалов и обычаев, взятых из золотой вавилонской чаши? В церкви Крэмэра, Латимера и Ридли есть люди благородного ума, которые искренне любят нашего Господа Иисуса Христа, которые чувствуют силу Его крови и знакомы с утешением Его Духа. Пусть они в своих спальнях, склонив свои колени, зададут вопрос своему Богу и своей совести. Тогда, действительно, Церковь Англии будет грандиозным бастионом Реформации. Пусть ее сыны поговорят с врагом в воротах, пусть Англиканская церковь предстанет перед лицом всего христианского мира “ясной, как солнце, светлой, как луна, и ужасающей, как наступающая армия”. Если, однако, ничего существенного не будет сделано, чтобы противостать заразе, которая распространяется в ней, то результат может быть катастрофичен, и не только для нее, но и для всей империи”.

Такова история Пасхи. Наблюдения за тем, как сейчас это празднуется, только подтверждают исторические свидетельства о ее вавилонском характере.

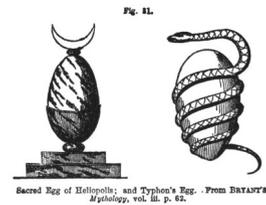
Сдобные булочки с изображениями креста (называемые “бун”), выпекаемые на Великую Пятницу, и крашеные яйца пасхального воскресенья в точности повторяют ритуалы халдеев. Точно такие же булочки использовались при поклонении царице небесной, богине Истар, еще в дни Кэкропса, основателя Афин, — т.е. 1500 лет до н.э. “Священный хлеб, — писал Брайнт, — который использовался для приношения богам, был очень древнего происхождения и назывался Бун”. Диоген Лаэртский, говоря о приношениях, которые делал Эмпедокл, описывает основные ингредиенты такого хлеба: “В качестве приношения он принес один из священных пирогов, называемые Бун, сделанный из высококачественной муки и меда”. Пророк Иеремия описал такого рода приношения, когда сказал: “Дети собирают дрова, а отцы разводят огонь, и женщины месят тесто, чтобы делать пирожки для царицы небесной”. Иеремия 7:18. Похоже, что пророк имел в виду именно слово “бун”. Еврейское слово, которое при расстановке огласовки произносилось как Хаван, в греческом языке стало чем-то вроде “капан-ос” (Photius, *Lexicon Syttoge*); а позже трансформировалось в “хабон” (Neander, in *Kitto's Biblical Cyclopaedia*). В первом случае видно, как слово “хван”, которое произносилось как один слог, перешло в латинское “панис” (хлеб), а во втором — как подобным же образом “хвон” превратилось в “бон” или “бун”.

Горячие “буны” (сдобные булочки с изюмом) с изображением креста

теперь не являются *ритуальным приношением*, их просто *едят* во время праздника Астарты; но это не вызывает никакого сомнения в их подлинном происхождении и назначении. Происхождение пасхальных яиц также вполне очевидно. Древние друиды считали яйцо своим священным символом. Во время дионисиад, или мистерий Бахуса, (Диониса), отмечавшихся в Афинах, одной из частей ночной церемонии было освящение яйца. У индусов есть обычай, связанный со священным золотым яйцом. Японцы делают священные яйца из меди. В Китае в это же время крашенные яйца используются во время священных празднований почти так же, как и у нас. В древние времена яйца использовались в религиозных ритуалах египтянами и греками и содержались в их храмах для мистических целей.

Можно проследить, как из Египта эти священные яйца попадают на берега Евфрата. Поэты-классики, используя мифы и легенды, много писали о мистических яйцах вавилонян. Хигинус Египтянин, хорошо знавший всю мудрость своей страны, ученый-хранитель палатинской библиотеки в Риме во времена правления Августа писал: “Рассказывают, что яйцо громадного размера упало с неба в реку Евфрат. Рыбы выкатили его на берег, а голуби высидели его, после чего из него вышла Венера, которая позже была названа Сирийской богиней”, — т.е. Астартой. Отсюда яйцо стало символом Астарты или Истэр (Пасхи). И, соответственно, на Кипре, являвшемся одним из основных мест поклонения Венере или Астарте, было выставлено яйцо громадного размера.

Окультное значение этого мистического яйца Астарты в одном из его значений (ибо у него есть два значения) имеет отношение к ковчегу во время потопа, во время которого в нем было заключено все человечество, подобно тому, как цыпленок заключен в яйцо до своего выхода на свет. Если кто-нибудь захочет поинтересоваться, как вообще могло придти людям в голову употребить для этой цели такой необычный символ, ответ будет таков: во-первых, священное яйцо язычества, как уже говорилось, было широко известно как “яйцо мира”, т.е. яйцо, в котором был заключен весь мир. Теперь слово “мир” имеет два похожих значения: это либо материальное тело, либо жители земли. Последнее значение можно найти в Книге Бытия 11:1 — “На всей земле был один язык и одно наречие”, где подразумеваются люди всего мира. Если затем мир был заключен в яйцо и плавал по воде, то будет нетрудно поверить, независимо от того, что думать об этом яйце, что яйцо, плававшее по широкому вселенскому морю, содержало в себе Ноя и

его семью, а следовательно, и весь мир. Между словом “яйцо” и “ковчег” существует следующая связь: еврейское название яйца — “бэйц” или в женском роде (оно бывает в форме двух родов) — “бэйца”. У халдеев и финикийцев оно превратилось в “бэт” и “бэйта”, в их языках произносившиеся точно так же, как и “дом”. В Священном Писании слова “бэт” и “дом” без огласовки можно произнести как “бэйт”, что можно увидеть в имени “Бэтэль” (Бытие 35:1), которое можно найти в греческом переводе Священного Писания (Септуагинте) как “бэйт-эль”.

Плавающее по водам яйцо, в котором заключен мир, было плавающим по водам потопа домом, заключавшем в себе новый мир. Явление яйца с небес, очевидно, имеет отношение к приготовлению ковчега по повелению Всевышнего. То же самое ясно подразумевается в египетском мифе о всемирном яйце, которое вышло изо рта великого бога. Относительно голубей, высиживающих яйцо, объяснения излишни. Таким образом, это и было одним из аспектов мистического значения яйца. В халдейских мистериях, так или иначе связанных с вавилонской богиней, события, которые были благоприятны и хороши для человечества (величайшее благословение, содержащееся в ковчеге), были приписываемы Астарте, которая представлялась величайшей благодетельницей и цивилизаторшей мира. Хоть сама царица, явившаяся обожествленным прообразом Астарты, появилась лишь столетия спустя после потопа. Правда, благодаря широко распространенному в Вавилоне учению о переселении душ, для тех, кто ей поклонялся, можно было легко поверить, что в прежней жизни она жила в До-потопном мире и благополучно пережила потоп.

Теперь Римская Церковь приняла это мистическое яйцо Астарты и осватило его как символ воскресения Мессии. В связи с этим была даже введена специальная молитва. Папа Павел V и его суеверные сторонники учили на Пасху молиться так: “Мы молим тебя, Господи, благослови сотворенное тобой яйцо, чтобы оно стало благотворной пищей для твоих рабов, когда мы будем есть его в воспоминание нашего Господа Езуса Христуса” (Scottish Guardian, April, 1844).

Здесь следует упомянуть то, что в мифологии кельтов Галлии был бог Езус (Эзус). “Гневный”, по выражению упоминавшего о нем римского поэта 1 в. Лукана, он требовал жертв, повешенных на дереве. По мнению некоторых исследователей, Езус был общегалльским богом (возможно, войны). Этимологически имя “Езус” скорее всего означает “добрый бог”, “бог-господин”

Кроме мистического яйца был еще один символ Истар, вавилонской богини-царицы. Это был Риммон, или “гранат” (фрукт). В древности ее часто изображали на медальонах, держащей в руке Риммон, или “гранат”. Дом Риммона, в котором поклонялся сирийский царь, повелитель Наамана, был, по всей видимости, храмом Астарты, где публично поклонялись богине с Риммоном. Гранат — это фрукт, полный семян, и в

связи с этим, по логике, он должен был бы считаться символом сосуда, в котором были сохранены зачатки нового творения, которые должны были положить начало новому миру с новыми людьми и животными после того, как окончилось разрушение потопа. Но после тщательного исследования оказывается, что Риммон, или “гранат”, имеет отношение к совершенно другому. Астарта, или Сибила, называлась также Идая Матэр (Idaia Mater), и священная гора во Фригии, известная в основном благодаря празднованию мистерий в ее честь, на халдейском языке, священном языке мистерий, называется “Гора Знания”. Таким образом, “Идая Матэр” — значит “Гора Знания”. Другими словами, это не что иное, как “Мать Ева”, первая возжелавшая “знания добра и зла”, и в действительности получившая его непомерно дорогой ценой. Астарта, согласно многочисленным свидетельствам, была почитаема не только как воплощение “духа божьего”, но также и как мать всего человечества. (см. примечание в конце главы). Если, таким образом, мать богов и мать знания изображалась как женщина с гранатом в вытянутой руке, приглашающей всех, поднявшихся на священную гору, принять участие в ее мистериях, то какие могут быть сомнения относительно значения этого плода? Очевидно, что он должен был соответствовать ее предполагаемой природе, это должен был быть плод “Дерева Знания” — плод того самого “дерева, чьи смертельные плоды принесли в наш мир горе и смерть”.

Знания, которых так искали поклонники богини, были теми же самыми знаниями, которые получила Ева, съев запретный плод: практическое познание всего того, что нравственно низко и отвратительно. Для людей же Астарта выступает как великая благодетельница, дающая им знания и благословения, которых они могли бы (якобы) тщетно искать у Того, Кто является Отцом Света, от Кого исходят все благие и совершенные дары. Папство насаждает те же самые чувства в отношении римской Царицы Небесной и причащает своих последователей смотреть на грех Евы точно в таком же свете, как и язычники. В каноне Мессы (Литургии), самой торжественной церемонии среди католических церемоний, есть место, где особо подчеркивается грех нашей первой прародительницы: “О благословенная ошибка, которая породила такого Искупителя!” Мысль, содержащаяся в этих словах, чисто языческая. Они значат следующее: “Благодарение Еве, благодаря чьему греху мы получили такого Искупителя”. Правда, сама мысль, содержащаяся в таких словах, можно найти в произведениях Августина; но сама эта мысль крайне противоречит духу Благовестия, в свете которого грех выглядит еще отвратительнее, если для его искупления потребовалась такая жертва. Августин усвоил много языческих взглядов, от которых он полностью так и не избавился.

Поскольку Рим (католическая церковь) испытывает те же самые чув-

ства, что и язычники, то он принял, насколько позволили обстоятельства, и те же самые символы. В Англии, как и в большинстве стран Европы, гранатовые деревья не растут, и, тем не менее, даже здесь суеверие Риммона должно было, насколько это возможно, практиковаться. Правда, вместо граната стал использоваться апельсин. Таким образом, шотландские паписты соединили апельсины со своими традиционными пасхальными яйцами, когда несколько лет назад Епископ Эдинбургский участвовал на Пасху в пышной церемонии омовения ног двенадцати нищим ирландцам. Эту церемонию он завершил вручением каждому из них по два яйца и по апельсину.

В данном случае апельсин выступает как символ Едемского плода “запретного дерева” и, как мы уже увидели, не является современным изобретением, а уходит своими корнями во времена классической древности. Ученые, занимавшиеся изучением данного вопроса, заключают, что Сады Геспериды на Западе — это аналог Едемского сада на Востоке. Описание священных садов, находящихся в Атлантике на островах рядом с берегами Африки, указывает на то, что их легендарное месторасположение в точности совпадает с Мысом Верд или Канарскими Островами, или же другими островами из этой группы. Не вызывает сомнения, что “золотой плод” священного дерева, который там был старательно охраняем, был ни чем иным, как апельсином. А теперь обратим внимание читателей на следующее: согласно классическому языческому мифу, в этом саду наслаждений на “островах блаженства” не было никакого змея, который мог бы *искусить* человечество к нарушению своих обязанностей перед их великим благодетелем тем, чтобы бы они съели плод священного дерева, плод, который их благодетель *запретил* им есть в качестве испытания на их верность ему. Нет, наоборот, именно Змей, символ дьявола, повелителя зла, врага человечества, запретил им есть драгоценный плод. Он строго следил за тем, чтобы его не трогали. Геркулес (Геракл) — одна из форм языческого Мессии, пожалел бедных людей и убил (победил) змея, это завистливое существо, которое не давало человечеству в одночасье стать счастливым и мудрым, и подарил людям то, что в противном случае было бы им безнадежно недоступно. В этом мифе Всевышний и дьявол переменились местами. Всевышний, Который *запретил* человеку есть от дерева познания, здесь символизируется змеем и показывается скупым и злобным существом, в то время как тот, кто “освободил человека от ига” Всевышнего и дал ему плод запретного дерева, другими словами — хасатан, только под именем Геракл, восхваляется как добрый и милостивый избавитель всего человечества. Какая тайна беззакония здесь! И все это заключено в священном *апельсине* вавилонской богини Истар.

Примечания: Значение имени Астарта

Мы уже достаточно ясно показали, что Семирамиде под именем Астарта поклонялись не только как воплощению “духа божьего”, но и как матери всего человечества. Нет сомнения, что сирийская богиня — это Астарта (Layard's Nineveh and its Remains). Теперь ассирийская богиня, или Астарта, отождествляется с Семирамидой (по Афинагору и по Лукиану). Эти авторы приводят довольно убедительные доводы в пользу того, что Астарта — сирийская богиня.

1. Астарта одновременно известна под именем Рея, или Сибила, богиня-строительница башен. Овидий пишет, что она “строила (башни) в городах”. А Лаярд пишет о сирийском храме в Иераполисе, где “она (Астарта), увенчанная короной из башен, стояла на льве”. Больше никакое другое имя не может более точно описать сущность вавилонской царицы Семирамиды. Потому что “Аш-тар” значит “женщина, делавшая башни”. Все имеющиеся источники утверждают, что слог “тарт” происходит от еврейского глагола “тр”. Это слово традиционно переводилось исключительно как “вращаться, идти по кругу”. Но у нас имеются свидетельства, что в образованных от него существительных оно также указывало на результат “окружения” или “вращения”. В мужском роде слово “тор” обозначает “ряд украшений вокруг головы”. А в женском роде это значение проступает еще более отчетливо. “Турис” — всего лишь греческая форма от “турит”, просто в греческом языке конечная “т” заменилась на “с”. Тогда “Аш-турит” очевидно будет то же, что и еврейское слово “Ашторэт”, что значит: “Женщина, сделавшая окружную стену”. Если учесть, какую славу, когда речь идет о Вавилоне, принесли Семирамиде ее достижения в области строительства, отмеченные не только Овидием, но и Иустином, Дионисием, Афером и другими древними авторами, то этой вавилонской царице вполне подходили имя и венец богини. В подтверждение такого объяснения значения имени “Астарта” я могу привести в качестве доказательства эпитет, употребленный по отношению к греческой Диане Эфесской, которая носила корону в виде башни и отождествлялась с Семирамидой. Вот что говорится у Ливия: “Когда новости о битве (около Пидны) достигли Амфиполиса, матроны все вместе бросились в храм Дианы, которую они называли Таурополос, чтобы просить у нее о помощи”. Слово “Таурополос” образовано от слова “тор”, что значит “башня” или “окружная фортификация”, и “пол” значит “делать”, что вкуче переводится как “делательница башен” или “делательница окружных фортификаций”. И вполне естественно, что в случаях угрозы нападения на город люди обращались к ней, как к строительнице фортификаций.

Семирамида, обожествленная до Астарты, поднялась на наивысшую ступень поклонения, сравнимую с Всевышним. Она даже превратилась в

голубя и, как об этом уже говорилось, под именем Матери богов заняла положение Святого Духа, без Чьего действия не мог бы родиться Сын Всевышнего. Как известно, голубь традиционно является символом Святого Духа, также, как ягненок — символом Мессии. Поскольку Святой Дух является источником всякой мудрости, как естественной, так и духовной, то искусства, изобретения и разного рода умение приписываются Ему (Исход 31:3, 35:31). Таким образом, “Матерь богов”, в которой якобы действовал этот Дух, почиталась как источник некоторых полезных искусств и наук. Отсюда взялись и такие персонажи мифологии, как Минерва, чье другое имя Афина, чему у нас есть все основания утверждать, было лишь синонимом для “Бэлтис” — широко известного имени ассирийской богини. Афина, или Минерва, традиционно известна как “богиня мудрости”, изобретательница искусств и науки.

2. Имя “Астарта” значит также “Создательница расследований (исследований)”, и в этом качестве было применимо по отношению к Сибиле или Семирамиде, символически изображавшимися в виде Голубя. То, что это еще одно из значений имени “Астарта”, можно увидеть, сравнивая его со схожими словами “Астэри” и “Астрэа” (у греков — Астрая), сложного слова, образованное путем добавления второй части в женском роде — Тэри или Три (произносилось как “трай” или “трэ”), что по смыслу было тем же самым, что и “Тарт”. Теперь Астэри была женой ассирийца Персея и являлась основоположницей Мистерий. По мере того, как в дальнейшем Астэри выступала как дочь Бэла, это подразумевает ее положение идентичное Семирамиде. Астрэа опять-таки была богиней справедливости, которая отождествлялась с небесной девой-предсказательницей Тэмис (имя “Тэмис” означает “совершенная”) и которая жила на земле перед Потопом, и покинувшая землю до начала потопа. Тэмис и Астрэа иногда выступают как разные личности, а иногда — как одна, но обе они являются богинями справедливости. Такое расхождение объясняется тем, что Дух иногда считался результатом воплощения (переселения душ), а иногда — нет. В случае воплощения (переселения души) Астрэа была дочерью Тэмис. Какое еще имя могло бы более точно соответствовать сущности богини справедливости, чем “Аш-трай-а” (“Создательница расследований”), и какое имя могло более всего соответствовать сущности Духа, Который “постигает все тайны”? Астрэа, или Тэмис, была “Fatidica Themis” (“Пророчица Тэмис”), что было также одним из атрибутов Духа, ибо откуда еще может проистекать истинное предсказание или пророчество, как не от вдохновения Духа Всевышнего? И, наконец, что еще может иметь параллель с Духом Всевышнего, как не место из Овидия, где Астрэа была последней из живших на земле перед потопом. После того, как она покинула землю, это явилось сигналом для начала разрушительного и уничтожающего потопа. В Священном Писании (Бытие 6:3) объявление о наступлении Потопа сопровождается такими словами: “И сказал Господь

Бог: не вечно Моему Духу быть пренебрегаемым людьми; потому что они плоть; пусть будут дни их сто двадцать лет”. Все эти 120 лет Дух прилагал все усилия для наставления людей, и когда эти 120 лет закончились, Дух покинул землю, предоставив мир саму себе и уготованной ему участи. Но, хоть Дух Всевышнего покинул Землю, Он не оставил семью праведного Ноя. Вместе с патриархом Он вошел в ковчег и после долгого заточения вышел из него вместе с патриархом. Таким образом, у язычников были исторические основания для создания мифа о голубе, сидящем на ковчеге вавилонских вод, где появляется сирийская богиня Астарта, или та же самая Азраэ, которой поклоняются в виде голубя, символизирующего Дух Всевышнего.

3. Как и Баал, Господь Неба, имел видимую эмблему — солнце, также и Бэлтис, Царица Небесная, увенчана луной, представляющей еще одну сущность Ашт-тарт-ы — “Создательницы кружения”, ибо нет сомнения, что “Тарт” очень часто обозначало “вращаться, кружиться”. И, в четвертых, вся система должна была быть сведена воедино и согласована. Так же, как и мать богов Семирамида, или Астарта, в равной степени была и матерью человечества, она отождествлялась с Евой, только под именем “Рея”. Имя “Астарта” хорошо подходит для того, чтобы зваться матерью всего человечества. Ведь она была “*Idaia mater*” — “Мать знания”. Но встает вопрос: “Как она приобрела такие знания?” На это есть только один ответ: “путем фатальных исследований (расследований)”. Она провела грандиозный эксперимент, когда в нарушение Вышнего повеления и вопреки угрожавшему наказанию ринулась искать это самое запретное знание, которое ее Создатель по своей доброте ей не давал. Таким образом, она пустилась “во многие помыслы”, как об этом сказано в Священном Писании: “Только это я нашел, что Всевышний сотворил человека правым, а люди пустились во многие помыслы” (Екклесиаст 7:29). И теперь Семирамида в самой изящной и благотворной форме предстает в виде обожествленного голубя или Астарты. Луциус Ампелиус называет ее “богиня благая и милостивая ко мне”, которая приносит “хорошую и счастливую жизнь”. Вполне очевидно, что эти черты ее личности имеют отношение и к Афродите, и к Милитте. Афродите еще называли “укротительницей гнева”. Это же верно и по отношению к Милитте. “Милитта”, или как у греков — “Мулитта”, значит “посредница, примирительница”. Еврейское слово “мэлиц”, которое в халдейском языке становится “мэлитт”, употребляется в Книге Иова 33:23 в значении “посредник”. “Посланник, толкователь” (Мэлиц), который милостив к человеку, говорит: “освободи его от могилы; Я нашел умиловление”, будучи настоящим “Посланцем, Посредником”. Пархурст (ученый) именно так истолковывает это слово и прослеживает его происхождение от “млц” — “быть сладким”. А в женском роде слово принимает форму “Мэлица”, от которого происходит слово Мэлисса — “пчела” — распространенное имя жрицы Сибилы, или

Астарты, — Царицы Небесной. Из древних источников мы также узнаем, что Мэлиссой называли и жрицу Деметры, а также называли Мэлиссой Луну. У нас имеется достаточно свидетельств, что именно таким титулом величали Семирамиду. Мэлисса, или Мэлитта (использовались оба произношения) считалась матерью Форонэя, во время чьего правления и случилось вавилонское смешение языков и рассеяние людей по земле. Нет никого, кроме Нимрода, кто мог бы стоять за именем “Форонэй”. И когда мы узнаем, что Нимроду поклонялись под именем “Нин”, сыну своей собственной жены, такое отождествление становится точным. Тогда имя Мэлитты (она же Милитта), матери Форонэя, является вавилонской версией хорошо известной Венеры. А поскольку женское имя Мэлитта образовано от “Мэлиц” (Посредник), то и означает оно “Посредница”. Мать Форонэя имела и другое имя — Архиа (“первая из царствовавших”). Таким образом “Архиа” — значит “Духовная” (от еврейского “рх/рхх” — “дух”, что по-египетски также “дух”, а в халдейском языке в начале слова добавляется “а” и получается “арх”). От этого же корня, по всей видимости, происходит эпитет “Архитис” (Architis), употреблявшийся по отношению к Венере, оплакивавшей Адониса. Venus Architis — это духовная Венера. Еврейское слово “дэм” (“дам”) в халдейском языке превращается в “адэм”, также как “рх” стало “арх”. Из исследований Уварова мы узнаем, что матерью третьего Бахуса была Аура, а Фаэтон (по словам Орфея) был сыном “широко раскинутого пространства (воздуха, ветра)”. В священном языке существует тесная связь между ветром, воздухом, пространством и духом.

Таким образом, когда мать-жена первого правившего царя, известная под именем “Архиа” и “Мелитта”, другими словами, женщина, в которой обитал “дух божий”, для грешных смертных становится известна как “Посредница”. Первая форма Астарты, также, как и Ева, принесла в мир грех, а вторая форма перед самым Потопом вознеслась на небеса в качестве богини справедливости. Это была форма “Добрая и Милостивая”. Таким образом, Семирамида, или Астарта, она же Венера, богиня любви и красоты, стала “надеждой целого мира”, и люди охотно обращались к ней, такой терпимой по отношению к грехам, за “посредничеством”.

Часть III.

Рождение Иоанна Крестителя.

Праздник рождения Иоанна Крестителя по папскому календарю отмечается 24 июня, в день летнего солнцестояния. Та же самая дата точно так же отмечалась в Вавилоне как один из самых значительных праздников. Это происходило во время летнего солнцестояния, в месяц, называемый в Халдее, Сирии и Финикии именем “Таммуз”. В первый день многодневных празднеств, приблизительно 24 июня, отмечался один самых важных праздников в честь Таммуза. В Египте месяц, соответствующий Таммузу,

— т.е. “Эпэп”, — начинался 25 июня. (Wilkinson)

В разных странах в силу различных причин воспоминание о смерти и воскресении вавилонского бога отмечалось в другие периоды; но, как видно из самого названия месяца, в стране, откуда распространилось идолопоклонство, Таммуз был настоящим месяцем, когда проводился праздник в честь одноименного бога. Приверженность этому празднику со всеми свойственными ему ритуалами была настолько сильной и прочно завладевшей умами людей, что, хоть были и другие торжественные дни, связанные с вавилонским мессией, как это имеет место и в нашей стране, это священное время не могло пройти без надлежащего соблюдения, по крайней мере, основных его ритуалов. Когда в конце шестого века папство разослало своих посланников по всей Европе, чтобы присоединить к своей пастве побольше язычников, оказалось, что во многих странах этот праздник пользовался большой популярностью. Что же им было делать с этим? Вести борьбу? Нет. Это могло бы пойти вразрез с известным советом Папы Григория I о том, что нужно идти навстречу язычникам и, таким образом, приводить их в лоно Римо-Католической Церкви. Политика Григория неукоснительно проводилась в жизнь; таким образом, языческие празднества в честь летнего солнцестояния, связанные с поклонением Таммузу, были занесены Римской церковью в ее календарь как священный христианский праздник. У восточных славян этот праздник был издревле известен как Купала (Купало). Купала в восточнославянской мифологии был главным персонажем праздника летнего солнцестояния (в ночь на Ивана Купалу — народное прозвище Иоанна Крестителя — с 23 на 24 июня по старому стилю). Такие характерные для славянских обрядов и песен мотивы, как купальские змеи, скот, клад и др., позволяют связать купальский цикл мифов с основным мифом славянской мифологии о поединке громовержца Перуна со змеевидным противником, добыванием скота и богатств.

Но оставалась нерешенной еще одна проблема: что делать с названием этого языческого праздника после того, как он был “крещен” и принят в качестве ритуала Римского Христианства? Называть его именем Бэла или Таммуза, что чуть не произошло на раннем этапе, было бы слишком смело. Связать его с именем Христа было сложно, поскольку исторически в жизни Мессии в этот период не было ничего особо примечательного, чтобы это нужно было отмечать. Но этим невозможно было смутить искусных приверженцев Тайны Беззакония. Если этот праздник нельзя непосредственно связать с именем Христа, что может помешать назвать его именем предтечи Мессии — Иоанна Крестителя? Иоанн родился на шесть месяцев раньше нашего Повелителя. А поскольку языческий праздник зимнего солнцестояния уже был освящен как день рождения Спасителя, то, по логике вещей, получалось, что если и нужно отмечать день рождения Его предтечи, то это следует делать как раз в такое время —

между летним и зимним солнцестояниями, поскольку между 24 июня и 25 декабря как раз шесть месяцев. Для целей папства ничего не могло быть лучше этого. Среди множества имен, которыми называли Таммуза, или Нимрода, когда он упоминался в мистериях в связи со своей смертью, было имя Оанн. Для отождествления Нимрода с Оанном, который, согласно Бэрозусу, выходил из моря, следует вспомнить то, что Нимрод — это Бахус. Согласно мифу, Нимрод, он же Бахус, после того, как его одолели враги, искал укрытия в море (см. 4 главу, 1 часть). После чего он, естественно, должен был из него выйти в виде Оанна в качестве морского бога-рыбы. Иероним называет хорошо известного морского бога Дагона “рыбой скорби”, что достаточно хорошо говорит о том, что Рыба — это Бахус, “Оплакиваемый”. Такое отождествление становится полным, когда Хесихус сообщает нам, что Бахуса называли “Ихтус” (Рыба).

С другой стороны, в Риме был принят вариант имени Крестителя — Иоанн. Для того, чтобы праздник 24 июня удовлетворил как христиан, так и язычников, потребовалась всего лишь назвать этот праздник именем Иоанна. Таким образом, христиане считали, что отмечают праздник в честь Иоанна Крестителя, а язычники могли по-прежнему поклоняться своему старому богу Оанну, или Таммузу. Поэтому в то же самое время (по календарю), когда в древнем Вавилоне отмечали праздник Таммуза, в папской церкви отмечали праздник дня рождения Святого Иоанна. Именины Святого Иоанна начинаются точно в тот же день, когда происходили соответствующие празднества в Халдее. Хорошо известно, что на Востоке день начинался вечером. Таким образом, хоть 24-е число считается днем рождения Иоанна, праздничные торжества начинаются *накануне* — вечером 23-го.

Если мы рассмотрим сами торжества, мы увидим, насколько они чисто языческие и насколько четко они показывают их реальное происхождение. Самые важные и отличительные торжества кануна Святого Иоанна заключаются в разжигании костров. Они разжигаются во Франции, Швейцарии, католической Ирландии и на некоторых шотландских островах Запада, где до сих пор существует папская вера. (У православных и частично католических восточных славян на Ивана Купалу также разжигаются костры). Они разжигаются повсюду, где встречаются приверженцы Рима. Вот как описывает Белл в своих “Уэйсайдских Картинках” огни Святого Иоанна во французской Бретани: “У каждого праздника есть свои отличительные особенности. Праздник Святого Иоанна, наверное, самый примечательный. На протяжении всего дня дети бедняков клянчат по всей стране подарки для зажигания огня Господина Святого Иоанна, и к вечеру один за другим на вершинах холмов зажигаются тысячи костров, пока вся страна не заливадается огнями такого грандиозного пожара. Иногда священники сперва разжигают костры на рынках. Иногда их зажигает ангел, при помощи механических приспособлений спускающийся с факе-

лом в руках с церковной колокольни; после зажигания костра он таким же образом поднимается назад. Молодежь пляшет и резвится вокруг костров, поскольку существует поверье, что если до полуночи в танце девять раз обогнуть костер, то на протяжении года можно выйти замуж (жениться). Поближе к огню ставятся сиденья для умерших предков, чьи души, как верят, должны прийти сюда, чтобы еще раз услышать свои родные песни и посмотреть на радость молодежи. Частички золы сохраняют в качестве амулетов против грома и нервных болезней, и все стараются завладеть венком из цветов, возлагаемым в начале церемонии на верх приготовленных для костра дров". Так было во Франции. А теперь перейдем в Ирландию. Шарлотта Элизабет так описывает увиденные ею празднования: "Во время этого великого праздника ирландских крестьян, накануне Святого Иоанна, вечером на заходе солнца, принято по всей стране разжигать бесчисленное множество костров, топливом для которых служат очень высокие кучи торфа вперемешку с хворостом и другими имеющимися под рукой горючими материалами. Торф обеспечивает ровное постоянное горение, а хворост придает яркость, в результате чего на каждом холме видны большие языки пламени, выбрасывающие тучи дыма; весьма привлекательное зрелище. Рано вечером начинают собираться пышущие здоровьем крестьяне, одетые в свою самую лучшую одежду. На каждом лице видны оживление и восторг, которые присущи людям этой страны. Я никогда не видела ничего подобного и была чрезвычайно рада видеть эти красивые, умные, веселые лица. Смелое поведение мужчин, игривые, но скромные манеры женщин, живость пожилых людей и дикий восторг детей. Зажигается огонь и вспыхивает чудесное пламя. Некоторое время они стоят и смотрят на него. Их лица удивительно преображаются в свете яркой вспышки брошенного в огонь хвороста. Через короткое время стоящие спереди люди расступаются и освобождают место для старого слепого волынщика, самого воплощения энергии, юмора и остроумия, который садится на низкий стульчик, рядом с которым стоит доверху наполненный кувшин, и начинает извлекать из своей волынки веселые мелодии. Начинается нескончаемый танец. Но затем последовало то, что меня немало удивило. После того, как огонь погорел несколько часов и немного опал, начинается обязательная часть церемонии. Люди начинают прыгать через огонь, а детей перебрасывают над искрящимися углями, а в это время появляется деревянное сооружение восьми футов длины, покрытое большим белым полотном с головой лошади на одном конце, а внутри, под полотном находится человек, управляющий этим сооружением. Его появление было встречено возгласами белая лошадь. Благодаря умению скрывающегося под полотном, лошадь несколько раз весьма смело перепрыгнула через костер и бросилась догонять людей, которые с криками стали разбегаться во все стороны. Я спросила, что означала это лошадь, на что мне сказали, что она представляла весь скот. В этом проявляет-

ся древнее языческое поклонение Баалу, если даже не Молоху, открыто и массово совершаемое в номинально христианской стране миллионами тех, кто исповедует имя Христа! Я была поражена, поскольку тогда я еще не знала, что само папство является всего лишь искусной адаптацией языческого идолопоклонства в соответствии со своими замыслами”.

Так в наши дни во Франции и папской Ирландии празднуют день Святого Иоанна. Именно так приверженцы Рима делают вид, что отмечают день рождения того, кто пришел приготовить путь Повелителю, отвергнув свой древний народ от всяких уловок лжи и указав им на необходимость принятия царства Всевышнего, заключающегося не только во внешнем, но в “праведности, мире и радости в Святом Духе”. Мы видели, что само зрелище того, как отмечалось это празднество, привело автора вышеприведенных строк к выводу о том, что увиденное ее было остатками древнего языческого поклонения Баалу.

История праздника и то, как его отмечают, проливают взаимный свет друг на друга. До появления на Британских островах христианства языческие празднества 24-го июня отмечались среди друидов зажиганием пылающих костров в честь их великого божества, которым, как мы уже увидели, был Баал. “Эти июньские костры и жертвоприношения, — говорит Толанд в “Истории друидов”, — которые должны были стяжать благословение на плоды земли, теперь стали готовы для сбора. Точно также это происходило на Первое мая, чтобы они могли обильно расти; так было и в конце октября, когда приносилось благодарение за окончание сбора урожая”. Говоря о кострах друидов в день летнего солнцестояния, автор продолжает: “Что касается костров, было принято, чтобы господин местности (пэр, дворянин), после того, как пламя погаснет, взяв в руку внутренности жертвенного животного, три раза прошел босиком по углям и принес их прямо к друидам, которые, одевшись в целую шкуру, ждали возле алтаря. Если пэру (дворянину) не было никакого вреда, это считалось хорошим знаком, что встречалось громкими возгласами; но если он получал ожоги, это считалось признаком несчастья как для него, так и для всей подвластной ему местности. Таким образом, я увидел, — добавляет Толанд, — как в Ирландии бегающие и прыгающие через костры Святого Иоанна люди не только гордились тем, что прошли через огонь не опаленными, но, словно пройдя своеобразное очищение, считали себя особым образом благословенными в результате церемонии, о происхождении которой они совершенно ничего не знали, совершая лишь далекую от совершенства имитацию оригинала”. Мы уже говорили о том, что Форонэй, “первый из воцарившихся смертных” (т.е. Нимрод), и римская богиня Ферония, имели отношение друг к другу. Что касается огней “Святого Иоанна”, эта связь между двумя божествами еще больше прослеживается до древних времен; в то же самое время проясняется происхождение этих костров. Форонэй в мифах упоминается в связи с

началом поклонения огню. Вот как пишет о нем Паусаний: “Рядом с изображением (изображением Битона) они (жители Аргоса) зажигали огонь, ибо они не признают того, что огонь принес Прометей, а приписывают его изобретение Форонэю”. Видимо нечто трагическое было в смерти этого изобретшего огонь Форонэя, который “первым собрал людей в города”, потому что, после такого описания Паусаний добавляет: “Действительно, даже по сегодняшний день они совершают погребения Форонэя”, где сам язык показывает, что его смерть отмечалась подобно тому, как это делалось в отношении Бахуса. То, что характер поклонения Феронии совпадал с огнепоклонством, очевидно из ритуалов, практиковавшихся священниками города, находившимся у подножия горы Соракт и называвшегося ее именем. “Священники, — говорит Брайнт, ссылаясь на Плиния и Страбо, — босиком ходили по большому количеству горящих углей и горячей золы”. У Вергилия мы находим, что то же самое практиковали и аруны, когда обращались к Аполлону, богу-солнцу, чей храм был возле Соракты, где поклонялись и Феронии. Здесь Аполлона называли “Молодой Аполлон”, так же как и Юпитера “Моложавый Юпитер”. Согласно Вергилию, когда “Молодой Аполлон” родился для того, чтобы установить среди греков закон и порядок, то он появился в Дельфах именно в день летнего солнцестояния.

Таким образом, “костры Святого Иоанна”, через которые должны проходить и стар и млад, восходят к “первому из воцарившихся смертных”.

Примечательно, что этот праздник, в котором присутствуют все самые существенные ритуалы огнепоклонства Баала, можно встретить среди языческих народов, совершенно отдаленных географически друг от друга, который они отмечают во время месяца Таммуз, — тогда же, когда в древности происходили празднования в честь вавилонского бога. Согласно Хэрду, у турков пост Рамазана, который начинается 12 июня, сопровождается зажиганием ламп. Hurd. “Rites and Ceremonies”. Время, приведенное Хэрдом, само по себе не является решающим доводом в вопросе об оригинальном празднике Таммуза; поскольку мой друг, три года проживший в Константинополе, сообщил мне, что из-за разницы между турецким и солнечным годом пост Рамазана в разные годы бывает в различное время. Но при этом факт ежегодных иллюминаций в связи с религиозным ритуалом не вызывает никакого сомнения.

В Китае, где, по словам очевидцев, праздники лодок-драконов отмечаются в точности так, как происходило оплакивание Адониса, праздничные торжества начинаются в день летнего солнцестояния. В Перу во времена царствования Инка отмечался праздник Райми, самый грандиозный праздник перуанцев. Каждый год в одно и то же время этого, в разгар праздника при помощи вогнутого зеркала из отполированного металла зажигался огонь от солнца. Ежегодно с приближением дня летнего солнцестояния начинался период траура, из которых три дня был пост и

когда не разрешалось зажигать никакого огня в жилищах, а на четвертый день траур переходил в ликование. Тогда Инк со своими придворными в сопровождении всего населения Кузко рано утром собирались на главной площади, чтобы встретить восход солнца. “Они с большим воодушевлением, — пишет Прескотт, — наблюдали приход божества, и как только первые желтые лучи касались башен и самых высоких зданий столицы, раздавался радостный крик собравшейся толпы, что сопровождалось победными песнями и дикими звуками варварских инструментов, что продолжалось на протяжении всего времени, пока солнце поднималось все выше и выше, пока не начинало сиять во всей своей красе над головами своих ревностных почитателей”. Разве могло быть случайным сходство этого попеременного траура-ликования с таким же трауром-ликованием у вавилонян, причем в то же самое время? Поскольку Таммуз был воплощенным богом Солнца, можно легко увидеть связь такого траура и ликования с поклонением солнцу. В Египте в честь Осириса отмечался праздник (связанный с трауром-ликованием) горящих ламп, в котором многие усматривают аналог празднований дня Святого Иоанна. “В Саисе, — говорит Геродот, — есть гробница того, о ком, как мне кажется, не стоит говорить сейчас”. Так этот историк обычно говорит об Осирисе, в чьи мистерии он был посвящен (прошел инициацию), когда описывает любой ритуал поклонения этому богу. “Это находится в священном помещении позади храма Минервы, поблизости стены этого храма. В Саисе в определенную ночь люди встречаются для приношения жертвы, когда все зажигают огни, и вокруг его дома горит множество ламп. Лампы представляют из себя небольшие чашки, наполненные солью и маслом, где плавает фитиль, который горит всю ночь. Этот праздник называется праздником горящих ламп. Те египтяне, которые не могут прийти, также выполняют обряд жертвоприношений и зажигают лампы дома, так что подобные иллюминации имеют место не только в Саисе, но по всему Египту. Для проведения праздников именно этой ночью у них есть тайная причина и традиция, которую они свято соблюдают”. Уилкинсон, который в приведенном отрывке цитирует Геродота, связывает этот праздник с плачем по Осирису и убеждает нас в том, что “считалось очень важным, чтобы посредством этого ритуала должным образом воздавать почести божеству”.

Среди езидитов, или дьяволопоклонников, современной Халдеи в этот же самый день отмечается тот же самый праздник, с почти такими же ритуалами, насколько это позволяют обстоятельства, как и тысячи лет назад, когда в этом регионе Таммузу поклонялись во всей его славе. Вот как Лаярд описывает современное празднование такого рода, которое он сам видел: “Как только угасает последний луч солнца, из гробницы появляются факиры (самый нижний чин священников), одетые в коричневые одежды из грубой материи, плотно прилегающей к их телам, с черными

тюрбанами на головах. Каждый держит в одной руке зажженный светильник, в другой — чашку с маслом и пучок хлопковых фитилей. Они наполняют и поправляют лампы, стоящие в прикрепленных к стенам домов нишах, расставленные по сторонам аллеи сада и даже на отдельных камнях и в дуплах деревьев. На черных скалах горы, рассеивая мрак леса, начинает искриться бесчисленное множество звезд. Пока священники проходят сквозь толпу, мужчины и женщины проводят правыми руками сквозь огонь и после очищения руки священным элементом натирают ей правую бровь, а затем благоговейно подносят ее к губам. Некоторые из тех, кто держат на руках детей, совершают с ними то же самое, в то время как другие протягивают руки, чтобы до них смогли дотронуться те, кому не повезло добраться до огня. . . По мере наступления ночи собравшиеся (а теперь их число достигает пяти тысяч) зажигают факелы, которые они принесли с собой из леса. Это производит поразительный эффект. Из темноты проступает то, что раньше было скрыто темнотой: становятся видны самые разные группы людей: мужчины, спешащие туда-сюда, женщины с детьми на крышах домов, толпа, собравшаяся вокруг выставившего свой товар коробейника. Тысячи огней отражаются в фонтанах и струях текущей между деревьями воды. Когда я смотрел на эту необычную сцену, неожиданно послышался шум людских голосов и весь сад погрузился в напряженную, торжественную и меланхолическую атмосферу. Это напоминало величественное пение, которое много лет назад я слышал в одном из соборов какой-то далекой страны. Музыка была такой трогательной и такой сладостной, какую я никогда прежде не слышал на Востоке. Голоса мужчин и женщин гармонично слились со звуками множества флейт. Через определенные промежутки времени песня прерывалась громким звоном кимвалов и тамбуринов. Те, кто находились поблизости гробницы, также подхватывают мелодию. . . Тамбурины, в которые ударяют одновременно, только прерывают песню священника. По мере убыстрения темпа в них начинают бить чаще. Монотонное песнопение постепенно уступает место оживленной мелодии, которая постепенно растворяется в беспорядочных звуках. В тамбурины бьют с необычайной силой, флейты извлекают резкие потоки звуков, голоса возвышаются до самых высоких тонов, мужчины вне сада соединяются в общем крике, а женщины заставляют камни резонировать в унисон их душераздирающему вою. . . Музыканты, дав волю своему возбуждению, бросают инструменты в воздух, сильно напрягая все члены тела при каждом движении, пока, наконец, в изнеможении не валятся на землю. Я никогда не слышал более ужасающего крика, чем тот, который поднялся в саду. Была полночь. Я с удивлением смотрел на необычное зрелище. Наверное, так столетия тому назад выглядели тайные ритуалы (мистерии) корибантов, когда они собирались в какой-нибудь священной роще”.

Лаярд не указывает, в какое время года происходило это празднование,

но сам его язык не оставляет сомнения, что это был праздник Бахуса (вакханалия), другими словами, вавилонского мессии, чья трагическая смерть и последующее возвращение к жизни и славе были краеугольным камнем древнего язычества. Сначала этот праздник отмечался в честь Шейх Шемс (Солнца) и Шейк Ади (“Принцессы Вечности”). При этом торжества проходили около их гробниц, так же, как и в Египте праздники ламп в честь Осириса, солнце-бога, отмечались поблизости его гробницы в Саисе.

Читатель не мог не заметить, что во время вышеописанного праздника езидитов мужчины, женщины и дети “очищались” через соприкосновение со “священным элементом” — огнем. В ритуалах великого халдейского бога Зорастра огонь занимал точно такое же место. Он был основным принципом системы, сущность которой была: “тот, кто приблизился к огню, получает свет от божества”, (Taylor, Jamblichus) и что “огонь очищает все пятна, сделанные поколениями людей” (Proclus, Timaeo).

Так проводили “через огонь сыновей своих и дочерей своих в честь Молоху” (Иеремия 32:35), чтобы очистить их от первоначального (первородного) греха, и благодаря такому очищению многие дети становились жертвой кровожадного божества. Среди язычников-римлян такое очищение прохождением через огонь также практиковалось. Потому что, как пишет Овидий: “Огонь очищает и пастуха, и овец”. С незапамятных времен индуисты поклонялись огню за его очищающие свойства. Вот как Колбрук на основании священных книг описывает обращение молящегося к огню: “Приветствую тебя, о огонь, принимающий жертвоприношения, тебя, сияющий, тебя, сверкающий, пусть твой благоприятный жар испепелит всех наших врагов; будь же, ты, О *очиститель*, благосклонен к нам”. Есть такие, кто поддерживает “вечный огонь” и ежедневно совершает ритуалы поклонения ему и, “совершая таинства богов”, каждый день просит его: “Огонь, ты удаляешь грех против богов; исполни мое моление. Ты удаляешь грех против человека, ты удаляешь грех против манов (духов умерших), ты удаляешь грех против моей души, ты удаляешь каждый совершенный мною грех, вольный или невольный, услышь меня”. Среди друидов огонь также считался очищающим. Вот что мы читаем в тексте друидской песни: “Они воздавали хвалу святым в присутствии очищающего огня, который должен был вознестись высоко” (Davies’s Druids, “Song to the Sun”). Если и в самом деле во времена друидов зажженный от молнии огонь считался благословением, и через него проводили молодых и старых, людей и скот, то это было формой *очищения от греха*, присущего человеку, и всего, что с ним связано. Вполне очевидно, что такая же вера в “очищающую” силу огня существует сегодня среди римо-католиков Ирландии, когда они так ревностно проводят себя и своих детей через огни Святого Иоанна. Толанд свидетельствует, что эти огни зажигаются для “очищения”, и всякий, кто тщательно изучал данный предмет, так-

же должен прийти к такому выводу. “Я видел, как родители заставляли своих детей проходить сквозь костры Баала”, — писал мне в письме лорд Дж. Скотт.

Если Таммуз, как мы уже увидели, был Зороастром, богом древних огнепоклонников, и если в Вавилоне праздники в его честь в точности совпадали с праздником дня рождения Иоанна Крестителя, то нет ничего удивительного, что этот праздник по-прежнему сопровождается зажиганием “огней Баала”. Для верных это является примером того, за что в древности Господь Бог осуждал Свой народ, когда тот (народ) проводил “через огонь сыновей своих и дочерей своих в честь Молоху” (Иеремия 32:35). Ну кто из знающих Евангелие назовет это христианским праздником? Папские священники, может, открыто и не учат этому, но, по крайней мере, разрешают своей обманутой пастве верить, верить так же сильно, как верили древние огнепоклонники, что физический огонь может очищать от вины и греха. То, почему один из самых чудовищных, но живучих мифов так сильно въелся в умы их погруженных во мрак вассалов, будет рассмотрено позже.

Имя Оанн могло быть известно как имя языческого мессии лишь для прошедших обряд инициации (посвящения); и первоначально при введении язычества в Церковь необходимо было соблюдать некоторые меры предосторожности. Но по мере того, как время шло, Евангелие начало забываться, а тьма становиться все гуще, и такие меры предосторожности уже не были нужны. Как оказалось на самом деле, в эпоху средневековья языческий мессия не был принесен в Церковь тайно. Открыто и под классическими именами Бахуса и Дионисия он был официально объявлен и канонизирован для поклонения “верными”. Да, Рим, называющий себя “Невестой Христовой и единственной Церковью, где можно обрести спасение”, без зазрения совести ввел в свой календарь главного языческого врага Сына Всевышнего под его (врага) *настоящим именем*. Читателю нужно лишь открыть католический календарь, и он увидит, что это так. Там написано, что 7 октября отмечается день в честь “Святого мученика Бахуса”. Бахус, несомненно, был мучеником; он погиб насильственной смертью; он отдал свою жизнь за религию; но религия, за которую он погиб, была религией огнепоклонников, поскольку, как нам известно от Маймонида, он был предан смерти за поклонение небесному воинству. Этот канонизованный Римом покровитель небесного воинства и огнепоклонства (ибо и то, и другое всегда идут рука об руку друг с другом) “Святой мученик Бахус” был идентичен Бахусу язычников, богу пьянства и разгула, что очевидно из времени проведения праздника в его честь: ведь 7 октября наступает сразу после окончания сбора винограда. Осенью, в конце сбора винограда, традиционные римляне-язычники обычно отмечали т.н. “деревенский праздник” Бахуса, и именно в это же самое время отмечается папский праздник “Святого мученика Бахуса”.

Так же, как халдейский бог был введен в римский (католический) календарь под именем Бахус, он был канонизирован и под другим именем — Дионисий. У язычников была традиция поклоняться одному и тому же богу под разными именами; и, соответственно, чтобы угодить не только римским язычникам, отмечавшим праздник в честь Бахуса — именем известным среди язычников-римлян, в католический календарь было введено греческое имя того же бога — Дионисий Элеутэрэус, праздник в чью честь язычники-греки отмечали через два дня после римлян. Этот “деревенский” праздник сокращенно назывался Дионисиада, а полное имя праздника было “Festum Dionysi Eleutherei rusticum”, т.е. “деревенский праздник Дионисия Элеутэрэуса” (Begg’s Handbook of Popery). Папство в своем чрезмерном увлечении святыми и поклонением святым фактически раскололо Дионисия Элеутэрэуса надвое. В результате из одного языческого бога было сделано два святых; более того, невинный эпитет “Rusticum” (сельский, деревенский), который даже среди язычников не имел никакой претензии на божественность, стал неотъемлемой частью католического календаря: “Праздник Святого Дионисия” и его соседей по календарю “Святого Элеутэра” и “Святого Рустика” (St. Rustic).

Этот Дионисий, которого паписты так чудесно снабдили двумя соседями, известен также как Святой Денис, святой-покровитель Парижа. Как гласит легенда, Святой Денис был обезглавлен и брошен в Сену, после чего, немного проплыв в воде, он, к удивлению многочисленных зрителей, взял в руки свою голову и пошел к месту своего погребения. В ознаменование этого поразительного чуда во многих парижских соборах Святого Дениса поются гимны со следующими словами: “Труп немедленно встал И понес отрубленную голову, ведомый по дороге легионом ангелов”. (Salverte, Des Sciences Occultes)

В конце концов, даже папистам стало стыдно за такой абсурд, отмечаемый во имя их религии; и в 1789 году “должность” Святого Дениса была упразднена. Но обратите внимание на то, как развивались события дальше. Мир уже некоторое время движется назад к темному средневековью. Католический требник, от которого отказались было во Франции, властью Галлийской Церкви на протяжении последних шести лет был восстановлен со всеми сопутствующими легендами, среди которых и легенда о Святом Денисе. Был вновь отстроен собор Святого Дениса и поклонение ему было возобновлено во всем былом объеме.

Как вообще людям могла прийти в голову такая чудовищная сказка? Ее истоков не нужно долго искать. Католическая церковь представляла своих канонизированных святых, якобы мученически павших от меча, в виде обезглавленных статуй с головой в руке. “Я видел, — пишет Евсевий Сальверт, — как в нормандской церкви Святой Клары все солдаты тэбанского легиона изображены держащими в руках свои головы. Так в Лиможе на воротах кафедрального собора и на других памятниках изображен Свя-

той Валерий. Большая печать Цюриха содержит похожие изображения Св.Феликса, Св.Регулы, Св.Экзуперантия. Об этих святых рассказывают благочестивые истории вроде легенды о Святом Денисе". Это то, что непосредственно касается легенды о мертвом святом, вставшем на ноги и понесшем в руках свою голову. Но, как оказывается, такая форма изображения была заимствована от язычества, причем не столько из Рима, как из Вавилона. Дионисий, он же Бахус, в одном из своих перевоплощений показан как Козерог (рыба с рогами козла). Имеются основания думать, что именно в этой форме он носил имя Оанн. В Индии в такой форме он, согласно верованиям индуистов, под именем "Соуро", что, вполне очевидно, значит "семя", совершил множество чудес. (Дополнительно читайте об Оанне и Соуро в примечаниях к этой части главы). У персов он был не только мистически изображаем как Козерог, но и в виде человека; точно так же, как Св.Денис изображаем папистами. Вот слова древнего автора, описывающего его статую, сделанную в Персии: "Козерог, третий Дэкан. Статуя без головы, потому что он держит голову в руке". Нимроду также отрубили голову; и в память нем, которого так благоговейно оплакивали молящиеся на него люди, его часто изображали именно в таком виде. В некоторых версиях мифа о нем эта отрубленная голова совершала удивительные чудеса, схожие с теми, что происходили с безжизненным телом Св.Дениса. Брайнт доказал, что миф об Орфее — это всего лишь слегка измененная история об Осирисе: Само имя Орфей — это всего лишь синоним имени великого вавилонского бога "Бэл", которое, хоть первоначально и было дано Кушу, стало переходить по наследству ко всем его обожествленным потомкам. "Бэл" значит "смешивать", также, как и по-еврейски "орв", которое в халдейском языке становится "орф", что также переводится как "смешивать". Но кроме этого, "орв/орф" значит "дерево ивы", а поэтому среди греков, в точном соответствии с мистической системой, ива была символом Орфея. Пausаний, упоминая об изображении Актэона, пишет: "Если вы опять взглянете на рисунок, то за Патроклом вы увидите сидящего на горе Орфея с арфой в левой руке и с листьями ивы в правой". И чуть дальше он опять говорит: "Он изображен опершимся на ствол этого дерева". Листья ивы в правой руке Орфея и ивовое дерево, на которое он опирается, исчерпывающе иллюстрируют значение его имени.

Как Осирис был разрезан на куски в Египте, так и Орфей был разорван на части во Фракии. Расчлененные части тела последнего были разбросаны в поле, а голова брошена в реку. Отсюда и миф о чудотворных способностях их владельца.

В обоих случаях есть свои отличия, но среди отличий существует очевидное единство. В обоих случаях голова была отделена от безжизненного тела, и в обоих случаях чудо связано с рекой. Если учесть, что праздники "Св. Мученика Бахуса" и "Св. Дионисия и Элеутэра" точно совпадают по времени с праздниками языческого бога вина, то ли по имени Бахус,

то ли Дионисий, то ли Элеутэр, и что сами формы празднований в честь Дионисия современного и Дионисия античного одинаковы, то как можно сомневаться в истинном характере этих римских празднеств? Они языческие, они недвусмысленно вавилонские.

Оанн и Соуро

Доводы, дающие основания утверждать, что Оанн (изображенный в виде рыбы с рогами козла), который, согласно мифу, был первым из легендарных существ, которые вышли из моря и научили вавилонян разным премудростям, состоят в следующем: во-первых, это само имя Оанн, что хорошо известно, было лишь греческой формой имени “Хэ-аннэш” (человек), что является синонимом имени нашего первого прародителя Адама. Адам, как оказалось, явился прообразом для Пана, которого также называли Инуус, что всего лишь еще один вариант произнесения имени “Энош”, только без артикля, которое в переводе (Бытие 5:7) звучит как Енох. Известно, что это было общим названием человека после грехопадения, что указывало на его слабость и смертность. Звук “о” в слове “Энош” обозначается буквой “вав”, которая иногда произносится как “о”, иногда как “у”, а иногда как “в”. Отсюда и античное римское имя Пана — “Инуус”. А само имя “Пан” значит “тот, кто уклонился, отвернулся”. Еврейское слово, переводящееся как “праведность”, значит “ходить прямо”, таким образом, всякое отклонение от прямых обязанностей есть Грех. “Хата” (грех) буквально значит “отклоняться от прямой линии”. По мнению ученых, Пан был начальником над сатирами, т.е., “первым из Тайных”, поскольку “Сатир” и “Сатур” значит “тайный, скрытый”, что, как видно, представляет собою одно и то же слово; а Адам был первым из людей, который спрятался, скрылся. Согласно мифу, Пан влюбился в нимфу по имени Пито, или по-другому “Питис”. А “Пито” или “Питис” — это название обманутой женщины, которая, будучи сама обманутой, стала обманывать мужа и заставила его предпринять то, что впоследствии дало ему имя Пан (человек, который отклонился). “Пито” или “Питис”, по всей видимости, происходит от “Пэт” (обманывать), слова, от которого произошло имя знаменитой змеи Питон. Такие выводы относительно личностной идентификации Пана и Пито в значительной мере подтверждаются титулами, которые были даны жене Фавна. А Фавн, по словам Смита, “лишь еще одно имя Пана”. В Халдее одна и та же буква произносилась как “п” и “ф”, почему Пан и стал “Фавном”.

Жену Фавна звали Ома, Фавна и Фатуа; эти имена попросту значат “мать которая, будучи обманута, уклонилась/отвернулась”. Эту обманутую мать, называли также “сестра, жена или дочь своего мужа”; что хорошо согласуется с отношениями Евы и Адама, о чем нет нужды повторять.

У Пана был титул “Козерог” (имеющий рога козла) (Думоск, “Pan”), и

происхождение этого имени берет свое начало с момента, когда наш первый прародитель стал Главой Сатиров — “первым из тайных/скрытых”. Он убежал, чтобы спрятаться, а слово “Бэркха” значит “беглец” и одновременно переводится как “козел”. Отсюда и происхождение употребляемого по отношению к Пану эпитета “Козерог” (имеющий рога козла). Но поскольку Козерог на небесной сфере обычно изображался как “рыба-козел”, то если Козерог — это Пан, или Адам, или Оанн, то это показывает, что ими всеми должен был быть Адам, который прошел через воды потопа: козел как символ Пана и представляющий Адама, первого отца человечества, в сочетании с рыбой, символом Ноя, второго отца рода человеческого, бывший ими обоими Нимрод, первоначально Кронос, “отец богов”, и Соуро (семя) как новое воплощение. Согласно описанию Кито, среди вавилонских идолов были изображения именно этого самого Козерога, или рыбы с рогами козла. Бэрозус сообщает нам, что в самые древние времена в Вавилоне существовали хорошо известные изображения Пана, где Козерог является одной из его форм. Ко всему перечисленному можно добавить великое множество других свидетельств, и если читателю недостаточно того, о чем было сказано здесь, то пусть он сам попробует найти более убедительные доказательства происхождения этого известного знака Зодиака — Козерога.

Часть IV.

Успение.

Если все ранее сказанное показывает плотскую политику Рима в ущерб истине, то обстоятельства, приведшие к празднованию праздника Успения, еще сильнее разоблачают крайнюю нечестивость и святотатство этой (католической) Церкви. Тут важно то, что доктрина о праздновании Успения была разработана не в “темные века” средневековья, но спустя три столетия после начала Реформации, среди хваленого света девятнадцатого века. Доктрина, на которой зиждется праздник Успения, следующая: дева Мария не увидела тления, ее тело и душа были вознесены на небеса, и сейчас она облечена всей властью на небесах и на земле. Эта доктрина получила печать одобрения Непогрешимости Папы, дополнив собой существовавшее учение о “Непорочном Зачатии” (о непорочном зачатии матери самой Девы Марии). Римским священникам сегодня невозможно найти в Священном Писании никакого разумного оправдания для этой своей доктрины. Но в вавилонской системе уже существовал соответствующий миф. Согласно ему, Бахус сошел в преисподнюю, спас свою мать от адских сил и торжественно вознес ее с собой на небеса. (Apollodorus). Мы уже знаем, что великая богиня, которой в Вавилоне поклонялись как “Матери”, в действительности была женой великого бога Нина, прототипа Бахуса. Соответственно, мы находим очень похожий миф об Ариадне,

жене Бахуса. “Покров из Тетиса, — пишет Брайнт, — содержит описание неких примечательных достижений в ранние века и конкретное описание прославления Ариадны, которую Бахус вознес на небеса”. Похожий миф был и о Алкмене, матери греческого Геркулеса (Геракла), который отличался от раннего Геркулеса и был лишь одной из форм Бахуса, потому что он был “великим пьяницей”; а “геркулесовы кубки” вошли в поговорки. (Muller’s Dorians) Мать этого Геркулеса, согласно мифу, воскресла. “Юпитер (отец Геркулеса), — пишет Мюллер, — воскресил Алкмену из мертвых и перенес ее в качестве жены Фадаманта на острова блаженства”.

Этот миф был типичным для вавилонской системы; в Китае и по сегодняшний день с незапамятных времен празднуется фестиваль в честь Матери, которую сын спас от власти смерти и могилы. Католический праздник Успения отмечается 15 августа. Китайский праздник, основанный на похожей легенде, также празднуется в августе. Когда начиналось празднование “Принятия” матери языческого мессии, ее называли “Голубица”, и ей поклонялись как воплощению “Духа Бога”, с которым она и отождествлялась. В качестве таковой она считалась источником всякой святости и великой “очистительницей” и, конечно, была известна как “Дева-мать”, “чистая и непорочная” (Proclus, in Taylor’s Note upon Jamblichus). Мать первого Бахуса была известна под именем Прозерпина (от которой вавилонская богиня поначалу отличалась) и считалась “почетной женой Плутона”. Вот как о ней говорится в “Орфических гимнах”: “Соучастница времен, воплощение сияния, владычица Дева, носительница небесного света”.

Кто бы ни написал эти гимны, чем больше их исследуешь, чем больше сравниваешь их с самыми древними учениями античной Греции, тем более очевидным становится то, что их авторы принимали и искренне придерживались самой настоящей теологии язычества. О том, что в Древней Греции поклонялись Прозерпине под именем “Святая Дева”, хоть она и была женой Плутона, бога преисподней, мы узнаем от Пausания, который, описывая рощу Карнасиуса, говорит следующее: “В этой роще находится статуя Аполлона Карнэуса, Меркурия, несущего барана, и Прозерпины, дочери Цереры, называемой Святой Девой. Чистота этой “Святой Девы” состояла не просто в свободе от настоящего греха, но в том, что она особым образом отличалась своим непорочным зачатием. Прокл говорил о ней так: “Ее называют Сущностью/Сердцем за ее внутреннюю чистоту и ее неоскверненный приход в этот мир”. Кто-нибудь удивлялся такому утверждению? Нет ничего удивительного. В этом заключалась естественная языческая доктрина, позднее принятая и адаптированная всей римо-католической системой. Отсюда и соответствующее учение, когда католическая Мадонна была официально объявлена абсолютно “непорочной”.

И после всего этого разве можно сомневаться в том, что римская Ма-

донна с ребенком на руках и вавилонская Мадонна являются одной и той же богиней? Всем известно, что католической Мадонне поклоняются как богине; именно так, она является самым главным объектом для поклонения. И как же христиане Британии не восстанут против самой идеи такого чудовищного вавилонского язычества?

Разве не помutilись умы людей, которые не содрогнулись от самой мысли о лежащей на них вине за многолетнюю поддержку прогнившего и нечестивого Рима? Разве само Слово Всевышнего не осудило строго и недвусмысленно “новый завет” Вавилона? Разве не сказано в Писании, что всякий, разделяющий грехи Вавилона, разделит и предназначенные для Вавилона бедствия и наказания (Откровение 18:4)? (В данном случае Александр Хислоп сокрушается о безразличии своих соотечественников по поводу принятия католической церковью догмата о непорочности (ее собственного рождения в результате непорочного зачатия) Девы Марии)

Идолопоклонство рассматривается многими людьми как относительно легкая и незначительная провинность. Но не так смотрит на это Всевышний. Какая из десяти заповедей звучит наиболее торжественно и подкреплена страшными предупреждениями о неминуемом наказании за ее невыполнение? Это вторая заповедь: “Да не будет у тебя других богов перед лицом Моим. Не делай себе кумира и никакого изображения того, что на небе вверху и что на земле внизу, и что в водах ниже земли, не поклоняйся им и не служи им; ибо Я — ЯХВЕ, твой Бог, Бог ревнитель, за вину отцов наказывающий детей до третьего и четвертого рода, ненавидящих Меня, и творящий милость до тысячи родов любящим Меня и соблюдающим заповеди Мои” (Второзаконие 5:7–10). Эти слова прозвучали непосредственно из уст Самого Всевышнего, они были написаны на каменных скрижалях перстом Самого Всевышнего: не просто как наставление для детей Авраама, но для всех племен и народов земли. Ни одна другая заповедь не содержит такого страшного предупреждения о невыполнении. Если Всевышний предупредил нас не принимать участия в *грехе идолопоклонства, который страшнее всех грехов*, и если мы видим тяжкие наказания, которые Всевышний налагает на нашу страну, разве не стоит задуматься о том, какой из всех совершенных нашим народом грехов является самым тяжким и оскорбительным? Что из того, что мы сами не поклоняемся камням и поленьям? При этом мы, исповедующие совершенно противоположное, поощряем и поддерживаем идолопоклонство, за которое Всевышний обещал наказать со всей силой Своего гнева. Вот факты. Печально известно, что в 1845 году в Британскую Конституцию была включена возможность антихристианского идолопоклонства, чего не случалось на протяжении уже полтора столетия. Известно также, что с тех пор наша страна подвергалась одному наказанию за другим. Разве не видно в этом исполнения обещаний о неминуемом наказании, произнесенных Всевышним в Апокалипсисе? На данный момент этот во-

прос представляет вполне практическую важность. Если мы всенародно не признаем своего греха в этом вопросе и искренне не раскаемся, если не удалим его от себя, если, наоборот, будем приумножать его, если, впервые после Революции, будем посылать на поля сражений, где мы так зависим от помощи Всевышнего, идолопоклоннических священников, то, несмотря на бесчисленные общенациональные дни постов и молитв, это нам нисколько не поможет. Мы можем быть уверены, что “гнев Всевышнего не удалится и Его рука не укоротится в наказании нас”. Этот абзац впервые появился весной 1855 года, когда вся империя на протяжении месяца с удивлением взирала на ужасающую катастрофу, постигшую Британию в Крымской войне. Читатель сам может судить, являются ли последующие события в истории страны подтверждением вышесказанного. Подавление Индийского восстания со всеми его ужасами показывает долготерпение Всевышнего. Но если таким долготерпением пренебрегать (что открыто и происходит, когда грех ежедневно приумножается), то последствия будут еще более ужасными.

Глава IV.

Доктрина и учение.

Когда во времена царствования Генриха VIII Линацер, известный физик, но рьяный католик, впервые взял в руки Новый Завет, то после некоторого времени чтения он с проклятиями нетерпеливо отбросил его от себя, воскликнув: “Или эта книга говорит неправду, или мы — не христиане”. Он вдруг увидел, что римская система и система Нового Завета прямо противоположны друг другу; и всякий, кто непредвзято сравнивает эти две системы, не сможет прийти к иному выводу. Переход от Священного Писания к католическому требнику — все равно, что переход от света к тьме. Если Писание дышит славой Всевышнего, миром на земле и благоволением к людям, то требник, наоборот, внушает то, что оскорбляет Всевышнего и растлевает моральное и духовное состояние человека.

Как получилось, что такая пагубная доктрина и практика были приняты Папством? Может Священное Писание было настолько непонятно или неясно, что люди естественным образом впали в заблуждение и начали верить и делать совершенно противоположное написанному в нем? Нет, доктрина и учение Папства никогда не основывались на Священном Писании. Факт остается фактом: Папство имеет силу только там, где оно запрещает чтение Священного Писания или предает этот драгоценный дар небес огню, или запирает его на замок. Есть и другой не менее важный аспект. Одного взгляда на основы папской системы будет достаточно, чтобы доказать то, что ее доктрина и учение, в самой важной их части, были заимствованы из Вавилона. Пусть читатель сам ознакомится с фактами.

Часть I.

Возрождение через крещение.

Хорошо известно, что возрождение через крещение - это основополагающая часть католицизма, стоящая у самих основ всей римо-католической системы. Настолько важная, что, согласно Риму, с одной стороны, крещение “является абсолютно необходимым для спасения”, настолько важным, что без него умершие младенцы не могут быть допущены в присутствие небесной славы; и с другой стороны — его сила настолько велика, что во всех случаях оно способно “возродить нас новым духовным рождением, сделав нас детьми Бога”: т.е. оно называется “первой дверью, через

которую мы входим в Церковь Иисуса Христа, и первым из средств, через которые мы получаем благодать примирения с Богом; так что заслуги Его смерти через крещение сверхъестественным образом применимы к нашим душам настолько, что это полностью соответствует требованиям Божественной справедливости, направленной против нас, то ли за первоначальный грех, то ли за совершенный”. Bishop Hay. Sincere Christian. В этом положении есть два исключения: в случае, когда иноверец обращен в веру в языческой стране, где невозможно получить крещение, и в случае, когда мученик “крещен”, что называется, “своей собственной кровью”. Но во всех остальных случаях крещение “абсолютно” необходимо как для старого, так и для молодого.

В обоих случаях эта доктрина абсолютно противоречит Священному Писанию; в обоих случаях она чисто языческая. Она противоречит Священному Писанию, потому что наш Господь Иисус недвусмысленно сказал, что малые дети, независимо от крещения или другого внешнего ритуала, допускаются в присутствие славы Небесного Царства: “Не запрещайте им, пусть (малые) дети приходят ко мне, ведь таким, как они, принадлежит Небесное Царство” (Матф. 14:19). Иоанн Погружатель еще в утробе матери был настолько преисполнен радостью по поводу грядущего Спасителя, что как только приветствие Марии достигло ушей его матери, не рожденный ребенок встрепенулся у нее внутри от радости. Если бы этот ребенок умер при рождении, что помешало бы ему получить “наследство святости света”? И, тем не менее, римо-католический епископ Хэй, в нарушение самого принципа Слова Всевышнего, колеблется писать следующее: “Вопрос: Что происходит с малыми детьми, если те умирают без крещения? Ответ: Если маленький ребенок был предан смерти ради Христа, это считается крещением его кровью и приводит его на небеса; но исключение существует только для этого случая. Поскольку такие дети не могут изъявить желания принять крещение, равно как и прочих необходимых таинств, если они не крещены водой, то они *не могут попасть на небеса*”. Если доктрина никогда не содержалась в Священном Писании, то откуда она взялась? Тот, кто знаком с античной литературой, без труда вспомнит приключения Энея, спустившегося в подземное царство теней, где он встретил души несчастных младенцев, умерших прежде, выражаясь языком католической церкви, “совершения церковных таинств”.

Ради прославления ценностей и силы мистических ритуалов язычества эти несчастные дети не были допущены в языческий рай и были помещены в одно место с самоубийцами. Вергилий. Между младенцами и самоубийцами была разница в одну ступень, т.е. теми, кто на земле был несправедливо приговорен к смерти. Для таковых надежда есть, но для детей ее нет.

То же происходит и при отсутствии крещения. А что касается положи-

тельного аспекта крещения, то папская доктрина здесь также противоречит Священному Писанию. Среди протестантов также есть такие, кто верят в возрождение через крещение, но в Слове Всевышнего ничего подобного нет и в помине. Согласно Писанию, сущность водного погружения заключается не в новом рождении, а в подчеркивании и подтверждении уже имевшего место рождения свыше. В этом смысле водное погружение находится на одном уровне с обрезанием. Что говорит Священное Писание по поводу обрезания? Вот что сказано об Аврааме: “Знак обрезания он получил уже потом, как подтверждение того, что был праведен, будучи еще необрезанным” (Рим. 4:14). Целью обрезания не было сделать Авраама праведным, он уже был праведен до того, как был обрезан. Но цель была в том, чтобы провозгласить его праведным, помочь ему лучше осознать свою праведность. Если бы Авраам не был праведен еще до обрезания, его обрезание не было бы знаком, не было бы подтверждением того, чего не было. Также и водное погружение, это “знак праведности по вере”, которую человек имеет до того, как принимает водное погружение; ибо сказано: “Те, кто поверит и примет водное погружение, будут спасены” (Марк 16:16). Там, где есть вера, если она искренняя, она свидетельствует о новом сердце, о возрожденной природе; и водное погружение допустимо только после сознательного исповедания веры взрослым человеком. Даже в случае погружения в воду младенцев, которые не могут исповедывать веры, этот ритуал практикуется (некоторыми протестантским христианскими конфессиями) не для их возрождения, а как провозглашение их “святости”, в том смысле, что они достойны освящения, пусть и в младенчестве, для служения Мессии, подобно тому, как весь народ Израиля, вслед за Авраамом по плоти был провозглашен “святым для Всевышнего”. Но, тем не менее, такая “святость” очень отлична от “святости” новой природы; и, хотя сам факт водного погружения, если совершен в свете Писания и выполнен должным образом, находится в руке доброго Духа Всевышнего, дающего духовное возрождение до погружения, без чего такая “святость” не будет истинной. До водного погружения Всевышний, по своему усмотрению, может дать, а может и не дать духовное возрождение. Этому есть пример колдуна Симона, о котором после канонического погружения его Филиппом было сказано, что он “полон горькой желчи и лжи” (Деяния 8:23).

Доктрина Рима заключается в том, что все канонически крещеные, даже невежды в вопросах веры и безнравственные люди, если только они имеют веру в Церковь и подчиняют свое сознание/совесть священникам, являются духовно возрожденными, а дети выходят из крестильной воды полностью очищенными от первородного греха. Отсюда и ситуация, когда миссионеры-иезуиты в Индии хвалятся обращенными ими в католицизм тысячами людей только на основании того, что те приняли от них крещение даже без предварительного наставления в вере и в христиан-

ском учении, а лишь на основании их исповедания в полном подчинении Риму. Эта доктрина “Возрождения через крещение” полностью вавилонская. Кто-то, может, удивится тому, что в языческом мире было понятие о возрождении; но достаточно поехать в Индию, и в наши дни там можно найти рьяных индуистов, никогда не слышавших о христианстве, но так же прекрасно знакомых с этим термином, как и мы с вами. Брахманы особо хвалятся тем, что они “дважды рожденные”, и что они уверены в своем вечном блаженстве. То же самое было и в Вавилоне, где новое рождение давалось через водное погружение. В халдейских мистериях до принятия какого-нибудь наставления прежде всего требовалось, чтобы человек, который хочет пройти инициацию, должен был бы выразить свое слепое подчинение и полное послушание в виде обряда водного погружения. Информацию о самом водном погружении и его назначении мы находим у различных древних авторов. “В различных священных ритуалах язычников, — пишет Тертуллиан, особенно упоминая поклонение Исиде и Митре, — формой инициации было крещение”. Термин “крещение” ясно указывает на то, что он говорит о Мистериях этих богинь. Это крещение происходило в виде погружения в воду и, похоже, носило грубый и устрашающий характер; поскольку имеются сведения, что тот, кто прошел сквозь очищающие воды и другие необходимые епитимьи, “если после этого он оставался в живых, то его допускали к знанию Мистерий”. (Elliae Comment. in S. Greg. Naz.) Прохождение через такие испытания требовало немалой смелости посвящаемого в Мистерии. Но при этом был очень сильный побудительный мотив к этому, так как, по словам Тертуллиана, получившим таким образом крещение впоследствии было обещано “*возрождение* и прощение всех нарушений клятв”. Известно, что наши собственные предки, поклонявшиеся Одину, также практиковали водное погружение. Скорее всего, они верили в то, что первородный грех и нечистоту их новорожденных детей можно было смыть обрызгиванием водой или погружая их сразу после рождения в реку или озеро. А на другой стороне Атлантического океана, в Мексике, когда Кортес и его конквистадоры впервые высадились на берег, во всю процветала та же самая доктрина возрождения через водное погружение. Вот как Прескотт описывает церемонию мексиканского крещения, на которую с изумлением взирали испанские римо-католические миссионеры: “Когда было приготовлено все необходимое для крещения, собрались родственники, а потом послали за повитухой, которая и проводила обряд крещения. На рассвете они все собрались во дворе дома. Когда взошло солнце, повитуха, взяв на руки ребенка, сказала принести глиняный сосуд с водой, а другие находившиеся в дворе люди разложили посередине двора необходимую утварь. Для совершения обряда крещения она повернулась лицом к западу и сразу же начала совершать определенные церемонии. . . После чего она побрызгала водой на голову младенца, говоря: О мое дитя,

возьми и прими воду Господа воды, которая есть наша жизнь, которая дана для возрастания и обновления нашего тела. Она для омовения и для очищения. Я молюсь о том, чтобы эти небесные капли попали в твое тело и были там; чтобы они уничтожили и удалили от тебя всякое зло и грех, который ты получил от начала мира, так как мы все находимся под его властью. . . ” Затем она омыла в воде тело младенца и сказала так: “Откуда бы ты ни пришел, ты, несущий этому ребенку вред, покинь его и удались от него, ибо теперь он получил новую жизнь и был *рожден вновь*; теперь он очищен и обновлен, и наша мать Чальчиутликуэ (что в переводе с языка ацтеков значит “она в одежде из нефрита”) [богиня воды] приносит его в мир”. После такой молитвы повитуха взяла ребенка двумя руками и, подняв его к небесам, сказала: “Господи, ты видишь здесь всякое творение, которое ты послал в этот мир, это место скорби, страдания и покаяния. Даруй им, Господи, свои дары и вдохновение, ибо ты — Великий Бог, и ты безмерно добр”. Учитывая то, что “крещение абсолютно необходимо для спасения”, Рим разрешает совершать его также и повитухам. Похоже, что в Мексике повитухи были “священниками (жрицами)”.

В этом безошибочно заключается *opus operatum*. Здесь крещение и изгнание нечистой силы настолько тщательное и полное, какое может только пожелать любой католический священник. Первое, что должен сделать священник в католической церемонии крещения, это изгнать из крещаемого ребенка дьявола, сказав следующие слова: “Удались от него, ты, нечистый дух, и уступи место Святому Духу Утешителю”. (*Sincere Christian*) В Новом Завете нет и намека на такого рода сопутствующий христианскому крещению экзорсизм. Все это чистое язычество.

Может читатель спросит, а какое имеется свидетельство тому, что мексиканцы позаимствовали эту доктрину из Халдеи? Свидетельства убедительные. Из исследований Гумбольта мы узнаем, что мексиканцы считали Водана основателем их расы, точно так же, как это делали и наши предки. Водан, он же Один в Скандинавии, является и вавилонским Адоном (см. примечание к главе). Мексиканский Водан точно такой же, что видно из следующей цитаты: “Согласно древним преданиям, собранным епископом Франсизом Нунэсом дэ ла Вега, — пишет Гумбольдт, — Водан чаипанззов (мексиканцев) был внуком того знаменитого старика, который во времена великого потопа, когда погибла значительная часть человеческого рода, вместе со своей семьей спасся на плоту. Водан принимал участие в строительстве грандиозного сооружения, предпринятого людьми, чтобы достичь небес; осуществление этого проекта было прервано; каждая семья получила тогда свой отличный от других язык; великий дух Тэотль приказал Водану идти и населить страну Анахуак”. Это наглядно доказывает, что доктрина о возрождении через водное погружение, которой придерживались мексиканцы, имеет много общего с аналогичными доктринами египтян и персов, которые поклонялись халдейской

Царице Небесной. Прескотт, правда, поставил под сомнение подлинность этого предания на том основании, что оно в точности повторяет написанное в Священном Писании. Но знаменитый Гумбольдт, который тщательно исследовал данный вопрос и не имевший на данный счет никаких предубеждений, высказал свою полную уверенность в подлинности этого мифа. Даже пользуясь материалами, и весьма интересными, книги Прескотта, можно доказать то же самое, за исключением разве что имени Водана, о котором он просто не упоминает. Но, к счастью, не подлежит сомнению тот факт, что среди предполагаемых предков мексиканцев это имя носил какой-то знаменитый герой. Ведь в свое время у мексиканцев было название дня недели “день Вудан” (у Хислопа — “Wodansday”), точно как у нас есть Wednesday. Все это вкупе со всеми сопутствующими обстоятельствами является достаточным доказательством былого единства рода человеческого, который затем рассеялся по всей земле, разнося повсюду существовавшую в Вавилоне систему.

Если возникает вопрос, как же получилось, что сами вавилоняне приняли такую доктрину возрождения через крещение, то мы можем пролить свет и на это. В вавилонских мистериях воспоминание о потопе, о ковчеге, о великих эпизодах жизни Ноя были перемешаны с поклонением Царице Небесной и ее сыну. Ноя, как жившего в двух мирах — до и после потопа, называли Дифуэис (дважды рожденный), и он изображался как бог с двумя смотрящими в противоположные направления головами, одна *молодая*, а другая — старая. Как мы уже увидели, двуликий Янус в определенном смысле имеет отношение к Кушу и его сыну Нимроду, но считается одним богом в двух ипостасях как Верховный правитель и Отец всех божественных “сильных”. Правда, для того, чтобы наделить его такой властью и почетом, необходимо было сделать его главой, основанной отступниками великой системы идолопоклонства, и отождествить его с великим патриархом, который был Отцом всех и прожил полную чудес жизнь. Поэтому в легендах о Янусе вместе с примесью того, что было взято из других источников, можно найти предание о том, что он был также и “изобретателем кораблей”, непосредственно заимствованное из истории о Ное. Таким образом, его необычный вид можно с уверенностью объяснить заимствованием истории о великом патриархе времен Потопа, известного своей праведностью в его *двухмерной* жизни, о чем конкретно сказано в Священном Писании: “Ной был человек праведный и непорочный *в роде своем*”, т.е. в своей жизни до потопа и в жизни после него. Вся мифология Греции и Рима, равно как и Азии, полна рассказов об истории и делах Ноя, которые просто невозможно неправильно интерпретировать.

В Индии поклоняются богу Вишну (Сохраняющему), известного тем, что он чудесным образом сохранил праведную семью в то время, когда

мир погрузился в пучину потопа. В этой легенде не просто повторяется история Ноя, но и называется его настоящее имя. Вишну — это всего лишь санскритская форма халдейского слова “Ишну” (Человек Ной) или “Человек покоя”. В случае с Индрой, “царем богов” и богом дождя, что очевидно является еще одной формой того же самого бога, имя в точности повторяет форму имени “Ишну”. Сама легенда о Вишну, делающая его не творением, а верховным и “вечным богом”, показывает, что такая интерпретация его имени не просто необузданное воображение. Поэтому он известен как “Матсья Пуран”: “Солнце, ветер, эфир и все бестелесное было сосредоточено в его божественной сущности; и вселенная объята этим вечным и всемогущим богом, который в древности таинственно почил на поверхности (всемирного) океана. Но никто не в состоянии узнать, было ли это существо тогда видимым или невидимым или каково было имя этой личности, или в чем была причина его таинственного сна. Никто также не может сказать, как долго он так *почивал*, пока не вздумал начать действовать; ибо никто его не видел, никто не приближался к нему и никто не мог постичь тайну его истинной сущности”. (Col. Kennedy’s Hindu Mythology) В соответствии с этой древней легендой, Вишну по-прежнему считается *спящим* четыре месяца в году. А сейчас сравните эту историю с именем Ноя, человеком “Покоя”, с его личной историей во время потопа, когда мир был уничтожен, когда на протяжении сорока дней и сорока ночей везде царил хаос, когда не было видно ни проблеска ни солнца, ни луны, ни звезд, когда небо и море перемешались и все было всемирным “океаном”, посреди которого плавал патриарх, когда никакой человек не мог к нему приблизиться, но лишь те, кто были с ним в ковчеге, и “никто не мог постичь тайну его истинной сущности, священное имя этой личности” неизвестно, равно как и его “таинственный сон”. Повсюду, где известно о Ное, то ли под именем “Сатурн” (скрытый) — это имя было употребляемо по отношению к нему так же как и к Нимроду, поскольку он был скрыт в ковчеге “в дни великого гнева Всевышнего”, то ли под именем “Оанн” или “Янус”, “человек моря”, он обычно всегда описывался таким образом, что становится ясно, что его считали Дифуэисом, “дважды рожденным” или “возрожденным”. Уже сам титул “дважды рожденных” брахманов, считающихся богами на земле, показывает, что бог, которого они представляют и на чьи права они претендуют, был известен как “дважды рожденный” бог. Связь “возрождения/обновления” с историей Ноя проистекает из дошедших до нас сведений о практиковавшихся в Египте Мистериях. Самые известные исследователи египетских древностей, включая сэра Гардинера Уилкинсона, признают, что история о Ное была соединена с историей об Осирисе. Плавающие на воде корабль Исиды и гроб Осириса определенно указывают на это примечательное событие. В Египте в разных местах были различные периоды, когда оплакивали Осириса; в одно время больше подчеркивалась его история жизни как “могущественного охотника пе-

ред Всевышним”, а в другое время — ужасная катастрофа, через которую прошел Ной. Во время великого торжества под названием “Исчезновение Осириса” ясно виден сам Ной, который, как тогда считалось, исчез. Время, когда, согласно Плутарху, Осирис был “заперт в своем гробу”, и этот гроб был пущен по водам, в точности согласуется с периодом, когда Ной вошел в ковчег. Это был “17-ый день месяца Атир, когда остановился разлившийся Нил, когда ночи стали удлиняться, а день укорачиваться”. Месяц Атир был вторым месяцем после летнего равноденствия, время, когда у евреев и патриархов начинался год. Согласно этой цитате, именно тогда, в 17-ый день второго месяца патриаршего года, Осирис “был заперт в своем гробу”. Достаточно сравнить это с содержащимся в Священном Писании описании того, как Ной вошел в ковчег, и будет видно поразительное сходство: “В шестисотый год жизни Ноя, во *второй* месяц, в *семнадцатый* день месяца, в этот день разверзлись все источники великой бездны, и окна небесные отворились; и лился на землю дождь сорок дней и сорок ночей. В этот самый день вошел в ковчег Ной” (Бытие 7:11–13). Время, на протяжении которого, согласно мифу, Осирис (или Адонис) был заперт в гробу, в точности совпадает с тем, когда Ной находился в ковчеге — целый год. Apollodorus. Theocritus, Idyll. Теокрит пишет, что Адонис был вызволен Венерой из Ахеронта, подземного царства мертвых, после того, как он пробыл там целый год. Если обратиться к Египту, то вполне очевидно, что Адонис — это египетский Осирис.

Цитата из Плутарха показывает, что Осириса считали “умершим” и “погребенным”, положенным затем в ковчег или гроб, отправленным в глубины, а затем вернувшимся назад в новом состоянии “новой жизни”, или “возрожденный”. (Plutarch, De Iside et Osiride. “Погребенный” в водах был Пта-Сокари-Осирис. Это еще одна форма представления одного и того же Осириса, который был погребен.

Имеются все основания полагать, что через ковчег и потоп Всевышний в действительности показал святым патриархам, и особенно праведному Ною, яркий пример силы крови и Духа Мессии, спасающего от гнева и очищающего от всех грехов — пример и самая надежная “печать” и подтверждение веры всех истинно верующих. Об этом событии, вполне очевидно, упоминал Петр, говоря: “И эта вода символизирует погружение, которое сейчас спасет и вас”. (1 Петра 3:21). Халдейские священники извратили и исказили имевшуюся у них истину патриархов. Они сознательно упустили факт того, что именно “праведность веры”, которая была у Ноя до потопа, безопасно провела его сквозь карающие воды этой страшной катастрофы и вывела его из чрева ковчега, как бы дав ему новое рождение в новый мир, когда ковчег остановился на горе Арарат и Ной был освобожден от своего долгого заточения. Эти священники заставляли своих сторонников верить во то, что, если те пройдут сквозь воду крещения вместе с сопутствующими епитимьями, это уподобит их

второму отцу человечества, “Дифуэису”, “дважды рожденному” или “возрожденному”, и даст им все привилегии “праведного” Ноя, даст им это “новое рождение” (palingenesia), о нужде в котором говорит их совесть. Папство действует точно по такому же принципу, и его доктрина о возрождении через крещение проистекает из того же источника, о чем уже так много писалось и так сильно дискутировалось. Кто бы что ни говорил, но это, и только это, является настоящим источником такой противоречащей Писанию догмы. Существует достаточное количество рассуждений по поводу значения имени Шинар, употребляемого по отношению к местности, где находился Вавилон — столица Халдеи. Разве вышесказанное не проливает на это свет? Это слово, скорее всего, происходит от слов “шенэ” (повторять) и “наар” (детство). Таким образом, земля “Шинар” — это земля “Возрождения”.

Читатель уже увидел, как старательно Рим скопировал языческий экзорсизм (изгнание дьявола), связанный с ритуалом крещения. Все остальные действия, сопровождающие католическое крещение, такие, как использование соли, слюны, елей или помазания маслом, начертание на лбу знака креста, в равной степени языческие. Некоторые из европейских сторонников Рима признают, что кое-какие из таких действий действительно не основываются на Священном Писании. Так, монах Йодокус Тилетанус, защищая доктрину “Устного Предания”, не колеблясь, утверждает: “Мы не довольствуемся только тем, о чем говорят апостолы или Евангелие, но мы считаем важным и необходимым и выполняем положения доктрины, которая не существует в письменной форме. Ибо мы благословляем воду для крещения и елей для помазания, а вместе с ними и того, кого крестим. Вы спрашиваете: на каком источнике мы основываемся? А разве мы не имеем тайных и неписаных правил? Более того, а разве Писание учит нас, как совершать помазание елеем? Откуда мы взяли то, что ребенка нужно три раза погружать в воду? Все это основывается на тайном и нераскрытом учении, которое непосредственно получили наши предки и передали нам, что мы и выполняем”. Естественно, что этот ученый монах говорит о “тайном и нераскрытом учении”, о “неписаном слове”, передаваемом по линии папской “непогрешимости” от Апостолов Церкви до наших дней. Но в свете того, что мы уже узнали, я думаю, что читатель будет другого мнения об источнике этого тайного и нераскрытого учения. И действительно, Отец Ньюман сам признает это в отношении “святой воды” (той самой воды, которую освящают и насыщают “солью”) и многих других вещей, когда говорит, что все это “непосредственные орудия и средства поклонения бесам”, что все это имеет языческое происхождение, но они “освящены принятием их Церковью”. Какой предлог, какое оправдание может он предложить для такого экстраординарного принятия? Ну вот: “Церковь имеет силу христианства противостоять злу” и направлять его “в евангельское русло”. Какое право имеет Церковь иметь такую уверен-

ность? Что общего может быть у тьмы со светом? Что общего между Мессией и Бэлиалом? Пусть сама история Церкви докажет тщетность, кощунство такой уверенности. Пусть наши исследования прольют свет на этот вопрос. В данном случае я остановлюсь на одном лишь сопутствующем крещению ритуале — использованию “слюны”. Рассмотрение слов, употребляемых Римом в этом ритуале, доказывает то, что крещение берет свое начало от Мистерий. Вот описание употребления “слюны”, приводимое епископом Хэем: “Священник декламирует еще одно заклинание об изгнании дьявола, затем дотрагивается до уха и ноздрей крещаемого человека небольшим количеством слюны, говоря: “Эффета, т.е. откройтесь сладкому благоуханию; а ты, дьявол, будь обращен в бегство, ибо суд Божий близок”. Несомненно, что читатель спросит, а какая вообще связь может быть между слюной и сладким благоуханием? Если рядом с этим высказыванием поставить тайное учение халдейских мистерий, то можно увидеть, что, вопреки кажущейся бессмысленности и абсурдности сочетания таких слов, совсем не случайно, что слюна и сладкое благоухание стоят вместе.

Мы уже увидели, насколько подробно язычество было знакомо с атрибутами и делами обетованного Мессии, хоть все такое знакомство с этими великими темами использовалось для извращения умов людей и удержания их в духовных узах. Сейчас мы рассмотрим и увидим, что они хорошо знали о существовании Святого Духа и Его деятельности, но при этом их знания были равным образом искажены и испорчены. Сервиус в комментарии на “Первую Георгику” Вергилия цитирует хорошо известное выражение “*Mystica vannus Iacchi*” (“мистический веер Бахуса”) и объясняет, что “мистический веер” символизировал “очищение душ”. Каким образом веер мог быть символом очищения душ? Ответ в том, что веер служит для создания “ветра”; и в Халдее, как уже упоминалось, “ветер” и “Святой Дух” обозначались одним и тем же словом. Иеремия очевидным образом упоминает “мистический веер” вавилонского бога, говоря о будущей гибели Вавилона: “Так говорит Господь Бог : вот, Я подниму на Вавилон и на живущих среди него противников Моих. И пошлю на Вавилон *веевателей*, и *развеют* его, и опустошат землю его; ибо в день бедствия нападут на него со всех сторон”. (Иеремия 51:1–2)

Нет сомнения, что с самого начала “ветер” был одним из патриарших символов, через которую просматривалась сила Святого Духа, как об этом сказал Никодиму наш Господь Иисус: “Ветер дует там, где ему хочется. Ты слышишь звук, но не можешь определить, откуда он приходит и куда уходит. Также и с рожденным от Духа”. (Иоанна 3:8) Таким образом, когда Бахус был изображаем с “мистическим веером”, это должно было говорить о его тождестве с

Всемогущим, посылающим Духа. Отсюда и мысль об очищении души при помощи ветра. По описанию Вергилия, он очищает от скверны и греха: “За это посылаются различные наказания, но некоторые убеляются *ветром*”.

Поэтому священники Юпитера (в действительности бывшего еще одной из форм Бахуса) назывались “дующими”, или ниспосылателями Святого Духа, которого они ниспосылали на свою паству.

В Мистериях “слюна” была лишь еще одним символом того же самого. В Египте, откуда вавилонская система распространилась на Западную Европу, имя “Чистого или Очищающего Духа” было “Рэх” (“Rekh”) (Bunsen). Но “Рэх” также означало “слюна” (Parkhurst’s Lexicon); поэтому, согласно мистической системе, помазать нос и уши иницируемого “слюной” означало помазать его “Очищающим Духом”. То, что Рим, приняв ритуал со слюной, фактически скопировал соответствующий халдейский ритуал, хорошо видно из описания этого ритуала при помазании “слюной” ушей. Причина помазания ушей “слюной”, говорит епископ Хэй, состоит в том, что “через благодать крещения уши нашей души открываются для слышания Слова Бога и вдохновения Его Святого Духа”. Но что общего, позвольте спросить, “слюна” имеет со “сладким благоуханием”? Ответ таков: само слово “рэх”, обозначавшее “Святой Дух” и, видимо, представленное как “слюна”, было тесно связано с “рих”, обозначавшее “ароматный запах” или “сладкое благоухание”. Таким образом, знание Мистерий объясняет смысл и последовательное значение мистических слов, произносимых папским крестителем тому, кого он крестит, во время помазания его носа и ушей, слова, которые при иных обстоятельствах просто не имевших бы значения: “Эффета. Откройтесь сладкому благоуханию”. Хоть под видом “слюны” в этом и содержалась первоначальная истина, весь дух язычества был настолько враждебен духовности веры патриархов и направлен на ее ликвидацию и увод людей от нее, что, даже делая вид внешнего почтительного отношения, в своей основной массе язычество превратило символ “слюны” в символ самого вопиющего суеверия. Теокрит показывает, с какими омерзительными ритуалами это было связано на Сицилии и в Греции; а Персиус с презрением отзывается о жителях Рима его дней за их приверженность этому ради “охраны от сглаза”.

Мы уже увидели, что папское крещение — это лишь воспроизведение соответствующего халдейского ритуала. Для полноты картины к этому следует добавить еще один факт. Этот факт заключается в следующем грандиозном проклятии, изливаемом на тех, кто совершает непростительный грех оскорбления путем ухода из католической церкви: “Пусть Отец, сотворивший людей, проклянет его! Пусть Сын, пострадавший за нас, проклянет его! Пусть Святой Дух, пострадавший за нас при крещении, проклянет его!”.

Я не устаю доказывать, насколько это проклятие абсолютно и резко противоречит самому духу Евангелия. Но я хотел бы обратить внима-

ние читателя на поразительное высказывание о том, что “Святой Дух пострадал за нас при крещении”. Где во всем Писании можно найти нечто указывающее на это или хотя бы намекающее? Но пусть читатель обратится к вавилонскому описанию личности Святого Духа, и сразу станет ясен масштаб содержащего в этом высказывании святотатства. Согласно халдейской доктрине, когда Семирамида, жена Нинуса или Нимрода, была прославлена до уровня божества под именем Царицы Небесной, ей стали поклоняться как Юноне, “Голубю”, другими словами – воплощенному Святому Духу. Когда за свое святотатственное восстание против небес ее муж был умерщвлен, время скорби началось и для нее. До нас дошли фрагменты древней истории, рассказывающие о ее скорби и бегстве от своих врагов. В легендарном мифологическом представлении это бегство было отображено в связи со свойствами ее мужа. Барды Греции показывали Бахуса прячущимся от врагов в глубинах океана.

Как мы уже видели, в Египте Осирис, когда отождествлялся с Ноем, изображался побежденным своим главным врагом Тифоном, или “Злым/Лукавым”, во время своего прохождения через воды. Поэты показывали Семирамиду разделяющей его горе и ищущий укрытия точно та-

ким же путем. Мы уже увидели, что под именем Астарта она, согласно мифу, вышла из волшебного яйца, которое приплыло по водам Евфрата. Манилий в “Astronomical Poetics” рассказывает о причине того, что заставило ее искать убежища в этих водах: “Венера погрузилась в вавилонские воды для того, чтобы избежать гнева змееподобного Тифона”. Когда Венера, Урания, Диона, “Небесный Голубь” погрузилась в глубины этих вод Вавилона, то по халдейскому учению произошло вот что. Это было ни много, ни мало, как телесно воплощенный “святой дух”, который в глубоком горе вошел в эти воды ради того, чтобы они стали освящены не только для временного пребывания в них “мессии”, но и для того, чтобы дать им силу и способность давать новую жизнь и возрождение через *крещение*, предназначенные всем поклонникам Халдейской Мадонны. У нас имеются свидетельства того, что очищающая сила вод, которые язычники считали способными к смыванию греха и обновлению души, зависела от прохождения через них бога-посредника, бога-солнца и бога огня, давшего этим водам силу во время своего унижения и временно-го в них нахождения. Точно так же и папство наших дней соблюдает ту же самую традицию, берущую свое начало из того же самого верования. Что касается язычества, то достаточно привести следующие цитаты из Поттера и Атэнауза: “Каждый человек, — говорит Поттер, — который приходил для принесения торжественных жертвоприношений [греков], был очищаем водой. Для этой цели при входах в храмы стояли сосуды с водой”. А как вода становилась “святой”? Эта вода “освящалась, — говорит

Атэнаэус, — погружением в нее *горящего факела*, взятого с алтаря”. Горящий факел был символическим представлением бога огня; и в свете огня этого факела, являвшегося неотъемлемой частью ритуала по освящению “святой воды”, мы можем легко увидеть то, откуда взялись очищающие свойства “шумных вод ревущего моря”, считавшихся способными к удалению вины и пятен греха, — все это благодаря тому, что в этих водах нашел свое убежище бог-солнце. “Все человеческие болезни, — говорит Еврипид, — смываются водами моря”.

Тот же самый метод используется Католической Церковью при освящении воды для крещения. Недвусмысленное свидетельство епископа Хэя не оставляет по этому поводу никаких сомнений: “Она [находящаяся в купели вода для крещения] благословляется накануне Пятидесятницы, потому что Святой Дух дает водам крещения силу и способность к очищению наших душ, и потому что крещение Христа было Святым Духом и огнем (Матфея 3:11). При освящении воды спереди помещается *горящий факел*”. Таким образом, в этом проявляется возрождение через воды крещения, которые Рим освящает и считает имеющими силу возрождения и очищения, как когда-то считали и язычники. Епископ Хэй говорит, что это делается для того, чтобы “явить огонь Божественной любви, передаваемой душе через крещение, и свет доброго примера, который показывается всем крещаемым”. Такими словами епископ Хэй пробует придать этому ритуалу видимость приличия, но факт остается фактом, что католическая доктрина о крещении чисто языческая, а связанные с папским крещением церемонии являются повторением аналогичных древних ритуалов огнепоклонников, практикуемых в некоторых местах и по сей день точно так же, как это практиковалось поклонниками Бахуса, вавилонского мессии.

Так же, как Рим хранит память о боге огня, который прошел сквозь воды и дал им силу, говоря, что “Святой Дух *пострадал* за нас в крещении”, точно так же он исполняет языческие ритуалы, связанные с вавилонской богиней, которая погрузилась в воды. Страдания Нимрода, или Бахуса, когда тот находился в водах, — это достойные награды страдания. Страдания его жены, в которой чудесным образом поселился “святой дух”, были такими же. Страдания Мадонны, которая убегала в этих водах от гнева Тифона, были муками рождения, в которых рождаются дети “Бога”. Отсюда, даже на далеком Западе, у мексиканских индейцев племени Халхивику, “богиня вод” и “матерь” всякого возрождения была представлена как очищающая новорожденных детей от первородного греха и “заново рождающая их в этот мир”. А “святой дух” был представлен вавилонскими язычниками в виде “Голубя”. Точно в такой же форме и в не менее идолопоклонническом виде Святой Дух почитается и Риме. Если, вопреки всем основанным на Писании принципам, говорится, что “Святой Дух пострадал за нас в крещении”, то, несомненно, разговор идет о “святом духе” вавилонян. Это никто иной, как Семирамида, само вопло-

щение похоти и всякой нечистоты.

Тожество скандинавского Одина и вавилонского Адона

1. Вавилонский Нимрод, или Адон, или Адонис, был великим богом войны. Один, как известно, был таким же.

2. Нимрод под видом Бахуса считался богом вина; Один, согласно мифам, кроме вина, не употреблял никакой другой пищи. Вот что по поводу этого мы читаем в Эдде: “Одину не нужна пища, вино заменяет ему всякую другую еду. Блистательный отец армий своими собственными руками выкормивший двух волков; победоносный Один, не принимающий никакой другой пищи, кроме выпиваемого им вина”. (Mallet, 20th Fable)

3. Имя одного из сынов Одина указывает на значение имени самого Одина. Имя Балдэра, по поводу чьей смерти проводились оплакивания, звучит очень похоже на халдейскую форму Баал-зэр (Семя Баала); ведь, как известно, еврейская буква “з” в позднее время в халдейском языке часто переходила в “д”. Слова “Баал” и “Адон” одинаково переводились как “Господь/Господин”; таким образом, Балдэр был семенем или сыном Баала, равно как и сыном Адона; и, как следствие, Адон и Один — одна и та же личность. Это, естественно, несколько отодвигает Одина назад, делая его сына, а не его самого, объектом для оплакивания; но точно так же происходило и в Египте, где *ребенок* Хор иногда считался разорванным на куски, точно, как и Осирис. Клемент Александрийский пишет: “Они оплакивали младенца, разорванного Титанами на куски”. (Cohortatio) Оплакивание Балдэра было копией аналогичного ритуала оплакивания Адониса; и, конечно же, Балдэр, как это доказывают оплакивания, излюбленным представлением скандинавского мессии; он был Адонем, т.е. “Господом”, равно, как и его отец.

4. И, наконец, имя еще одного сына Одина — могущественного и воинственного Тора, подтверждает все вышеприведенные выводы. Ниньяс, сын Нина (Нинуса) или Нимрода, после смерти своего отца, когда опять возобновилось идолопоклонство, был, конечно же, исходя из природы мистической системы, Адонем — “Господом”. Как у Одина был сын по имени Тор, так и второго сына ассирийского Адона звали Тоурос. Имя Тоурос, похоже, является еще одной формой имени “Зоро” или “Доро” (“семя”); поскольку Фотий пишет, что у греков слово “Торос/Форос” значило “Семя”. “Д” часто произносилась как “т/ф”, а “Адон” в еврейском написании с огласовкой произносился как “Атон/Афон”.

Часть II.

Оправдание делами.

Поклонники Нимрода и его царицы считались возрожденными и очищенными от греха через крещение, а крещение, в свою очередь, черпало свою силу из страданий этих двух великих вавилонских божеств. Но в отношении оправдания халдейская доктрина заключалась в том, что для того, чтобы получить оправдание и быть угодными Всевышнему, люди сами должны заслужить это через дела и заслуги. То, что это было так, показывают примечания Кристи к книге Уварова “Eleusinian Mysteries”: “Господин Уваров считает, что одной из основных тем Мистерий было указание человеку способа для возвращения к Всевышнему. Эти способы носили характер очищения (т.е. способ очищения от греха) путем победы над телесной жизнью. Соответственно, Мистерии назывались “Тэлэтэ” (совершенствования), потому что они должны были содействовать совершенствованию жизни. Те, кто очищались посредством них, назывались “Тэлумэной” и “Тэтэлесмэной”, т.е. “доведенные до совершенства”, что зависело от усилий самого человека”. В “Метаморфозах” Апулея, который сам прошел обряд инициации в мистериях Исида, явственно вырисовывается та же самая доктрина человеческих заслуг. Здесь богиня обращается к одному из героев его рассказа: “Если ты *заслужишь* мою божественную защиту прилежностью, покорностью, религиозным рвением и нерушимым целомудрием, ты можешь быть уверен, что я, и только я, продлю твою жизнь на срок, превышающий отведенное тебе судьбой время”. Когда этот человек получил подтверждение благосклонности к нему богини, то в его адрес звучат поздравления: “Счастлив он, благодарение Геркулесу! Трижды благословлен тот, кто благодаря невинности и честности своей прожитой жизни *заслужил* особое благоволение небес!” Так было при жизни. По смерти нужно было получить паспорт для невидимого мира также на основании заслуг самого покойного, хоть, как мы дальше увидим, умершим в вере давалось имя Осириса. “Когда тела заслуженных людей [в Египте] бальзамировались, — говорит цитирующий Порфирия Уилкинсон, — у них доставали внутренности и помещали их в сосуд, над которым (после других погребальных ритуалов) бальзамировщики обращались к солнцу с молитвой об усопшем”. Текст ее, согласно Эуфанту, который перевел ее с греческого оригинала, был таков: “О Солнце, наш верховный повелитель! И все вы, боги, дающие человеку жизнь, примите меня и даруйте мне пребывание с вечными богами. На протяжении всей моей жизни я добросовестно поклонялся богам, которым меня научил поклоняться мой отец; я всегда уважал своих родителей, которые зачали это тело; я никого не убил; я никого не обманул, а также не содейл

никакого вреда ни одному человеку”. Таким образом, в молитве упор делался на заслуги, послушание или невинность человека. Доктрина Рима в отношении оправдания грешника точно такая же. Конечно же, само по себе это является незначительным доказательством связи между двумя системами — вавилонской и римской (католической); ведь со времен Каина учение о человеческих заслугах и самооправдании глубоко сидело в сердцах падшего человечества. Но стоит заметить, что в двух системах оно имело одинаковое символическое выражение. Согласно папским легендам, Святой Архангел Михаил отвечает за весы “Божьей справедливости”, и что на двух противоположных чашах взвешиваются заслуги и провинности умершего, и, в зависимости от того, в какую сторону склонится чаша весов, человек будет оправдан или осужден. Как показывают дошедшие до нас египетские памятники, халдейская доктрина оправдания символически выглядела точно так же, за исключением того, что в земле Хама чаши весов вместо Святого Архангела Михаила держал бог Анубис, и что добрые дела взвешивались отдельно от плохих, по поводу чего велась специальная запись, после чего подводился окончательный итог и на его основании выносился окончательный вердикт. Уилкинсон говорит, что Анубис и его весы иногда имеют разное описание в деталях. Но из его слов ясно, что сам принцип всегда был один и тот же. Вот как он описывает одну из таких судебных сцен, предшествующих принятию в Рай: “Цербер сторожит ворота рядом с местом, где находятся весы справедливости; Анубис, начальник весов, поставил на одну чашу вазу с добрыми делами, а на другую чашу — эмблему истины, чтобы установить, можно ли человека впустить. Если вес недостаточный, человека отвергают, и Осирис, судья мертвых, наклоняет свой скипетр в знак осуждения и выносит приговор в виде возвращения души умершего назад на землю, чтобы поселить ее в свинью или другое нечистое животное. . . . Но если *сумма* его дел, записанная Тотом (тем, кто стоит рядом и отмечает результаты различных взвешиваний, производимых Анубисом), свидетельствует о *достаточном* уровне для того, чтобы быть допущенным в царство благословенных, Хор, взяв в руку табличку Тота, приводит его к Осирису, который в присутствии Исиды и Непти сидит на троне в своем дворце посреди вод”. По всей видимости, так же символически выглядела процедура оправдания делами и в самом Вавилоне; отсюда и такая сила написанного Всевышним на стене, где была предсказана гибель Бэлшаззара (Валтасара): “Тэкэл ты взвешен на весах и найден очень легким”. (Дан. 5:27) В системе персов, в большой степени заимствованной из Халдеи, принцип взвешивания и сравнения добрых и злых дел был очень хорошо развит. “Считается, что на протяжении трех дней после смерти, — пишет Вуа в книге “Nineveh and Persepolis”, где описывает доктрину персов относительно мертвых, — душа парит вокруг своего мертвого тела в надежде на воссоединение; на четвертый день является Ангел Сэрох и

ведет ее на мост Хиневад. На этом сооружении, которое, по их верованиям, соединяет небо и землю, сидит Ангел Справедливости и взвешивает дела смертных. Когда преобладают добрые дела, на мосту душу встречает сияющая фигура, которая говорит: “Я добрый ангел, я изначально был чист, но добрые дела сделали меня еще чище”. Затем он берет благословенную душу за шею и ведет ее в Рай. Если преобладают прегрешения, душу встречает ужасный призрак, который завывает: “Я — твой злой гений; я был изначально нечист, но твои прегрешения сделали меня еще отвратительнее; из-за тебя мы будем несчастны до самого воскресения”. После чего он тянет грешную душу в ад, где за ее грехи она будет мучима Ахриманом”. Такова доктрина персов. То же самое есть и в Китае. Епископ Хэрд описывает, как встречают душу в китайском аду, где посмертной душе являются различные фигуры: “Одна из них всегда держит весы, где на одной чаше лежат грехи, а на другой — добрые дела”. “Похожие мифы были и в греческой мифологии”, — добавляет Хэрд. А Сэр Дж.Ф.Дэвис так описывает действие принципа в Китае: “У человека как бы имеются дебиторский и кредиторский счета, на которые ежедневно записываются его добрые и злые поступки, а в конце года подбивается баланс. Если баланс в его пользу, то это служит основанием запаса добрых дел на следующий год; если против него, в будущем его нужно ликвидировать совершением добрых дел. Составляются различные сравнительные списки хороших и плохих поступков. Убийство человека приносит сто пунктов в минусе, а один акт милосердия дает один пункт в плюсе. . . Спасение жизни человека дает столько же положительных пунктов, как и отрицательных пунктов за отнятие жизни; говорят, что такой добрый поступок продлевает жизнь человека на двенадцать лет”.

Такой метод оправдания, с одной стороны, по самой своей природе крайне деморализующий, а с другой стороны, вызывает у людей противоречивые внутренние чувства. Ведь кто сможет наверняка сказать, насколько велик “запас его добрых дел”, чтобы они перевесили прегрешения человека. Насколько же отличается от этого содержащийся в Писании план Всевышнего по “оправданию верой” и “только верой, без дел закона”, абсолютно безотносительно от заслуг человека, просто и единственно благодаря “праведности Мессии, которая дана всем тем, кто в Него поверил”, избавляющая раз и навсегда “от всякого осуждения” тех, кто принял предложение Спасителя и верой соединился с ним. Нет воли нашего небесного Отца в том, чтобы кто-либо из Его детей пребывал в сомнении и темноте относительно жизненно важного вопроса о его вечном спасении. Даже настоящий святой, без сомнения, временами может испытывать сильнейшие искушения, но это вполне естественное состояние нормального верующего, того, кто знает полноту и свободу благословений Благой Вести мира. Для Своих детей Всевышний положил самое надежное основание: “Мы узнали любовь Господа Бога к нам и приняли

ее верой (1 Иоанна 4:16)”. “И я уверен, что ни смерть, ни жизнь, ни ангелы, ни силы ада, ни настоящее, ни будущее, ни высота, ни глубина — ничто во всем творении не может отлучить нас от любви Господа в Иисусе Христе нашем!” (Рим. 8:38–39) Этого не может сказать ни один из тех, кто “устанавливает свою собственную праведность” (Рим. 10:3), кто в любой форме ищет оправдания делами. Благословенная уверенность и утешение могут исходить лишь от простой веры и надежды на бесплатную и незаслуженную благодать Всевышнего, которая дается только через Мессию, неизреченный дар любви Отца. Именно это помогло духу Лютера, как он сам признался, “стать свободным как полевой цветок”, когда вопреки всем угрозам он противостоял всяким церковным прелатам и светским властелинам, осуждавшим его учение. Именно такая убежденность во все века давала мученикам веры силы переносить не только заточение, но и смерть. Именно она освобождает душу, восстанавливает настоящее человеческое достоинство, отсекает корни любым претензиям священников. Только такая вера производит жизнь, наполненную любовью и сердечной привязанностью к исполнению заповедей и законов Всевышнего. И когда подводит человеческая природа, когда царь ужасов подступает совсем близко, бедный, виновный человек с чувством собственной незначительности может сказать: “О смерть, где твоя победа? О смерть, где твое жало? Слава Господу Богу! Он даровал нам победу в Господе Иисусе!” (1 Кор. 15:55,57).

Во все века духовная деспотия, как папская, так и языческая, всегда проявляла свою крайнюю враждебность именно к такого рода уверенности во Всевышнем, такой уверенности в спасении. Ее (деспотии) главной целью всегда было удержать души своих приверженцев как можно дальше от прямого и непосредственного общения с живым и милостивым Спасителем и, в конечном итоге, от уверенности в Его милости. Цель была во внушении чувства необходимости в человеческом посредничестве, чтобы посредством этого утверждаться на руинах людских надежд и счастья. Принимая во внимание те усилия, какие папство прикладывает к упрочению учения о непогрешимости и сверхъестественной силе ее священников, их участию в возрождении и прощении грехов, можно было бы предположить, что все папские приверженцы должны радоваться в постоянной уверенности своего личного спасения. Но все обстоит как раз наоборот. После всех своих претензий на абсолютную власть, папство провозглашает постоянное сомнение в спасении человека, что на Тридентском Соборе было зафиксировано в виде отдельного постулата: “Ни один человек не может знать с непогрешимой точностью о том, *получил ли* он благодать Всевышнего”. Держать свою паству в постоянном сомнении и неуверенности относительно ее положения в вечности — это довольно хитрая тактика — “мудрая в веке сем”. В языческой системе только священник мог претендовать на знание того, куда перетянут весы

Анубиса. Исповедание было своего рода репетицией или, лучше сказать, пародией на страшное взвешивание перед судным престолом Осириса. Священник проводил суд на основании добрых и злых поступков своих прихожан. Его власть и влияние в значительной степени основывались на принципе рабского страха, и обычно он следил за тем, чтобы весы склонились в худшую сторону, чтобы паства была более послушна его указаниям по совершению добрых дел, необходимых для перевешивания злых. Поскольку только он сам судил о том, что это за такие добрые дела, то и предписывал их выполнение в соответствии со своими эгоистическими склонностями для усиления собственной власти и авторитета своих приказаний. Кроме того, что сам человек должен был совершать предписанные “добрые дела”, дополнительное бремя ответственности ложилось и на его наследников. Если бы кому-нибудь было позволено не сомневаться в будущем спасении, то после смерти такого человека священник оказался бы не у дел — его просто не позвали бы позаботиться о посмертном состоянии усопшего. В этом отношении католические священники во всех деталях скопировали поведение священников Анубиса, бога весов справедливости. При исповедании богатого или влиятельного человека они поворачивали дело так, что у человека обязательно оказывалась перевешенная чаша прегрешений. И они не давали ему ни малейшей надежды, пока тот щедро не осыпал деньгами их самих или их аббатство, или кого другого (что другое), удобное им. Тогда деньги оказывались в состоянии перевесить чашу с грехами. В письме исповедника французского короля Людовика XIV излагается метод достижения согласия развратного монарха на издание эдикта, инициировавшего жестокие преследования невинных гугенотов. Из письма видно, как страх перед весами Святого Михаила принес желаемый результат: “Много раз после того, — пишет хитрый иезуит, говоря о страшном грехе, в котором король был виновен, — много раз после того, как я выслушал его исповедь, я пугал его всеми муками ада, заставлял его воздыхать и трястись от страха, прежде чем отпустил ему грехи. Благодаря этому, я увидел, что он попал под мое влияние и согласился меня слушаться. Тогда я вновь повторил ему всю историю его греха, показал, насколько ужасен был грех, и что этот грех не может быть прощен, пока он не совершит какой-нибудь добрый поступок, чтобы *уравновесить* грехи и удалить совершенное злодеяние. В конце концов, король спросил меня, что ему следует делать. Я ответил, что он должен искоренить в своем королевстве всех еретиков”. Это и был “добрый поступок”, который следовало положить на чашу весов Святого Архангела Михаила, чтобы *перевесить* грех. Нечестивый король, терзаемый совестью, согласился совершить “добрый поступок”, и еретики были истреблены; король получил отпущение грехов. Только на тот раз, ведь потом ему пришлось делать еще множество других “добрых дел” для заглаживания новых грехов. Таким образом, как язычество, так и папство

дают людям пить “одурманивающее вино разврата” (Откр. 18:13). Язычество делает это при помощи весов Анубиса, а папство — при помощи весов Св.Михаила, что в точности соответствует описанию Ефрема, который “с неверными весами в руке любит обижать” (Осии 12:7). Египетский Анубис был в точности таким же, как и греческий Меркурий, - “богом воров”. И Св.Михаил в руках Рима в точности соответствует им. Он со своими весами и папской доктриной о заслугах превратили Католическую Церковь из дома Всевышнего в ничто иное, как в “вертеп разбойников”. Грабить людей ради денег — плохо, но несравненно хуже — отнимать у них еще и души.

Для получения доброго ответа на весах Анубиса древним язычникам для своего оправдания требовались не просто хорошие дела, если их так можно назвать, но дела в виде телесного воздержания и самоистязания, необходимых для избежания гнева богов. Весы Св.Михаила также должны быть уравновешены по такому же принципу. Католические священники учат, что когда грех прощен, то наказание еще не полностью отменено. Каким бы совершенным ни было прощение Всевышнего, которое посылается через священников, наказание, большое или маленькое, все равно остается, которое человеку необходимо претерпеть, чтобы “совершилась Божья справедливость”. Вновь и вновь уже доказывалось, что человек ничего не может сделать, чтобы удовлетворить требованиям справедливости Всевышнего, что человек безнадежно не соответствует требованиям этой справедливости, что ему совершенно “не нужно ничего платить”, более того, никому нет никакой нужды что-либо платить, потому что Мессия уже оплатил за всех тех, кто в Него верит, положил конец всякому греху и полностью выполнил все возможные требования справедливости по поводу наказания за нарушения закона. И при этом Рим настаивает на том, что, даже несмотря на раскаявшееся сердце, каким бы смиренным и искренним это ни было, каждый человек должен быть наказан за свои грехи, и что Всевышнему нельзя угодить без стонов и стенаний, терзаний плоти, мук тела, накладывания на виновного бесчисленных епитимий. (Bishop Nau. Sincere Christian.) Вот слова епископа Хэя: “Он абсолютно требует, чтобы мы *наказывали* себя за свою поразительную неблагодарность и выполняли требования Божественной справедливости за злоупотребления Его милостью”. Формы “наказаний” хорошо известны и описываются в данной книге.

Если посмотреть в Священное Писание, то такое извращенное требование самоистязания тем, за кого Мессия совершил полное и совершенное искупление, может показаться крайне странным; но, если посмотреть на истинную сущность бога, которого папство предлагает для поклонения своим обманутым приверженцам, то в этом не будет ничего странного. Этот бог — Молох, бог варварства и крови. “Молох” означает “царь”; а Нимрод был первым после потопа, кто нарушил патриаршую систему и

стал для своих последователей “царем”. Поначалу ему поклонялись как “явителю благости и истины”, но постепенно поклонение ему стало соотноситься с его темными и страшными чертами. Изначально имя “Молох” не означало ничего жестокого или ужасного; но теперь, как известно, ритуалы в его честь ассоциируются со всем самым страшным и отвратительным в истории человечества. Это имя стало нарицательным, синонимом кровожадности и жестокости.

Почти в каждой стране доминировал культ кровавых жертвоприношений. “Ужасающая жестокость” рука об руку шла с презренными суевериями, наводнившими не только “темные уголки земли”, но также и регионы, которые хвалились своим просвещением. Греция, Рим, Египет, Финикия, Ассирия и наша собственная страна (Британские острова) времен друидов в один и тот же исторический период одинаковым образом поклонялись одному и тому же богу. Человеческие жертвы были наиболее приемлемой формой жертвоприношений; человеческие стоны и крики были сладчайшей музыкой для ушей этого бога; человеческие муки, согласно вере его поклонников, приносили их богу радость и удовольствие. На его изображении в качестве символа “величия/власти” присутствует кнут. Именно этим кнутом его поклонникам нужно было бичевать себя во время некоторых из праздников в его честь. “После церемониальных жертвоприношений, — пишет Геродот, говоря о празднествах в честь Исиды в Бусирисе, — многие тысячи людей бичевали себя кнутами; но в чью честь это делалось, я не волен открывать”. Это наводит на мысль о том, что Геродот был связан клятвой человека, прошедшего инициацию какому-то богу. После тщательного исследования исчезают все сомнения относительно бога, “в чью честь” проводились самобичевания. В языческом Риме поклонники Исиды практиковали то же самое в честь Осириса. В Греции Аполлона, который отождествлялся с Осирисом, заезжие матросы, посещавшие его храм, умиловивляли похожими самоистязаниями. Мы уже увидели, что египетский Хор был всего лишь новым перевоплощением (инкарнацией) Осириса, или Нимрода. Геродот называет Осириса Аполлоном. Диодорус Сикулос писал: “Хор, сын Исиды, считается Аполлоном”. Похоже, что Уилкинсон в одном случае ставит под вопрос такое тождество Хора и Аполлоном; но в остальных случаях он признает, что история о том, как Аполлон “сражается со змеей Питон, очевидно, происходит из египетской мифологии”, где есть аналогичная легенда о том, как Хор пронзает змею копьем. Есть несколько причин, по которым такой вывод можно считать верным:

1. Хор, он же Осирис, был богом солнца, так же, как и Аполлон.
2. Осирис, которого представлял Хор, был великим Провидцем; а Аполлон пифийцев был богом оракулов.
3. Осирис (в виде Хора) был, согласно мифу, рожден во время пресле-

дования его матери врагами.

4. Хор, согласно одной из версий мифа, был, как Осирис, разрублен на куски (Plutarch, De Iside). В классических мифах Греции эта часть легенды обычно находится на заднем плане, а он показывается как победитель в поединке со змеей; но даже и в этом случае иногда говорится о его насильственной смерти: Порфирий говорит о том, что он был убит змеей, а Пифагор пишет о его нахождении в чреве дельфийского Трипоса (Bryant).
5. Хор был богом войны. Аполлон, согласно Лаярду, показывался похожим образом как бог с луком и стрелами, который, вполне очевидно, был вавилонским богом войны. У Аполлона был хорошо известный титул “Архитэнэнс” — “носящий лук”, что, несомненно, было заимствовано из того же источника. Фусс сообщает нам, что Аполлон считался изобретателем искусства стрельбы из лука, что отождествляет его со Стрельцом, чье происхождение мы уже рассматривали.
6. Наконец, из “Метаморфоз” Овидия мы узнаем, что до своей битвы с Питоном Аполлон использовал свои лук и стрелы исключительно для охоты на оленей и других животных. Все это достаточно убедительно доказывает его сильное отождествление с могущественным *Вавилонским Охотником*.

Кроме самобичевания со стороны идолопоклонников в качестве умиловительной жертвы-ритуала требовалось также нанесение порезов на теле. “Во время торжественного проведения Мистерий, — говорит Юлиус Фирмикус, — необходимо было придерживаться порядка, который был при смерти бога”. Осирис был разрезан на куски; поэтому для имитации его участи от поклонников бога требовалось делать надрезы на своем собственном теле. Отсюда и поведение священников Баала, когда Илия бросил им вызов, которые, чтобы умиловить своего бога и побудить его к совершению желаемого чуда, “кололи себя по своему обыкновению ножами и копьями, так что кровь лилась по ним” (3 Царств 18:28). В Египте население в целом хоть и любило прибегнуть к кнуту, но, похоже, неохотно использовало нож. И даже здесь многие на своем собственном теле имитировали расчленение Осириса. “Египетские кариане, — пишет в уже упоминавшейся книге Геродот, — во время этого торжества обходились с собою еще более жестоко и разрезали себя мечами”. Нет сомнения, что именно о таком поведении гласит одна из заповедей закона Моисея: “Ради умершего не делайте надрезов на теле вашем” (Левит 19:28). Такого рода надрезы на теле широко практикуются у индуистов при поклонении божествам и являются умиловительными ритуалами или дисциплинарными епитимьями. Хорошо известно, что они практиковались в ритуалах Бэллоны, “сестры” или “жены римского бога войны

Марса”, чье имя “Оплакивающая Бэла” ясно указывает на происхождение ее мужа, от которого римляне выводили свое генеалогическое древо (родословную). Каждый человек, умерший в вере, считался отождествленным с Осирисом и назывался его именем. (Wilkinson) “Священники Бэллоны, — пишет Лактантус, — приносили в жертву не кровь других людей, а свою собственную, они надрезали/кололи свои плечи и, размазывая обнаженными мечами, бегали и прыгали как безумные”.

В наиболее дикой форме такие жертвоприношения практиковались на гладиаторских боях, которые римляне, вопреки своей хваленой цивилизованности, так любили смотреть. Несчастные, обреченные на участие в таких кровавых зрелищах, обычно делали это не по своей доброй воле. Но сам принцип, по которому проводились такие зрелища, был таким же, который практиковали священники Баала. Они носили умилоостивительный характер. Фусс пишет, что “такие гладиаторские зрелища были посвящены Сатурну”; а у Аусониуса мы читаем, что “амфитеатры набирали гладиаторов, чтобы в конце декабря те своей кровью *умилоостивляли* несущего серп Сына Неба”. Вот что пишет Юстус Липсиус: “Где вы можете наблюдать, чтобы гладиаторы одновременно сражались во время Сатурналий и делали это для *умилоостивления* Сатурна.” Причина этому, как мне кажется, в том, что Сатурн входит не в число небесных богов, а в число inferнальных (адских). Плутарх в своей книге “Краткие повествования” говорит, что “римляне считали Кроноса подземным и inferнальным богом”. Нет сомнения, что это совершенно верно, поскольку имя Плутон — это лишь синоним имени Сатурн (“Скрытый”). Имя Плутон, по всей видимости, образовано от слова “лут” (прятаться, скрываться), которое при добавлении египетского определительного артикля превращается в “п-лут”. Греческое слово “взалт” (“нечто *скрытое*”), очевидно, образовано таким же способом. Аид — это еще один синоним того же самого имени.

Но в свете реальной истории исторического Сатурна мы находим более приемлемую причину для варварского обычая гладиаторских боев в Риме, когда на праздники под нож шли толпы людей. Если вспомнить, что Сатурн и сам был расчленен на куски, то легко увидеть возникновение идеи насчет того, чтобы жертвоприношения в его честь совершались в аналогичной форме, когда на день его рождения люди рубили друг друга на куски, лишь бы умилоостивить этого бога и заслужить его благоволение. Практически то же делали и те язычники, которые резали и бичевали самих себя, чтобы угодить своему богу и умилоостивить его и посредством этого создать запас “добрых дел”, которые потом можно было бы положить на весы Анубиса.

В папской системе епитимьи не только направлены на достижение таких же целей, но, по большому счету, они идентичны вавилонским. Я, вообще-то, не знаю, используют ли католики *ножи*, как это делали священники Баала; но определенно то, что они рассматривают пролитие

своей собственной крови в качестве умиловительной жертвы, которая приносит крайне благоприятное благоволение “Бога” и удаляет множество грехов. Пусть читатель посмотрит на то, чем занимаются в Ирландии в Ло Дэре пилигримы, которые ползают на коленях по острым скалам и оставляют за собой кровавые следы. А теперь скажите, есть ли принципиальная разница между таким поведением и нанесением себе порезов ножами? В том, что касается самобичевания себя плетками, последователи папства буквально заимствовали это у поклонников Осириса. Каждый слышал о флагеллантах (флагеллант — человек, занимающийся самобичеванием), которые публично бичуют себя на праздниках католической церкви и которые считаются святыми первой воды. В раннюю эпоху мессианской эры такие самобичевания считались чисто языческими. Афинагор, один из ранних христианских апологетов, высмеивал язычников за их веру в то, что таким вот способом можно искупить грех или умиловить Всевышнего. В Страстную Пятницу в Риме, Мадриде и других основных центрах римского идолопоклонства собираются многолюдные толпы, чтобы посмотреть на представление в виде избияния себя кнутами “набожными молящимися”, которые усердно бичуют себя плетками, пока кровь не начинает литься ручьями изо всех частей их тела. Они делают вид, что совершают это “для славы Христа” во время праздника, приуроченного ко дню его смерти, точно так же, как это делали поклонники Осириса на празднике, где оплакивали его смерть. Римские священники Сибилы делали то же самое.

Но может ли какой человек, по крайней мере получивший христианское просвещение, верить в то, что Благословенный Сын может считать такие ритуалы прославляющими Его, ведь они подвергают презрению Его совершенное искупление и выставляют Его “драгоценнейшую кровь” в свете того, что ей необходимы еще дополнительные вливания крови со спин несчастных и обманутых грешников? Такие жертвоприношения подходят только для поклонения Молоху и совершенно противоположны служению Мессии.

Не только в этом, но и во многих других отношениях обряды католической “Святой (страстной) Недели”, как они ее называют, вызывают в памяти ритуалы в честь великого вавилонского бога. Чем больше мы рассматриваем эти ритуалы, тем больше мы удивляемся поразительному сходству между ними и египетскими празднествами горящих ламп, а также другими обрядами огнепоклонников в самых разных странах. В Египте великая иллюминация имела место за гробницей Осириса в Саисе. В Риме в связи с массовым зажиганием свечей во время “Святой Недели” также фигурирует “гробница Христа”. На Крите, где находилась гробница Юпитера, для критян она была объектом для поклонения. Если католики не поклоняются так называемому “гробу Господня”, то они поклоняются тому, что похоронено внутри. Также есть все основания по-

лагать, что языческий праздник горящих ламп отмечался как часть традиции древнего огнепоклонничества. Похожая церемония есть и в Риме во время Пасхальной недели, в чем безошибочно узнается обряд огнепоклонства, где главным объектом поклонения является огненный крест. Вот как один католический автор 19-го столетия красочно описывает эту церемонию: “Опускание горящего креста с собора или гробницы Св. Петра особенно эффектно смотрится ночью. Все покрыто бесчисленными лампами, создающими впечатление одного сплошного огня. . . Вся церковь наполнена большим количеством людей из всех сословий и стран, от особ королевской крови до последнего нищего. Все они восторженно смотрят на горящий крест. Через несколько минут в Собор Святого Петра, где швейцарские гвардейцы охраняют специально отведенное место, входят Папа и его кардиналы. Престарелый Понтифик расprostирается перед *огненным крестом* в молчаливом поклонении. За ним склоняют колени и все присутствующие кардиналы, чьи торжественные облачения создают резкий контраст с их смиренными выражениями лиц”. Разве может быть более ярко выраженный и недвусмысленный акт огнепоклонства, чем это? А теперь посмотрите на это в связи со следующей цитатой из той же самой книги, где оба отрывка проливают свет друг на друга: “В Святой Четверг начались наши несчастья [от чрезмерного наплыва людей]. В этот бедственный день мы пришли в Сикстинскую часовню еще до девяти часов и увидели процессию, возглавляемую низшими чинами священства, за которыми шли державшие в руках длинные восковые свечи кардиналы, облаченные в великолепные одеяния, а в конце с непокрытой головой под покровом малинового балдахина шел сам Папа, несший в руках помещенную в коробку гостию, которая, как вам хорошо известно, является истинной плотью и кровью Христа. Он нес ее из Сикстинской часовни через внутренний зал в часовню Павла, где она была помещена в гробницу под алтарем. Я никак не мог понять, почему Христа следует хоронить до Его смерти, ведь распятие не имело места вплоть до Страстной Пятницы, следовательно, странно было видеть Его погребенным в четверг. Тем не менее, его тело лежало в гробнице во всех римских церквях, где практиковался этот ритуал, и оставалось там до полудня в субботу, когда, по причинам, известным только им, Он, якобы, воскресал из мертвых под грохот палящих пушек, трубный звук и звон колоколов, которые были тщательно привязаны на рассвете в Святой Четверг, чтобы в них не смог проникнуть дьявол”. Поклонение огненному кресту на Страстную Пятницу враз объясняет кажущуюся аномалию того, что “Христа” хоронят в четверг, а воскресает он в субботу. Все в порядке вещей. Ведь суббота по римскому календарю — это день Сатурна (Saturday), вавилонского бога огня, который, хоть и был inferнальным богом, являлся, как и Форонэус, великим “Избавителем”. Поэтому, вполне естественно, что бог папской религии, называемый именем Христа, воскресает в свой

собственный день — Dies Saturni (День Сатурна). Так писательница описывала события, которые она видела в 1817 и 1818 годах. Похоже, что с тех пор произошли некоторые изменения, вызванные, возможно, привлеченным ею вниманием публики к такой аномальности; поскольку граф Влодайский, бывший католический священник, посетивший Рим в 1845 году, сообщил мне, что в тот год воскресение (событие) отмечалось в субботу не в полдень, а в девять часов вечера. Возможно, что это было сделано для того, чтобы разница между практикой Рима и изложенными в Священном Писании фактами не казалась такой вопиющей. И все же факт остается фактом — воскресение Мессии отмечается не в Его день — воскресение (день недели), а в субботу, день Сатурна, бога огня!

а день до этого с весьма сильным пафосом поют “Miserere”, когда это произведение трудно слушать без волнения, и многие от эмоций даже падают в обморок. А что, если в основе этого лежит древняя песня Линусу, о чьей крайне трогательной и меланхоличной натуре писал Геродот? Определенно, это так. Значительная часть того пафоса, с которым поется “Miserere”, зависит от партии сопрано и вполне ясно, что ее происхождение восходит к Семирамиде, жене того, кто был историческим прототипом бога, чью трагическую смерть так патетически отмечают в разных странах. Семирамида, кроме всего прочего, известна еще и тем, что была изобретательницей пения, от которого берет начало современная партия сопрано.

Самобичевания, являющиеся важной частью епитимий, практикуемых в Риме вечером в Страстную Пятницу, в равной степени были важной частью ритуалов в честь известного бога-огня, откуда, как мы уже увидели, папство позаимствовало значительную часть своих ритуалов. Эти самобичевания “Страстной Недели”, взятые вкуче с другими церемониями этого периода, являются дополнительным свидетельством истинного характера бога, чью смерть и воскресение празднует Рим. Примечательно, что в центре того, что называется католическим христианским миром, важные ритуалы, практикуемые здесь, являются древними ритуалами халдейских огнепоклонников.

Часть III.

Жертва Мессы (Литургии).

Если возрождение через крещение и оправдание делами являются чисто халдейскими по происхождению, то и принцип, заложенный в “бескровной жертве” мессы (литургии), берет свое начало оттуда же. У нас имеются свидетельства, основательно доказывающие вавилонское происхождение самой идеи “бескровной жертвы”. От Тацита мы узнаем, что на алтарь Венеры Пафианской не разрешалось возливать никакой крови. Разрешалось возливать кровь другим богам, но алтари Венеры Пафиан-

ской должны были содержаться чистыми от крови. Тацит показывает, что Харуспэкс (гадатель храма Венеры Пафианской) был привезен с Киликии благодаря своим знаниям ритуалов, чтобы научить местных язычников, как правильно совершать их в соответствии, как верили, с волей самой богини. Киликийцы считались главными знатоками ее ритуалов. Тарс, столица Киликии, был построен ассирийским царем Сеннакерибом как открытое подражание Вавилону. Соответственно, похожей была и религия; и когда мы встречаем “бескровную жертву” на Кипре, где священники были из Киликии, то напрашивается вывод, что “бескровная жертва” пришла в Киликию из Вавилона. Такое предположение в значительной степени подкрепляется местами из Геродота, где он пишет об омерзительной вавилонской практике проституции девственниц в честь Милитты, имевшей место и на Кипре в честь Венеры. Свидетельство Паусания еще больше проясняет этот вопрос. “Около него, — пишет историк, говоря о храме Вулкана в Афинах, — находится храм Небесной Венеры, которой первоначально поклонялись Ассирийцы, а затем пафиане на Кипре и финикийцы, населявшие Аскалон в Палестине. А финикийцы научили священным ритуалам в честь этой богини и китерейцев”. Таким образом, ассирийская Венера, т.е. великая богиня Вавилона, и кипрская Венера были одной и той же богиней. “Бескровные” алтари пафианской богини указывают на вавилонское происхождение этой богини. В этом отношении царица-богиня Халдеи отличалась от своего сына, которому поклонялись сидящим у нее на руках. Он был, как мы уже рассматривали, жаждущим крови. Но она, милостивая и добрая мать, небесный “Голубь”, “надежда всего мира” (Вруант), ненавидела кровь и показывалась милостивой и доброй. Отсюда и ее вавилонское имя было Милитта, т.е. “Посредница”. “Милитта”, то же самое, что и “Мелитта”, — “посредница”, у халдеев ставшая “Мелитт”. В книге Иова (33:23–24) употребляется слово “мелиц” (посредник): “Если есть у него Ангел-посредник, один из тысячи, чтобы показать человеку его прямой путь, умилосердится над ним и скажет: освободи его от могилы; Я нашел умилоствление”.

Каждый, кто читает Священное Писание и видит, насколько четко оно говорит, что есть только “один Всевышний”, “один Посредник между человеком и Всевышним” (1 Тим. 2:5), то он должен изумиться тому, как вообще кому-либо могло прийти в голову возложить эту функцию “Посредницы” на Марию, как это сделано в католической церкви. Но сущность вавилонской богини Милитты объясняет это. В соответствии с характером Посредницы, она называлась Афродитой, т.е. “усмирительницей гнева”, которая, благодаря своему волшебству, усмиряла гнев Юпитера и смягчала самые расхордившиеся страсти среди богов и смертных людей. В Афинах ее называли Амарусия (Pausanias), т.е. “Мать милостивого принятия”. От халдейского “аф” (гнев) и “рада” (усмирять); “радиг” указывает на женское начало. От “ама” (мать) и “рэца” (милостиво принимать), что

в причастной форме звучит как “руца”. Паусаний выражает недоумение по поводу значения имени Амарусия в отношении Дианы: “Что касается этого имени, я не смог найти никакого удовлетворительного объяснения этому”. Но священный язык ясно показывает его значение.

В Риме ее звали “*Bona Dea*” (добрая богиня). Мистерии этой богини отмечались женщинами с особой секретностью. В Индии поклоняются супруге Вишну — богине Лакшми, “Матери Вселенной”, которая считается обладающей самым милостивым и добрым нравом; и этот нрав проявляется так же, как и у вавилонской богини. “Во время праздника Лакшми, — пишет Колман, — не приносятся никакие кровавые жертвы”. В Китае великие боги, от которых зависят судьбы человечества, в сознании людей представляются ужасающими; но есть еще богиня Куаньинь, “богиня милости”, которую китайцы Кантона воспринимают как аналог Римской Девы. Согласно верованиям, она смотрит на виновных людей со-страдательным взором и старается спасти несчастные души от мучений, на которые те обречены в мире духов. Она пользуется у китайцев особой популярностью. Этот тип богини-матери разошелся из Халдеи по всему миру. Теперь мы сможем лучше увидеть, как Рим представляет “Мессию”, “Агнца Всевышнего”: вместо смиренного и тихого сердцем, Который надломленной ветви не переломит и не угасит дымящегося льна, Который обращается со словами ласкового утешения ко всякому, кто находится в скорби и страдании, Который плачет по Иерусалиму и Который молится за своих убийц, Рим показывает Мессию в виде сурового и непреклонного судьи, перед которым грешник “валяется в пыли и при этом не уверен, будут ли услышаны его молитвы”. В то же самое время Мария выставляется в самом привлекательном и выигрышном свете как надежда виновного, как главное прибежище грешника. Мессия показывается как “оставивший мщение и суд Себе”, а “всю милость давший Своей Матери”! Этот извращенный принцип прославления сострадания и доброты матери за счет любящей природы Сына превалирует во всех стандартных католических требниках и наставлениях веры. Так, Св.Альфонс Ликуюри сообщает своим читателям, что грешник, осмелившийся напрямую обратиться к Мессии, может получить в ответ ужасное проявление Его гнева; что лучше обращаться за посредничеством Девы, которая упросит за грешника Сына, которой достаточно лишь “показать” Сыну “грудь, которую тот сосал” (Catholic Layman, July, 1856), и Его гнев мгновенно угаснет. Но где в Священном Писании содержится хоть намек на это? Уж точно не в ответе Господа Иисуса женщине, которая воскликнула: “Благословенна та мать, что родила Тебя и выкормила!” На что Иисус ответил: “Благословенны те, кто слышат слово Господа Бога и исполняют его” (Луки 11:27–28). Нет сомнения, что такой ответ был дан предвидящим будущее Спасителем, чтобы пресечь всякую мысль, подобную той, что выражена Ликуюри. И, тем не менее, такая мысль, не содержащаяся нигде в Писании и кото-

рую Писание недвусмысленно отвергает, была широко распространена в языческом мире. Так, мы находим точную параллель в индуистской мифологии в отношении бога Шивы и его жены Кали, когда этот бог является в виде маленького ребенка. “Шива, — пишет Лаинга Пуран, — явился в качестве ребенка на кладбище в окружении духов, и увидевшая его Кали (его жена) взяла дитя, приласкала и дала ему грудь. Он сосал нектароподобную жидкость, но стал *гневен*, и, чтобы его успокоить, Кали, прижимая его к груди, танцевала с ним среди мертвых в сопровождении гоблинов и демонов, пока тот не *умилостивился и не успокоился*. А в это время Вишну, Брахма, Индра и все боги кланялись ему и прославляли бога богов хвалебными гимнами”. В Индии Кали является богиней разрушения; но даже в мифе о богине разрушения проявляется сила богини-*матери*, которая умилостивляет разгневанного бога способом, пригодным только для *успокоения* капризного ребенка. Если индуистский миф показывает “бога богов” в таком упадочном свете, то не намного отличается от него и папская история о Сыне Благословенного, изображающая Его как ребенка, которого мать успокаивает, дав “сосать грудь”. Все это делается с одной целью — вознести Мать, показав ее как *более* милостивую и *более* сострадательную, чем ее Великий Сын. Именно так происходило в Вавилоне, что вполне согласуется с сущностью царицы-богини. Так, из Писания мы видим, что женщины в Иудее “кадили царице небесной и возливали ей возлияния, . . . делали ей пирожки с изображением ее и возливали ей возлияния” (Иеремия 44:19). Пирожки были “бескровной жертвой”, которой она требовала. Эта “бескровная жертва” со стороны ее поклонников не просто приносилась как часть ритуала, а являлась присягой на верность как составная часть мистерий.

В четвертом столетии, когда под именем Мария в христианской церкви началось поклонение царице небесной, была также принята и практика “бескровных жертв”. Эпифан пишет, что традиция приношения жертвы и последующего ее поедания основана женщинами Аравии; именно тогда она была широко распространена среди язычников. На происхождение католической бескровной жертвы может указывать сама ее форма. Это маленькая, тонкая, *круглая* облатка; и католическая церковь большое внимание уделяет ее *округлости*. Относительно облатки-бога уместно процитировать высказывание Джона Нокса, выраженное весьма своеобразно: “Если в процессе выпечки нарушается *ровная округлость*, то следует предоставить честь быть богом другим ее сестрам, а несчастную треснутую или выщербленную облатку, на которую когда-то возлагалась надежда того, что она станет богом, следует отдать ребенку в качестве игрушки”. Что побудило папство настаивать на “ровной округлости” его “бескровной жертвы”? Очевидно, что не описание Вечери нашего Повелителя, поскольку в ее описании ни слова не сказано о форме хлеба, который взял наш Повелитель, когда благословлял и ломал его, и который дал

Своим ученикам со словами: “Возьмите, ешьте, это Мое тело. Делайте так в память обо Мне”. Невозможно также узнать о форме хлеба из правил относительно хлеба, употребляемого на еврейский праздник Песах, поскольку в книгах Моисея об этом ничего не сказано. Но значение, которое Рим придает округлости облатки, должно иметь какие-то основания. И их мы найдем, если взглянем на алтари Египта. “На алтарях лежали тонкие, круглые лепешки”, — пишет Уилкинсон. Почти каждый незначительный элемент или предмет имели в египетской религии символическое значение. Круглый диск, так часто встречающийся на священных символах египтян, символизировал солнце. После того, как телесно воплотился и был рожден бог солнца Осирис, это значило, что он не просто должен был отдать свою жизнь в качестве жертвы за людей, но и то, что он должен был быть жизнью и пищей для человеческих душ. Общепризнано, что Исида была прототипом для римской Цереры. Но, следует заметить, что Церере поклонялись не просто как открывательнице зерна, ей поклонялись как *матери* зерна. Ребенок, которого она родила, был объектом для поклонения под именем “Хэ-Сири” (Семя) или, как его обычно называли в Ассирии, “Бар”, что одновременно значило “Солнце” и “Зерно” Человек, не прошедший инициации (посвящения), должен был почитать Цереру за дар материального зерна в качестве пищи для тела, а человек, прошедший инициацию, почитал ее за намного больший дар — пищу для души, за то, что она дала им божественный хлеб с небес, несущий в мир жизнь, “отдавав которого, человек никогда не умрет”. Понимает ли кто, что это — учение Нового Завета в чистом виде, где Мессия является “хлебом жизни”? От времени сотворения мира и от времени изгнания человека из Едемского сада не было и не могло быть духовной жизни ни в одной душе без поддержки и питания ее верой в Сына Всевышнего, в Котором “все, чем обладает Всевышний, по воле Всевышнего обитает и в Мессии” (Кол. 1:19), в Котором “по Его безграничной милости мы получаем одно благословение за другим” (Иоанна 1:16). Павел пишет, что манна, которую израильтяне ели в пустыне, была для них живым символом “хлеба жизни” (1 Кор. 10:3): “Они все ели одну и ту же *духовную* пищу”, т.е. пищу, предназначенную не только для поддержания естественной жизни, но для указания на Того, Кто является жизнью для их душ. Клемент Александрийский, которому мы в значительной степени обязаны многими современными открытиями, которые в наше время делаются в Египте, особо уверяет нас, что “тайные письма и символы египтян были *очень похожи на еврейские*”. Мы можем точно и определено доказать, что посвященные язычники действительно верили, что “Зерно”, которое Церера дала миру, было не земным “Зерном”, но “Сыном”, только через которого возможна духовная и вечная жизнь. Друиды были ревностными поклонниками Цереры,

и в своих мистических гимнах они называли себя “носителями колосьев зерна”. Вот описание того, как друиды воспринимали свое великое божество в виде “Зерна”. Это божество (мужского рода) изображалось, в одном случае, как по некоторой причине вызвавшее гнев Цереры и в ужасе бегущее от нее. В своем ужасе “он принял форму птицы и поднялся в воздух. Этот элемент не предоставил ему убежища, потому что Женщина в виде ястреба бросилась на него. Дрожа от ужаса, он увидел на земле горсть пшеничного зерна, бросился в нее и принял форму одного зернышка. Церидвэн (т.е. британская Церера) приняла вид черной курицы, опустилась на зерна, разгребла их и проглотила его. И, согласно мифу, она была беременна от него на протяжении девяти месяцев, после чего родила настолько прекрасное дитя, что не решалась его умертвить”. (“Song of Taliesin, Davies’s British Druids”).

Вполне очевидно, что в данном случае “зернышко” недвусмысленно отождествляется с “прекрасным дитем”; из чего дальше явствует, что Церера, в простонародье известная лишь как Мать “Бара” — “Зерна”, для посвященных была известна как Мать “Бара” — “Сына”. Теперь читатель сможет лучше понять всю важность изображения Небесной сферы “Девы с пшеничным колосом в руке”. Этот “пшеничный колос” в руке Девы является лишь еще одним символом ребенка на руках Матери-Девы.

Этот Сын, который символически представлялся как “Зерно”, в соответствии со священным оракулом великой египетской богини был воплощенным богом *солнца*: “Ни один смертный не поднял моего покрова. Плод, который я принесла — *солнце*” (Bunsen. Egypt).

Вполне понятно, что это воплощенное божество, которое символизируется как “хлеб Бога”, изображается также и как “круглая облатка”, которая отождествляет его с Солнцем. Пусть читатель внимательно прочитает следующий отрывок из Хэрда, где описываются украшения католического алтаря, на котором совершается сакрамент (таинство) освященной облатки, и тогда он сам сможет сделать соответствующие выводы: “На алтаре возле *сакрамент* помещается серебряная тарелка в форме солнца, которая ярко сияет в свете свечей”. Что делает это “сияющее Солнце” на алтаре возле “сакрамент”, или круглой облатки? В Египте в храмах был круг Солнца, вокруг которого изображались поклоняющиеся ему фараон со своей женой и детьми. В наши дни в одной пещере в Бабаине, что в Верхнем Египте, можно увидеть изображение принесения жертвы солнцу, где нарисованы два священника, поклоняющиеся изображению солнца.

В великом вавилонском храме вавилоняне поклонялись золотому изображению Солнца. В храме Кузко, в Перу, на стене был прикреплен сияющий золотой круг солнца, перед которым должны были поклоняться все входящие в храм. Пэоны из Тарса были солнцепоклонниками; и в

своим поклонением они молились на изображение солнца в виде круга, прикрепленного на вершине длинного шеста. В поклонении Баалу, которое практиковали израильяне-идолопоклонники во времена своего отпадения от истинной веры, также присутствовало поклонение изображению солнца, которое прикреплялось над алтарем. Когда праведный царь Иосия занялся исправлением ситуации, было сделано следующее: “И разрушили перед его лицом жертвенники Баалов и статуи (*изображения Солнца*), возвышавшиеся над ними; и посвященные деревья он срубил, и резные и литые кумиры изломал и разбил в прах”. Великий еврейский путешественник Бенъямин из Тудэлы приводит поразительное описание поклонения солнцу уже в сравнительно новое время, которое практикуется кушитами Востока. Из этого описания мы узнаем, что изображению солнца поклонялись перед алтарем, на который оно было помещено. “У них есть храм потомков Хуса, — пишет Бенъямин, — которые созерцали звезды. Они поклоняются солнцу как богу, и вся страна на расстоянии полмили вокруг их города наполнена величественными алтарями, посвященными ему. Рано утром они поднимаются и бегут из города, чтобы дожидаться восхода солнца, в честь которого на каждом алтаре присутствует его освященное изображение, только не в виде человека, а в виде искусно выполненного солнечного круга. По мере восхода солнца эти круги загораются огнем и издают громкий звук, а все мужчины и женщины, держа в руках кадила, курят солнцу фимиам”. Из отрывка видно, что изображение солнца над алтарем или на нем самом было общепринятым символом тех, кто поклонялся Баалу, или солнцу. И вот в так называемой христианской церкви на алтаре находится сияющая тарелка из серебра “в форме Солнца”, которому поклоняется всякий, кто склоняется перед алтарем, автоматически поклоняясь изображению “Солнца”.

Откуда, я спрашиваю, могло еще прийти такое, кроме как от древнего солнцепоклонства или поклонения Баалу? И когда на серебряное “Солнце” помещается круглая облатка, ровная округлость которой чрезвычайно важна для Римских Таинств, какое иное может быть ее значение, кроме как показать тем, кто имеет глаза, что облатка — это лишь еще один символ Баала, или Солнца. Если в Египте богу солнца поклонялись как “Семени”, или в Вавилоне как “Зерну”, точно так же облатка почитается и в Риме. “Хлебное зерно избранных, помилуй нас”, — так звучит во время Мессы одна из католических молитв, обращенная к облатке. И, по крайней мере, одним из настоятельных требований к тому, как облатка должна употребляться, является порядок, существовавший при поклонении древнему вавилонскому божеству. Те, кто ее едят, должны предвзято это абсолютным постом. Насчет чего существует очень строгое правило. Епископ Хэй, говоря на эту тему, заявляет вполне недвусмысленно, что “мы должны поститься, начиная с полуночи, и с двенадцати часов ночи нельзя ничего брать в рот, ни еды, ни питья, ни лекарства, пока не примем

таинство”. Если учесть, что наш Господь Иисус установил Святую Вечерю сразу же после того, как Его ученики съели праздничный ужин Пэсаха, то такое строгое требование по поводу поста выглядит очень странным. Но если посмотреть на это как на “бескровную жертву” мессы (литургии) в свете элевсинских таинств (мистерий), то все станет на свои места; ведь первый вопрос, обращенный к тем, кто приходил проходить инициацию, был: “А ты постился?” (Potter, Eleusiana), и, если кандидат не давал утвердительного ответа, инициация никак не могла состояться. Нет сомнения, что при определенных обстоятельствах пост является обязанностью верующего в Мессию; но ни буква, ни дух этого святого обычая не устанавливают в этом вопросе никаких строгих правил. Зато такие правила существовали в отношении проведения вавилонских мистерий, что ясно указывает на их заимствование католической церковью.

Примечательно, что бог, которого родила Исида, или Церера, и который был предложен ей в виде символа облатки или тонкой круглой лепешки как “хлеба жизни”, в действительности был свирепым, палящим Солнцем или ужасным Молохом. Но его символика “хлеба жизни” затмевала все ужасы его истинной сущности. В качестве такого символа он предлагается своей милостивой Матери, которая смягчает суд милостью и которой приписываются все духовные благословения. Он, благословляемый этой матерью, возвращается назад в качестве жертвы, как хлеб жизни, как пища для душ ее поклонников. Таким образом, Мать считалась самым любимым божеством. Именно по этой самой причине католическая Мадонна как “милостивая и благодатная Мать” полностью затмила собой своего сына.

Что касается языческого характера “бескровной жертвы” мессы (литургии), то об этом мы уже достаточно поговорили. Но следует упомянуть еще нечто, что еще сильнее проявляет действие тайны беззакония. На облатке есть буквы, на которые нужно обратить особое внимание. Там написано: I. H. S. Что означают эти таинственные буквы? Для католика эти буквы значат “Iesus Hominum Salvator” (Езус — Спаситель людей). Но для древнеримского поклонника Икиды (в эпоху Римской Империи в Риме было неисчислимо множество поклонников Икиды) эти буквы значили нечто другое, естественно, в соответствии с его идолопоклоннической системой — “Isis, Horus, Seb” (Исида, Хор, Сэб — Мать, Ребенок, Отец богов), другими словами — “Египетская Троица”. Можно ли представить, что такое совпадение случайно? Конечно же, нет. Тот же самый дух, который трансформировал праздник языческого Оанна в христианский праздник Иоанна Предтечи, при сохранении всего древнего язычества в нем хитроумно предусмотрел заранее то, что инициалы I. H. S. будут подобием христианской символики, тогда как в своей сущности это останется чистым язычеством.

Когда женщины Аравии начали принимать эту облатку и использо-

вать ее в качестве “бескровной жертвы”, все настоящие верующие сразу же увидели истинный характер их жертвы. Их объявили отступниками и назвали коллиридианами (от греческого названия употреблявшейся ими лепешки). Но папский Рим решил, что это отступничество можно использовать в своих целях, и, таким образом, несмотря на осуждение такой практики здоровой частью церкви, принял ее в качестве “бескровной жертвы”. И сегодня во всей католической церкви она является самым важным сакраментом (таинством), которое заменило собой истинную и простую Вечерю, которая была установлена Самим нашим Повелителем.

С “бескровной жертвой” мессы/литургии тесным образом связано и учение о пресуществлении, которое мы подробно рассмотрим в других главах этой книги.

Часть IV.

Соборование.

Последним из таинств, совершаемых папистами над живым человеком, является “соборование”, помазание его “во имя Господне”, с последующим исповеданием и отпущением грехов, чтобы подготовить его к последнему невидимому путешествию. Формально такое “соборование” умирающего объясняется повелением Иакова по поводу посещения больных; но если данное место внимательно прочитать, то в нем нельзя найти ничего, что обосновывало бы практику католической церкви в данном вопросе. Вполне очевидно, что это основывается не на традиции посланников Мессии, а пришло из совершенно иного источника. “Кто-то из вас болен? Пусть позовет руководителей Охолйау (Общины), чтобы те во имя Господа Иисуса помолились за него и помазали бы его маслом. Молитва, произнесенная с верой, может сделать больного здоровым: Господь Иисус Христос *исцелит его*” (Иакова 5:14–15). Вполне очевидно, что молитва и помазание предназначаются для исцеления больного. Ученики и посланники Мессии при создании Общины Мессии были наделены своим великим Царем и Главой необычной силой творить чудеса, чудеса, предназначенные только для их времени и направленные на подкрепление проповедовавшего ими слова, после чего все это должно было “прекратиться” (1 Кор. 13:8). Когда Иаков писал свое письмо, такая сила каждый день проявлялась “старшими в Собрании” для исцеления физических недугов людей таким же образом, как это делал Сам наш Повелитель. Римское “соборование” (дословно — “последнее помазание”), как гласит сам термин, *не* предназначается для этой цели. Оно не предназначается для исцеления больного, поскольку, согласно догматам католицизма, соборование можно проводить только тогда, когда не осталось никакой надежды на выздоровление, и смерть видимым образом стучится в двери.

Поскольку сущность соборования прямо противоположна помазанию

по Писанию, то оно должно было прийти из какого-то другого источника. Именно из того же самого, откуда папство позаимствовало и другие языческие обряды и ритуалы, которые мы уже рассматривали. Соборование очевидным образом пришло из халдейских мистерий.

Среди множества имен вавилонского бога было имя “Бээл-самэн” (Господин Небес), что является именем солнца и, конечно же, именем бога солнца. Но “Бээл-самэн” дословно переводится как “Господин Елея” и, очевидно, подразумевало “Мессию”. У Геродота есть место, где он подробно объясняет значение этого имени. Была некая особа женского пола, которая мечтала о том, чтобы солнце помазало ее отца. То, что солнце может кого-нибудь помазать, не кажется само по себе нормальной мыслью, но если имя “Бээл-самэн” (Господин Небес) означает также и “Господин Елея”, то такую мысль вполне можно допустить. Это также объясняет тот факт, что тело вавилонского Бэла сохранялось в его гробнице в Вавилоне до времен Ксеркса, плавая в масле/елее (Clericus, Philosoph. Orient.). И нет сомнения, что именно по этой же причине в Риме была “полая внутри и заполненная оливковым маслом статуя Сатурна” (Smith’s Classical Dictionary).

Оливковая ветвь, как мы уже увидели, была символом халдейского бога и имела такое же знаковое значение. Ведь масло, как и масличное дерево, так же, как и оливковая ветвь, знаково (символически) обозначали “сына оливкового масла” или “помазанного елеем” (Захария 4:12–14). По этой самой причине древние греки, приходя к своим богам с просьбами о смягчении их гнева и ниспослании милостей, старались задобрить их тем, что держали в руках оливковые ветви. Так как оливковая ветвь была одним из общепризнанных символов языческого мессии, чья основная миссия состояла в том, чтобы созидать мир между людьми и “Богом”, то, неся ветвь “помазанника”, они, таким образом, в поисках мира призывали “имя” этого помазанника. Равным образом, поклонники этого самого Бээл-самэна (Господина Небес) или “Господина Елея” получали помазание елеем во имя их бога. Было не достаточно того, что они получали помазание “слюной”; они также получали помазание самыми сильными магическими мазями и эти наркотические мази должны были возбудить их воображение и дополнить силу магических напитков, которые они пили. И все для того, чтобы они были готовы к видениям и откровениям, которые ожидали их во время Мистерий. Такие помазания маслом, по словам Сальвэрта, были весьма часты во время древних церемоний. Перед тем, как посоветоваться с Трофонийским оракулом, они натирали все тело маслом. Такое приготовление помогало достичь желаемого видения. Перед тем, как быть допущенными к Мистериям индийских мудрецов, Аполлоний и его спутник были помазаны настолько сильным маслом, что они чувствовали себя как бы погруженными в огонь. Это очевидно было помазанием во имя “Господина Небес”, чтобы приготовить их к при-

нятию созерцания его ужасающего присутствия. Та же самая причина, по которой помазание делалось перед инициацией (посвящением) в мистерии, имевшей место при жизни человека, логичным образом лежала в основе ритуала совершавшегося тогда, когда человеку предстояло встретиться уже не с видениями, но с “Мистерией мистерий”, лично войти в невидимый вечный мир. Естественно, что языческая система выработала свой институт “соборования” (Quarterly Journal of Prophecy, January, 1853). Перед проводами в последний путь язычники получали помазание. Это, по их верованиям, должно было духовно укрепить умирающего, снять с него чувство вины и помочь ему отразить нападки царя ужасов. Именно из этого источника, и только из него, в чем у нас нет сомнения, папство и заимствовало свое “соборование”, которое было абсолютно неизвестно среди верующих в Мессию до времен, пока порча не распространилась на всю Церковь.

Часть V.

Чистилище и молитвы об умерших.

“Соборование”, однако, было для обремененной грехами души, если иметь в виду смерть, не очень сильным облегчением. Неудивительно, что для тех, кто получил произведенное священником отпущение грехов, требовалось еще нечто большее в вечной перспективе. В каждой системе, кроме основанной на Священном Писании, существует доктрина о загробном чистилище и молитвы за мертвых. Куда бы мы ни посмотрели, в древность или в современное время, мы увидим, что язычество оставляет грешникам, которые в момент ухода из этого мира не заслуживали вечного блаженства, надежду после смерти. Именно по этой причине было изобретено среднее состояние, где посредством мук чистилища со временем вина удаляется, и душа может попасть в место вечного блаженства. В Греции учение о чистилище было введено самим главным философом. Так Платон, говоря о будущем суде над мертвыми, утверждает о надежде окончательного спасения для всех, но подчеркивает, что “из тех, кто будет судим, некоторым придется прежде отправиться в подземное царство, где они будут отбывать заслуженное ими наказание”, тогда как другие, получив на суде добрый ответ, будут сразу вознесены в определенные небесные сферы, где “станут проводить время так, как они жили на земле в человеческом теле”. В языческом Риме также существовало учение о чистилище, в котором, похоже, не было никакой надежды на избежание мук. Об этом довольно подробно писал Вергилий. В Египте культивировалась такая же доктрина о чистилище. Но после того, как эта доктрина о чистилище была внедрена в сознание большинства людей, открылись двери для разного рода злоупотреблений и вымогательств со стороны священников. Молитвы за умерших идут рука об руку с чистилищем; но никакие молитвы не

могут быть полностью эффективны без посредничества священников; и никакие священнические функции не могут быть исполнены, *пока не внесена специальная плата* за эти услуги. Таким образом, в каждой стране мы находим языческих священников, “пожирающих дома вдов” и наживающихся на нежных чувствах и горе родственников умершего, озабоченных вечным блаженством дорогого им человека, превращая их в предмет торговли. Изо всех мест поступают одинаковые свидетельства относительно их обременительного характера и расходов на все эти посмертные мероприятия. Одной из форм угнетения, от которой постоянно стонут бедные католики Ирландии, являются периодически повторяющиеся молебны, за которые им доводится платить, связанные со смертью одного из их домочадцев. Родственникам приходится не только платить за похороны и заупокойные службы. Семью умершего с этой же целью постоянно посещает священник (его посещения начинаются спустя месяц после смерти родственника), что влечет за собой громадные расходы.

Нечто похожее было и в Древней Греции. По словам Мюллера в его “Истории дорийцев”, “на тринадцатый день (после смерти) аргивяне приносили жертву Меркурию как проводнику мертвых”. В Индии существует множество обременительных заупокойных служб за умершего, и для обеспечения их эффективности требуются “приношения в виде скота, земли, золота, серебра и других вещей” со стороны самого будущего покойника по мере приближения его смерти; или, “если он слишком слаб, то от его имени со стороны другого человека” (*Asiatic Researches*). Где бы мы ни посмотрели, везде одно и то же. В Греции, по словам Суидаса, “самыми значительными и дорогостоящими жертвоприношениями были таинственные жертвоприношения, называемые Тэлэтэ”, жертвоприношения, которые, согласно Платону, “приносились за живых и мертвых и предназначались для освобождения их от всякого зла, в котором виновны покидающие этот мир люди”. В Египте требования священников относительно платы за похороны и заупокойные службы об умерших были далеко не скромными. “Священники, — пишет Уилкинсон, — заставляли людей выкладывать огромные суммы на организацию похоронных ритуалов; и многие из тех, кто с трудом сводил концы с концами, были озабочены тем, как отложить что-нибудь на день своей смерти. Ведь кроме процесса бальзамирования, что стоило иногда до таланта серебра (приблизительно 34 кг), нужно было покупать гробницу за невероятно большие деньги; кроме того, на имущество умершего находилось немало претендентов из числа тех, кто должен был совершать молитвы о его душе”. Дальше он продолжает: “Церемонии состояли из жертвоприношений, похожими на практикуемые в храмах, приносившиеся за умершего одному или нескольким богам (таким, как Осирис, Анубис и другим, связанным с царством мертвых); совершались каждения и возлияния; иногда читалась молитва, и при этом всем присутствовали родственники и друзья. Они также присоединяли свои молитвы к молитвам священни-

ка. Священник, который проводил погребальную церемонию, избирался из числа старшего священства, которые носили шкуру леопарда; но все остальные ритуалы, прежде чем после церемонии мумия погружалась в гробницу, совершались над телом одним из младших священников. Заупокойные церемонии повторялись с определенными интервалами до тех пор, пока семья покойного платила за них”. Так практически выглядело следование доктрине о чистилище и молитвах об умерших среди язычников. И в чем же существенном это отличается от применения на практике доктрины папского Рима? В том и в другом случае имеют место вымогательства. Учение о чистилище — это чисто языческий феномен, который ни на мгновение не выдерживает света Священного Писания. Для тех, кто умирает в Мессии, не требуется никакого чистилища, потому что “кровь Господа Иисуса, сына Господа Бога, очищает от *всякого* греха”. Если это так, то зачем тогда необходимо еще какое-либо очищение? С другой стороны, тем, кто умер без личного единения с Мессией и, вследствие этого, неочищенным, неоправданным и неспасенным, не поможет никакое другое очищение, потому что “имеющие Сына — имеют жизнь, а не имеющие Сына — не имеют жизни”, и никогда не смогут ее иметь. Исследуйте Писание, и вы увидите, что в отношении тех, кто “умер в своих грехах”, постановление Всевышнего необратимо. Таким образом, вся доктрина о чистилище — это система чистейшего язычества, хулящая Всевышнего и обманом завлекающая людей жить в грехах в надежде на их искупление после смерти, обманом вымогающая деньги людей на их спасение. В языческом чистилище присутствуют огонь, вода и ветер (что видно из стихов Вергилия), которые отмывают налет греха. В папском чистилище, начиная с дней Папы Григория, *огонь* является основным элементом очищения (Catechismus Romanus). Таким образом, огонь чистилища, который должен последовать после смерти, и являющийся воплощением принципа, содержащегося в зажигании очистительного огня костров Бала накануне дня Св.Иоанна, создает еще одно звено в цепи, связывающей систему католического Рима с системой Таммуза и Зорастра, главного бога древних огнепоклонников.

Если возрождение через крещение, оправдание делами, епитимьи в качестве орудия для удовлетворения требований справедливости Всевышнего, бескровная жертва мессы, соборование, чистилище и молитвы за мертвых берут свое начало в Вавилоне, то разве не справедливо называть римско-католическую систему разновидностью вавилонской системы?

Если вышеприведенные факты действительно правдивы, то, благодарение Всевышнему, мы освободились от такой системы благодаря Реформации! О, как велика благодать избавления от надежды на такую ложь! Когда мы размышляем обо всем этом, то, несомненно, чувствуем сострадание к обманутым рабам папской тирании, в то время как сами мы твердо стоим в свободе, которую нам дал Мессия, Который освободил нас, чтобы ни мы, ни наши дети никогда больше не были порабощены.

Глава V.

Ритуалы и обряды.

Часть I.

Идолские процессии.

Те, кто читал описание последней идольской процессии в столице Шотландии, изложенной в “Истории Реформации” Джона Нокса, не сможет с легкостью забыть ее трагикомический конец. По мере распространения света Благовестия папские идолы утратили свое очарование, и повсюду растет массовое отвращение к ним. “Статуи, — пишет историк, — свергали по всей стране. А в Эдинбурге был главный идол, называемый Санкт Гейле (святой-покровитель столицы), сначала утопленный в Норт Локе, потом сожженный, и принесший городу немало проблем”. Епископы требовали от городского совета либо “вернуть им старого Святого Гейле, либо за их счет сделать им новую статую”. Городской совет не мог сделать первого, а от второго варианта он категорически отказался, потому что члены совета были убежденными противниками греха идолопоклонства. Но епископы и священники были по-прежнему привержены своим идолам, и по мере приближения праздника Святого Гайлса, когда его статую обычно несли через весь город в составе праздничной процессии, они решили сделать все от них зависящее, чтобы привычная процессия состоялась, и с наибольшей пышностью. Для этой цели был использован обезьяний идол из запасов монахов-францисканцев, которого люди презрительно называли “Молодой Санкт Гейле” и который должен был послужить вместо старого. В назначенный день, пишет Ноу, “собрались священники, монахи, каноники. . . с рожками и трубами, флагами и вольтками. Процессию должна была возглавить сама Королева-регентша со всей своей свитой”. Пока Королева присутствовала на процессии, все было по сердцу священникам и их сторонникам. Но как только Ее Величество удалилась на ужин, тогда кто-то в толпе, наблюдавший за всем представлением недобрым глазом, “приблизился к идолу, как бы намереваясь помочь его нести, и подставил под ручки носилок свое плечо, как бы думая, что идол может упасть. Но ему помешали гвозди, которыми идол был прибит к основанию носилок. Тогда этот некто начал кричать: “Долой идола, долой идола!” Статуя без промедления была стянута на землю. Первоначальная гордость священников за своего святого-покро-

вителя исчезла, когда они увидели, как их бога кто-то схватил за ступни и с размаху ударил головой о мостовую, оставив Дагона без головы и без рук, при этом приговаривая: “Тьфу на тебя, молодой Санкт Гейле, твой отец выдержал бы четыре таких удара”. Увидев это, священники и монахи побежали прочь с невероятной скоростью. Очевидцы говорят о последовавшей после этого потасовке, редко встречающейся среди людей нашего королевства, ибо наземь полетели кресты, стихари и прочие церковные атрибуты. Монахи-францисканцы широко разевали рты, монахи-бенедиктинцы пыхтели, священники тяжело дышали и убегали, и счастлив был тот, кто первым добрался домой целым и невредимым, ибо до сих пор таких тумачков не получало ни одно из поколений Антихриста”.

Среди людей, которые начали изучать и принимать Слово Всевышнего, такая идольская процессия не могла вызвать ничего другого, кроме как негодования и презрения. Но в землях, находящихся под папским влиянием, где люди пребывают в темноте, такие процессии являются излюбленным мероприятием, посредством которого католическая церковь привязывает к себе свою паству.

Здесь можно наблюдать длинные процессии со статуями на плечах людей, со священниками в пышных одеждах, со множеством монахов и монахинь в различных чинах; все это украшено флагами и сопровождается инструментальной музыкой. И все это направлено на то, чтобы произвести впечатление на плотские умы, угодить любви к яркому и живописному, вызвать облагороженные религиозными названиями и именами эмоции, чтобы посредством всего этого держать людей в узах своей духовной деспотии. Понятно, что папство издавна прибегало к таким пышным шествиям. По радостным случаям оно старалось освятить всеобщее ликование и возбуждение, вызванные процессиями в честь идолов; в скорбных случаях оно использовало те же самые методы для еще большего вовлечения людских масс в свои скорбные процессии, как будто сила плача может предотвратить гнев справедливого в своих судах Всевышнего, которого такое поведение оскорбляет. Папа Григорий, обычно называемый Великим, ввел в католической церкви такие религиозные процессии в большом масштабе. В 590 году, когда Рим тяжелой рукой Всевышнего был поражен чумой, он призвал людей публично выразить свое единение в прошении к Всевышнему, назначив на рассвете всеобщий сбор молящихся в составе *семи различных групп* в соответствии с возрастом людей, *полом* и социальным положением, когда они должны были повторять молитвы по пути своего следования к месту всеобщего сбора. Они так и поступили, прошествовав с песнопениями и повторением слов “Господи, помилуй нас” и неся, по твердому повелению Григория, статую Девы. Сама идея такой процессии была оскорблением небесного порядка; ибо подразумевала, что Всевышний, который есть Дух, “видит глазами из плоти”, и которого можно тронуть яркостью и живописностью подобного

представления, что случается с чувственными смертными. Эксперимент имел совсем не сильный успех. Во время этого мероприятия на протяжении часа восемьдесят человек упали наземь и испустили дух. И это было названо “самым прекрасным способом” устранения гнева Всевышнего во времена всенародного бедствия. “Если бы подобное бедствие, — пишет Др. Уайзмэн об индийских катастрофах, — постигло наших предков в дни католицизма, то можно было бы увидеть заполненные людьми улицы города (Лондона), по которым во всех направлениях двигались бы скорбные процессии, вопиющие как Давид, когда мор поразил его народ”. Если в данном случае сравнение с Давидом имеет хоть какой смысл или значение, то выходит, что Давид во времена бедствий и мора возглавлял какие-либо “скорбные процессии”. Но доктор Уайзмэн знает или должен знать, что Давид не делал ничего подобного, что его скорбь и покаяние выражались никак не через процессии, и тем более не через идольские процессии, “как в дни наших предков-католиков”, к которым нас призывают вернуться. Такая нелепая ссылка на Давида направлена на охмурение тех, кто не читает Священного Писания, когда процессии подаются в качестве основанной на Писании практики. Газета Times, комментируя рекомендации папских представителей, попала в самую точку. “Исторически эта идея, — пишет газета, — достаточно проста и стара. Ее мы находим у Гомера — в процессиях Гекубы и женщин Трои к святилищу Минервы, находившемуся в городском акрополе”. Это случилось во время осады Трои, когда все бежали от Диомеда, и взятие гордого города казалось неминуемым. Для предотвращения казавшейся очевидной беды для города троянская царица получила божественное указание “возглавить процессию главных троянских матрон по направлению к храму Минервы”, где “они наполнили святилище умоляющим плачем”. Вот он, прецедент “скорбной процессии”, связанной с поклонением идолам, примеры которой тщетно искать в жизни Давида или любого другого из ветхозаветных святых мужей.

Религиозные процессии, и особенно процессии со статуями, по поводу торжества или печали являются абсолютно языческими. В Слове Всевышнего мы находим только два примера, когда с Его разрешения совершались процессии, но если сравнить цели этих процессов с общеизвестными католическими, то разница будет очевидна — между ними нет никакой аналогии. Эти два случая — семидневное хождение вокруг Иерихона и процессия, во время которой ковчег Всевышнего был перенесен из Кириат-иерима в город Давида. В первом случае хоть и употреблялись символы поклонения Всевышнему, они не предназначались для религиозного поклонения, но были чудесным орудием ведения войны в момент, когда должно было проявиться знамение силы Всевышнего. В другом случае это было просто перенесение ковчега, символа присутствия Господа, из места, где он на протяжении длительного времени находился в неиз-

вестности, в место, которое сам Всевышний избрал для его пребывания; и для такого случая вполне уместной была определенная религиозная торжественность. Но это были лишь два исключительных случая, которые ничего общего не имеют с католическими процессиями, составляющими существенную часть папского церемониала. Но хоть Писание ничего не говорит о религиозных процессиях, являющихся дозволенным способом поклонения Всевышнему, оно не раз упоминает о языческих процессиях, которые также сопровождались несением статуй; и оно вполне очевидно показывает неразумность тех, кто ожидает чего-то доброго от богов, которые сами не могут самостоятельно перемещаться с места на место. Вот как говорит о вавилонских богах пророк Исаия: “Высыпают золото из кошелька и весят серебро на весах, и нанимают серебряника, чтобы он сделал из него бога; кланяются ему и повергаются перед ним; поднимают его на плечи, несут его и ставят его на свое место; он стоит, не двигается со своего места; кричат к нему он не отвечает, не спасает от беды” (Исаия 46:6–7). В Ниневии на гробницах изображены такие вот идолские процессии, когда идолов люди носили на плечах, что одновременно является визуальной иллюстрацией слов пророка и настоящих корней папских процессий. В Египте практиковалось то же самое. “В процессиях с участием священных реликвий, — пишет Уилкинсон, — обычно несли статую того божества, в чью честь организовывалась процессия, а также статуи царя и его предков, которых одинаковым образом несли на плечах”.

Но не только процессии вообще отождествляются с вавилонской системой. У нас есть данные, что эти процессии своими корнями восходят к временам катастрофических событий в жизни Нимрода, которому мы уже уделили достаточно много внимания. Уилкинсон говорит, что “Диодорус упоминает об эфиопском фестивале Юпитера, когда во время процессии несли его статую, возможно, для воспоминания о том, что в этой стране нашли убежище боги египтян, которые приходили в Эфиопию”. Место из Диодоруса, на которое ссылается Уилкинсон, не очень понятно говорит о цели, для которой в Эфиопии ежегодно носили статуи Юпитера и Юноны (Диодорус со статуей Юпитера упоминает также и статую Юноны), которых египтяне ежегодно приносили в Эфиопию и по прошествии некоторого времени их нахождения в этой стране опять относили назад в Египет. Но, если сравнить это с другими древними отрывками, цель процессий вырисовывается весьма четко. Евстафий говорит, что “согласно некоторым источникам, эфиопы приносили статуи Зевса и других богов из великого храма Зевса в Фивах. С этими статуями они в определенное время ходили в Ливию и отмечали пышный праздник двенадцати богов”. Поскольку праздник назывался эфиопским праздником и именно эфиопы приносили и уносили идолов, это свидетельствует о том, что идолы были, по всей вероятности, эфиопскими идолами. А мы уже знаем, что Египет

был под властью Нимрода, а впоследствии — под властью кушитов или эфиопов. И когда в Египте на время было покончено с идолопоклонством, идола были перенесены в Эфиопию, землю Куш, что и отмечается торжественно каждый год и что является естественным результатом временного подавления введенного Нимродом идолопоклонства.

В Мексике мы находим описание точной копии этого эфиопского праздника. Там в разное время из страны во время траурной процессии выносились идола, как бы прощаясь с ними, а затем, спустя некоторое время, их приносили назад с бурным выражением радости и ликования. В Греции мы находим весьма сходный праздник, который, будучи связан с эфиопским праздником в Египте, был, с другой стороны, в тесной связи с покаянной процессией Папы Григория. Поттер упоминает “дельфийский праздник в честь *странствия* Аполлона”. В главе под названием “Аполлония” мы читаем: “После того, как Аполлон победил Питона, он в сопровождении своей сестры Дианы пошел в Эгиалею, но, встретив там угрозы, бежал на Крит. После этого эгиалейцы были поражены эпидемией чумы. Жрецы посоветовали им обратиться к двум оскорбленным божествам с просьбой о прощении, для чего послали к ним с просьбой о возвращении *семь* юношей и столько же девственниц. (Здесь мы имеем типичный пример “Семикратной литании” Папы Григория.) Аполлон и Диана приняли их почтительно, . . . и с того времени установился обычай назначать семь юношей и семь девственниц, которые должны возглавлять торжественную процессию с целью имитировать хождение за возвращением Аполлона и Дианы, что продолжалось до времен Паусания”. Битва Питона с Аполлоном в Греции имеет свое зеркальное отражение в виде битвы Тифона и Осириса в Египте или, другими словами, борьбы Сима/Шема с Нимродом. Таким образом, мы видим истинное значение и происхождение эфиопского праздника в честь того, когда эфиопы уносили богов из египетских храмов. Этот праздник, очевидно, восходит к временам предания смерти Нимрода, после чего идолопоклонство долго не отваживалось открыто проявляться, за исключением разве что самых рьяных приверженцев “Могучего охотника” (которых можно было найти среди его сородичей — семьи Куша), и все идолопоклонники с большим плачем и рыданием спасались бегством, неся на плечах своих богов. В память об этом подавлении идолопоклонства и его несчастливых последствий в виде бегства от гонений первая часть праздника, как мы показали на примере Мексики и Греции, состояла из процессии скорбящих, после чего скорбь превращалась в радость, что является воспоминанием о счастливом возвращении тех изгнанных богов и возобновления поклонения им. Воистину, достойный пример происхождения “Семикратной литании” Папы Григория и папских процессий.

Часть II.

Поклонение мощам.

Ничего не является настолько характерным для католицизма, как поклонение мощам. Всякий раз, когда открывается новая часовня или освящается храм, эта процедура не может считаться завершенной, пока в них для освящения храма/часовни не будут помещены мощи какого-либо святого (святой). Останки святых и гнилые кости мучеников составляют значительную часть богатства Церкви. В отношении таких реликвий совершались самые гнусные обманы и надувательства; и о их чудотворной силе рассказывались самые несусветные небылицы, что подкреплялось высоким авторитетом так называемых отцов Церкви. Даже Августин при всей его философской пронизательности и горячем рвении против любой формы лживого учения был глубоко поражен низменным духом поклонения мощам. Достаточно прочесть место из его знаменитой книги “Град Божий”, и не будет предела удивлению, как это Рим сделал из него святого и установил поклонение ему. Возьмем несколько отрывков из историй, которыми он подпирал доминировавшие в его дни заблуждения: “Когда епископ Проектиус принес мощи Св. Стефана в город, называемый *Aquae Tibiltinae*, толпы людей вышли почтить их. Среди них была слепая женщина, просившая людей подвести ее к епископу, который держал *святые мощи*. Ей помогли, и епископ дал ей несколько цветков из числа тех, что он держал в руках. Она взяла их, приложила к своим глазам, и тотчас ей вернулось зрение, так что она быстро прошла перед взорами собравшихся людей, и ее уже не нужно было вести”. В дни Августина официальное “поклонение” мощам еще не было установлено, но уже практиковалось молитвенное обращение к святым, которым мощи принадлежали, и все это происходило с высочайшего одобрения епископа города Гиппо. О чем имеется соответствующая красноречивая история. “В городе Гиппо жил бедный, но святой человек по имени Флорентиус, зарабатывавший на жизнь портняжным ремеслом. Однажды он потерял свою куртку и был не в состоянии купить другую взамен. Тогда он пошел к находившемуся в этом городе храму Двадцати Мучеников и стал громко молиться им, прося у них послать ему другую одежду. По дороге домой его окружила толпа глупых мальчишек, которые насмехались над ним и спрашивали у него, не выпросил ли он пятьдесят монет на покупку новой куртки. Бедняк тихо брел домой, и по дороге он проходил берегом моря, где увидел большую рыбу, которую волны выбросили на берег. Рыба еще дышала. Другие люди, бывшие тут же, разрешили ему взять эту рыбу, которую портной принес к повару Катосусу, доброму христианину, который купил рыбу за три сотни монет. На них бедняк купил шерсть, которую дал жене для валяния, чтобы потом из получившегося сукна сшить новую куртку. А когда повар разрезал рыбу, он нашел у нее в брюхе золотое кольцо. Его совесть

подказала ему отдать это кольцо бедняку, у которого он купил рыбу. Что он и сделал со словами: Вот как Двадцать Мучеников тебя одели!” История о рыбе и кольце — это старая египетская история (Wilkinson). Катосус, “добрый христианин”, по всей видимости, был инструментом священников, которые могли позволить себе дать ему кольцо, чтобы вложить его в брюхо рыбы. Это должно было привлечь особое внимание людей к храму Двадцати Мучеников. Люди пошли в храм и понесли с собой деньги, что с лихвой окупало издержки на “чудо”.

Вот так великий Августин насаждал поклонение мертвецам и почитание их “чудотворным” мощам. У “глупых детей”, которые “насмехались” над молитвами портного, похоже, было больше здравого смысла, чем у “старого святого портного” или у епископа. Если в пятом веке люди, исповедывавшие христианство, еще только прокладывали дорогу поклонению разного рода хламу и гнилым костям, то в более ранние века, еще до появления поклонения святым и мученикам, в языческом мире всю процветала точно такая же форма поклонения. В Греции суеверное отношение к останкам, особенно к костям обожествленных героев, было неотъемлемой частью всеобщего идолопоклонства. Работы Паусания, греческого исследователя древней истории, полны упоминаний об этом суеверии. Например, кости троянского героя Гектора бережно хранились в Фивах. “Они [жители Фив], — пишет Паусаний, — говорят, что кости Гектора были принесены сюда из Трои как исполнение следующего пророчества оракула: “Фивяне, живущие в городе Кадмус, если вы хотите жить в своей стране и быть благословенны многочисленным богатством, то перенесите кости Гектора, сына Приама, из Азии к себе и почитайте героя во славу Юпитера”. Можно привести еще множество подобных примеров из работ этого же автора. Кости бережно хранили и почитали везде, где верили в их чудотворную силу. От ранних времен буддистская система поддерживалась при помощи мощей, которые “совершали чудеса” точно таким же образом, как это делали мощи Св.Стефана или “Двадцати Мучеников”. В книге “Махавансо”, одном из основных стандартов буддийской веры, упоминается о почитании мощей Будды: “Останки победителя врагов должны быть помещены в специальное хранилище и быть вносимы в собрание священников. К ним нужно обращаться с такими словами: “Дела, которые должен был совершить я, будут завершены в этих мощах”. Кто не слышал о Туринской плащанице и ее выставлении на обозрение людям? Точно такой же обычай бытовал и в отношении Святого Покрова Будды: “Вслед за тем племянник Нага Раджи простер свою руку по направлению Дупатупо (святилища), в котором лежала одежда, оставленная Буддой, которую принц Сиддхатто по своему принятии сана священника сделал реликвией и выставил на обозрение людей”. Этот “Священный Покров” Будды был, вне сомнения, таким же “подлинным”, как и “Туринская Плащаница”. Сходство на этом не прекращается. Несколь-

ко лет назад Папа поднес своему возлюбленному сыну, Францу Иосифу Австрийскому, в качестве знака особого благоволения и уважения “зуб Святого Петра”. Точно так же почитаются среди буддистов и *зубы* Будды. “Царь Дэваса, — говорит буддийский миссионер, которого послали на Цейлон к Радже, чтобы привести несколько частей мощей, — царь Дэваса, у тебя имеется правый клык от мощей (Будды), а также правая берцовая кость божественного учителя. Повелитель Дэваса, не колеблясь, прими решение спасти землю Ланки”. Чудотворная сила этих мощей проявляется в следующем: “Спаситель мира (Будда), даже после своего отшествия в Париниббанан (или окончательное освобождение — т.е. после его смерти) при помощи телесных остатков совершал множество совершенных поступков ради духовного утешения и физического процветания человечества”. В журнале *Asiatic Researches* промелькнуло одна любопытная заметка по поводу этих мощей Будды, что прекрасно раскрывает истинное происхождение этой древней формы буддистского поклонения: “Кости и конечности Будды были разбросаны по всему миру, как и останки Осириса и Юпитера. Найти и положить их в усыпальницу было первейшей обязанностью их потомков и последователей. На основании сыновнего почтения каждый год проводятся воображаемые ритуальные поиски этих останков, проходящие со старательно имитируемой скорбью и печалью, пока, наконец, священник торжественно не объявит о том, что священные мощи найдены. Такой ритуал до сегодняшнего дня совершается несколькими тартарийскими племенами, придерживающимися религии Будды. Поклонение костям Сына Духа неба присуще также некоторым китайским племенам”.

Таким образом, вполне очевидно, что поклонение мощам — всего лишь часть тех самых церемоний, которые были направлены на поминание трагической смерти Осириса (или Нимрода), расчлененного, как помнит читатель, на четырнадцать частей, которые были разосланы во многие пораженные его отступничеством и лживой верой регионы, чтобы вызвать страх у всех тех, кто хотел бы последовать его примеру. Когда же отступники вновь обрели былую силу и власть, первое, что они сделали, это начали поиски останков расчлененного тела главного предводителя идолопоклонства, чтобы положить их в гробницу для последующего поклонения им. Вот как описывает эти поиски Плутарх: “Будучи знакомым с этим событием [т.е., расчленением Осириса], Исида возобновила поиски разрозненных частей тела ее мужа, когда она села в папирусную лодку и поплыла в нижнюю болотистую часть страны. . . Причина, по которой в Египте имеется такое большое количество гробниц Осириса, заключается в том, что везде, где были обнаружены части его тела, они были захоронены прямо на месте; правда, есть мнение, что это было изобретением царицы, которая подарила каждому из этих городов статую своего мужа, чтобы, если Тифон вдруг победит Хора в предстоящем состязан-

нии, он не сможет найти настоящую гробницу. Исиде удалось найти все разрозненные члены за исключением одного, который был съеден рыбами *lepidotus* и *oxyrhynchus*, по причине чего они вызывают у египтян отвращение. Для компенсации этого недостающего члена она освятила Фаллос и учредила праздник в его честь”. Это не только вскрывает истинное происхождение поклонения мощам, но и показывает, что умножение мощей может претендовать на самое древнее происхождение. Если, таким образом, Рим может похвалиться имеющимися у него шестнадцатью или двадцатью священными плащаницами, из которых семь или восемь принадлежали Св. Матфею, а две или три — Св. Петру, то это не более того, чем повторение египетской практики в отношении мощей Осириса. Египет был покрыт гробницами своего бога-мученика; и в различных, конкурирующих между собой местах, хранилось множество ног, рук и черепов, которые назывались подлинными и предлагались для поклонения верующим египтянам. Причем, эти египетские мощи считались не просто священными сами по себе, но и *освящали саму землю*, в которой они были погребены. На этот факт указывает Уилкинсон, когда цитирует Плутарха: “Храм бога в Абидосе был особенно почитаем и считался настолько священным, что люди, живущие на некотором расстоянии от него, с большим трудом могли получить разрешение на постройку своей посмертной гробницы поблизости храма, чтобы они смогли упокоиться в *земле, освященной гробницей* этого великого и таинственного божества”. Если эти места, где хранились мощи Осириса, считались особенно священными, то легко увидеть, что это естественным образом породило паломничество, которое весьма часто встречается среди язычников. Нет нужды рассказывать читателю о том, какое значение придает Рим такого рода паломничествам к могилам святых и как в Средние Века это служило одним из излюбленных методов очищения от греха, когда для этой цели предпринимались паломничества к могилам Св. Яго ди Компостеллы в Испании или к “Гробу Господня” в Иерусалиме. В Священном Писании нет и тени намека на такое явление, как паломничество к могилам святых, мучеников, пророков или апостолов. Всевышний повелел так похоронить тело Моисея на равнинах Моаба, чтобы ни один человек никогда не узнал место его погребения, что, вполне очевидно, было сделано с тем, чтобы не допустить и мысли о паломничестве к его остаткам. Если принять во внимание то, откуда вышел народ Израиля и те египетские привычки и мысли, которые он усвоил, что хорошо видно на примере золотого тельца, и учитывая то почтение к Моисею и мудрости Всевышнего, которая через него проявлялась, то не трудно предположить, что у израильтян возникло бы такое желание. В земле, в которой Израиль так долго жил, каждый год проводились большие и торжественные паломничества, часто доходившие до крайне разнузданных пиршеств. Геродот сообщает нам, что во время таких ежегодных паломничеств толпы па-

ломников доходили до 700 тыс. человек и что вина выпивалось больше, чем в любое другое время года. Уилкинсон так описывает похожее паломничество в Филе: “Кроме проведения в Филе великих мистерий, в определенное время имела место великая церемония, когда священники в составе торжественной процессии посещали его могилу и осыпали ее цветами. Плутарх даже утверждает, что в любой другой период вход на остров, плавание мимо него или ловля рыбы поблизости этой *освященной земли* были запрещены. Похоже, что процессия состояла не только из священников из близлежащей к могиле местности, но была воистину общенародным паломничеством, потому что, по словам Диодора, “гробница Осириса в Филе почиталась всеми священниками Египта”. У нас нет достаточно подробной информации из первых рук о поклонении мощам в Ассирии или Вавилоне, но у нас есть данные о том, что, поскольку под именем Осирис в Египте поклонялись вавилонскому богу, то и его собственной стране к его останкам было такое же суеверное почтение. Мы уже увидели, что, когда вавилонский Зороастр умер, заговорили о том, что он добровольно отдал свою жизнь в качестве жертвы и что он “завещал своим соотечественникам сохранить его останки”, предупредив их, что в случае невыполнения его предсмертной заповеди под вопрос будет поставлена судьба всей империи. Соответственно, из Овидия мы узнаем, что спустя многие годы “Буста Нини” (“Гробница Нина”) была одним из памятников Вавилона. Если сравнить смерть и мнимое воскресение лживого мессии со смертью и воскресением истинного Мессии, можно увидеть разительный контраст. Когда умер лжемессия, его тело было расчленено и его кости были рассеяны по всей стране. А после смерти истинного Мессии Всевышний позаботился о том, чтобы Его тело находилось в одном месте и в точности исполнилось пророчество о том, что “ни одна Его кость не будет переломлена”. И опять-таки, когда лжемессия якобы воскрес, он воскрес в *новом* теле, а старое тело со всеми его членами оставил лежать, что показало, что его воскресение не более чем обман и мошенничество. А вот когда истинный Мессия силой Всевышнего был воскрешен из мертвых и вышел из старательно охранявшейся армией неверующих римских солдат могилы, в которой тело не было найдено, даже не было никаких попыток сфальсифицировать нахождение тела. Воскресение Мессии, таким образом, существенно отличается от мнимого воскресения Осириса. И что касается тела Мессии, естественно, не может быть никаких его мощей. Однако Рим в подражание вавилонской системе восполнил их отсутствие мощами святых. И сегодня повсюду, где практикуется папское поклонение, можно увидеть поклонение мощам Св. Петра и Св. Павла, Св. Фомы и Св. Лаврентия, точно так же, как это происходило в Египте с останками Осириса или Зороастра в Вавилоне.

Часть III.

Одевание и увенчание статуй.

В Римско-католической церкви одевание и увенчание коронами статуй является важной частью установленного церемониала. Священные статуи выставляются не как обычные статуи, где одежда изготовлена из того же материала, что и сама статуя, а их одевают в одежду, которую носят обычные смертные из плоти и крови. На их облачения часто тратятся огромные суммы денег; а те, кто дарит статуям роскошное убранство, верят, что заслужат от них особое расположение и стяжают большой запас “добрых дел”. Так, в сентябре 1852 г., когда герцог и герцогиня Монтпенсьер отмечали какое-то важное событие, они не только “выделили средства для бедных в размере 3000 реалов”, но, “кроме всего прочего”, проявили особую набожность, “подарив Деве великолепное, вышитое золотом платье с белыми кружевами и серебряную корону”. Где-то в это же время и похожим образом проявила свое религиозное рвение и распутная королева Испании, возложившая к ногам Царицы Небесной платье и драгоценности, которые она носила во время предшествовавших празднований, а также платье, которое она носила во время покушения на нее убийцей Мерино. “На мантии, — пишет испанский журнал *Espana*, — остались следы раны, а мех горноста на мантии был запачкан драгоценной кровью Ее Величества. В корзине (в которой лежали платья) были также драгоценности, которые украшали голову и грудь Ее Величества. Среди них было бриллиантовое ожерелье, настолько изысканное и блистательное, что оно казалось сделанным из одного сплошного самоцвета”. Все это выглядит как порядочное ребячество и выставляет человеческую натуру в самом унижительном свете; но при этом, все это — лишь копия древнего языческого поклонения. Такое же самое одевание и украшение богов пришло в свое время в Египет, и такая высокая привилегия разрешалась исключительно священным особам. В древнем литературном памятнике мы находим описание таких привилегий: “Главным священникам и жрецам, имеющим доступ к святыням, разрешается одевать богов. . .” “Одевание богов” занимало такое же важное место в священных церемониях и в древней Греции. Пausаний так упоминает о подарках для Минервы: “И потом Лаодицея, дочь Агапэнора, послала в Тэгею покров для Минервы Алеанской”. Надпись на этом приношении одновременно указывает и на происхождение Лаодицеи:

“Лаодицея с божественного Кипра
Своей широко раскинувшейся родной земле
Посылает этот покров в дар Минерве”

Когда Гекуба, царица Трои, в уже описанном примере получила указание возглавить покаянную процессию, проследовавшую по улицам Трои

по направлению к храму Минервы, ей было сказано идти не с пустыми руками, но нести с собой приношения в виде самых изысканных одежд и украшений. И царица в точности исполнила это повеление.

Несомненно, есть поразительное сходство между набожностью царицы Трои и набожностью королевы Испании. В древние времена язычества под покровом одежды богов крылась тайна. Если богу или богине нравилось, когда их одевали, значит, некогда в их жизни было время, когда они испытывали большую нужду в одежде. Да, можно определенно установить, о чем уже частично говорилось, что прообразами великих языческих бога и богини были реальные люди. Факты из истории их жизни переплелись с идолопоклоннической системой поклонения им. Им поклонялись как воплотившимся в теле богам, чьи предшественники в результате катастрофического падения утратили всю свою прежнюю славу и величие, и понадобилась божественная рука, чтобы прикрыть их наготу специально приготовленной для них одеждой. Я не могу привести здесь тщательно выверенные доказательства данного вопроса, но давайте обратимся к упоминанию Геродота по поводу ежегодной церемонии, которая практиковалась в Египте, заключающаяся в заклании барана и одевании *отца богов* в его шкуру. Сравните это с содержащимся в книге Бытия описании одевания “Отца человечества” в одежду из овечьей шкуры. После того, как мы рассмотрели обожествление мертвых, разве могут быть сомнения относительно того, что ежегодно отмечалось? Когда Нимрода разрезали на куски, его, естественно, раздели. Его нагота отождествлялась с наготой Ноя и, в конечном итоге, с наготой Адама. Страдания Нимрода выставлялись как добровольное принесение себя богом в жертву ради блага человечества. Таким образом, нагота “Отца богов”, чьим воплощением он был, также считалась добровольным актом самоунижения. Когда его страдания и унижения закончились, одежда, в которую он был облачен, стала считаться особой священной одеждой, присущей не только ему, но и всем тем, кто проходил обряд инициации во время посвященных ему мистерий. В священных ритуалах в честь вавилонского бога имели место обнажение и одевание, как это было в истории его жизни. Все это теперь символически повторялось поклоняющимися ему людьми, когда, по словам Фирмикуса, посвящаемые должны были пройти через все то, что прошел сам их бог. Прежде всего, будучи должным образом подготовленными магическими ритуалами и церемониями, в сокровенных местах храма они ввергались в состояние абсолютной наготы. Об этом писал Прокл: “Говорят, что во время самых священных таинств мистики поначалу встречаются с имеющими многие обличия злыми демонами, которые мечутся перед богами, но становящихся неподвижными во внутренних помещениях храма, обездвиженные таинственными ритуалами, они принимают в себя божественный свет и, *лишенные своих одежд*, присоединяются к божественной природе”. Когда иницируемые просветляются

таким образом и становятся сопричастниками “божественной природы”, после того, как они лишаются своей одежды, их одевают вновь, и одежда, в которую их одевают, считается “священной одеждой”, обладающей необычными свойствами. “Одежда из шкуры”, которую Всевышний дал Отцу человечества после того, как тот остро почувствовал свою наготу, была, по мнению многих теологов, типичным символом величественной праведности Мессии — “одеждой спасения”, которая “дается всем тем, кто верит”. Во время мистерий одежда надевается на посвящаемых после того, как с них снята прежняя одежда, что является подделкой (имитацией) того же самого (одежды спасения, даваемой истинным Мессией). “Одежды посвящаемых во время Мистерий, — пишет Поттер, — считались священными и способными ограждать от воздействия злых духов и колдовских заклинаний и чар. Их никогда не выбрасывали, прежде чем они полностью не ветшали”. И, конечно же, при возможности хоронили также в этих “священных одеждах”. Так, Геродот, говоря о Египте, откуда происходят мистерии, сообщает нам, что “религия” предписывала, чтобы мертвых одевали в эти одежды.

Свойства “священных одеяний” в деле спасения и избавления от зла в невидимом и вечном мире занимают значительное место во многих религиях. Так персы, у которых основные элементы их религии заимствованы из халдейского зороастризма, верят, что “садра, или священное облачение”, играет существенную роль в “сохранении отошедшей души от нападок со стороны Ахримана (или дьявола)”, и считают, что пренебрегающие таким “священным облачением” обрекают свои души на страдания; из-за чего такие души “издают самые ужасающие и истошные крики” в результате мучений, причиняемых им “разного рода рептилиями и вредными животными, которые атакуют их зубами и жалами, ни на мгновение не давая передышки”.

Что могло привести человечество к приписыванию таких свойств “священным одеждам”? Если предположить, что это — всего лишь извращение “священной одежды”, которую надели наши прародители, то все становится ясно. То же самое проливает свет на бытующее в папстве суеверие, которое другим образом просто необъяснимо, и которое в средние века подвигало многих людей в поисках спасения от грядущего суда завещать хоронить себя в монашеском одеянии. Быть погребенным в монашеском одеянии, что сопровождалось письмами, в которых умерший выражал желание принять монашество, считалось гарантией избавления от вечного проклятия! В “Символе веры Пьера Пахаря” описывается монах, который выманивает деньги у бедняка под предлогом того, что если тот отдаст их его монастырю, то: “Сам Святой Франциск облачит тебя в свои одежды и приведет тебя в присутствие Троицы, и заплатит за твои грехи”.

В силу того же суеверия король Англии Джон был погребен в сутане монаха. Многие королевские и дворянские особы, до того, как их про-

светил свет Реформации, и подумать не могли о лучшем способе покрыть свои нагие и оскверненные грехом души, чем завернуться в одежду какого-нибудь монаха или отшельника, такого же нечистого и грешного, как и они сами. На примере всех этих лживых уловок, практикуемых папством в такой же степени, что и в язычестве, взятые вкупе с одеванием святых в одной системе и с одеванием богов — в другой, показывают, что с тех пор, как грех вошел в мир, человек всегда испытывал нужду в большей праведности, чем у него была, чтобы покрыть свою греховность, и что было время, когда все земные племена знали, что была лишь одна праведность, способная это совершить, — это “праведность Всевышнего”, явленная в “явлении Всевышнего во плоти”.

С “одеванием статуй святых” тесно связано и их “увенчание/коронование”. На протяжении последних двух столетий в папском мире все больше и больше проводятся торжественные увенчания “святых статуй”. Несколько лет назад во Флоренции с необычайной пышностью и торжественностью была “увенчана короной” статуя Мадонны с ребенком на руках. Этот обычай также восходит к языческим ритуалам в честь Бахуса или Осириса. Точно так же, как Нимрод был первым царем после Потопа, так и Бахус считался первым из тех, кто стал носить корону”. Плиний. Hist. Nat. Под именем Сатурна то же самое приписывается и Нимроду.

Когда, однако, он попал в руки своих врагов и был лишен всего своего величия и власти, с него сняли и корону. В Египте специально отмечали “падение короны с головы Осириса”. Эта корона в различные времена представлялась разными способами, но в самом известном мифе об Осирисе она показывается как “венчик из мелиота”. Мелиот — это разновидность клевера, а клевер в языческой системе был символом “Троицы”. Среди трактарианцев наших дней клевер используется в таком же символическом значении, как это на протяжении длительного времени практикуется у католиков. Так, в кощунственном изображении (14 век) того, кто именуется “Бог Отец”, мы видим его с короной с тремя зубьями, на каждом из которых возвышается листок белого клевера.

Но задолго до того, как стали известны трактарианизм и католичество, клевер уже был священным символом. Лист клевера среди древних Персов был крайне важным символом. Об этом упоминает Геродот, когда описывает ритуалы персидских волхвов: “Если какой-нибудь перс намеревается сделать приношение богу, он приводит животное к освященному месту. Затем, разделив жертву на две части, он варит мясо и кладет его на самые нежные травы, особенно *клевер*. После чего волхв — без волхва не может быть совершена никакая жертва — поет священный гимн”. В Греции клевер в той или иной форме также занимал важное место. Так, скипетр Меркурия, проводника душ, назывался “рабдос трипетелос”, т.е. “трилистный скипетр”. Среди

британских друидов лист белого клевера высоко почитался как символ их триединого бога и был заимствован из того же самого вавилонского источника, что и вся их религия. Венок из клевера, которым была увенчана голова Осириса, был короной “Троицы” — “короной всей земли”, как об этом провозгласил при его рождении божественный голос: “Родился Господин всей земли”. Этот “венок из клевера”, эта корона власти над миром упала “с его головы” перед его смертью, и, когда он опять вернулся к жизни, корона опять должна была быть возвращена на его голову, а его владычество над миром торжественно провозглашено вновь. Отсюда, таким образом, происходит торжественное увенчание/коронование статуй великого бога, а также возложение на его алтарь “жеребейки” (повязки/венка вокруг головы) как дань его восстановленному “владычеству”. Но если короновался великий бог, то и великая богиня также должна была получать подобные почести. Таким образом, была придумана легенда о том, что когда Бахус перенес свою жену Ариадну на небеса, то в качестве знака высокого звания он возложил на ее голову корону, и воспоминание об этом короновании жены вавилонского бога живо до наших дней в виде кольца, называемого *Ariadnoea corona*, или “корона Ариадны”. Это, вне сомнения, является подлинным источником папского ритуала коронования статуи Девы.

На основании того факта, что венок из клевера занимал такое значительное место в мифе об Осирисе и что на алтарь возлагалась “жеребейка”, а его гробница “увенчивалась” цветами, возникла весьма распространенная в язычестве традиция украшения алтарей богов разного рода “жеребейками” и множеством цветов. Вместе с этой причиной украшения алтарей цветами была и другая. Это связано с тем, что все собранные Прозерпиной (Персефоной) цветы были утеряны, и эта потеря оплакивалась не только ею самой, но и отмечалась ритуальным плачем в Мистериях как значительной утратой, утратой, которая не просто лишила ее духовного величия, а уничтожила плодородие и красоту самой земли. Овидий. *Метаморфозы*. Овидий говорит о слезах Прозерпины, которые она пролила на разорванную сверху донизу тунику, когда все собранные ею цветы упали на землю. Для непосвященных это ничего не значит, разве что девичью глупость. Но посвященные знали о плаче Цереры по поводу этих цветов и немедленно последовавшим за этим проклятием земли. (Здесь разговор идет о похищении Прозерпины-Персефоны Аидом, который, согласно мифу, схватил ее в то время, когда молодая девушка собирала с подругами на лугу цветы.)

Но эта утрата была с лихвой восполнена женой Нимрода под именем Астарта или Венеры. Таким образом, когда священная “жеребейка” утратившего корону бога вновь торжественно возлагалась на его голову и на его алтарь, на алтарь также возлагались цветы, которые когда-то потеряла Прозерпина, как знак благодарности матери благодати и благодсти за ее

красоту и временные благословения, которые земля получала на время ее нахождения на земле. (Согласно мифу, Прозерпина временно приходила на землю из подземного царства Аида, а затем опять уходила назад.). Именно из этого источника папство заимствовало традицию украшения алтаря цветами. Если рассматривать данную традицию в непосредственной связи с ее первоисточником, то, несомненно, что люди, имеющие хоть какое-нибудь чувство истинной веры в Мессию, должны покраснеть при одной только мысли об этом. Это не только противоречит посланию Евангелия, которое требует, чтобы всякий поклоняющийся Всевышнему, Который есть Дух, “поклонялся Ему в духе и в истине”, но и является прямым символом тех, кто ликовал при восстановлении язычества в противовес истинному поклонению живому и истинному Творцу.

Часть IV.

Молитвы по четкам и культ Святого Сердца.

Каждому известно, как тщательно каждый католик использует четки и как приверженцы Рима механически повторяют заученные молитвы. Четки, однако, не являются изобретением папства. Они пришли из древности и почти повсеместно встречаются среди языческих народов. Четки использовались как универсальный инструмент среди древних мексиканцев. Они широко используются брахманами Индостана, и упоминания о них постоянно встречаются в священных книгах индуизма. Так, в связи со смертью Сати, жены Шивы, описывается такая сцена: “Услышав о случившемся, Шива от горя упал в обморок, затем, придя в себя, он привел в движение берега небесной реки, где он хранил тело своей возлюбленной Сати, облаченной в белые одежды, и держащей в руках четки, и сияющей великолепием блистающего золота”. На Тибете четки использовались с незапамятных времен, равно, как и среди миллионов жителей Востока, которые придерживаются буддистской веры. Следующий отрывок из записок сэра Джона Ф. Дэвиса показывает, как четки используются в Китае: “В ламаистских регионах Тартара четки из 108 камешков являются частью церемониальной одежды девяти официальных степеней существующей иерархии. Эти четки представляют из себя спускающееся к пояснице ожерелье с камнями и кораллами величиной с голубиной яйцо. Ценность драгоценных камней указывает на важность носящей их персоны. Есть и маленькие четки из восемнадцати камней меньшего размера, перебираемые при молитвах точно так же, как это делается у римо-католиков. В Китае светские люди иногда носят их на поясе, умастив их мускусом, из-за чего они называются хенг-чу, т.е. пахучие камешки”.

В азиатской Греции четки также широко использовались, что видно из изображений Дианы Ефесской. В языческом Риме было то же самое. Ожерелья, которые носили римские женщины, были не просто украшением,

но, как и современные четки, свисали на грудь. На способ их применения указывает их название. “Mopile” — общепринятое название четок — переводится не иначе, как “то, что напоминает”. Сама идея такого специфического предмета для напоминания является чисто языческой. Подразумевается, что определенное количество молитв должно повторяться на регулярной основе, и совсем забывается о том, что Всевышнему нужно не их количество, а расположение сердца, ведь только язычники “думают, что будут услышаны благодаря своему многословию”. У католиков четки в латинском произношении еще называются розарии (лат. *rosarium*). Слово, по всей очевидности, образовано от халдейского “ро” (“мысль”) и “шаре” (“указатель”).

В католической церкви издавна распространен такой сравнительно недавний тип поклонения, как “Молитвы к Святому Сердцу”. Этот ритуал показывает, что заимствование папством вавилонских обычаев продолжается и в новые времена. Прошло совсем немного времени после введения в церкви поклонения “Святому Сердцу”, и сейчас оно уже является излюбленной формой поклонения. Это же имело место и в древнем Вавилоне, что явствует из практиковавшейся в Египте вавилонской системы. Там также существовал культ “Святого Сердца”. Когда-то “Сердце” было одним из священных символов Осириса, когда он родился вновь и явился в качестве Харпократа, или бога-ребенка, на руках у его матери Исиды. Согласно Бунсэну, имя “Харпократ” означает “ребенок Хор”.

Плоды египетского священного дерева под названием “персея” по форме похожи на “человеческое сердце”. Вот почему ребенок-бог часто изображался держащим в руке сердце или сердцевидный плод персеи.

Согласно книге Джона Бэлла “Картинная галерея Флоренции”, в античные времена мальчик-божество повсюду изображался одинаково. Говоря о статуе Купидона, он пишет, что это “белокурый, полный, толстенький, кругленький мальчик в движении, отбрасывающий назад сердце”. Поэтому мальчик-бог стал считаться “богом сердца”, другими словами, Купидоном, или богом любви. Для отождествления этого младенца-божества со своим отцом — “могущественным охотником”, его снабдили “луком и стрелами”; а в руках поэтов к удовольствию широкой публики этот игривый мальчик-бог стал изображаться пронзающим сердца людей стрелами с золотыми наконечниками. Однако его истинный характер, как показывает сказанное выше, был совсем и совсем другим. Он был “семенем женщины”. Венера и ее сын Купидон, таким образом, были ни чем иным, как Мадонной и ребенком. Если посмотреть на предмет разговора в таком свете, то проясняется настоящее значение слов Вергилия, которые тот вкладывает в уста

Венеры, когда она обращается к юному Купидону: “Мой сын, моя сила, чья могущественная сила контролирует Громовержца на его неприступном троне”.

Мы уже знаем, что сила и слава Матери-Богини была полностью основана на божественном характере ее Сына. Однако почему Сын был назван “силой” своей Матери? То, что мальчик-бог, чьим символом было сердце, считался богом детства, подтверждается древнеримскими источниками. Кэннэт в своих “Древностях” пишет, что римская молодежь в свои ранние годы носила полый внутри, ниспадавший с шеи золотой кулон в форме сердца под названием *bulla*. Баркер в своей работе о Силиции, признавая, что римская “булла” имела форму сердца, дальше пишет: “Обычно после рождения ребенка его называли по имени какого-нибудь божества, которое, якобы, должно было стать его покровителем; но это имя действовало только на протяжении младенчества, после чего булла снималась”. Кто еще мог быть богом, под чье покровительство вверяли римских детей, как не бог, известный под многими именами, чей отличительный знак они носили, и который, хоть и считался великим и могущественным богом войны, показывал себя также в виде маленького ребенка.

Похоже, что почитание “святого сердца” распространилось и в Индию, ведь тамошний бог-посредник Вишну в одной из своих форм носит на ступне отметину от раны, от которой он впоследствии умер и по поводу чего ежегодно проводятся плачи, носит на груди подвешенное сердце. Возникает вопрос: “Каким образом это самое *сердце* стало общепризнанным символом Ребенка и его великой Матери?” Ответ таков: “Сердце” по-халдейски звучит как “бэл”, как и имя одноименного бога, а поскольку при первоначальном появлении вавилонского идолопоклонства оно по причинам секретности было окутано пеленой тайны, то истинное значение слов скрывалось за символами, известными только посвященным (прошедшим обряд инициации)”. Таким образом, поклонение “Святому Сердцу” было лишь символом поклонения “Святому Бэлу”, этому могущественному вавилонскому богу, который умер как мученик за распространение идолопоклонства; поскольку Харпократ, или Хор, ребенок-бог, считался рожденным вновь Бэлом. То, что это именно так, показывает место из “Орфических гимнов”, приводимых в книге Тейлора: “Когда Бахус с восхищением рассматривал себя в зеркало, его разорвали на куски Титаны, которые, не ограничившись первоначальной жестокостью, сварили его члены в воде, а затем поджарили их на огне. Но как только они начали есть приготовленное таким образом мясо, Юпитер, привлеченный исходящим запахом, разгневался на жестокость их поступка и начал метать на Титанов громаы и молнии, а останки тела отдал Аполлону, брату Бахуса, чтобы тот похоронил их надлежащим образом. После этого Дионисий (т.е. Бахус, чье сердце во время разрывания тела забрала и сохранила Минерва) опять появился в *новой возрожденной жизни* и, будучи восстанов-

лен к своей прежней жизни и целостности, впоследствии был причислен к сонму богов". Это ясно показывает святость сердца Бахуса и что возрождение его сердца имело именно то значение, о котором я говорю: новое рождение (или реинкарнация) Нимрода или Бэла. Когда же Бэл был вновь рожден как ребенок, он, как мы уже увидели, стал считаться воплощением (инкарнацией) солнца. Поэтому, чтобы указать на его связь с горящим и палящим солнцем, "святое сердце" часто изображается как "горящее сердце". Таким образом, культ "Святого Сердца" католического Рима в действительности является культом горящего сердца, что видно из обращенных к нему молитв. Этот культ "Святого Сердца", которое католики называют "Сердцем Иисуса", в действительности заимствован из культа вавилонскому Антихристу, а приписываемые этому "Иисусу" атрибуты являются не атрибутами живого и любящего Спасителя, а настоящими атрибутами древнего Молоха или Бэла.

Часть V.

Лампады и восковые свечи.

Еще одной особенностью папского поклонения является использование лампад и восковых свечей. Когда статуи Мадонны и ребенка помещают в специальную нишу, перед ними всегда должна гореть лампада; во время мессы (литургии), даже если она проводится и при ярком дневном свете, на алтаре всегда должна гореть восковая свеча; если проводится массовая процессия, она не может считаться полностью и правильно организованной без наличия горящих длинных и тонких восковых свечей. Использование всех этих лампад и свечей восходит к тому же самому источнику, что и остальные папские суеверия. То, что заставило "Сердце", когда оно стало символом воплотившегося "Сына", изображаться как горящее сердце, потребовало наличия горящих лампад и свечей в качестве части поклонения тому же самому "Сыну"; ведь именно этого требовал установленный ритуал поклонения богу солнца Зороастру. От каждого египтянина требовалось в определенный вечер зажигать на открытом воздухе перед своим домом лампаду, что было выражением поклонения солнцу, которое уничижило свою сияющую славу, приняв образ человека. Когда в наши дни езиды Курдистана раз в год отмечают праздник "горящих ламп", это также делается в честь "Шэйх Шемс", или Солнца. Все это, кроме того, что практиковалось в больших масштабах как общенародное поклонение, делалось также и в меньших масштабах как личное поклонение человека его богу, когда человек зажигал свечи и лампы перед своим любимым идолом. В Вавилоне такая практика была чрезвычайно широко распространена, о чем мы узнаем из апокрифической Книги Баруха: "Они (вавилоняне) повсеместно зажигают перед своими богами лампы, что они делают также и лично для себя, ставя зажжен-

ные лампы богам, которые могут их видеть не больше, чем деревянные балки дома”. В языческом Риме практиковалось то же самое. Например, языческий император Лициний перед битвой со своим соперником Константином собрал в лесу совет из своих друзей, где принес жертвы своим богам, “зажигая перед ними восковые свечи”. Его действия сопровождались речью, где он намекал своим богам, что если те не даруют ему победу над Константином, их и его врагом, то ему придется перестать им поклоняться, и что он больше “не станет зажигать в их честь восковых свечей”. В языческом Риме во время соответствующих языческих процессий также широко фигурировали восковые свечи. Доктор Миддлтон, ссылаясь на Апулея пишет: “В этих торжествах участвовали старейшины города, облаченные в церемониальные одежды, и множество священников, несущих в руках горящие восковые свечи и статуи своих богов, одетых в свои лучшие одежды. За ними шли молодые служки дворца, одетые в белые льняные одежды. Все это сопровождалось пением гимнов в честь богов, чей праздник отмечался, и толпами посвященных в эту религию людей всех сословий, которые также несли в руках восковые свечи”.

Эта церемония зажигания среди бела дня лампад и свечей была настолько чисто и исключительно языческая, что христианский писатель Лактантус, живший в четвертом веке, всячески высмеивал римлян “за зажигание свечей Богу, как будто тот живет во тьме”. Если бы такая практика была в то время распространена и среди христиан, то Лактантус никогда не стал бы высмеивать ее как чисто языческую. Но то, что когда-то поначалу не было известно в христианской церкви четвертого века, вскоре стало проникать в нее и теперь является одной из наиболее выразительных черт организации, хвастливо называющей себя “Матерью и госпожой всех церквей”.

Хоть, что вполне очевидно, католический Рим использует в своих священных обрядах как лампы, так и восковые свечи, тем не менее, последним он приписывает особые качества, превосходящие другие источники света. Вплоть до Трентского Собора католическая церковь, благословляя в канун Пасхи пасхальные свечи, молилась так: “Обращаясь к тебе в твоих трудах, в этот святой канун Пасхи мы смиренно приносим твоему Величеству эту жертву, а именно, огонь, не оскверненный жиром плоти, не загрязненный нечистым елеем или маслом и не имеющий ничего общего ни с каким нечестивым огнем. Мы в глубочайшей покорности, проистекающей из полного нашего посвящения тебе, приносим огонь от *воска* и фитиля, зажженный для прославления твоего имени. В этот святой канун Пасхи *тайна* и чудесное таинство настолько велики, что их следует совершать с заслуженными тобой восхвалениями”. То, что за церемонией горящих “восковых свечей” стояла какая-то оккультная “Тайна” (Мистерия) оригинальной системы идолопоклонства, от которой Рим и заимствовал своих ритуалы, хорошо видно, если взглянуть на единодушные многих на-

родов мира в самых отдаленных частях земли в использовании ими восковых свечей во время своих священных ритуалов. Живущие в Сибири около озера Байкал тунгусы зажигают перед своими богами восковые свечи. На островах Молукка восковые свечи используются для молитв Нито, или Дьяволу, которому поклоняются островитяне. Хэрд пишет: “Когда собираются двадцать или тридцать человек, они вызывают Нито. Для этого они стучат в маленький освященный барабан, а несколько человек зажигают узкие восковые свечи и произносят несколько таинственных слов, которые, как они верят, способны вызвать Нито”. В поклонении язычников Цейлона использование восковых свечей является неотъемлемой частью церемонии. Тот же самый автор пишет: “На Цейлоне некоторые приверженцы культа, не являющиеся священниками, сооружают для себя часовни, и в каждой из них они обязаны иметь статую Будды и зажигать перед ней восковые свечи, а также украшать ее цветами”.

Такая широко распространенная практика должна проистекать из какого-то первоисточника, и за ней должна стоять какая-то мистическая (тайная) причина. В действительности, восковая свеча, как и многие уже рассмотренные нами вещи, является знаковым (иероглифическим) символом великого вавилонского бога в его важнейшей сущности Великого Посредника. Знатоки классической литературы возможно помнят, что одного из богов ранней античности звали Уран (Ouranos), т.е. “Освещающий”. От “aor” или “our” (“свет”) и “an” (“действовать” или “производить, делать”). Отсюда и Уран — “Делающий свет, Освещающий”. Этот самый Уран, или по-финикийски “Санчуниатон”, назывался сыном Элиуна, т.е. “Всевышнего”. Уран, в физическом смысле значит “Сияющий”. Хесикус считает его эквивалентом “Кроноса”, что имеет то же самое значение, поскольку глагол с корнем “крн” значит “выставлять рога” или “испускать лучи света”, и, таким образом, тогда как эпитет “Кронос”, или “Рогатый”, главным образом указывает на физическую силу Нимрода как “могущественного” царя, то после того, как тот был обожествлен и провозглашен “Господином/Господом Небес”, имя Кронос также употреблялось по отношению к нему, но уже в смысле “Сияющий или Дающий Свет”. Разница, которую Гесиод видит между Ураном и Кроносом, не является доводом против существенного тождества этих двух языческих божеств. Ведь Геродот пишет, что Гесиод был искусен в “изобретении теогонии”, делая это вместо греков. Это подразумевает то, что некоторые детали этой теогонии были результатом его собственной фантазии; и после соответствующего исследования, когда пелена аллегории падает, обнаруживается, что у Гесиода за именем “Уран”, выставяемого в качестве одного из языческих богов, в действительности стоял Сам Всевышний, живой и истинный.

Именно в таком качестве и поклонялись Нимроду после его обожествления. Как бог Солнца он считался не только освещающим материальный мир, но и просвещающим души людей, ведь его считали являющим “бла-

гость и истину”. Из Ветхого Завета явствует не менее чем из Нового, что одно из имен нашего Господа Иисуса Христа было “Слово Бога (Всевышнего)”, Являющего (Открывающего) сердце и намерения Всевышнего. Для отождествления бога Солнца, носившего имя Митра, с “Великим Явителем Всевышнего” на скульптуре он изображен в виде Льва; во рту Лев держит Пчелу.

Пчела во рту (в устах) бога солнца должна была указывать на него как на “Слово”; потому что “Дэбор”, что по-халдейски значит “Пчела”, переводится еще и как “Слово”, а местонахождение этой пчелы во рту не оставляет никакого сомнения относительно значения этого символа. Целью такой символики было привить мысль, что Митра (которому, по словам Плутарха, поклонялись как Меситу (“Посреднику”) в своем обличии Урана, “Просвещающего”, был тем великим, о ком евангелист Иоанн говорит: “В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог. Оно было в начале у Бога. . . В Нем заключена жизнь, и эта жизнь — свет человечеству”. Господь Иисус Христос всегда был явителем Всевышнего и был известен патриархам именно в этом качестве; ведь Иоанн пишет: “Бога никто никогда не видел, Его явил нам Его единственный сын, который всегда пребывает с отцом и который сам — Всевышний”. До прихода Спасителя древние иудеи обычно говорили о Мессии, или Сыне Всевышнего, употребляя имя Дэбор, т.е. “Слово”. Это вытекает из того, что написано в третьей главе 1 Книги Царств. В первом стихе этой книги сказано: “Слово Всевышнего было редко в те дни, видения были не часты”. Т.е. в связи с грехом Илия Всевышний на протяжении длительного времени не открывал Себя, как Он обычно это делал по отношению к пророкам. Когда Всевышний позвал Самуила, то эти видения от Всевышнего Израилю были возобновлены (правда, не для Илия), ведь в последнем (21) стихе сказано: “И продолжал Всевышний являться в Силоме после того, как открыл Себя Самуилу в Силоме через слово Всевышнего”. Хоть Всевышний говорил к Самуилу, это подразумевает больше, нежели просто разговор, ибо сказано: “Всевышний явился” — т.е. Самуил Его видел. Когда Всевышний открыл Себя, Самуил Его видел, и видел Его “через (Дэбор) Слово Всевышнего”. Для того, чтобы видеть “Слово Всевышнего”, Он должен был присутствовать лично как “Слово Всевышнего”, т.е. как Мессия. После вавилонского пленения, как это показывают Ветхий Завет и халдейские Таргумы, Мессию обычно называли титулом “Слово Всевышнего”. В Таргумах позднего периода халдейской истории термин “Слово” — “Мамра”; но это слово, хоть и является синонимом того, о чем говорится в еврейском Священном Писании, в последнем никогда не употребляется. Здесь используется слово “Дэбор”. Это настолько общеизвестный факт, что в еврейском переводе Книги Иоанна (Bagster’s

Polyglott) первый стих звучит так: “В начале было Слово (Дэбор)”.

По всей видимости, это было очень древнее имя, под которым Он был известен; поэтому нет ничего удивительного в том, что Платон говорил о третьем лице своей “троицы” под именем Логос, что является всего лишь переводом слова “Дэбор” (“Слово”). Свет восковой свечи, как свет от Дэбора, “Пчелы”, был заменителем света Дэбора, “Слова”. Таким образом, отступники от истинной веры патриархов отвернулись от “Истинного Света” и предпочли Его отблеск. То, что это именно так, вполне ясно; поскольку, согласно Краббу, “на алтари Сатурна ставили восковые свечи, потому что при помощи Сатурна люди переносились из тьмы ошибок в свет истины”. В азиатской Греции вавилонский бог считался “Дающим свет Словом”, поскольку именно здесь Пчела занимала такое значительное положение, что делает очевидным тот факт, что она была символом “Великого Явителя”. Так, у Мюллера мы находим упоминания о символах, имеющих отношение к поклонению Диане Ефесской: “Ее постоянным символом является пчела. . .” Самого первосвященника называли “Эссэн”, или “царь-пчела”. Характер первосвященника указывает на характер бога, которого он представлял. Диана, изображавшаяся в виде женщины, несущей на голове башню, была тем же самым божеством, что и Диана с пчелой. Титул первосвященника показывает, что Пчела, изображенная на ее медальонах, является всего лишь еще одним символом ее ребенка как “Семени Женщины” в его предполагаемой ипостаси Дэбора, “Слова”, которое просвещает души людей. То, что за горящими на папских алтарях восковыми свечами кроется та же самая “Тайна”, четко видно из ее собственной сущности, поскольку точно в том же самом месте, где говорится о “Тайне” восковой свечи, Рим говорит и о Пчеле, которая производит воск для ее изготовления: “Ввиду того, как мы в изумлении взираем на начало этой субстанции, дающей начало восковым свечам, мы должны также значительно вознести их производителей — пчел, которые перелетают с цветка на цветок, при этом не повреждая их своими лапками; они не рожают молодых особей, а производят их на свет посредством своего *pта*, как и Христос (как чудный пример) произошел из *pта* Своего Отца”. Review of Epistle of Dr. Gentianus Harvet of Louvaine. Этот труд, обычно именуемый “Улей Римской Церкви”, содержит латинский оригинал фразы, перевод которой здесь процитирован. Эта фраза встречается по крайней мере в двух римо-католических молитвенниках, которые на сегодня достаточно редки: один был напечатан в Вене в 1506 г., с текстом которого была сравнена и сверена вышеприведенная цитата, а второй был издан в Венеции в 1522 г. Это время предшествовало распространению Реформации; и похоже, что эта фраза была удалена из последующих изданий ввиду частых на нее нападок. Тем не менее, церемонию благословения свечей можно найти в “Pontificale Romanum”, Venice, 1542, и в “Pontificale Romanum”, Venice, 1572. В описании церемонии благословения, содер-

жащейся в Римском Молитвеннике (Париж, 1677 г.), есть значительное прославление пчелы, которое сильно напоминает цитированный текст. Наличие такой необычной формулы в религиозной церемонии восходит к очень древним временам, в чем четко прослеживается ее итальянское происхождение; поскольку похожее высказывание сошло с уст папского епископа Эннодиуса, возглавлявшего итальянскую епархию в шестом веке. Так, в молитве по поводу “Пасхальной Свечи” четко выражается причина зажигания восковой свечи, потому что именно благодаря пчелам, которые производят воск для их изготовления, “земля имеет образ того, что *есть на небесах*”. А что касается предмета *поклонения*, то пчелы способны “благодаря силе растений являть на свет свой молодняк посредством своего рта и без растрачивания времени, присущего всем другим существам, делающим это обычным образом”. Эта молитва, по всей видимости, пришла из халдейской литургии.

Здесь вполне очевидно, что “Мессию” называют “Словом Всевышнего”; и как еще человеческое воображение могло бы провести такую параллель, какая содержится в этом отрывке, если бы не было двойного значения в слове “Дэбор”: “Дэбор” как “Пчела” и “Дэбор” как “Слово”. В уже цитированном папском труде (*Panagrium Marianum*) Мессия прямо называется Пчелой. Говоря о Марии в книге “Рай наслаждения”, автор пишет следующее: “В Раю эта небесная Пчела, эта воплощенная Мудрость, занимается кормлением. Она ниспосылает медовые соты, через которые вся горечь этого оскверненного мира превращается в сладость”. Это кощунственно выставляет нашего Господа Иисуса как якобы берущего всякое благословение для мира у Своей матери! Разве можно такое найти в Священном Писании? Нет. Это могло прийти только из источника, где автор называет “воплотившуюся мудрость” именем “Пчела”. И такое двусмысленное значение, от которого произошло это имя, содержится исключительно в вавилонском языке. Это показывает на источник католического вероучения и доказывает, что вся молитва о благословении восковых свечей была, по всей видимости, полностью взята из вавилонского молитвенника. Воистину, читатель может все больше и больше постигнуть значение слов, которыми Всевышний называет женщину на семи холмах: “Тайна, великий Вавилон”!

Часть VI.

Знак креста.

Существует еще один заслуживающий внимания символ католического поклонения, и это знак креста. Как известно, в папской системе знак креста и его начертания есть везде и во всем. Без знака креста не может быть произнесена никакая молитва и не может быть проведено никакое служение, без него, практически, нельзя сделать и шага. На крест смотрят

как на главный магический инструмент, как на главное убежище в минуту опасности и в час искушения, который способен надежно уберечь от любой силы зла. Крест окружен почитанием, которое следует проявлять исключительно по отношению к Всевышнему; и назвать крест вытекающим из Священного Писания термином “проклятое дерево” для всякого истого католика будет смертельным оскорблением. Утверждать, что суеверие, выраженное таким отношением к знаку креста, которому католики поклоняются в виде изделия из дерева или металла, основано на высказывании Павла — “Я лично не хочу хвалиться ничем, кроме столба (креста) нашего Господа Иисуса Христа” — по меньшей мере абсурдно, а в действительности, это простая отговорка папистов. От греческого “ставрос”, в силу описываемой здесь традиции обычно переводимого как “крест”.

Магические свойства, приписываемые т.н.

знаку креста, и соответствующее поклонение ему

никогда не основывались на Священном Писании.

Тот же самый знак креста, которому сегодня

поклоняется католический Рим, использовался в

вавилонских Мистериях. Язычники приписывали кресту такие же ма-

гические свойства и воздавали ему такие же самые почести. То, что сего-

дня называется “христианским крестом”, изначально совершенно не было

связано с собранием верующих в Мессию, а было мистическим Тау хал-

деев и египтян — оригинальной формой буквы “Т” — инициала имени

“Таммуз”, что в древности одинаково писалось по-еврейски и по-халдей-

ски. Это хорошо видно на дошедших до нас монетах и гравюрах по дереву.

Эта Мистическая буква “Тау” наносилась на лоб

тех, кто проходил погружение во время обряда иници-

циации Мистерий, и использовалась в самых разнообраз-

ных случаях в качестве наиболее священного символа. Язык Тертуллиана подразумевает то, что прохо-

дившие через погружение во время Мистерий иници-

ацию получали знак на лоб точно так же, как и хри-

стиане Африки при жизни Тертуллиана, которые во

время обряда крещения начали наносили на лоб знак

креста.

Для отождествления Таммуза с солнцем крест иногда совмещался с

кругом солнца, а иногда полностью *вставлялся* в круг. Не совсем ясно,

был ли Мальтийский крест, который римские епископы прибавляли к

своим именам в качестве символов их епископского достоинства, бук-

вой Т; но нет причин сомневаться, что Мальтийский крест является ясно

выраженным символом солнца. Ведь еще Лаярд определил его как свя-

щенный символ у жителей Ниневии, что и помогло ему отождествить его

с солнцем.

Мистический Тау, как символ великого бога, назывался “знак жизни”

и использовался в качестве амулета, который носили у сердца. Им отмечались и официальные одеяния языческих священников, ровно как и римо-католических священников, его держали в руках короли как символ монаршего величия и ниспосланной свыше власти. Весталки языческого Рима носили знак креста на своих ожерельях точно так же, как сегодня это делают монашки. Так же поступали и египтяне, и многие варварские народы, с которыми первые были в контакте, о чем свидетельствуют дошедшие до нас памятники. Говоря об украшениях некоторых из этих племен, Уилкинсон пишет так: “Ожерелья иногда были богато украшены. Мужчины, как и женщины, носили серьги; и они часто вешали на ожерелья маленькие *крестики* или цепляли их на воротник одежды. Последнее было характерно не только для них, но крест вешали или рисовали на облачение Рот-н-но. Следы этого можно увидеть в причудливых узорах Рэбо. Все это показывает, что крест использовался уже в пятнадцатом веке до христианской эры”.

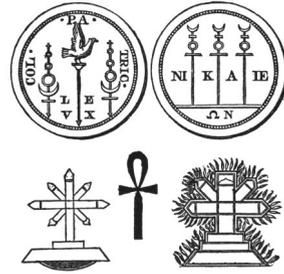
Трудно отыскать языческое племя, где бы не использовался знак креста. Задолго до рождения и смерти Мессии кресту поклонялись кельты-язычники. “Это факт, — пишет Маурис, — удивительный, но достоверно подтвержденный, что друиды в качестве символа своего бога выбирали в своих рощах самое стройное и красивое дерево, после чего они обрубали боковые ветви и прикрепляли на ствол две самые большие ветви, так что эти ветви расходились в стороны подобно рукам человека, и все вместе это выглядело как один *большой крест*, а в нескольких местах на коре они вырезали букву Тау”. Кресту поклонялись в Мексике задолго до того, как сюда ступила нога римо-католического миссионера. Здесь были воздвигнуты гигантские каменные кресты, предположительно в честь “бога дождя”. Крест, которому так повсеместно поклонялись, считая его священным символом, был недвусмысленным символом Бахуса, вавилонского мессии, поскольку тот изображался с покрытой крестами повязкой вокруг головы.

Этот символ вавилонского бога и по сегодняшний день почитается в обширных регионах Тартарии, где доминирует буддизм, причем он представлен в формах, разительно напоминающих католические. “Крест, — пишет полковник Уилфорд в книге “Азиатские исследования”, — хоть и не считается среди буддистов предметом поклонения, является для них излюбленной эмблемой. Это прямо таки копия манихейского креста, на котором растут листья и цветы. Этот крест, на котором растут листья и цветы (а также, как мне говорили, и фрукты), называется священным де-

ревом, деревом богов, деревом жизни и знания, производящим все, что хорошо и желаемо, и находящегося в земном раю”.

Сравните это с языком католического Рима по отношению к кресту, и вы увидите полное сходство. В “Обряде Креста” он называется “Деревом жизни”, а молящиеся должны обращаться к нему со словами: “Приветствуем тебя, о Крест, победоносное дерево, истинное спасение мира, среди деревьев нет тебе равного, сравнимого по красоте твоих листьев, цветов и почек. . . О Крест, наша единственная надежда, приумножь праведность благочестивых и прости вину согрешивших”.

(Devotions on the Passion, London Record, April, 1842.)

Может ли какой человек, который читает в Новом Завете повествование о казни Мессии, представить, что это повествование могло само по себе дать повод для таких причудливых фантазий на тему “листьев, цветов и почек”, как это звучит в католическом ритуале? Но если принять во внимание, что буддийский, равно как и вавилонский крест, считается символом Таммуза, который был известен как ветвь омелы, или “Все-исцеления”, то легко представить покрытый листьями священный Инициал и то, как Рим принял его, назвав “Лекарством, которое сохраняет здоровье, исцеляет недуги и делает то, что не в состоянии совершить никакой человек”.

По всей видимости, этот языческий символ (креста) впервые появился в Христианской Церкви в Египте, как и в Африке в целом. Датированные серединой третьего века слова Тертуллиана показывают как сильно в это время карфагенская церковь была заражена старой закваской. Этим языческим символом особенно сильно был поражен Египет, который никогда не был до конца евангелизирован. Первоначальная форма того, что называется “Христианский Крест”, была найдена в Египте на христианском памятнике и недвусмысленно является языческим “Тау”, или египетским “Знаком Жизни”. Пусть читатель внимательно прочтет следующие слова Дж. Уилкинсона: “Можно упомянуть достаточно любопытный факт относительно этого иероглифического знака [Тау], который ранние христиане Египта использовали вместо креста, делая на нем надписи точно так, как это в более поздние времена стало делаться с крестом. Я могу утверждать это на основании начинающих с “Тау” многочисленных надписей, сохранившихся до нашего времени на ранних христианских памятниках”. Основная мысль этого отрывка заключается в том, что в Египте существовала ранняя форма того, что впоследствии было названо крестом, и было ничем иным, как “Сгух Ansata”, или “Знаком Жизни”, которым был отмечен Осирис и все египетские боги. К нему позже был прибав-

лен верхний элемент — ansa, или “ручка”, что и стало простым “Tau”, или простым крестом, каковым он дошел до наших дней. Этот дизайн, который можно повсеместно встретить на могилах, не имеет ничего общего с орудием казни Мессии и является простым заимствованием древнего и очень популярного языческого символа, так сильно живучего среди тех, кто, называя себя христианином, в сердце и уме фактически является язычником. Это, и только это, есть источником поклонения “кресту”.

Все вышесказанное, вне сомнения, может показаться очень странным и невероятным для тех, кто читал историю церкви с подачи Рима, как случилось с большинством людей, даже с протестантами. Особенно это касается тех, кто верит в историю о чудесном явлении креста Константину за день перед решающей победой у Милвианского моста, что решило судьбы открытых язычников и номинальных христиан. Если бы эта история была правдива, то давала бы разрешение Всевышнего на почитание креста. Но, будучи до основания проверенной, эта история оказывается основанной на заблуждении, иллюзии, которой поддался даже такой хороший человек, как Мильнер. Вот что писал Мильнер: “Константин, которому предстояло сойтись в битве с войсками Максентиуса, находился в состоянии крайней обеспокоенности. Он начал думать о том, какой бог мог бы ему помочь. И его выбор пал на Бога христиан, которого он был склонен признавать больше всех остальных. Но ему было необходимо какое-нибудь существенное доказательство Его реального существования и силы. Но он не мог понять того, как это спросить, равно как не был удовлетворен атеистическим безразличием, свойственным многим полководцам и героям его времени. Он молился, он просил с такой силой и настойчивостью, что Бог не оставил его без ответа. Когда он был с войсками на марше, в полдень на небе ему явилось изображение креста, сиявшего ярче солнца, сопровождавшееся надписью “Этим побеждай”. Он и его солдаты были изумлены подобным зрелищем; но он продолжал размышлять о случившемся до наступления ночи. Когда он спал, ему явился Христос с тем же самым знаком креста и повелел ему использовать этот символ в качестве его военного флага”. Так пишет Мильнер. Я не считаю нужным оспаривать тот факт, что было дано какое-то чудесное знамение. Оно могло быть, или его могло не быть в связи таким переломным событием, заслуживающим вмешательства свыше. Было ли что выходящее за рамки естественного хода событий, я не собираюсь обсуждать. Но так я говорю, если предположить, что Константин в данном случае действовал честно и что действительно имело место чудесное явление на небесах. Если это было так, то это был не знак креста, а имя Христа. То, что это было именно так, свидетельствует Лактантус, который был учителем Криспа — сына Константина. Лактантус был самым ранним автором, который описал это событие. Сюда следует добавить и медальоны того времени с соответствующим изображением. Свидетельство Лактантуса играет ре-

шающую роль: “Константину во сне было сказано начертать небесный знак Бога на щитах его солдат и тогда вступать в битву. Он сделал так, как ему было сказано. Он начертил на щитах перевернутую, урезанную сверху букву Х, что было знаком Христа. Начертав этот знак, его армия взялась за мечи”. В данном случае буква Х была лишь инициалом имени “Христос”. Если, таким образом, Константин сделал так, как ему было приказано, когда он “начертил небесный знак Бога” в виде “буквы Х”, то на небесах он увидел изображение именно “буквы Х” как символа “Христа”, а не знака креста. Когда Лабариум, или личный штандарт Константина, был изготовлен, то, по свидетельству Амбросия, хорошо известного епископа Милана, этот штандарт основывался на том же самом принципе, что и описывает Лактантус, т.е. просто “содержал начертание имени Спасителя”. Он назвал его “*Labarum, hoc est Christi sacratum nomine signum*”, что значит “Лабариум, т.е. знак, освященный *именем* Христа”. Послание Амбросия императору Феодосию насчет предложения восстановить в римском Сенате языческий алтарь Виктории (Победы). Часто происходит путаница с пониманием того, что стоит за словом “Лабариум”. Брайнт считает (да и я сам когда-то поддался этому заблуждению), что разговор идет о штандарте с изображением полумесяца и креста, но не подкрепляет своего предположения никакими доводами, чему я весьма рад (что таких доводов у него нет). Слово “Лабариум” обычно считается восточным по происхождению, что сразу раскрывает его значение. Оно, по всей видимости, происходит от “лаб” (вибрировать, двигаться взад-вперед) и “ар” (действовать, быть активным). Если переводить это слово в таком ключе, то “лабариум” попросту обозначает флаг, который “развевается” на ветру, что полностью соответствует языку Амбросия насчет “знака, освященного именем Христа”, что подразумевает флаг или штандарт.

Нет ни малейшего намека ни на какой крест, кроме простого имени Христа. На штандарте Константина была надпись “*Hoc signo victor eris*” (“С этим знаком ты будешь победителем”), а это значит, что в данном с небес знамени не было ничего в форме креста, а была “буква Х”. В римских катакомбах есть памятник “Синфонии и ее сыновьям”, где четко видна связь с историей о видении, доказывающий, что “небесным знаменем” был не крест, а буква Х. Надпись на памятнике начинается словами: “*In Hoc Vincas [этим победишь] X*”. В качестве “Победоносного Знака” здесь присутствует ничто иное, как Х. Несомненно, существуют разные примеры штандарта Константина, где присутствует одна и та же “буква Х”. Евсевий, писавший во времена, когда суеверия и отступничество уже имели силу, изо старательно доказывает, что перекрещивающиеся линии были уникальной частью штандарта Константина. Но это, очевидно, ошибка, поскольку перекрещивающиеся линии не были присущи лишь одному штандарту Константина. Тертуллиан показывает, что перекрещивающиеся линии существовали задолго до Константина в виде держателей

римских языческих штандартов, называвшихся *vexillum*, к которым был прикреплен сам флаг, и которые использовались исключительно для этой цели. Если, таким образом, эти перекрещивающиеся линии были “небесным знаком”, то для их изготовления Константину совсем не нужен был голос с небес, равно как его изготовление и выставление напоказ не привлекло бы значительного внимания видевших его. У нас нет ни малейшего свидетельства того, что эта известная легенда о надписи “Сим побеждай” имеет хоть какое-нибудь отношение к этим перекрещивающимся линиям, но у нас есть самые убедительные свидетельства того, что легенда говорит о Х. То, что эта Х не подразумевала знака креста, но была начальной буквой имени Христа, явствует из того, что в середине Х была вставлена буква Р, что давало “ХР”. Таким образом, на штандарте Константина было лишь имя Христа. Изображение этого имени на штандартах Имперского Рима было абсолютно новым явлением; и знак этого имени, несомненно, воодушевил солдат-христиан армии Константина сражаться с еще большим рвением и победить в битве у Милвианского моста.

Во всем вышесказанном я гипотетически исходил из предположения, что Константин действовал как искренний христианин. Однако его искреннюю христианскую веру можно поставить под сомнение, и у меня есть подозрения, что буква “Х” была намеренно использована как имеющая различные значения: одно — для христиан и совсем другое — язычников. Известно, что Х была символом египетского бога Хама и на его статуях изображалась у него на груди. Независимо от точки зрения насчет искренности христианской веры Константина, утверждения о небесном указании почитания креста полностью лишены основания. Что касается Х, то, несомненно, что христиане, ничего не знавшие о тайном заговоре или подвохе, приняли Х за инициал имени “Христос”. В таком случае оно не было сильно привлекательным для язычников, которые поклонялись Хору и обычно изображали мистический Тау или крест в качестве “знака жизни”, или магического заклинания всего хорошего и охраны от всякого зла. Таким образом, когда массы язычников вслед за Константином обратились в христианство и хлынули в Церковь, они, точно так же, как и полуязычники Египта, принесли в нее свою предрасположенность к старому символу. И в результате, по прошествии недолгого времени, по мере развития отступления от истинной веры, Х стало восприниматься как символ Мессии. И то, что когда-то имело совершенно другое значение — Тау, знак креста, неоспоримый знак Таммуза, лживого мессии, полностью растворилось в новом. Так, посредством “знака креста” Мессия был опять распят теми, кто называл себя Его учениками. Если все это является историческими фактами, то и неудивительно, что в римо-католической церкви “знак креста” всегда и везде был инструментом крайнего суеверия и обмана.

Многое и многое в ритуалах и церемониях Рима ускользнуло от нашего внимания. Но и сказанного достаточно.

Глава VI.

Религиозная иерархия.

Часть I.

Верховный понтифик.

Дар служения является одним из величайших даров, которые Мессия послал в этот мир. Именно в связи с этим, предсказывая пришествие Мессии, псалмопевец говорит о благословенных результатах этого дара: “Поэтому и написано: “Он поднялся на высоту, освободил пленников и дал дары людям”. “Поднялся” означает не что иное, как то, что Он прежде спустился в глубины ада. Он — Тот же, Кто и поднялся выше небес, чтобы наполнить Собой всю вселенную. Он дал одним быть посланниками, другим — пророками, третьим — проповедниками Благовестия, четвертым — старшими, пятым — учителями” (Ефессянам 4:8–11). Первоначально Римская церковь имела этот ниспосланный свыше дар служения и управления, “когда ее вера была широко известна во всем мире”, а дела праведности были богаты и многочисленны. Но с тех пор в служение вошел вавилонский элемент и, таким образом, то, что должно было служить благословением, преобразовалось в проклятие. С тех пор вместо освящения людей оно стало средством их деморализации и превратило их в “дважды более, чем детей ада”, нежели они могли бы быть, если бы были оставлены сами по себе.

Если кто-нибудь думает, что в оккультной и тайной (мистерийной) “апостольской преемственности” есть хоть доля чего-то доброго, пусть он серьезно подумает над истинным характером папского порядка и подчиненных ему епископов и священников. Начиная с самого Папы во всем виден вавилонский порядок. Институт кардиналов с Папой во главе — полная параллель языческого института понтификов с его “Pontifex Maximus” (“Верховным Понтификом”), существовавший в Риме с древних времен как пришедший из Вавилона Совет понтификов и ставший для папства главной моделью или основным эталоном. В настоящее время Папа претендует на верховенство в Церкви в качестве преемника Петра, которому наш Повелитель, якобы, дал исключительное право на ключи от царства небесного. Но важно то, что задолго до того, как Папа был облечен своим титулом, этот титул уже существовал тысячи лет и был связан с силой/властью ключей Януса и Сибилы. Поклонение Сибиле появилось

лишь во втором веке до н.э. и под тем же именем пришло в Рим. Но в Риме уже поклонялись той же самой богине только под именем Кардэа, которая имела “власть над ключами”, которой в Риме поклонялись так же, как и Янусу за столетия до нее. Овидий, *Fasti*.

Очень и очень рано епископы Рима продемонстрировали гордыню и амбициозный дух; но на протяжении первых трех столетий их претензии на верховенство основывались лишь на их местонахождении в столице Римской империи. Но когда столица была перенесена на восток, а Константинополь стал затмевать Рим, у римского епископа появился новый повод для поиска особых привилегий. И это новое основание было найдено, когда около 378 года Папа объявил себя наследником ключей, которые были символом двух хорошо известных в Риме языческих божеств. Ключ был у Януса и ключ был у Сиби́лы, и именно эти два ключа являются папским символом его духовной власти. О том, как Папа стал считаться главным хранителем этих ключей, будет рассмотрено позже, но он добился этого, получил всенародное признание и с тех пор считается носителем этой власти. Язычники без проблем приняли эту роль Папы, который просто стал выполнять для них функцию, которую раньше выполняли Янус и Сиби́ла, и как бы получил от них ключи. Оставалось только убедить христиан, что только один лишь Петр имел власть держателя ключей, и что папа является его преемником. Тогда, даже несмотря на то, что Рим утратил свой статус столицы империи, он сохранял бы свою важность как место нахождения римского епископа. И даже становился значительнее. Потребовалось некоторое время, прежде чем скрытая работа Тайны беззакония проложила себе дорогу и прежде чем Папа впервые объявил о своем статусе преемника Петра в качестве хранителя его ключей. Около 378 года он был признан язычниками в качестве держателя ключей. В 432 году, не ранее, он открыто заявил о своем статусе преемника Петра в хранении ключей. Читатель может спросить, как же это стало возможным, чтобы люди одобрили такую безосновательную претензию. Слова из Священного Писания дают исчерпывающий ответ на данный вопрос: “Люди с легкостью впадут в заблуждение, и его примут те, кто не захотел полюбить истину и получить через нее спасение. Господь Бог допустит таким людям поверить лжи, чтобы те, кто не верят истине и отделились злу окончательно, жили в заблуждении до самого суда” (2 Фессалоникийцам 2:10–11). Ложь в небольших дозах не так заметна, а по прошествии времени в нее начинают все больше и больше верить. И сегодня, точно так же, как статуе Юпитера в Риме, поклоняются, как Петру, так же и ключи Януса и Сиби́лы стали считаться ключами того же самого Петра.

Если легковерие христиан в этом вопросе нельзя объяснить ничем иным, как слепой верой в то, что Мессия наделил Петра исключительной властью хранителя ключей, то отношение язычников к этой роли Папы было куда более серьезное. Они еще охотнее приняли эту роль папы, ко-

гда услышали, что он является хранителем ключей именно Петра. Ключи, которыми владел Папа, были ключами “Петра”, хорошо известного проходившим инициацию халдейских мистерий. То, что Петр когда-нибудь был епископом Рима, было многократно опровергнуто как вымысел и миф. Даже то, что его нога вообще когда-нибудь ступала на землю этого города, также крайне сомнительно. Упоминание о посещении Петром Рима основывается на довольно сомнительном произведении конца второго — начала третьего столетия под названием “Клементин”, где говорится о встрече Петра с Симоном Волхвом. Петр поставил под сомнение чародейские способности Симона и потребовал доказательств его сверхъестественных способностей. Тогда колдун взлетел в воздух, а Петр опустил его на землю, да так быстро, что колдун сломал ногу. Все признанные историки давно опровергли эту историю как вымышленную, но ведь и посещение Петром Рима также зиждется на том же самом источнике, правдоподобность которого крайне сомнительна. Но это что касается Петра в качестве ученика Мессии. Но в Риме в древние языческие времена был другой “Петр”, который занимал высокое положение среди *языческого* священства. Священник, который объяснял посвящаемым сущность Мистерий, иногда назывался греческим термином “Иерофант”. В древнем халдейском языке, первоначальном языке Мистерий, этот титул, если убрать огласовку, звучал как “пэтр”, т.е. “истолкователь”. Для него, как явителя того, что было скрыто, не было ничего более естественного, чем во время открытия эзотерического (известного или понятного лишь посвященным) учения Мистерий иметь на себе знак ключей двух божеств, в чье тайное учение он посвящал. Турецкие муфтии (“истолкователи”) Корана выводят свое имя от того же самого корня, что и “мифта” (“ключ”).

Таким образом, мы можем видеть, как ключи Януса и Сибилы стали называться ключами Петра, “истолкователя” Мистерий. У нас есть самые убедительные свидетельства того, как в далеких от Рима, находящихся на значительном удалении друг от друга странах, эти ключи были известны проходившим обряд посвящения язычникам не просто как “ключи Петра”, но как ключи Петра, который имел отношение к Риму. Во время элевсинских мистерий (таинств) в Афинах, когда кандидатов для инициации наставляли в тайном учении язычества, объяснение этого учения читалось им из книги, которую обычные авторы называют “Книга Пэтрома”, т.е., как нам говорят, “каменная книга”. Но вполне ясно, что это лишь игра слов в соответствии с обычным духом язычества, когда их смысл совершенно непонятен непосвященному. Сам случай и история Мистерий показывают, что название книги должно звучать как “Книга Пэтрома”, т.е. “Книга Великого Истолкователя”. Другими словами, Гермеса Трисмегистуса, великого “Истолкователя богов”. В Египте, откуда Афины заимствовали свою религию, книга Гермеса считалась божественным источником всякого познания Мистерий. Таким образом, в Египте Гермес

считался Великим Истолкователем, или “Пэтэр-Рома”. Хорошо известно, что в Афинах Гермес занимал точно такое же положение. Естественно, что на священном языке он также был известен под тем же титулом. Вот что пишет об этом Уилкинсон: “Ямблихус говорит, что Гермес [египетский Гермес] был богом всякого небесного знания, которое он передавал священникам, наделяя их властью подписывать свои комментарии именем Гермеса. Согласно мифическим жизнеописаниям египетского Меркурия, он учил людей, как правильно молиться богу и приносить ему жертвы. Гермес Трисмегистус считался новой инкарнацией (перевоплощением) Тота и пользовался большим почитанием. Согласно Клементу Александрийскому, египтяне относились к главным книгам этого Гермеса с большим уважением и носили их во время своих религиозных процессий”. В Египте слово “пэтр” употреблялось в таком же самом значении, где “птр” означает “показывать”. Истолкователя называли “иерофант”, что подразумевает то, что он “показывал” смысл и суть тайного учения. (Бунсэн, Иероглиф) Афинский или греческий Гермес считался “Источником изобретения. . . Он также ниспосылает на души матэзис, открывая волю отца Юпитера и является ангелом или посланником Юпитера. . . Он является хранителем учеников, потому что изобретение геометрии, мышления и языка также приписываются этому богу. Он является источником эрудиции и ведет нас к разумной сущности нашего смертного бытия, и управляет различными группами душ” (Proclus in Commentary on First Alcibiades, Taylor’s Orphic Hymns). Греческий Гермес также в большой степени был явителем и истолкователем божественного. По некоторым данным, современное название научной дисциплины “герменевтика” также происходит от его имени. (Hyginus)

Таким образом, священник, который во имя Гермеса истолковывал Мистерии, должен был иметь не только ключи Петра, но и ключи “Пэтэра-Рома”. Именно здесь известная “Каменная Книга” начинает проявляться в ином свете, и не только в том, что проливает новый свет на один из наиболее темных и наиболее загадочных моментов в истории папства. Для всякого искреннего историка, который ищет причину того, что имя Петра должно было соотноситься с Римом так, как это было до четвертого века, всегда было удивительно, как во многих разных странах могли верить в то, что Петр, который был “апостолом для обрезанных”, смог отпасть от своего Великого поручения и стать епископом Языческой Церкви, и как он смог стать духовным повелителем Рима, когда даже нет убедительных доказательств того, что он вообще когда-нибудь бывал в Риме. Но книга “Пэтэр-Рома” объясняет то, что без нее кажется необъяснимым. Существование такого титула было слишком значительным, чтобы на него не обратило внимание папство, и, в соответствии со своей привычной политикой, оно не упустило возможности использовать это обстоятельство для своей пользы. Когда папа вступил в тесные отношения с языческими

священниками, которые впоследствии, как мы увидим дальше, перешли под его контроль, то для пап вполне логично было не просто примирить язычество и христианство, но и показать то, что языческий “Пэтэр-Рома” со своими ключами был тем самым “апостолом Петром” из Рима, которому Иисус Христос вручил “ключи от царства небесного”. Отсюда, на основании простой игры слов, были сведены воедино абсолютно разные по своей сущности многие личности и вещи. Для удовлетворения растущих амбиций нечестивого священника слепые христиане, последователи отпадения от истинной веры, должны были поверить в то, что Папа является наследником апостола Петра, а прошедшие обряд инициации язычники — в то, что Папа был представителем Петра, истолкователя их Мистерий. Таким образом, Папа стал двойником “двуликого Януса”. О! Какая, однако, глубина содержания в имеющемся в Священном Писании высказывании о папстве как о “тайне беззакония”!

Теперь читатель готов к пониманию того, как папский Великий государственный совет, который помогал ему руководить Церковью, стал называться Институтом Кардиналов. Термин “кардинал” происходит от “кардо” (петля, дверная завеса). Янус, чьи ключи держит Папа, был богом дверей и петель, и его называли “Патулциус” и “Клусиус”, “который открывает и затворяет”. Это имело кощунственное значение, поскольку в Риме ему поклонялись как великому посреднику. Какое бы дело не предстояло решать, к какому божеству не предстояло бы обратиться, нужно было сначала обратиться к Янусу, который считался “Богом богов”, в чьей таинственной божественности сочетались черты отца и сына, и без которого не могла быть услышана ни одна молитва — не могла отвориться “дверь на небеса”. Этому богу усиленно поклонялись в Малой Азии, когда наш Повелитель через Своего слугу Иоанна послал откровение семи общинам, которые были в этом регионе. В одном из этих посланий мы видим, как Он обличает кощунственное приписывание этому божеству почестей и свойств, принадлежащих исключительно Мессии. Так, в Откровении 3:7 сказано: “Старейшему общины в Филадельфии напиши: так говорит Святой и Истинный, держащий ключи царя Дауда. Что Он открывает, то уже никто не сможет закрыть, и что Он закрывает, уже никто не сможет открыть”. Согласно языческим верованиям, этому самому Янусу, которому как Посреднику, поклонялись в Малой Азии, а также с самых ранних времен — в Риме, принадлежало управление этим миром, а также “вся власть на небесах, на земле и на море”. О нем говорили, что у него была “*jus vertendi cardinis*” (“власть поворачивать дверные петли”) — т.е. открывать дверь на небеса или открывать-закрывать ворота мира и войны на земле. Таким образом, когда Папа стал Первосвященником Януса, это подразумевало также и его “*jus vertendi cardinis*” (“власть поворачивать дверные петли”) — открывать или закрывать в кощунственном языческом смысле. Поначалу эта власть приобреталась очень постепенно

и осторожно, но как только было заложено основание, постепенно, столетие за столетием его священническая власть набирала силу и превращалась в грандиозную суперструктуру. Язычники, которые видели успехи Папы и поддерживали его, и римские христиане, которые все больше скатывались к язычеству, были рады признать Папу в качестве носителя такой власти. Они с радостью поощряли его рост, пока он шаг за шагом входил в кошунственную силу полноправного представителя Януса. Пока, наконец, все представители Западного отступнического христианства единогласно не признали его наследником Первого Римского Епископа. Но для того, чтобы Папа смог войти в полную силу своей власти, требовалось сотрудничество других. После того, как его власть усилилась и его владения расширились, ключи Януса стали слишком тяжелы для его одной пары рук, и ему понадобились те, кто бы мог разделить с ним власть над “дверными петлями”. И вот его прежние советники, его высокие государственные чиновники, вместе с ним управлявшие Церковным правительством и миром, стали называться “кардиналами” — священниками “дверных петель”. Прежде этот титул носили высокие чиновники Римского Императора, который как “Pontifex Maximus” сам был представителем Януса и делегировал свою власть своим слугам. Даже во время правления Феодосия, христианского императора Рима, его премьер-министр носил титул “кардинал”. Но теперь имя и власть всех гражданских чиновников земных монархов исчезли из повседневного обихода и перешли исключительно к тем, кто помогал Папе владеть ключами Януса в открывании-закрывании. Они стали кардиналами, или священниками “дверных петель”.

Я уже говорил, что Папа стал представителем Януса, который был никем иным, как вавилонским мессией. Если только читатель подумает о кошунственной сущности такой роли Папства, он увидит, что это есть точная копия вавилонского оригинала. В странах, где вавилонская система была наиболее хорошо развита, мы встречаем Верховного Понтифика вавилонского бога, наделенного теми же свойствами, что теперь приписываются Папе. Разве Папу не называют “Бог над всей землей”, “Вице-Бог” или “Викарий Иисуса Христа”? Царь Египта, который являлся Верховным Понтификом, согласно Уилкинсону, пользовался почитанием как “представитель бога на земле”. Уилкинсон показывает, что царь имел право издавать законы и управлять всеми делами религии и государства, что является доказательством того, что он был Верховным Понтификом.

Разве не называется Папа “непогрешимым”, и разве, в свою очередь, Римская церковь не хвалится тем, что всегда была “неизменна и не менялась”? То же самое было и с халдейским понтификом и с системой, которой он управлял. Верховный Понтифик, говорит Уилкинсон, считался “неспособным на ошибки”, и, как следствие, существовало самое значительное “почтение к святости древних эдиктов (указов)”. Следова-

тельно, вне сомнения, отсюда же проистекает обычай того, что “законы мидян и персов не могут быть изменены”. Разве Папа не пользуется почитанием со стороны кардиналов? Царь Вавилона как Верховный Понтифик пользовался точно таким же почитанием. (Wilkinson’s Egyptians.) “Непогрешимость” стала естественным результатом всеобщей веры в то, что Монарх был подотчетен богам: поскольку, как писал о Египте Диодорус Сикулос, царь считался “причастником божественного естества”. Из слов Лаярда (Layard. *Nineveh and its Remains* and *Nineveh and Babylon*), явствует, что царь Египта был “главой религии и государства”, так же, как таковым был и царь Ассирии, в которой находился Вавилон. Таким образом, мы имеем свидетельство того, что ему поклонялись. Священные изображения показывают имеено поклонение ему, которое не могло быть простым выражением почтения подданных к своему монарху. Всеобщее обожание, которым пользовался Александр Великий, очевидно, основано на том же источнике. Это было простым подражанием обожания, которое проявлялось по отношению к персидским царям. От Ксенофона мы узнаем, что эта персидская традиция пришла из Вавилона. Это произошло после того, когда Кир въехал в Вавилон, и персы впервые проявили к нему свое почитание и обожание; поскольку, пишет Ксенофон, “раньше никто из персов не проявлял обожания по отношению к Киру”.

А разве не требуется, чтобы короли и послы целовали туфлю Папы? Это также скопировано с той же самой модели; поскольку, по словам профессора Гауссена, который цитирует Страбо и Геродота, “цари Халдеи носили на ногах туфли, которые завоеванные ими цари должны были целовать”. И еще, разве к Папе не обращаются с титулом “Ваше Святейшество”? То же происходило и с языческим Понтификом Рима. Этот титул был единым для всех Понтификов. Симмахус, последний языческий представитель римского императора и Верховный Понтифик, обращаясь к одному из своих коллег-понтификов во время повышения того в чине, говорит: “Я слышу, что *ваше святейшество* (sanctitatem tuam) будут величать святыми буквами”.

Ключи Петра были возвращены их законному владельцу. За ними должен был последовать и трон Петра. Этот широко известный трон имеет то же происхождение, что и перекрещивающиеся ключи. Та же самая причина, которая побудила Папу принять халдейские ключи, естественным образом привела его к завладению освобожденного трона языческого Pontifex Maximus. Поскольку по своему положению Pontifex был Иерофантом, или Истолкователем Мистерий, его трон еще назывался “треном Петра”, точно так же, как назывались и “ключи Петра”. Истинное происхождение широко известного трона Петра проясняется на основании следующего факта: “У католиков, — говорит Бауэр, — до 1662 был трон, на котором, как они верили, сидел сам Петр, и 18 января ежегодно проводились празднества в честь этого трона, когда он выставлялся для всеобщее-

го почитания. Но однажды, когда во время подготовки к празднеству его стали чистить, на нем, к несчастью, обнаружили изображения двенадцати подвигов Геркулеса (Геракла), так что его пришлось отставить”. Сторонники папства совсем не были обескуражены таким открытием, просто они старались сохранить лицо. “Наше поклонение, — говорит по поводу данного открытия Джакомо Бартолини в своей книге “Священные древности Рима”, — совсем не было неуместно, поскольку мы поклонялись не дереву, но князю апостолов — Святому Петру, который на нем сидел”. Что бы читатель ни думал по поводу такой апологии поклонения трону, он все-таки увидит, связав это со всем вышесказанным, что древний миф о троне Петра слишком сильно раздут. В наше время Риму, похоже, не сильно везет в отношении трона Петра, поскольку, после того, как трон с изображениями двенадцати подвигов Геркулеса был осужден и выброшен как неспособный вынести пролившийся на него свет Реформации, новый, взятый взамен него, с еще большей силой открыл нелепость и безосновательность претензий папства. Первый трон был заимствован у язычников, а второй оказался похищенным у мусульман, когда французские солдаты генерала Бонапарта заняли Рим в 1795 году. Так вот, на спинке этого трона была обнаружена надпись на арабском языке, оказавшаяся широко известным местом из Корана: “Нет Бога, кроме Аллаха, и Магомет — Его Пророк”.

У Папы есть не просто трон, на котором он сидит, но на этом троне его еще и носят с пышностью и почестями во время посещения им собора Святого Петра или какой-либо другой церкви в Риме. Вот как очевидец описывает подобный пышный вынос, имевший место в воскресенье в центре папского идолопоклонства: “Непрестанно бьют в барабаны.

На каменном помосте дома Бога стоят солдаты, которые по приказу своего офицера выстроились по стойке “смирно”. Как это непохоже на Субботу, как непохоже на настоящую религию, как это непохоже на смиренное служение Иисуса! Затем, медленно двигаясь между двумя шеренгами вооруженных солдат, появляется длинная процессия священников, епископов, каноников и кардиналов во главе с римским понтификом, которого несут на пышном троне, сиянием пышных украшений затмевавшим солнце. Его несут двенадцать одетых в пурпур мужчин, а впереди несколько человек несут крест, митру Папы, его двойную корону и другие регалии его должности. Пока двенадцать мужчин несут его на своих плечах среди возбужденной толпы, два прислужника овеивают двумя веерами из перьев павлина его прикрытую балдахином голову”. Этот веер — ни что иное, как “Мистический веер Бахуса”, трон которого также был прикрыт балдахином. А теперь оглянитесь на три тысячи лет назад, и вы увидите, как

Верховный Понтифик Египта посещал храм своего бога. “Достигнув пределов храма, — пишет Уилкинсон, — из числа стражи и царских слуг избирались те немногие, которые должны были войти внутрь. . . Военные оркестры исполняли любимые мелодии этой страны, реяли многочисленные хоругви различных подразделений войска, на ветру развевались флаги, блесло оружие, ликовали толпы собравшихся людей, все было так, как на крупных торжествах в любой стране нашего времени. Самой поразительной чертой этой церемонии был пышный кортеж монарха, которого или несли на руках в его прикрытом балдахинном троне, или же он шел сам, овеваемый дорогими веерами из разноцветных перьев”.

Мы приводим рисунок из книги Уилкинсона (резьба по дереву), где изображена подобная египетская процессия, так что читатель сам может убедиться, насколько верно описание папского ритуала и как он соотносится с аналогичной египетской церемонией.

Это что касается трона Петра и ключей Петра. А Янус, чьи ключи, а равно, как и ключи его жены или матери Сибилы, узурпировал Папа, был также Дагоном. Янус, двухголовый бог, “который жил в двух мирах”, был вавилонским божеством в качестве инкарнации (переселения души) Ноя. Дагон, первый бог рыб, представлял то же божество как новое воплощение патриарха, долгое время жившего на водах потопа. Точно так же, как Папа носит ключи Януса, он носит и митру Дагона. Раскопки Ниневии не оставляют на этот счет никаких сомнений. Папская митра полностью отличается от митры Аарона и других иудейских священников. У них митра была в виде тюрбана. А двурогая митра, которую носит Папа, когда восседает на высоком римском алтаре и принимает поклонение кардиналов, выглядит точно так же, как и у Дагона, бога рыб филистимлян и вавилонян. В древности Дагон был представлен двумя способами. В первом случае он был представлен как получеловек-полурыба, где верхняя часть была полностью человеческая, а нижняя часть переходила в хвост рыбы. В другом случае, он, по словам Лаярда, “имел голову человека с находящейся над ней в виде митры головой рыбы, у которой чешуйчатый, веерообразный хвост свисал, как капюшон, оставляя открытыми человеческие члены тела”. Лаярд приводит в своей книге рисунок Дагона, на котором читатель может увидеть его митру и сравнить ее с митрой Папы.

Из этого становится ясно, что митра римского понтифика была скопирована именно с митры Дагона. В разинутой пасти рыбы, окружающей голову человека в Ниневии, безошибочно узнаются рога папской митры в Риме. Так было на Востоке, по крайней мере, за пятьсот лет до нашей эры. Точно так же было и в Египте. Уилкинсон, говоря о рыбе под названием “силурис”, замечает, “что один из богов египетского пантеона выглядит как человек с головой этой самой рыбы”. На Западе в более поздний период мы имеем свидетель-

ство того, что язычники отделили митру в виде головы рыбы от туловища рыбы и использовали эту митру отдельно для украшения головы великого бога-посредника. Этот бог изображен на некоторых мальтийских языческих монетах, где у него не видно ничего рыбьего, кроме митры на голове, имеющей почти такую же форму, как и митра Папы или папского епископа наших дней.

Даже в Китае когда-то была широко распространена подобная практика ношения митры в виде головы рыбы, ведь до наших времен сохранилась митра, которую носили китайские императоры и которая в точности напоминает папскую митру. “Разве не известно, — спросил у меня во время личной беседы один широко известный автор наших дней, — что китайский император во все времена, будучи одновременно первосвященником, раз в год для благословения всего народа надевал священнические одежды и митру, точно так же, как это делает римский Понтифик уже около 1200 лет? Это факт”.

В доказательство этого приводится изображение императорской митры, которая спереди является точной копией папской епископской митры. Читателю нужно помнить о том, что даже в Японии, которая находится от Вавилона еще дальше Китая, один из богов представлен с таким же символом власти, что и в Ассирии — с рогами быка — и называется “Носящий рога быка князь небес”. И если такое можно встретить в Японии, то чему удивляться, если символ Дагона присутствует и в Китае.

Но есть еще один символ папской власти, на который нельзя не обратить внимание. Это епископский посох понтифика. Откуда взялся этот посох? Ответ прост: Папа украл его у римского агура (прорицателя). Знатоки классической литературы возможно помнят, что когда авгуры вопрошали небеса или искали знамений с небес, у них был опреде-

ленный инструмент, без которого они просто не могли обойтись. Этот инструмент, при помощи которого они читали волю небес, был загнут на одном конце и назывался “литуус”. Этот “литуус”, или увенчанный крюком посох римского агура, был настолько схож с посохом католического понтифика, что даже сами католические писатели в средние века не считали нужным скрывать этого сходства, не колеблясь называя папский посох словом “литуус”. Так, папский писатель описывает одного Папу или епископа, увенчанного митрой и держащего посох как “mitra lituoque decorus”, что значит “украшенный митрой и посохом”. Как известно, этот литуус, или волшебный посох, римского агура был заим-

ствовав у этрусков, которые, в свою очередь, заимствовали его вместе со своей религией у ассирийцев. Точно так, как римский аугур отличался своим загнутым вверх посохом, также и халдейские предсказатели и священники во время совершения своих магических ритуалов обычно имели при себе изогнутый посох. Корни этого магического посоха можно проследить непосредственно до первого царя Вавилона, которым был Нимрод. Согласно Бэрозусу, он был первым, кто приобрел титул короля-пастуха. На древнееврейском языке, или на халдейском языке времен Авраама, выражение “пастух Нимрод” звучало как “хэ-роэ”, и от этого титула “могущественного охотника”, вне сомнения, произошло само имя Хэро и учредилось поклонение Хэро, впоследствии распространившееся по всему миру. Определенно известно, что обожествленные преемники Нимрода обычно изображались с изогнутым посохом. Так было в Вавилоне и Ниневии, как это демонстрируют дошедшие до нас исторические памятники.

На вавилонском рисунке видны фигуры, держащие подобие изогнутого посоха. У Лаярда можно увидеть еще более витиеватую форму, которая почти похожа на папский посох наших дней. То же было и в Египте. После того, как там установилась власть Вавилона, Осириса часто изображали с посохом, что видно из дошедших до нас статуй Осириса. Лаярд. Ниневия и Вавилон. Лаярд считает, что царь, “надевая свое первосвященническое облачение”, обычно носил серп, но после внимательного исследования изображения видно, что это изогнутый посох, такой же, что и у современных католических посохов, только направленный не вверх, а вниз. Хорошо известное имя “Фараон”, титул Понтифика — царя Египта, является всего лишь египетской формой еврейского “хэ-роэ”. В Книге Бытия слово “фараон” без знаков огласовки звучит как “рэ-роэ”. “Рэ” у египтян было определенным артиклем. У египтян были не цари-пастухи (пастухов египтяне презирали), а “рой-цан” (пастухи скота) (Бытие 46:34). Без артикля “роэ” слово “пастух”, от которого произошло французское слово “roi” (король), в качестве прилагательного значит “царский”; а от “ро” (“пасти”), часто произносимое “рэг” (с суффиксом “ш”, что значит “гот, который есть” или “который делает”) происходит “рэга” (“гот, кто пасет”), откуда и латинское “rex”.

Среди негров Африки есть идол, называемый “фетиш”, который изображается в виде изогнутого посоха. Об этом пишет Хэрд: “Они помещают перед дверями своих домов фетиши. Эти идолы сделаны в форме *крюков*, которые у нас обычно используются для отряхивания плодов с деревьев”. То же самое в наши дни имеет место на Тибете, где ламы носят посох как знак их священнической власти. То же самое имеет место и в далекой Японии, где, согласно описанию идолов великого храма Миако, их духовной столицы, “их головы украшены лучами славы, а некоторые из них держат в руках пастушьи посохи, что указывает на то, что они являются

стражами человечества от всяческих происков злых духов”. Таким образом, посох Папы, который является символом его власти как великого пастуха овец, ничто иное, как изогнутый посох аугура, или магический посох священников Нимрода.

Часть II.

Священники, монахи и монахини.

Если голова испорчена, то также и остальные члены. Если по своей сути Папа является язычником, то какими могут быть его священники? Если они получают указания из крайне испорченного источника, то эти указания должны содействовать передаче порчи из источника указаний. К такому выводу можно прийти совершенно независимо от какого-либо конкретного свидетельства, но свидетельства относительно языческого характера Папского священства достаточно обширны, как в отношении самого Папы. В каком бы свете ни посмотреть на данный предмет, все будет вполне очевидно.

Существует прямой контраст между сущностью служения Мессии и священников папского престола. Когда Мессия посылал Своих слуг, он наказал им “кормить Его овец”, что означало кормить их Словом Всевышнего, которое свидетельствует о Нем и содержит слова вечной жизни. Когда Папа рукополагает своих священников, он запрещает им, за исключением особых случаев, читать Слово Всевышнего “на простонародном языке”, т.е. языке, который люди могут понимать. Он дает им особое поручение; и что это за поручение? Оно содержится в следующих поразительных словах: “Получите власть приносить жертвы ради живых и мертвых”. Какое худшее кощунство еще можно придумать? Что может быть более умаляющим одну единственную жертву Мессии, посредством которой “Он навсегда сделал своих святых совершенными”? (Евр. 10:14) В этом заключается настоящая отличительная функция папского священства. При рукоположении в память о возложенной на них власти происходит то, что по прошествии многих лет Лютер вспоминал с содроганием, удивляясь, как только “земля не разверзлась и не поглотила того, кто эти слова произносил, и того, кто эти слова слушал”. Жертвоприношения, власть совершения которых получают священники, вроде “истинного умиловительного жертвоприношения” за грехи живых и мертвых, это не что иное, как “бескровная жертва” мессы (литургии), которая практиковалась в Вавилоне задолго до того, как о ней услышали в Риме.

Тогда как Семирамида, настоящий оригинал халдейской Царицы Небесной, которой первоначально адресовались “бескровные жертвоприношения” мессы (литургии), сама по себе, как мы уже увидели, была самым воплощением нечистоты и являлась вдохновительницей религиозных об-

рядов, сущность которых была в презрении к установленному Всевышним святому порядку брака. Мистерии, в которых она верховенствовала, были сценами самого крайнего омерзения, и при этом высокопоставленные священники должны были проводить жизнь в рамках celibата как жизнь, исполненную особой святости. Как ни странно это выглядит, голос древности приписывает этой развратной царице изобретение священнического celibата, причем в самой строгой форме. В некоторых странах, таких, как Египет, человеческая природа заявляла о своих правах, и, хоть общая система Вавилона сохранялась, ярмо celibата в них было отменено, и священникам разрешалось жениться. Но каждый историк знает, что когда поклонение вавилонской богине Сибиле пришло в языческий Рим, оно пришло сюда в своей первоначальной форме с celibатом священства. Когда Папа приписал себе то, что было уместно лишь самой богине, из того же самого источника он заимствовал и обет безбрачия. Введение такого принципа в Христианскую Церковь было четко предсказано как знамение отпадения от веры, когда «многие оставят веру, будут следовать учению хитрых лжецов и верить духам заблуждения. Такие учения придут через лицемеров с прожженной совестью, которые запрещают людям жениться. . . » (1 Тим. 4:1–2). Последствия от введения celibата были самыми катастрофическими. Опыт всех стран и народов, где существовал священнический celibат, доказывает, что вместо следования чистоте тех, кто ему себя посвятил, он только толкает их в еще большее осквернение. История Тибета, Китая и Японии, где вавилонский институт celibата был известен с незапамятных времен, свидетельствует об ужасающих мерзостях, которыми он сопровождался. В языческом Риме крайний разврат, которому предавались посвятившие себя celibату священники Бахуса во время их тайных мистерий, был так велик, что Сенат призвал изгнать таких священников из пределов Римской республики. В папском Риме от священнического celibата произошли такие же мерзости. А если к этому еще добавить и развратную систему исповеди, то в буквальном и переносном смысле можно сказать: «Великий Вавилон — мать блудницам и всем мерзостям земли». Откровение 17:5. М.Х.Сеймор показывает, что общее число рождений в Риме было 4373, тогда как из них не менее 3160 были подкидышами! О какой степени распутства это свидетельствует! — «Нравственные результаты римской системы» в книге «Вечера с католиками».

Из тысячи фактов подобного рода достаточно привести хотя бы один, который основывается на свидетельстве известного католического историка Дэ Тру. Когда Папа Павел V подумывал о том, чтобы закрыть лицензированные бордели «Святого Города», римский сенат выступил против проведения в жизнь его планов на том основании, что существование таких мест было необходимо для того, чтобы священники не совращали их жен и дочерей!

У давших обет celibата священников есть одна отличительная черта.

Это тонзура. Выбравание тонзуры является первой частью церемонии рукоположения и считается самым важным ее элементом. Эта тонзура считается тонзурой Св. Петра и является видимым символом посвящения на священническое служение. В связи с тем, что Рим придает тонзуре такое важное значение, давайте ответим на вопрос: а в чем же ее значение? Она была видимым знаком посвящения на служение священников Бахуса. Эта тонзура не имеет ничего общего с христианской верой. Но она и в самом деле была “тонзурой Петра”, только не Петра из Галилеи, а халдейского “Петра” из Мистерий. Он был священником с тонзурой, потому что так выглядел бог, в чью честь проводились Мистерии. За столетия до мессианской эры Геродот так писал о вавилонской тонзуре: “Арабы не признают никаких других богов, кроме Бахуса и Урании (т.е. Царицы Небесной), и они говорят, что подстригают волосы так, как они были пострижены у Бахуса, т.е. выбривают их в виде круга”.

Для чего же стала выбриваться эта тонзура Бахуса? В жизни Бахуса все было таинственно и представлено в виде тайных символов, так, чтобы их не смог понять непосвященный (не прошедший инициации). Одним из наиболее значимых элементов Мистерий было расчленение бога после предания его смерти. В память об этом каждый год его оплакивали как “Рош-Гэза” (“расчлененный Князь”). Но “Рош-Гэза” переводится также как “остриженная или обритая голова”. Поэтому и его самого изображали с тонзурой на голове. Соответственно, и его священникам по этой же самой причине во время их рукоположения обривали или остригали голову. По всему миру, где прослеживаются следы халдейской системы, ей всегда сопутствует выбривание тонзуры или обривание головы. Священники Осириса, египетского Бахуса, всегда выделялись своими обритыми головами. В языческом Риме, в Индии и даже в Китае отличительной чертой вавилонского священства были обритые головы. Так, Гаутама Будда, живший где-то за 540 лет до Мессии, при основании в Индии буддистской религии, которая распространилась на самые отдаленные регионы Востока, сначала, как он говорил, в знак послушания божественной заповеди обрил свою собственную голову, а затем сказал делать это по его примеру всем своим последователям. Одним из его титулов был “Бритая голова”. “Для того, чтобы исполнить приказания Вишну, – говорит один из Пуранов, – “Бритая голова” собрал вокруг себя множество учеников, таких же бритоголовых, как и он сам”. Древность тонзуры можно увидеть на примере высказываний закона Моисея против нее. Иудейским священникам категорически запрещается брить голову (Левит 21:5), что указывает на то, что “бритоголовые” существовали еще во времена Моисея. В католической церкви волосы на голове простых священников лишь подрезаются, а головы монахов обриваются, но и тем и другим во время посвящения выбривают круглую тонзуру, которая, вне всякого сомнения, отождествляет их с Бахусом, “расчлененным Князем”. Мы уже показали,

что среди халдеев бытовало слово “зоро”, которое одновременно значило “круг” и “семя”. В Индии слово “Суро” (“семя”), как мы увидели раньше, было воплощением бога солнца. Когда это семя было представлено в человеческом теле, то для отождествления с солнцем его изображали с кругом на одной из частей тела, что является широко известным символом годового вращения солнца. А британского бога Тора изображали с сияющим кругом на груди (Wilson. Parsi Religion). В Персии и Ассирии круг иногда изображали на груди, а иногда на пояснице, а иногда на голове бога солнца (Bryant and Layard's Nineveh and Babylon). В Индии его изображали на кончике пальца (Moor's Pantheon, “Vishnu”). Отсюда круг стал символом рожденного вновь Таммуза (“семени”). Круглая тонзура Бахуса, несомненно, должна была указывать на него как на “Зэро” (“семя”), “великого избавителя”. А круг света вокруг головы так называемых картин Христа является лишь одной из форм вышеупомянутого круга, заимствованного из того же самого источника. Церемония выбривания тонзуры, по словам Мауриса, который описывает подобную практику в Индии, “имеет древнюю традицию священников Митры, которые своими тонзурами имитируют солнечный диск” (Antiquities). Поскольку бог солнца был великим оплакиваемым богом, и у него волосы выбривались в форме круга, то и священники, которые его оплакивали, также выбривали волосы в форме круга. Поэтому в самых разных странах люди, которые оплакивают покойников, в знак почитания усопшего выстригают себе волосы в форме круга. Имеются некоторые данные об этом и в Греции, что показано в “Электре” Софокла. А Геродот конкретно упоминает о том, что такая практика существовала среди скифов во время похорон царственных особ. Он пишет: “Тело покрывали воском. Потом его клали в повозку и перевозили в другое место, где люди, которые его принимали, отрезали, подобно царственным скифам, часть своего уха и выбривали на голове круг.” Так же и Папа, главный представитель лжемессии, имеет на голове тонзуру, равно, как и его священники для отождествления с системой должны выбривать себе круглую тонзуру, что указывает на их причастность служению в качестве представителей того же самого лжемессии.

Если католические священники забирают у людей ключи от знания и запирают от них Священное Писание, если их рукополагают для принесения жертвы в честь языческой Царицы Небесной, если они обязаны подчиняться языческому закону целибата, что заставляет их заниматься распутством. Короче говоря, все это указывает на их принадлежность к ордену священников халдейского Бахуса. Как тогда они могут называть себя служителями Мессии?

Но у католиков есть не только обычные священники, но и другие религиозные чины самого разного рода. Католическая церковь насчитывает неисчислимые армии монахов и монахинь. Где в Писании содержится хоть намек на такой институт? Зато в религии вавилонского мессии такой

институт существовал с самых ранних времен. В этой системе монахов и монахинь было в избытке. На Тибете и в Японии, где халдейская система появилась очень рано, до сих пор можно встретить монастыри, которые так же отрицательно влияют на нравственность, как это имеет место и в папской Европе. Есть люди, даже среди протестантов, которые говорят о пользе монастырей в темные средневековые времена, как будто те стали плохи лишь после того, как поддались “ветхости и распаду”! Принудительный целибат, который лежит в основе монашеской системы, есть самим воплощением отпадения от истинной веры, которое Священное Писание называет “Тайна Беззакония”. Пусть такие протестанты прочитают 1 Тимофея 4:1–3, после чего они больше не станут говорить о том, что царящая в монастырях мерзость пришла от их ветхости”.

В Скандинавии жрицы Фреи, которыми обычно бывали дочери короля и в чьи обязанности входило следить за священным огнем, были обязаны хранить девственность и были самыми настоящими монахинями. В Афинах были девственницы, которые содержались за общественный счет и которые должны были строго придерживаться холостой жизни. В языческом Риме были девственницы-весталки, у которых были те же обязанности, что и у жрицы Фреи. Даже в Перу во время царствования инков доминировала такая же система. Подобная аналогия между римскими весталками, папскими монахинями и священными девами Перу доказывает тот факт, что все это произошло от одного корня. Вот как Прескотт описывает перуанских монахинь: “Еще одна аналогия с римо-католическими институтами видна в случае с девами солнца, или избранными, как они себя называют. Эти молодые женщины посвятили себя служению боже-ству. Их в ранние годы забрали из дома и поселили в монастыре, где за ними присматривают пожилые матроны, “мамаконы”, которые поселили в тех же стенах. В их обязанность входило наблюдение за священным огнем, зажженным во время праздника Райми. С того времени, как они переступили порог монастыря, девушки оказались отрезанными от любого общения с миром, даже со своими семьями и друзьями. . . Горе тем несчастным девушкам, которых уличили в интригах! По суровым законам инков их хоронили живьем!”

“Мамакона” (“Матушка Жрица”) звучит почти по-еврейски. Это слово образовано от “ам” (мать) и “кон” (священник) и употреблялось исключительно по отношению к женщинам. Наше привычное слово “мама”, также, как и перуанское, — удвоенное еврейское слово “ам”.

Точно так же поступали и с римскими весталками, которые осмелились нарушить обет. Но ни в Перу, ни в языческом Риме обязанности девственности не были так строги, как в папстве. Обет не был на всю жизнь, следовательно, не был настолько деморализующ. Спустя некоторое время монахинь освобождали из заточения, и они могли выходить замуж. Именно этой надежды они лишены в римо-католической церкви.

Но вполне очевидно, что во всех этих случаях институт монашества имеет одно основание. “Просто поразительно, — пишет Прескотт, — какое близкое сходство существует между институтами монашества у американских индейцев, у древних римлян и у современных католиков”.

Прескотту тяжело представить истинную причину такого сходства, но всего одного предложения из книги пророка Иеремии вполне достаточно для объяснения этого: “Вавилон был золотой чашей в руке Всевышнего, опьянявшей *всю землю*; народы пили из нее вино и безумствовали” (Иер. 51:7). Имеется достаточно исторических фактов, проливающих свет на тайну папского беззакония. Легко доказать, что идолопоклонство распространилось по всей земле из одного источника и имеет единый священный язык — халдейский, когда все *великие боги* в каждой из стран называются вавилонскими именами, а мифологические системы различных языческих религий основаны на искаженном знании благой вести Эдема, которая через Ноя стала известна всему человечеству. Система, которая первоначально была основана в Вавилоне, разошлась затем во все концы земли, где с течением времени была видоизменена и приняла местные формы. И только в папском Риме она осталась почти в перво-зданном и “чистом” виде.

Глава VII.

Два пути развития с исторической и пророческой точек зрения.

До сих пор мы рассматривали историю “Двух Вавилонов”, в основном, в деталях. А сейчас мы попробуем посмотреть на них как на организованные системы. Идолопоклонническая система древнего Вавилона в разные периоды своей истории имела различные фазы развития. В пророческом описании современного Вавилона присутствует развитие различных факторов, действующих в разные времена. Имеют ли эти факторы отношение друг к другу? Да, имеют. Если рассмотреть историю древнего вавилонского язычества в свете пророческих символов, высвечивающих действие язычества в Риме, то обнаружатся объекты, до сих пор ускользавшие от нашего внимания. Силы беззакония, действующие в современном Вавилоне, особо отмечены в главах 12 и 13 книги Откровения. Среди них:

1. Огромный Красный Дракон.
2. Выходящий из моря Зверь.
3. Выходящий из земли Зверь.
4. Образ Зверя.

Часть I.

Огромный Красный Дракон.

Относительно каждой из этих тем будет показано их историческое развитие и то, что язычество Ветхого Завета было точным образцом язычества Нового.

Этот ужасающий враг истины особенно подробно описан в Откровении (12:3): “Потом на небе появился другой образ — огромный красный дракон с семью головами, десятью рогами и с семью венцами на головах”. Общепризнано, что он является главным врагом, который в новозаветные времена нападал на верующих в Мессию. Если рассмотреть термины, которыми он называется, и дела, которые ему приписываются, то можно увидеть, что между ним и первым врагом всех людей, который повел их против Всевышнего сразу после Потопа. Термин “дракон”, понимаемый

читателем в соответствии с современным значением этого слова, часто дает неправильное его восприятие, вызывая в памяти средневековые сказки о существе с крыльями. Во времена, когда Иоанну было явлено откровение Всевышнего, у слова “дракон” не было такого значения, ни в светских, ни в священных книгах. “Дракон греков, — пишет Паусаний, — был всего лишь большой змеей”; и сам контекст показывает, что это было именно так, так как то, что в третьем стихе называется “дракон”, в четырнадцатом называется просто “змей”. Тогда слово “красный” в действительности значит “огненный”, так что “красный дракон” — это “огненный змей”. Именно так в древности он выглядел у первых идолопоклонников. “Огненный змей” на равнинах Шинара был главным объектом поклонения. Имеются убедительные свидетельства того, что отпадение от истинной веры сынов Ноя началось с огнепоклонства, принявшего затем вид поклонения огненному змею.

Мы уже имели возможность увидеть, что огню поклонялись как источнику света и инструменту очищения. Так было с самых древних времен, поскольку древние источники сообщают о том, что именно Нимрод стал основоположником огнепоклонства. Мы уже доказали тождественность Нимрода и Нина. Нимрод под именем Нин (Нинус) также описывается в качестве основоположника той же самой практики. В отрывке из Аполлодора сказано, что “Нинус научил ассирийцев поклоняться огню”. Солнцу, как главному источнику света и тепла, поклонялись под именем “Баал”. Тот факт, что солнцу с древних времен поклонялись под этим именем, показывает вызывающий характер начала отпадения от истинной веры.

Согласно древнему языку человечества, солнце называлось “шемэш”, что значит “слуга”, — имя, вне сомнения, данное Всевышним, чтобы мир помнил о великой истине того, что, как бы ни величественно было дневное небесное светило, оно было лишь слугой великого и невидимого Творца, которым Он благословлял живущих на земле. Люди знали об этом, и, имея полное знание, они поставили слугу на место Господина, назвав солнце “Баал”, что значит “Господин”, и стали соответствующим образом ему поклоняться. Именно это имел в виду Павел, когда писал, что “они знали Всевышнего, но не прославили его как Творца”, а “заменили истину Всевышнего на ложь и стали поклоняться и служить творению, нежели Творцу, который есть Всевышний над всем, благословенный навек”. Таким образом, начало поклонения солнцу и поклонения небесному сонму было грехом против света — дерзким грехом, бросающим вызов Всевышнему. Как солнце в небе было главным объектом для поклонения, так и огонь был объектом поклонения в качестве его земного представителя. Именно об этом первоначальном поклонении огню говорит Витрувиус, когда пишет, что “первоначально люди собрались в общины и государства

вокруг костра”. Это в точности соответствует тому, что мы уже узнали о Фронэусе, которого мы отождествили с Нимродом. В то время, когда его называли “изобретателем огня”, он также считался и первым, кто “собрал человечество в общины (организованные сообщества)”.

Одновременно с солнцем существовало и поклонение великому богу огня в виде змея, который одновременно отождествлялся и самим солнцем.

“В мифологии первобытного мира, — пишет Оуэн, — змей/змея везде был символом солнца”. В Египте одним из широко распространенных символов солнца, или бога солнца, был круг со змеей вокруг него. Истинная причина такого отождествления была в том, что как солнце было главным источником света для физического мира, так и змей считался главным источником в духовной сфере, который дал человечеству “знание добра и зла”. Это, безусловно, подразумевает полную духовную деградацию части предводителей этой системы. У нас есть множество основанных на светских источниках и на Священном Писании свидетельств того факта, что поклонение змею началось вместе с поклонением огню и солнцу. Вдохновленные Святым Духом слова Павла только подтверждают эту мысль. Это случилось тогда, когда люди знали Бога, но не прославили Его как Бога и не были благодарны Ему, их размышления и представления привели их в тупик, и их неразумные сердца погрузились во мрак, и променяли славу нетленного Бога на образы, похожие на тленных людей, птиц, животных, пресмыкающихся, другими словами, на идолов (Римлянам 1:23). Это подтверждается и светской историей. Из светских авторов можно привести слова финикийца Санчуниатона, который, как считается, жил в одно время с Йаухуша Бэн Нуном (Навином): “Сначала Тот наделил божественными чертами змею и змеиное племя, а за ним последовали финикийцы и египтяне. Они считали это животное самым духовным из всех рептилий, имеющим *огненную* природу, ярко проявляющим свое небесное естество, что выражается даже в его способности силой духа двигаться без рук или ног. . . Кроме того, змеи живут долго и обладают способностью *обновлять свою молодость*. . . Так написал в своих священных книгах Тот; на основании содержащихся в них описаниях этих животных они представлены в священных ритуалах и Мистериях”.

Тот, если вспомнить, был советником у Тамуса, т.е. у Нимрода. На основании данной посылки мы приходим к заключению, что змеепоклонство было в древности частью нимродовского отпадения от истинной веры. “Огненная природа” змея, о которой упоминается в отрывке, постоянно воспевается языческими поэтами. Так, Вергилий пишет о “приписываемой змеям божественной природе”. Он такими словами описывает священную змею, которая вышла из гробницы Анхей, когда его сын Эней у него на глазах был принесен в жертву, что очень напоминает язык уже

цитировавшихся отрывков из финикийца и “Огненного Змея”: “Едва он закончил, как из гробницы начал выползать змей. Его громадное тело было свернуто в семь колец. Его спина отливала синевой и блестела золотом чешуи. Извиваясь на своих кольцах, он казался движущимся огнем”.

Не удивительно поэтому, что огнепоклонство и змеепоклонство были переплетены. Змей, способный каждый год обновлять “свою молодость”, в глазах его поклонников выглядел великим обновителем, который каждый год возрождается и возрождает лик природы, и который, будучи обожествлен, был объектом поклонения как великий Возродитель человеческих душ.

На соответствующих языческих изображениях “великий огненный змей” представлен со всеми королевскими регалиями. Все его головы окружены “коронами или диадемами”. У египтян и греков огненный змей, или солнечный змей, назывался Василиск (Василиск), что значит “царский змей”, что должно было отождествлять его с Молохом, чье имя также указывает на огонь и кровь, а непосредственно переводится как “Царь”. Среди египтян и многих других народов Василиск считался “самим воплощением царского величия и власти”. Поэтому его статуя крепилась к головным уборам египетских монархов, кроме которых больше никому не позволялось ее носить. Отождествлявшееся с этим змеем солнце называлось “пъоуро”, что одновременно значит “огонь” и “царь”, откуда пошел и эпитет “Пуррос” (“огненный”), которым называли “Великого, увенчанного семью коронами, змея”. Слово “Пуррос” не исключает идеи о “красном”, поскольку бог солнца перекрасился в красный цвет для отождествления с Молохом, который одновременно был богом огня и богом крови (Уилкинсон). Но, тем не менее, основная, первичная идея подразумевает “Огонь”.

Таким образом, Солнце, великий бог огня, было отождествлено со Змеем. Но у него был также и земной представитель. Им был Таммуз, которого оплакивали дочери Израила, или, другими словами, Нимрод. Раньше мы уже рассмотрели тождественность Нимрода и Зороастра. Зороастр был не только главой халдейских мистерий, но и, по всеобщему признанию, главой огнепоклонников (см. примечание в конце главы). Титул, который носил Нимрод как первый царь Вавилона, согласно Бэрозусу, свидетельствует о том же. Этот титул был “алорус”, т.е. “бог огня”. Нимрод, “бог огня”, был Молк-Гебером, или “Могущественным царем”, точно так же, как его первоначально называли Молох, или Царь. Он же был первым, кто стал на земле “могущественным” (гебер). Мы уже рассматривали, как произошло “проведение через огонь Молоха”, и как бог огня у римлян стал называться “Мулькибер”. Обычно произносилось “мульцибер”, но у римлян вместо “ц” произносилось “к”. От эпитета “гебер” парсеи, индийские огнепоклонники до сих пор называются “гуэбрэсы”.

Однако обожествлен он был только после смерти. Затем, ретроспек-

тивным образом, ему поклонялись как ребенку Солнца или воплощенному в человеческом теле Солнцу. Однако при своей жизни он не претендовал на большее, нежели Бол-Кхан, или священник Баала, от которого произошло имя римского бога огня Вулкана. Все в мифологической истории жизни Вулкана соотносится с Нимродом. Вулкан был “самым безобразным и увечным” из всех богов. По всему миру Нимрод изображается с чертами и внешностью негра. Хоть Вулкан и был таким безобразным, что, когда он искал себе жену, “все красивые богини с ужасом отвергли его”; но “вмешалась неотвратимая Судьба и повелела, чтобы самая прекрасная богиня [Венера] стала женой этого самого неприглядного из богов”. Точно так же, вопреки своим черным кушитским чертам, Нимрод имел в качестве жены самую прекрасную из женщин — Семирамиду. Жена Вулкана славилась своей неверностью и распущенностью, такой же была и жена Нимрода. Вулкан был главой и начальником Циклопов, т.е. “царем огня”. Нимрод, как вселенский царь, был Хук-холд (“Царь мира”). Поэтому символом его власти были рога быка. Отсюда и рога рогоносца (обманутого мужа). Куклопы, от “хук” (царь) и “лоб” (огонь). Великий бог изображался с тремя глазами, где один был на лбу; отсюда и миф о циклопах с одним глазом на лбу.

Нимрод был главой огнепоклонников. Вулкан был метателем громов и причинял этим массу бедствий врагам богов. Нинус, или Нимрод, во время войны с царем Бактрии вел войну подобным способом. От Арнобиуса мы узнаем, что, когда ассирийцы под предводительством Нинуса вели войну против бактрийцев, битва велась не только при помощи мечей и физической силы, но и при помощи магии и способов, почерпнутых из тайных учений халдеев. Мы уже знаем, что мифологические циклопы, согласно историку Кастору, были уже во времена Сатурна или Бэлуса, первого царя Вавилона. Мы также знаем и то, что Юпитер (которому поклонялись так же, как и Нинусу, “ребенку”) во время битвы с Титанами “получал от циклопов помощь” в виде “сверкающих молний и громов”. Из всего этого мы можем получить представление об искусстве магии, содержащемся в халдейских мистериях, которые Нинус использовал против царя бактрийцев. Имеются сведения, что священники халдейских мистерий знали состав грозного греческого огня, горевшего даже под водой, секрет которого был утерян. Поэтому нет ни малейшего сомнения, что Нимрод, набирая все больше власти и силы, использовал эти или подобные научные открытия, которыми владели лишь он и его приближенные. Следует заметить, что здесь наблюдается точное совпадение между Вулканом, римским богом огня, и Нимродом, вавилонским богом огня. В случае с классическим Вулканом он является лишь фигурой бога-огня в качестве популярно представленного физического агента. Но в духовном плане он играл роль очистителя и обновителя душ людей. Могущество, популярность и искусность Нимрода, а также соблазнительная приро-

да самой системы позволила ему распространять обманчивое учение все дальше и дальше. Он был представлен в виде хорошо известного Фаэтона (см. примечание в конце главы), “зажегшим весь мир” или (без поэтических метафор) вовлекшим все человечество в грех огнепоклонства. Необычное доминирование поклонения богу огня в раннюю эпоху истории человечества доказывается легендами самых разных народов земли, совпадающими почти во всех деталях. Так, в Мексике мифы гласят о том, что очень давно мир был сожжен огнем. Поскольку их мифы запечатлены в виде иероглифов, как это было у древних египтян, то вполне ясно, что их следует понимать символически. В Индии бытует легенда похожего содержания, хоть и в несколько видоизмененной форме. Брахманы говорят, что в очень далеком прошлом один из богов сиял с такой непереносимой яркостью, что “вызывал своими яркими, ярче тысячи солнц, лучами расстройство во вселенной”, пока не вмешался другой, более могущественный бог и не отрезал ему голову, иначе результаты были бы самые катастрофичные. (Skanda Puran, and Padma Puran, Kennedy’s Hindoo Mythology.) В мифе это божество представлено как пятая голова Брахмы. Но когда эта голова, согласно мифу, приобрела огромные знания Вед, которые написали другие четыре головы, то непомерно возгордилась. А это вызывает на ее отличительную индивидуальность.

В друидских Триадах древних британских бардов имеется упоминание о таком же событии. Там сказано, что в древние времена “возникла огненная буря, образовавшая глубокую трещину”, во время которой не уцелел никто, кроме “избранной группы людей, запертых за сильными дверями”, среди которых был “отличившийся своей праведностью патриарх”, т.е. — это Сим, предводитель сторонников истинной веры, сохранивших свою “праведность” в то время, когда многие потерпели крушение веры и доброй совести. Все эти мифы указывают на один и тот же период и показывают, насколько сильным было тогда отпадение от истинной веры. Папское чистилище и костры в канун Святого Иоанна, о которых мы уже говорили, равно как и другие сохранившиеся поныне легенды и ритуалы, также являются отголосками тех же самых древних суеверий.

Мы видим, что Огромный красный дракон, или Огромный огненный змей, изображен стоящим перед Женщиной с короной из двенадцати звезд, которая есть Истинная Община Всевышнего, чтобы “проглотить ее ребенка, как только он родится”. Все это находится в точном соответствии с природой Главного Предводителя системы огнепоклонства. Нимрод как представитель пожирающего огня, которому в жертву приносились люди, особенно дети, считался главным пожирателем детей. Хоть при своем первоначальном обожествлении он был представлен как Нинус, или ребенок, тем не менее, поскольку он был первым из обожествленных людей, то в действительности он был отцом всех вавилонских богов, в каковой роли он был впоследствии широко признан. Фаэтон, хоть и был сыном

солнца, назывался также Отцом богов. (Lactantius, De Falsa Religione) В Египте Вулкан тоже был Отцом богов. Ammianus Marcellinus)

В качестве Отца богов, как мы уже рассматривали, его звали Кронос. Каждый, кто знаком с классической античной литературой, знает миф о Кроносе, как тот “проглотил своих сыновей сразу после их рождения”. Такова аналогия между типом и антитипом. У этого мифа есть более детальное и глубокое значение, но применительно к Нимроду, или “Рогатому”, он просто указывает на то, что для него как представителя Молоха, или Баала, принесенные в жертву дети были намного предпочтительнее. На основании древних источников у нас имеется достаточно убедительных и печальных свидетельств этого. “Финикийцы, — пишет Евсевий, — каждый год приносили своих любимых и единственных детей Кроносу или Сатурну, и жители Родоса часто делали то же самое”. Диодорус Сикулюс утверждает, что однажды карфагеняне, будучи осаждены сицилийцами и будучи сильно теснимы, подумали, что им нужно исправить допущенное ими отклонение от древних традиций Карфагена, и поэтому в спешном порядке они “собрали двести самых лучших детей и на глазах у всех жителей принесли их в жертву” своему богу. Есть основания полагать, что такая же практика имела место и в Англии во времена друидов. Мы знаем, что они приносили человеческие жертвы своим кровожадным богам. У нас имеются свидетельства тому, что они “заставляли своих детей проходить сквозь огонь Молоха”, и это, скорее всего, значит то, что их приносили в жертву. Если сравнить места из Иеремии 32:35 (“устроили капища Баалу в долине сыновей Енномовых, чтобы проводить через огонь сыновей своих и дочерей своих в честь Молоху”) и из Иеремии 19:5 (“и устроили высоты Баалу, чтобы сжигать сыновей своих огнем во всеожжение Баалу”), то мы видим, что в том и другом случае разговор идет об одной системе. Бог, которому поклонялись друиды, был Баал, на что указывают костры Баала, а последний отрывок доказывает то, что детей приносили в жертву Баалу. Когда приносились “первые плоды тела”, это делалось “за грех души”. Принципом закона Моисея, принципом, без сомнения, унаследованным от веры патриархов, было то, что священнику доставалась часть из того, что приносилось в жертву (Числа 18:9,10). Таким образом, от священников Нимрода и Баала обязательно требовалось есть человеческие жертвоприношения. Отсюда во многие языки пришло слово “Кана-Бал” (“Священник Баала”), которое в современном звучании приобрело форму “каннибал” (людоед). Слово “кана” является производным от “кан”. “Кан” значит священник вообще, а “кана” — конкретный священник. От древнего историка Кастора (в армянском переводе — Евсевия) мы узнаем, что циклопы были тождественны Бэлу, или Бэлусу, т.е. Баалу; а у Эсхила сказано, что циклопы были братьями Кроноса, который был также Бэлом или Балом, о коем мы уже упоминали. Глаз у них на лбу показывает, что первоначально это имя было именем главного бога, потому что та-

кой глаз в Индии и Греции характеризовал верховное божество. Таким образом, циклопы были представителями этого бога, другими словами, священниками Бэла или Бала. Известно, что циклопы считались каннибалами. У Овидия в “Метаморфозах” даже имеется выражение “*Refertur ritus Cycloporum*” (“возродить ритуалы циклопов”), т.е. возродить практику поедания человеческой плоти.

Древние предания гласят о том, что отступники, которые присоединились к мятежу Нимрода, вели войну с верными из числа сыновей Ноя. На стороне огнепоклонников были сила и их многочисленность. Но на стороне Сима и верных была могущественная сила Духа Всевышнего. Поэтому многие убедились в своем грехе и оставили свои злые деяния, и, как мы уже увидели, верные одержали победу. Власть Нимрода пришел конец, и вместе с нею на некоторое время прекратилось поклонение солнцу и соотносящемуся с ним огненному змею. Войны *гигантов* против *небес*, о которых упоминают древние языческие авторы, являются мифологическим отражением этой самой войны против *святых*, поскольку люди не могут воевать с Всевышним иначе, как воюя с верными Ему людьми. Древний автор Эуполемус, которого цитирует Евсевий (*Praeparatio Evang.*), говорит, что строители Вавилонской башни были именно этими самыми гигантами, что подводит почти к такому же выводу, к которому мы только что пришли. Ведь мы увидели, что те самые “сильные” Нимрода были древними “гигантами”. Епифан сообщает, что Нимрод был предводителем тех самых гигантов, и что под его властью процветали “заговоры, соблазны и тирания”. Понятно, что больше всего страдали верные, поскольку они больше всех противостояли его амбициозным кощунственным деяниям. Правление Нимрода имело показательный конец, о чем мы уже говорили. Следующее место из Синцеллиуса подтверждает выводы, к которым мы пришли относительно природы этого конца. Говоря о срыве планов по строительству башни, Синцеллиус (*Chronographia*) пишет: “Но Нимрод упорно оставался (когда большинство других строителей башни рассеялись) и жил на месте строительства, все еще имея в своем распоряжении группу презренных людей. Вскоре после этого башня под напором сильных ветров рассыпалась и, как наказание от Всевышнего, раздавила его”. Хотя это может и не быть буквально так, поскольку башня стояла еще многие годы, тем не менее, есть предания, которые гласят, что башня, при помощи которой Нимрод хотел себя прославить, была разрушена ветром. Если эту легенду понять надлежащим образом, то можно увидеть ее истинное значение. При этом следует помнить, что одно и то же слово обозначало “ветер” и Дух Всевышнего. Тогда получается, что амбициозные и грандиозные планы, которые на языке Писания звучат как “построить себе город и башню высотой до небес”, были на некоторое время разрушены, а сам Нимрод погиб.

Гибель Нимрода произошла так, как об этом сказано в Откровении:

“Этот дракон — древний змей, которого называют дьяволом и ха-сатаном: он, обманувший весь мир, был вместе со своими ангелами сброшен на землю” (Откр. 12:9). Т.е. предводитель огнепоклонства и его приближенные и подданные были низвержены и лишены власти и славы, которой они достигли. Затем было время, когда все боги классического греческого Пантеона были вынуждены бежать и прятаться от гнева своих врагов. Индийские царь богов Индра, бог солнца Сурья и бог огня Агни были свержены с индуистского Олимпа на землю, где вынуждены были скитаться или прятаться в лесах, готовые “погибнуть от голода”. Потом случилось так, что Фэтон, когда при помощи своей солнечной колесницы хотел зажечь весь мир, был поражен верховным богом и свержен на землю, а его сестры, дочери солнца, безутешно оплакивали его, “как женщины плакали по Таммузу”. Затем Вулкан, или Молк-Гебер, классический “бог огня”, был постыдно сброшен с небес, о чем пишет Гомер, рассказывая о гневе “Царя Небес”, что подразумевало верховного бога. Греческие поэты говорили о двух падениях Вулкана. В одном случае он был низвержен Юпитером, а в другом — Юноной. Когда его низверг Юпитер, это было наказание за мятеж, а когда Юнона — одной из описанных причин был его внешний отвратительный вид. (Гомер. “Гимн Аполлону”) Насколько это точно соответствует истории Нимрода? Во-первых, он физически был свергнут, когда по воле Всевышнего его убили. Во-вторых, он был свергнут в виде статуи, когда его изображение было удалено с рук Царицы Небесной, чтобы заменить его более красивым ребенком.

Относительно такого свержения есть пророческое упоминание царя Вавилона в книге Исаии, где выражается ликование по поводу его неминуемого падения: “Как упал ты с неба, денница, сын зари! Разбился о землю, попиравший народы” (Исаия 14:12). Вавилонский царь претендовал на то, что он был представителем Нимрода или Фэтона; и пророк в приведенном месте из Писания сообщает ему, что его постигнет такая же участь, что и бог, которому он поклоняется, так же будет свергнут со своего высокого места. Согласно классической античной мифологии Фэтон был испепелен молнией (точно так же окончил и Эскулап, о чем мы поговорим позже). Но молния является метафорой для гнева Всевышнего, в результате которого был положен конец его царству и власти. Если посмотреть на исторические данные и очистить этот образ от всякого мифологизма, то оказывается, что он, как мы уже говорили раньше, был убит мечом. Хоть обычно Орфей изображается разорванным на куски, в мифологическом представлении он был убит молнией. (Pausanias, Boeotica) Когда умер Зороастр, то, согласно мифу, он был сожжен молнией (Suidas); и, таким образом, в соответствии с этим мифом, он приказал своим соотечественникам хоронить не его тело, а “пепел”. Но, вполне очевидно, что смерть от молнии — это лишь метафора.

Таков язык пророчества и именно так он описывает личность, дела и

участь этого человека (типа). А как это соотносится с антитипом? Может ли за образом “Огненного Змея” стоять языческий имперский Рим, чья власть преследовала первых верующих в Мессию, чьи солдаты стояли вокруг могилы Сына Самого Всевышнего, чтобы поглотить Его, первенца из воскресших, Который должен был править над всеми народами? Рожденный Ребенок, Который должен был править всеми народами железным жезлом, несомненно является Мессией (см. Псалмы 2:9 и Откр. 19:15). Истинные верующие, составляющие с Ним одно целое, также разделяют Его почести (Откр. 2:27), но только одному лишь Мессии принадлежит эта исключительная прерогатива. И я думаю, что здесь говорится именно о Его буквальном рождении в Вифлееме. Когда Мессия был рожден в Вифлееме, то Ирод хотел Его уничтожить, а Ирод был частью Римской Империи. Но делал он это не из почтения к Кесарю, а просто из страха утратить свое положение царя Иудеи. Согласно историческим данным, Кесарю совсем не понравилось убийство Иродом детей в Вифлееме, по поводу чего он сказал, что “лучше быть свиньей Ирода, чем его ребенком”. (Macrobius, Saturnalia) Но даже если допустить, что предпринятая Иродом кровавая попытка уничтожить Младенца-Спасителя символизируется Римским драконом, который хотел поглотить ребенка сразу после его рождения, то что тогда указывает на утверждение о ребенке, который для спасения от дракона был “вознесен к Всевышнему и Его Трону”? Бегство Иосифа и Марии с Ребенком в Египет не соответствует такому языку. Более того, следует особо заметить, что, когда Иисус Христос был рожден в Вифлееме, Он был рожден только как “Царь иудеев”. “Где новорожденный Царь иудеев?” — был вопрос магов, которые пришли с Востока ради Него. Всю свою жизнь Он выступал исключительно в этой роли и при Его казни на столбе была следующая надпись: “Царь иудеев”. Это было не случайно. Павел говорит нам (Римлянам 15:8), что “Господь Иисус стал слугой *иудеев* во имя истины Бога, чтобы подтвердить те обещания, которые Он дал патриархам”. Наш Повелитель Сам провозгласил то же самое. “Я послан спасти потерявшихся овец дома Израилева”, и, когда Он посылал своих учеников во время своего земного служения, Он наказал им не идти к язычникам и не входить в города самарян. Только после своего воскресения Он был назван Сыном Всевышнего, и Своей победой над смертью Он открылся как “Ребенок, рожденный, чтобы править народами”. Когда Он воскрес и возносился на Небеса, Он сказал Своим ученикам: “Мне отдана вся власть на небе и на земле. Поэтому идите и делайте всех людей Моими учениками”. В ночь, перед тем, как Он был выдан, наш Повелитель четко сказал о своем славном “рождении” из мертвых и о муках рождения Его Общины: “Говорю вам истину, вы будете плакать и рыдать в то время, когда мир будет радоваться. Вы будете скорбеть, но скорбь ваша обратится в радость. Когда женщине подходит время родить, у нее начинаются боли, но, как только ребенок родится, она забывает

боль от радости, что в мир родился *человек*! Так и с вами: сейчас у вас время скорби, но, когда Я снова вас увижу, никто больше уже не отнимет вашей радости”. (Иоанна 16:20–22) Здесь горе учеников и, конечно же, всех истинно верующих, которые помогали им во время власти тьмы, сравнивается с муками женщины во время родов; и их радость, когда они вновь увидели Воскресшего Спасителя, приравнивается к радости матери, благополучно родившей Ребенка. Разве есть сомнение относительно того, что стоит за символом женщины в родовых муках, рождающей “Человека, который будет править всеми народами”, когда сказано, что этот “Человек был вознесен к Всевышнему и Его Престолу?”

Среди господ и среди богов, которым поклонялись в имперском городе было два главных объекта для поклонения, называвшихся “Вечный огонь”. Этот огонь постоянно поддерживался горящим в храме Весты и в храме Эпидаурианского Змея. В языческом Риме такого рода поклонение огню и змею было иногда раздельным, а иногда совмещенным; но всегда занимало в Риме видное место. Огонь Весты считался одним из главных гарантов безопасности империи. Считалось, что он был принесен из Трои Энеем, которому поручила позаботиться о нем тень Гектора. Этот огонь находился под неусыпным контролем дев-весталок, которые считали заботу о нем величайшей честью. Храм, в котором он поддерживался, по словам Августина, “был самым священным и самым почитаемым из всех храмов Рима”. Огонь, который так ревностно оберегали в этом храме, считался тем же самым огнем, которому поклонялись древние вавилонские огнепоклонники. Он считался очистительным, и в апреле каждого года во время Палилии, или праздника Света, через него должны были проходить как люди, так и скот. Эпидаурианский змей, которому Римляне поклонялись вместе с огнем, считался священным представлением Эскулапа, ребенка солнца. Эскулап, которого представлял этот священный змей, был еще одним именем великого вавилонского бога. Его участь была такой же, что и Фаэтона. Согласно мифам, он был поражен молнией за то, что воскрешал мертвых. Вполне очевидно, что это не могло происходить в физическом смысле, и в это не очень то и верили. Но, с точки зрения духовного смысла, это воспринималось как способность воскрешать к новой жизни тех, кто был мертв по своим грехам. Это было именно тем, что приписывалось Фаэтону, когда тот был поражен за поджигание мира. В вавилонской системе существовала символическая смерть, через которую должны были проходить все посвящаемые перед тем, как получить новую жизнь, подразумевавшая возрождение, когда объявлялось, что они перешли от смерти к жизни. Как прохождение через огонь было одновременно способом очищения от греха и возрождения, точно так же и Фаэтон был поражен за воскрешение мертвых. Как Эскулап был сыном Солнца, так же и Фаэтон. Согласно мифу, рождение Эскулапа в точности напоминало рождение Бахуса. Мать Эскулапа была поражена молнией, а

младенец был спасен от молнии, испепелившей ее, а Бахус был выхвачен из огня, который сжег его мать.

Для символического отображения этого голова Эскулапа обычно изображалась окруженной лучами. Паписты точно так же окружают лучами так называемые изображения Христа. Реальным же источником традиции такого изображения нужно считать римское искусство. Об этом можно почитать у Вергилия, который пишет о двенадцати золотых лучах вокруг головы Латинуса, которые были признаком происхождения его рода от бога дня.

“Золотые лучи” вокруг головы Эскулапа должны были обозначать то же самое — указывать на него как на сына Солнца, или телесно воплощенного Солнца. “Золотые лучи” вокруг голов тех, кто на рисунках или статуях называется “Христос”, должны были показывать язычникам, что те могут безопасно поклоняться им как изображениям хорошо известных им божеств, хоть и называемых другими именами. Во времена смертельной эпидемии Эскулап был приглашен в Рим. Бог в форме большой змеи заполз на корабль, который был прислан за ним из Рима, и благополучно прибыл в Тибр, где был торжественно провозглашен богом-покровителем римлян. Начиная с этого времени, личное и публичное поклонение змею, который представлял воплощенного бога Солнца, другими словами — “Огненного змея”, стало почти повсеместным. Почти в каждом доме можно было найти неядовитую священную змею. “Эти змеи гнездились около семейных алтарей, — пишет автор “Помпей”, — и выползали, как это делают собаки или кошки, к гостям, чтобы выпросить у них какое-нибудь лакомство. Они ползали по столам между чашек и тарелок, а в жаркую погоду женщины использовали их в качестве живых шарфов, обматывая их вокруг шеи для охлаждения. . . Эти священные животные боролись с крысами и мышами, а также отпугивали ядовитых змей. Поскольку они жили такой беззаботной жизнью и никто не осмеливался причинить им никакого вреда, они размножились с такой скоростью, что стали причинять невыносимое беспокойство. Частые пожары в Риме были единственным средством уменьшения их количества”.

Читатель может взглянуть на соответствующую гравюру по дереву, где изображено поклонение римлян огню и змее, одновременно раздельному и совместному. Я не стану сейчас выяснять причины двойного изображения бога, но из слов Вергилия явствует, что с лучи вокруг головы представляют бога огня и бога Солнца. И стоит особо отметить, что эти боги огня *черные*, что отождествляет их с эфиопами или *черным* Фаэтоном. А сам автор “Помпей” признает, что эти самые два черных бога огня представлены и в виде двух гигантских змей. “Все их лица на этом изображении (Mazois’) выразительно черные”.

(Pompeii) В Индии младенец Кришна (*черный бог*) на руках богини Дэваки изображен с курчавыми волосами и выразительными чертами негра или представителя африканской расы.

Если такое поклонение священной змее Солнца, великому богу огня, было так широко распространено в Риме, какой еще символ мог бы более образно изобразить идольскую власть языческого Имперского Рима, нежели “Великий Огненный Змей”? Нет сомнения, что он должен был являть собой основной имперский штандарт — штандарт языческого императора Рима как Верховного Понтифика (Pontifex Maximus), главы грандиозной системы огнепоклонства и змеепоклонства. Для этой цели змей и был вознесен на высокий столб и так разнообразно разукрашен, чтобы служить легкоузнаваемым символом огнепоклонства. (См. примечания в конце главы).

По мере распространения веры в Мессию по Римской Империи произошло столкновение сил света и тьмы (Откр. 12:7,8): “На одной стороне сражались архангел Михаил и его ангелы, а на другой стороне воевал дракон со своими ангелами. Но дракон не был достаточно силен, и он потерял свое место на небесах. Этот дракон — древний змей, которого называют дьяволом и ха-сатаном: он, обманувший весь мир, был вместе со своими ангелами сброшен на землю”. “Огромный огненный змей” был сброшен, а затем по указу Гратиана язычество было отменено в пределах всей Римской империи. Были погашены огни Весты, и доходы дев-весталок были конфискованы, когда совесть заставила Римского Императора упразднить саму эту “должность” (римские императоры на протяжении полтора века, хоть и считались христианами, одновременно являлись “Pontifex Maximus”, главами римского языческого идолопоклонства, и в качестве таковых носили все атрибуты системы идолопоклонства). Если Нимрод был буквально убит мечом, то мечом Духа Всевышнего Сим победил систему огнепоклонства и на время полностью истребил его. Подобным же образом и в Римской Империи огненному дракону была нанесена смертельная рана мечом Духа, который есть Слово Всевышнего. Как видим, между типом и антитипом существует точная аналогия.

Но аналогия присутствует не только в этом. Если тщательно исследовать все исторические свидетельства, то оказывается, что когда глава языческого идолопоклонства в Риме был убит мечом в виде упразднения “должности” Верховного Понтифика, то последний римский Pontifex Maximus (Верховный Понтифик) был *настоящим, законным и единственным представителем* Нимрода и его системы, которая тогда существовала. Для того, чтобы это понять, следует коротко рассмотреть историю Рима. В далекой древности Рим, как и вся земля, глубоко испил из вавилонской “золотой чаши”. Но, в отличие от других стран, он имел прямую связь

с идолопоклонством Вавилона, что поставило его в особое уникальное положение. Задолго до дней Ромула его имя носил представитель вавилонского мессии, построивший себе храм как богу и воссевший на троне как царь на одном из холмов, позже оказавшихся внутри стен города, который впоследствии суждено было основать Рэму и его братьям. На Капитолийском холме, затем ставшим главным местом поклонения идолам, в древние незапамятные времена был построен город Сатурния, или город Сатурна, великого халдейского бога. После этого произошло множество событий, статуи и изображения вавилонских идов были уничтожены, а возведение новых идов было строго запрещено, а затем и братья-близнецы возвели здесь всемирно известный город и окружили стенами место, где давно уже лежал в руинах его вавилонский предшественник. Плутарх (Hist. Numoe) пишет, что Нума запретил изготовление статуй, и на протяжении 170 лет после основания Рима в римских храмах не разрешались никакие статуи (изображения).

Вергилий также упоминает руины некогда священного города. Он пишет об этом в связи с посещением Энеем древнего италийского царя: “Затем увидел он руины на месте, где стояли два стольных города по обе стороны реки: остатки Сатурнии и Яникулии”.

Однако смертельной ране, нанесенной когда-то халдейской системе, суждено было зажить. Сюда пришли и поселились в непосредственной близости от Рима приверженные халдейской системе идолопоклонства этруски. Они были полностью ассимилированы римским государством, но задолго до их политического союза они оказали самое мощное влияние на религию римлян. Они владели искусством прорицания, мнимого или реального, в котором они имели монополию, из-за чего римляне относились к ним с почтением. Всеми признано, что римляне почерпнули свои познания в прорицательстве, занимавшем весьма значительное место во всем, чтобы они ни делали, главным образом от народа Этрурии, где первоначально таким ремеслом могли заниматься исключительно представители этого народа и лишь занимавшиеся жертвоприношениями священники. Между римлянами и этрусками происходили войны и конфликты, но при этом самые лучшие представители знатной римской молодежи посылались в Этрурию для обучения тайной науке, которая там процветала. В результате молодые люди становились ярыми приверженцами древнего идолопоклонства, и римляне возродили и вернули многие элементы идолопоклонства, с которым они когда-то покончили. Известно, что Нума установил свою религиозную систему, которая в соответствии с бытовавшими в то время убеждениями запрещала поклонение статуям/изображениям. Но в результате союзнических отношений между Римом и Этрурией, а также обмена опытом в религиозных вопросах такой запрет стал сходиться на нет. Институт понтификов, которому он же и заложил основание, со временем стал институтом этрусков, и его возгла-

вил Верховный Понтифик, который контролировал все общественные и личные религиозные ритуалы римлян и, соответственно, насаждал среди них дух и практику этрусков.

И при этом Верховный Понтифик Рима даже после того, как идолопоклонство этрусков было принято римской системой, являлся лишь отпрыском главной оригинальной вавилонской системы. Он был рьяным поклонником вавилонского бога, но он не считался законным представителем этого бога. Истинный законный Вавилонский Понтифик находился за пределами Римской Империи. Его местонахождением после смерти Бэлшазара (Валтасара) и изгнания мидянскими и персидскими царями халдейских священников из Вавилона был Пергам, где позднее находилась одна из семи мессианских общин Азии. Там на протяжении многих столетий было “жилище сатаны” (Откр. 2:13). Там под покровительством обожествленных царей Пергама было его излюбленное место нахождения, где процветало поклонение Эскулапу в виде змея, где проводились безумные оргии и игрища, которые в других местах хоть как-нибудь ограничивались. (Barker and Ainsworth's Lares and Penates of Cilicia.) Баркер говорит: “Побежденные халдеи бежали в Малую Азию и обосновали свою главную резиденцию в Пергаме”. Фригия, известная поклонением Сибиле и Атису, была частью Пергамского царства. Мисия была еще одной частью, а мисинцы, согласно “Paschal Chronicle”, происходили от Нимрода. В этой хронике сказано: “Нэброд, охотник и гигант, от которого произошли мисяне”. Лидия, откуда, по словам Геродота, происходили этрурийцы, также стала частью этого царства. Мисия, Лидия и Фригия были составными частями царства Пергам. Цари Пергама, в чьих владениях нашли убежище халдейские волхвы, ими, а также симпатизировавшими им подданными, были помещены на свободное место Бэлшазара (Валтасара) и его предшественников. Их почитали как представителей древнего вавилонского бога. Это явствует из трудов Пausания. Во-первых, он цитирует следующие слова из оракула пророчицы по имени Фэннис, касающиеся галлов: “Но бог еще серьезнее поразит всех тех, кто живет у моря. Однако вскоре после того Юпитер пошлет им защитника, возлюбленного сына вскормленного Юпитером быка, который принесет разрушение всем галлам”. По поводу этого он замечает следующее: “В этом оракуле Фэннис под сыном быка подразумевает Атталуса, царя Пергама, которого оракул Аполлона назвал Таурокэрон (быкорогий)”. Этот титул, который ему дал дельфийский бог, доказывает, что Атталус, в чьих владениях жили волхвы, считался представителем Бахуса и главой волхвов. Так было занято вакантное место Валтасара и восстановлена разорванная халдейская преемственность.

Первоначально Римский Понтифик не был непосредственно связан с Пергамом и тамошней иерархией, но с течением времени Понтификат Рима и Понтификат Пергама стали тождественны. Сам Пергам стал ча-

стью Римской Империи, когда в 133 году до н.э. умер последний царь Пергама Атталус III, оставив свое царство Риму. Спустя некоторое время после того, как царство Пергама слилось с римскими доминионами, там не осталось никого, кто мог открыто заявить о своих правах на трон царя Пергама. К этому времени существовавшие до этого институты власти, даже институт Римских Понтификов, были упразднены, но когда Юлий Цезарь, еще раньше избранный Верховным Понтификом, стал еще и императором, верховным гражданским правителем римлян, то тогда же, как глава римского государства, он стал и главой римской религии. На него были возложены вся власть и функции по-настоящему законного Вавилонского Понтифика, и он сконцентрировал в своих руках все эти виды власти. Затем он стал претендовать на священный сан Атталуса, а также на унаследованное Римом царство Атталуса. Для этого он и был назван титулом “*Venus Genetrix*”, значившим, что Венера была матерью юлианской расы, что делало его “Сыном” великой богини, точно таким же, каким считался “Быкорогий” Атталус. Обожествление императоров, которое продолжалось по линии преемников *Divus Julius*, или “Обожествленного Юлия”, представлялось как их преемственность “Быкорогого” Атталуса как по линии Понтифика, так и по линии Царя.

По некоторым официальным случаям, выступая в роли высокого понтифика, он торжественно, как бы это делал сам Бэлшаззар (Валтасар), появлялся в вавилонских одеяниях алого цвета с посохом Нимрода в руке, с митрой Дагона на голове и с ключами Януса и Сибилю. То, что *ключ* был одним из использовавшихся в Мистериях символов, мы узнаем из книги Тэйлора “*Note on Orphic Hymn to Pluto*”, где говорится, что это божество было “хранителем ключей”. Понтифик в качестве “Иерофанта” был “наделен символами великого Создателя мира, замещением Которого должны были служить эти Мистерии”. (*Maurice’s Antiquities*) Первоначальный или Созидающий бог был таинственно представлен как Гермафродит, сочетающий в себе одном оба пола, являясь одновременно Янусом и Сибилюй. Поэтому было вполне естественно, что при открытии Мистерий Понтифик имел при себе ключи обеих божеств. Сам Янус, однако, так же, как и Плутон, часто изображался с более чем одним ключом.

Так продолжалось и при так называемых христианских императорах, которые для успокоения своей совести назначали вместо себя язычников для выполнения прямых идолопоклоннических функций понтифика (действуя от его имени и в его власти). Все это продолжалось до правления Гратиана, который, как показал Гиббон, был первым из римских императоров, отказавшимся участвовать в идолопоклоннической роли Понтифика. Из всего этого вполне очевидно, что когда язычество было упразднено в Римской Империи, то был упразднен и институт Верховного Понтифика, а все языческие священники были лишены власти и влияния, которые до этого им разрешалось иметь в той или иной форме. И

такое упразднение было не просто свержением Огненного Дракона Рима, а свержением Огненного Дракона Вавилона. В символическом смысле это было повторным свержением настоящего и единственно законного преемника Нимрода, по поводу падения которого было сказано: “Как упал ты с неба, денница, сын зари! Разбился о землю, попиравший народы” (Исаия 14:12).

Зороастр, глава огнепоклонников

То, что Зороастр был главой огнепоклонников, кроме всех прочих свидетельств, можно доказать и по-другому. Вспомним лишь, что само имя Зороастр является почти синонимом огнепоклонства. Довольно весомо звучит свидетельство Плутарха: “Плутарх признает, что Зороастр ввел среди халдеев институт волхвов в подражание персам, у которых также были свои волхвы. Арабская история доносит также, что Зарадуссит, или Зэрдушт, не был основателем, а лишь реформатором религии персов и волхвов, которая впоследствии была раздроблена на многие секты”. Древность института волхвов доказывается этими словами Аристотеля, которые донес до нас Тэопомпус. Согласно ему, институт волхвов у персов является более древним, чем у египтян, чья древняя история хорошо известна. (*Theopompi Fragmenta in Muller*).

Свидетельство Агатия звучит почти аналогично. Он выражает мнение, что поклонение огню пришло к персам от халдеев. То, что волхвы были у персов хранителями “священного и вечного огня”, вытекает из слов Куртиуса, утверждающего, что они несли перед собой огонь “на серебряные алтари”. Из слов Страбо явствует, что “волхвы держали на алтаре определенное количество пепла и бессмертного огня”, а Геродот пишет, что “без них (волхвов) не могло быть совершено ни одно жертвоприношение”. Огнепоклонство было существенной частью системы персидских волхвов (*Wilson, Parsee Religion*). Это огнепоклонство персидских волхвов не является их изобретением, а восходит к дням Хошанга, отца Тамурса, который основал Вавилон (*Wilson*), т.е. к временам Нимрода. В доказательство этого мы уже приводили отрывок из Аполлодора, где он называет Нинуса главой огнепоклонников. Лаярд, цитируя этот отрывок, считает, что Нинус и Зороастр были разные личности (*Nineveh and its Remains*), но можно доказать, что хоть многие люди носили имя Зороастр, все остальные свидетельства указывают на то, что Нинус, Нимрод и Зороастр были одно лицо. Легенды о Зороастре показывают, что он был известен не только как Волхв, но и как Воин (*Arnobius*). Платон говорит, что Эрос Армениус (которого Клерикус в “*De Chaldaeis*” называет четвертым Зороастром) погиб в битве и опять воскрес через десять дней, и все то, что он узнал в Аиде, рассказал людям во время своей новой жизни (*Plato, De Republica*). Мы увидели, что смерть Нимрода, оригинального

Зороастра, не была смертью воина, павшего в битве; но легенда о воине Зороастре полностью подтверждает мысль об оригинальном Зороастре, оригинальном Главе волхвов, который был не просто священником, но царем-воином. Зороастрийцев, или огнепоклонников, называют “гуэбры” или “габры”. Место из Книги Бытия 10:8 доказывает, что Нимрод был первым “габром”.

Зороастр был главой огнепоклонников, таким же был и Таммуз. Мы уже увидели свидетельство, достаточно доказывающее тождественность Таммуза и Нимрода, но можно привести еще несколько аргументов по этому поводу, проливающих дополнительный свет на древнее огнепоклонство.

1. Во-первых, доказано, что Таммуз и Адонис были одним и тем же божеством. Иероним, живший в Палестине во времена, когда практиковалось поклонение Таммузу, в своем “Комментарии к Книге Иезекииля”, где говорится об оплакивании еврейскими женщинами Таммуза, недвусмысленно отождествляет Таммуза и Адониса. Мнение Иеронима на этот счет обычно считается достаточно авторитетным. Затем форма практиковавшихся в Сирии ритуалов, связанных с Таммузом и Адонисом, была практически одинакова и идентична ритуалам Осириса. Слова Лукиана (*De Dea Syria*) поразительно доказывают это, а Бунсэн выразительно подтверждает это. В его книге достаточно хорошо доказывается тождественность Осириса и Нимрода. Когда, таким образом, Таммуз и Осирис отождествляются с Осирисом, то из этого вытекает и тождественность Таммуза и Нимрода. Это полностью соотносится с языком Биона в его “Плаче по Адонису”, где он показывает Венеру, глубоко скорбящую по поводу смерти Адониса, через леса и долины “зовущую своего ассирийского мужа”. Это полностью соответствует утверждению Маймонида о том, что, когда Таммуз был предан смерти, главным местом его оплакивания стал храм в Вавилоне.

2. Если Таммуз был Нимродом, то исследование значения этого имени подтверждает причастность Нимрода к самому первому огнепоклонству. После всего сказанного нет нужды доказывать, что халдеи были первыми, кто ввел в обращение имя и власть царей (*Syncellus*), а Нимрод, вне сомнения, был первым из царей и впоследствии первым, кто стал носить титул Молоха, или царя, так что в его честь “детей заставляли проходить через огонь Молоха”. Но цель такого прохождения через огонь, несомненно, была в очищении. Имя Таммуз имеет прямое отношение к этому, поскольку значит “совершенствовать”, т.е. “очищать” при помощи огня; а если Нимрод, согласно “Пасхальной Хронике” (*Paschal Chronicle*) и другим древним источникам, был родоначальником огнепоклонства, это имя очень точно выражает его сущность в этом отношении. От “там” (“совершенствовать”) и “муз” (“жечь”). По Писанию, “быть чистым сердцем” значит то же самое, что и быть “совершенным сердцем”. Хорошо извест-

ное имя Дэукалион, имеющее отношение к потопу, и которое является коррелятивным (словом, обычно употребляемым в паре с другим) названием водопоклонников. “Дух-кале” значит “очищать через мытье”: от “дих” (мыть) и “кале” “завершать, восполнять” или “совершенствовать”. Существительное, образованное от последнего глагола и употребляемое во 2 главе Книги Паралипоменон 4:21, показывает, что его корень означает “очищать”. А “настоящее золото” в Септуагинте переводиться как “чистое золото”. По отношению к имени царя богов иногда употреблялось имя, имеющее отношение к теме. Это имя “Акмон”. Каково его значение? Это лишь халдейская форма еврейского “кхмн” (“жгущий”), которое стало Акмоном, точно так же, как еврейское “дам” (“кровь”) в халдейском языке стало “Адам”. Хесихиус пишет, что Акмон это Кронос. В “Энеиде” Вергилия мы находим, что это имя является точным синонимом имени “Таммуз”, а Пиракмон это имя одного из трех известных циклопов, о которых пишет поэт. Мы увидели, что циклопы произошли от Кроноса и его братьев, а “пир” это видоизмененное “пур”, что по-халдейски значит “очищать”. Таким образом, “Акмон” значит “очищающий огонь”.

Но из повсеместно цитируемого зороастрийского стиха видно, что огню самому по себе поклонялись как Таммузу, поскольку его (огонь) называли “отец всего совершенного”. С одной стороны это представляло огонь как бога-творца, а с другой нет сомнения, что он имеет отношение к “совершенствованию” людей через их “очищение”. И особенно совершенствовал он тех, кого пожирал. Именно поэтому многие вдовы в Индии до недавнего времени шли на погребальный огонь своего мужа, чтобы через сгорание на нем стать причисленной к числу блаженных (благословенных), т.е. стать “сутти” “очищенной горением”. Эпитет для женщины, которая сжигала себя на костре, пишется “сати”, но произносится “сутти”.

Для подобной же цели родители жертвовали своих детей Молоху. Считалось, что в результате этой жестокой жертвы огонь, который пожирал детей, “очищал” их и гарантировал им вечное блаженство. Как прохождение *через* огонь, так и сжигание *в* огне были существенными ритуалами в поклонении Молоху или Нимроду, что является еще одним доказательством тождественности Нимрода и Таммуза. Священник или представитель очищающего огня, который совершал этот ритуал, также носил это имя.

Если мы обратимся к индийским легендам, то обнаружим свидетельство, подобное уже рассмотренному, когда Зороастр, или Таммуз, считался главой огнепоклонников. Пятая голова Брахмы, которую отрубили за наведение ею бедствий на три мира, благодаря своему “лучезарному сиянию”, отождествляется с Нимродом. Тот факт, что эта пятая голова показана читающей Веды, или священные книги, написанные остальными четырьмя головами, свидетельствует, как мне кажется, о преемственности. Существующие на сегодняшний день индуистские Веды выглядят не как

великие древние документы, а как легенды, рассказывающие о происшедшем в Индии очень и очень давно. Древность Вед весьма значительна, но независимо от того, были ли в дни Нимрода какие-нибудь письменно изложенные религиозные документы, Веды тогда должны были быть, ибо каково значение слова “Веды”? Точно такое же, что и англосаксонского слова “Эдда”, и образовано от слова “эд” (“свидетельство”, “религиозный трактат” или “изложение веры”). Такой “трактат” или “изложение веры”, “устное” или “письменное”, должно было существовать с самого начала.

Если начинать с Ноя, то в чем могла быть такая преемственность? От Бэрозуса мы узнаем, что в дни Бэла, т.е. Нимрода, зародился обычай делать изображения наподобие двуликого Януса. Предположим, что Ной, живший в двух мирах, имеет две головы. Хам третья, Куш четвертая, и Нимрод, конечно же, — пятая голова. И эта пятая голова была отрублена за то же, за что в действительности и был убит Нимрод. Я думаю, что этот индийский миф является ключом к разгадке значения слов Плутарха, которые в противном случае выглядят бессмысленно. Речь вот о чем: Плутарх (в четвертой книге цикла *Symposiaca*) говорит, что “египтяне считали, что темнота предшествовала свету, и что свет был произведен мышами в пятом поколении во время новой луны.” Как оказывается, в Индии “новая луна” появилась тогда, когда пятая голова Брахмы испепелила землю своим непереносимым сиянием. Описание появления этой “новой луны” сводится к следующему: боги и люди были совершенно не довольны имевшейся у них до этого луной. “Потому что она не давала света”, и, кроме того, растения росли плохо, и плодов нельзя было есть, и поэтому произвели Белое море (или, как обычно говорят, “произвели океан”), когда все смешалось, т.е. было ввержено в беспорядок, то для наведения порядка была назначена новая луна, или распорядитель новой луны, установивший совершенно новый порядок вещей. Из книги Мауриса “Индийские древности” мы узнаем, что именно в это время произошло возмущение океана, океан оказался в огне, результатом чего явился великий пожар. Но луна в Индии называется Сом, или Сом (последняя “а” звучит только как придыхание, и это имя встречается в названии известного храма Сомнаут, что значит “Господин Луны”. А Луна в Индии мужского рода. Поскольку все эти описания символичны, возникает естественный вопрос, кто подразумевался под луной, или под распорядителем, который был сброшен в пятом поколении мира? Само имя Сом указывает на того, кто это мог быть. Сом это лишь вариант имени Сим (Шем), потому что Шем происходит от Шом, или Шем, от которого избавились (то ли после смерти его отца, то ли когда он состарился и стал немощен) как от великого наставника мира, или великого источника духовного света, когда в пятом поколении мир был ввергнут в беспорядок, а земля запольхала. Уместность такого сравнения Сима с луной можно увидеть, если посмотреть на то, что символизировал его отец Ной. Гла-

ва семьи сравнивается с *солнцем*, как это было в явленном свыше сне Иосифа (Бытие 37:9), и поэтому легко представить, как потомки могли представлять Ноя. Они смотрели на него как на того, кто занимал самое высокое место в мире, вроде Солнца. Исследовавшие этот вопрос Брайнт, Дэвис, Фабер и другие ученые, сходятся во мнении, что языческий мир именно так и представлял Ноя. Когда, однако, его младший сын, ибо Сим был младше Иафета (Бытие 10:21), заступил на место своего отца, которого мир сравнивал с “великим светом”, то Сима, естественно, начали сравнивать с “меньшим светом” или “луной”, сравнивать и называть так особенно те, кто его не любил или восстал против него. “Что касается царства, в *Oriental Oneirocritics* сказано, что солнце является символом царя, а луна по величию стоит за ним на втором месте”. Это предложение, взятое из изданного в Лондоне “Словаря символов” Даубуза, сопровождаемого примечаниями моего ученого друга преподобного А.Форбса, полностью подтверждает вывод, к которому я пришел относительно символического значения луны, и соответствует понимаю этой темы на Востоке.

То, что мифы говорят о мышках, производящих свет, в точности подтверждает этот вывод. Мышь по-халдейски “аакбар”, а “гебер” или “кхебер” в арабском, турецком и некоторых других восточных диалектах превращается в “акбар”, вроде того, что звучит в известной исламской формуле “Аллах Акбар” (“Бог Велик”). Поэтому, если очистить слова Плутарха от бессмысленного облачения, то становится понятно, что когда Нимрод восстал против Сима, бывшего представителем Ноя и великим просветителем (дающим свет) мира, то “альтернативный свет” производили гуэбры или огнепоклонники.

Легенда о фазтоне

Тожественность Фазтона и Нимрода имеет множество подтверждений и свидетельств, вытекающих из утверждения о том, что Фазтон был эфиопом или кушитом, и сходства его судьбы в том, что он (Фазтон) был сброшен с небес, когда вел солнечную колесницу как “сын Солнца”, как и Молк-Гебер, у которого уже само имя бога огня отождествляет его с Нимродом.

1. Аполлодор пишет, что Фазтон был сыном Тифона, но если приглядеться к имени “Тифон”, то будет очевидно, что он и был самим Тифоном. Тифон был мужем Авроры (Думоск). В физическом смысле, как мы уже увидели, “Аур-ора” значит “пробуждающая свет”, что соотносится с именем Тифон, которое значит “зажигающий свет”. От “цет” или “цит” (“зажигать”), которые в халдейском языке превращаются в “гит” и “фон” (“давать”). “Фазтон”, сын Тифона по халдейски звучит как “Фазтон Бар Тифон”. Но это выражение может также значить “Фазтон, сын, который зажжет огонь”. Основываясь на идентичности Фазтона и Тифона,

можно говорить и об идентичности Фаэтона и Нимрода. Гомер (в “Одиссее”), как мы уже увидели, упоминает брак Авроры с Орионом, могущественным охотником, чья идентичность с Нимродом вполне установлена. Имя сына, родившегося в результате союза между Авророй и Тифоном, показывает, что Тифон в своем “первоначальном виде” действительно должен был быть упомянутым в Писании “могущественным охотником”, поскольку имя этого сына было Мэмнон (Martial and Ovid, Metam.), что значит “Сын пятнистого”, отождествляя отца с Нимродом, чьей эмблемой была пятнистая шкура леопарда. От “мэм” или “мом” (“пятнистый”) и “нон” (“сын”).

Поскольку Нинусу, или Нимроду, поклонялись как *сыну* своей собственной жены, которой была Аврора, богиня утренней зари, мы видим, насколько это точно соотносится с Фаэтоном в случае, когда Исаия говорит о царе Вавилона, который был его представителем: “Как упал ты с неба, денница, сын зари! Разбился о землю, попиравший народы” (Исаия 14:12). Брак Ориона с Авророй, другими словами, его становление “зажигателем света” или “автором огнепоклонства” стало, по словам Гомера, причиной его смерти, когда он пал от гнева богов.

2. То, что Фаэтон был представлен как сын Авроры, является общим местом, что достаточно хорошо доказывает Овидий. В то время как Фаэтон назывался сыном Фэба, или сыном, его высмеивали за то, что он был лишь сыном Мэропса, т.е. сыном смертного мужа своей матери Климены (Ovid, Metam.). Миф гласит, что мать выдавала себя за Аврору не в физическом смысле этого слова, а в мистическом, как “женщина беременная светом”, и поэтому ее сын считался великим “Носителем света”, который должен был просветить мир, — “Люцифер, сын утра”, который претендовал на роль просветителя человеческих душ. У пророка Исаии имя Люцифер это то же самое слово, от которого произошло имя Элелус одно из имен Бахуса. Оно произошло от Элель, что значит “испускать лучи” или “нести свет” и является эквивалентом имени Тифон. У нас есть данные, что Люциферу, сыну Авроры или утра, поклонялись в таком же виде, что и Нимроду, когда тот явился в своем новом облике как маленький ребенок.

Имеются также дополнительные доказательства того, что этот Фаэтон, или Люцифер, который был сброшен вниз, одновременно является и Янусом. Януса называли “Pater Matutinus” (Horace), а значение этого имени проявляется в рассмотрении значения имени Dea Matuta. “Dea Matuta” значит “зажигающий или несущий свет бог”, и поэтому Прискиан отождествляет это имя с Авророй. “Matuta” образовано от того же слова, что и Тифон, т.е. от “цет”, “цит” или “цут”, которые в халдейском языке стали “тэт”, “тит” или “тут” (“светить” или “зажигать”). От “тит” (зажигать) произошло латинское слово “titio” (головня), а от “тут” при помощи словообразующего префикса “м” произошло слово “матута” — точно так же,

как от “нассех” (забывать) при помощи того же самого словообразующего префикса образовано “Манассех” (Манассия) — “забывающий”, имя старшего сына Иосифа (Бытие 41:51). Корень этого слова обычно пишется как “ицт”, но в словаре Баркера оно еще имеет и форму “цт”. Вполне очевидно, что от этого корня образовалось и санскритское слово “сутти”, о чем мы уже говорили раньше.

“Маттутинус” — это коррелят имени “Матута”, богини утра. Таким образом, Янус, так же, как и Матутинус, — это “Люцифер, сын утра”. Кроме того, Матута, после того, как она погрузилась в море и вместе со своим сыном была превращена в морское божество, отождествляется с Ино. Отсюда, ее сын Меликерта, “царь города-крепости”, — это Янус Матутинус, или Люцифер, Фаэтон, или Нимрод.

Есть еще одно звено, которым Меликерта, морское божество или Янус Матутинус, отождествляется с огнепоклонниками.

Распространенное имя Ино, или Матута, после его прохождения через воды стало Леукотоз (Ovid, Metam.). “Леукотоз”, или “Леукотэа”, имеет двойное значение, поскольку образовано или от “Лукхот”, что значит “светить” или “зажигать”, или от Лукот (подбирать колосья). На мальтийском медальоне вместе с богиней изображен колос пшеницы, который она обычно держит в руке. Это указывает на ее тайную функцию — то, что она является матерью “Бара” (сына). Для непосвященных она называлась “Спицилега” (Подбирающая колосья). По словам Хайда, “это было общеизвестным именем женщины с колосьями пшеницы, изображаемой в созвездии Девы”. У Брайнта Сибила изображена с двумя или тремя колосьями пшеницы в руке. Поскольку в культе Бахуса присутствовало несколько “Сыновей”, то и она изображалась с одним, двумя или тремя колосьями в руке. На обороте упомянутого мальтийского медальона из головы Лукотэи (“подбирающей колосья”) выходят языки огня, и это показывает, что, несмотря на прохождение ею через воды, она еще и Лукхотэа (“жгущая” или “дающая свет”). А лучи вокруг митры бога на обороте медальона полностью соотносятся с богом Элеусеусом или Фаэтоном, другими словами, “Сияющим Баром”. Это “Сияющий Бар” в качестве Меликерты, “царя города-крепости”, занимает место “Ала-Махозима”, чьим представителем является Папа. Но он также и морской бог, который в такой роли носит митру Дагона. Митра в виде головы рыбы, которую носит Папа, показывает, что эта личность так же, как и “выходящий из моря Зверь”, без сомнения, является представителем Меликерты.

Римский имперский штандарт с Драконом как символ огнепоклонства

Место из Марцеллинуса (Ammianus Marcellinus), где говорится об этом штандарте, называется “*purpureum signum draconis*”. В связи с этим возни-

кает вопрос: “Имеет ли эпитет *purpureum*, который описывает цвет дракона, какое-нибудь отношение к огню?” Следующий отрывок из Салверта проливает на это некоторый свет: “Дракон изображался на военных знаках отличия ассирийцев. Кир заставил принять их также персов и мидян. При римских императорах и при византийских императорах у каждой военной когорты или центурии был штандарт с драконом”. Нет сомнения, что ассирийский или персидский штандарт с драконом или змеем имеет отношение к огнепоклонству в этих странах. То, что римляне заимствовали такие штандарты из этих источников, вытекает из того, что они рассматривали их в точно таком же ключе, что и те, у кого они их заимствовали. Эта мысль находится в точном соответствии с их собственной системой огнепоклонства. Эпитет *purpureus* (пурпурный; багровый) для нас не несет мысли о цвете огня. Но это слово указывает на красный цвет, а среди идолопоклоннических народов красный цвет в любом из своих оттенков почти единодушно считается цветом огня. Египтяне (Bunsen), индуисты (Moor’s Pantheon, “Brahma”), ассирийцы (Layard’s Nineveh) — все они изображали огонь красным цветом. Персы, очевидно, делали то же самое. Так, у Квинтуса Куртиуса есть описание церемонии волхвов, которые поклонялись “священному и вечному огню”, в которой участвовало 365 молодых людей, одетых в “пурпурные одеяния”. Цвет их одеяний, несомненно, указывает на огонь, чьими служителями они были. “*Puniceus*” эквивалентно “*purpureus*”, потому что именно в Финикии была найдена рыба “*purpura*” (пурпурная рыба). Из этой рыбы получали краску алого цвета, а название этой пурпурной рыбы было “*arguna*”, употребляемое у Даниила 5:16 и 19, где говорится о том, как Даниил при истолковании надписи на стене должен был одеть багряницу. Жители Тира обладали искусством изготовления краски настоящего пурпурного и алого цветов. Нет сомнения, что слову “*purpureus*” часто придают современное значение “пурпурный”, хотя оригинальное значение этого слова — “алый”. А алый “цвет” — это естественный цвет для изображения огня. Поэтому у нас есть все основания считать, что когда этот цвет употреблялся среди жителей Тира для окраски одеяний государственных мужей, то имел особое указание на огонь. Так, тирский Геркулес, считавшийся изобретателем пурпурной краски (Bryant), назывался “Царем Огня” (Nonnus, *Dionysiaca*). Когда мы обнаруживаем, что “*purpura*” тирийцев была источником алого цвета, который естественным образом представлял огонь, а *puniceus*, являющийся эквивалентом *purpureus*, использовалась для производства алой краски, то ничто не препятствует нам понимать *purpureus* в таком же самом смысле. Есть некоторая разница оттенков красного, которой можно пренебречь в силу определенных местных традиций. А поскольку змей повсеместно считался символом огнепоклонства, то весьма велика вероятность того, что *красный* дракон, который изображался на имперском штандарте Рима, был задуман как символ системы огне-

поклонства, от которой, по верованиям римлян, зависела безопасность империи.

Часть II.

Выходящий из моря Зверь.

Еще один ранее упомянутый нами главный враг — это Зверь из моря: “Тут я увидел, как из моря появился зверь” (Откровение 13:1). Семь голов и десять рогов этого зверя, как и у громадного дракона, указывают на его практически такую же силу, но в данном случае со зверем произошли некоторые обстоятельственные перемены. В древней вавилонской системе вслед за поклонением огню шло поклонение богу воды или моря. Как до того мир был в опасности оказаться сожженным, то теперь он оказался в равной опасности потонуть. В мексиканских мифах говорится, что так оно и произошло. Сначала мир был уничтожен огнем, а затем разрушен водой. Мифология друидов говорит о том же; барды рассказывают, что ужасная огненная буря расколола землю надвое, за чем последовало извержение озера Ллион, воды которого вышли из бездны и затопили весь мир. В Греции мы находим точно такую же легенду. Диодорус Сикулюс пишет, что в былые времена “во Фригии появилось изрыгавшее огонь чудовище по имени Эгид, которое сошло с горы Таурус и создало пожар, который сжег все деревья вплоть до Индии; затем чудовище пошло в обратном направлении и смело все деревья с горы Ливан и дошло до Египта и Африки, пока Минерва не преградила чудовищу путь. Фригийцы хорошо помнили этот пожар и последовавший за ним потоп”. Овидий, говоря о трансформации Кикнуса, также упоминает о том, что за огнепоклонством сразу же последовало водопоклонство. Он говорит о царе Кикне как о близком друге Фазтона и связанном с ним огнепоклонством. После смерти своего друга Кикн возненавидел огонь и стал поклоняться противоположному элементу — воде, за что был превращен в лебедя. В Индии великий потоп, который занимает значительное место в тамошней мифологии, имел такое же символическое значение, хоть к ней примешалась и история о Ное; ведь, по легенде, во время потопа при помощи великого бога в образе *рыбы* были найдены “утраченные Веды”, или священные книги. “Утрата Вед” случилась во время ужасной катастрофы, постигшей богов, когда, согласно Пуранам, главный враг этих богов по имени Дургу “упразднил все религиозные церемонии, а брахманы из страха перестали читать Веды. После чего огонь утратил свою энергию, а с неба посыпались ужасные звезды”. Другими словами, когда идолопоклонство (в виде огнепоклонства) было подавлено. Если же обратиться к самому Вавилону, мы находим здесь такую же самую историю. У Бэрозуса потоп описан как случившийся после времен Алоруса, или “бога огня”, т.е. Нимрода. Это показывает, что и в Вавилоне потоп имел символическое значение.

Из вод этого потопа возник Дагон, бог рыб или бог моря.

Поклонение Дагону, как это показал Бэрозус, было основано на легенде о том, что в какие-то очень давние времена, когда люди были погружены в мрак варварства, *из моря*, или Персидского залива, вышел *зверь по имени оанн*, получеловек-полурыба, который цивилизовал вавилонян, научил их искусствам и наукам, наставил их в политике и религии. Поклонение Дагону прививалось многими, за исключением, естественно, Нимрода, который еще до этого научил мир поклоняться огню. В тайных Мистериях, установленных потом, огнепоклонники старались восстановить свое бывшее влияние и власть через ужасающие сцены Потопа, где Ной выступает под именем Дагона, или бога рыб. Авторы этих Мистерий видели, что если им только удастся вернуть людей к любой форме идолопоклонства, то вскоре они сумеют преобразовать это идолопоклонство в систему, которая была временно уничтожена. И как только они подготовили для этого почву, был придуман миф о Таммузе, который позволил убить себя ради блага всего человечества. Было установлено различие между хорошими змеями и плохими змеями, когда один царь выступал как представитель змея Агатодэмона, или хорошего божества, а другой — змея Какодэмона, плохого/злого бога. Уилкирсон. В Египте Урэус, или Церастэс, был добрым змеем, а Апофис — злым.

Постепенно было легче заставить людей верить, что, вопреки очевидному обратному, Таммуз, вместо того, чтобы быть покровителем змеепоклонства в любом плохом смысле, в действительности был главным врагом Апофиса, или великого злого змея, который завидовал счастью человечества. Таммуз был тем самым семенем женщины, которому суждено было поразить змея в голову. Посредством метемпсихоза легко идентифицировать Нимрода и Ноя и сделать видимость того, что великий патриарх в результате переселения души в своего любимого ученика предстал в виде Дагона, который должен был вернуть человечеству благословения, утраченные с гибелью Нимрода. Определенно и то, что в халдейских мистериях Дагону поклонялись как воплощению и того и другого.

В предыдущей системе основным средством очищения был огонь. Теперь же людям предстояло очищаться при помощи воды. Тогда и возникло учение о возрождении через погружение в воду (крещение), имевшее отношение, как мы увидели, к прохождению Ноем через воды Потопа. Тогда началось почитание святых источников, святых озер, святых рек, которые можно встретить повсюду на земле. Это практиковалось не только у персов, которые вместе с поклонением огню поклонялись также и Зэрэпаракарду, или Каспийскому морю. Оно бытует и среди индуистов, которые поклоняются очищающим водам Ганга и считают их главными дверями на небеса. По этой причине они хоронят своих родственников в водах этой реки. Особенно хорошо это проявляется в современной папской Ирландии в виде повсеместного почитания святых источников и ежегодных

паломничеств к Лох Дэрг для омовения грехов в его благословенных водах.

Кроме укоренившегося поклонения воде было возвращено древнее огнепоклонство. В Мистериях присутствуют оба метода очищения. Хоть водное погружение должно было возродить, очищение огнем также было необходимо, и многие годы после того, как было введено возрождение через погружение, детей все еще “проводили через огонь Молоха”. Такое двойное очищение как огнем, так и водой, практиковалось в Мексике среди последователей Водана. Такое двойное очищение также широко практиковалось среди древних римлян-язычников. С течением времени почти везде в языческом мире в новом виде было восстановлено прежде подавленное огнепоклонство и нимродовское змеепоклонство со всеми их древними и многими дополнительными мерзостями. Имя Таммуз, употребляемое по отношению к Нимроду или Осирису, было равнозначно “Алорус”, или “бог огня”, и было дано ему как великому очистителю огнем. “Таммуз” образовано от “там” (“совершенствовать”) и “муз” (“огонь”) и значит “огонь, который делает совершенным” или “огонь-совершенствователь”. Это значение имени, а также характер Нимрода как *Отца* богов, подразумевается в зороастрийском стихе: “Все вещи происходят от *одного огня*. Отец сделал совершенным все и передал их второй душе, которую все народы стали называть первой”. (Cory’s Fragments) Здесь Огонь называется Отцом всего, а также называется “делающим все совершенным”. Вторая душа — это ребенок, который образно заменил собой Нимрода как видимый объект для поклонения, но положение Нимрода как первого из богов и бога огня оставалось необходимым для “совершенствования” людей. Отсюда, несомненно, и необходимость огня Чистилища для “доведения души до совершенства”, для смывания грехов, которые они принесли в невидимый мир. Ovid, Fasti. Читая Овидия, мне стало вполне понятно, что огонь чистилища был заимствован из практики поклонения Адону или Таммузу и что вода указывала на потоп Ноя. Во все это верили древние римляне, в это же и теперь верят римские католики. Овидий, упомянув о различных причинах для существования двойного очищения (водой и огнем), заключает: “Что касается меня, то я не верю в них. Есть, однако, такие, кто говорит, что, с одной стороны, это нужно для памяти о Фаэтоне, а с другой стороны — для памяти о Потопе”.

Если еще остались таковые, кто все еще считает невозможным существовавшего в древнем мире смешения поклонения Ною с поклонением Царице Небесной и ее сыну, пусть откроют глаза на то, что сейчас (в 1856 г.) происходит в Италии в смысле поклонения этому патриарху и католической Царице Небесной. Нижеследующий отрывок был любезно прислан мне Лордом Джоном Скоттом и является доказательством существования такой веры. Вот что было опубликовано 26 октября 1855 г. в газете Morning Herald: “молитва архиепископа патриарху Ною”. — папство

в Турине. — На протяжении нескольких лет из-за болезни виноградников виноделие в Тоскане было практически сведено на нет. Архиепископ Флорентийский решил остановить это бедствие путем молитвы, но обращенной не к Всевышнему, а к патриарху Ною, и только что опубликовал сборник молитв, содержащий восемь видов молитвенного прошения, адресованного этой выдающейся личности древнего завета. Молитва звучит так: “Самый святейший патриарх Ной! Ты долгое время занимался выращиванием винограда и давал людскому роду этот ценный напиток, который утоляет жажду, восстанавливает силы и оживляет дух каждого из нас. Ты дал нам пример того, как ухаживать за виноградником. Но многими своими прегрешениями мы навлекли это ужасное бедствие, которое уничтожает плоды наших трудов. Прояви к нам сострадание и пади ниц перед высоким тронем Бога, Который обещал дать своим детям плоды земли и обильный урожай зерна и вина. Упроси Его за нас, пообещай Ему от нашего имени, чтобы при помощи Божественной благодати мы оставили наши пути греха и порока и больше не злоупотребляли бы Его священными дарами, а скрупулезно выполняли Его святой закон и законы нашей святой Матери Католической Церкви. . . ” Этот сборник молитв завершается молитвой, адресованной Деве Марии: “О чистая Мария, призри на наши поля и виноградники! И если тебе будет угодно оказать нам такую великую милость, останови, мы умоляем тебя, это страшное бедствие, вызванное нашими ужасными грехами, из-за чего наши поля стали бесплодными, а наши виноградники перестали давать вино. . . ” В сборнике содержится виньетка, на которой изображен патриарх Ной, возглавляющий сбор винограда, а также примечание Архиепископа, в котором он дает индульгенцию на сорок дней всякому, кто благоговейно будет повторять эту молитву. Как видим, это самое настоящее проявление язычества, указывающее на то, что мир возвратился к былым временам, и поклонение древнему богу Бахусу полностью восстановлено!

После того, как была устранена всякая оппозиция и поклонение богу моря было восстановлено, ему стали также поклоняться как великому богу войны, который, хоть и умер ради блага человечества, а затем воскрес из мертвых, был абсолютно непобедим. В память о его новом воплощении (инкарнации), произошедшем 25 декабря, или в Рождество, в языческом Риме отмечался праздник “*Natalis Solis invicti*” (“день рождения Непобедимого Солнца”). Мы уже увидели, что именем римского бога войны было имя Нимрода, потому что “Марс” и “Маворс” — эти два хорошо известных имени римского бога войны — образованы от халдейских слов “мар” или “мавор” (“бунтовщик, мятежник”). Так что, когда Нимрод вновь явился в качестве выходящего из моря зверя Дагона, он ужасающ и непобедим. Если читатель посмотрит на то, что написано в Откровении 13:3–4, то увидит точно такую же картину: “Одна из голов зверя, казалось, получила уже когда-то смертельную рану, но эта рана зажила. Жители земли были

очарованы зверем и пошли за ним. Они молились дракону и благодарили его за то, что тот дал зверю такую власть. Они молились и зверю и говорили: “Разве еще есть кто-то подобный этому зверю? Кто решился бы с ним сразиться?!” Вот такая существует аналогия между языком пророчества и древним вавилонским типом.

Можем ли мы тогда найти что-либо соответствующее этому в религиозной истории Римской империи после падения старого язычества этой империи? Во всех отношениях, да. Как только язычество было официально отменено, вечный огонь Весты угашен и древний змей сброшен со своего трона, на котором он долгое время прочно сидел, он еще более энергично взялся за восстановление своего влияния и власти. Обнаружив, что преследование христианства само по себе не уничтожит церковь, которая символизировалась облаченной в солнце Женщиной, он пошел на уловку другого рода: “Потом из пасти дракона рекой хлынула вода, чтобы унести женщину” (Откр. 12:16). Здесь очень примечательная символика. Если бы это был огненный дракон, то следовало бы ожидать, что он, согласно распространенным мифам, был бы изображен изрыгающим огонь вслед женщине. Но здесь не так. В данном случае он извергает из пасти поток воды. Что это значит? Вода, выходящая из пасти дракона, — это учение, *лживое*, естественно. Но разве нет ничего более конкретного, нежели это? Беглый взгляд на вавилонский тип показывает, что вода, выходящая из рта змея, должна быть водой возрождения через погружение (крещение). Именно в это время, когда древнее язычество было уничтожено, такое учение о возрождении человека через крещение, которое на протяжении некоторого времени уже прокладывало себе дорогу в Общине верующих, стало угрожать распространением по всей Римской империи. Начиная где-то с 360 г. н.э. и до времен императора Юстиниана (около 550 г.) наблюдается распространение этого учения (доктрины). И, в конце концов, христиане ее приняли.

Именно тогда нашего Господа Иисуса Христа начали повсеместно называть Ихтус, т.е. “Рыба”, недвусмысленно отождествляя Его с Дагоном. Начиная с конца четвертого века, стали учить тому, что тот, кто был омыт в крещенской купели, был рожден вновь и стал чист, как недавно выпавший снег.

Этот поток вышел не непосредственно из пасти сатаны, древнего змея, но из пасти того, кто в языческом Риме считался видимым главой римского язычества. Когда римское огнепоклонство было подавлено, мы видим, как упраздняется и институт Верховного Понтифика, главы этого язычества. Это была “смертельная рана” головы Огненного Дракона. Но только голова получила смертельную рану, она сразу же начала выздоравливать. На протяжении нескольких лет после того, как был упразднен языческий титул Понтифика, он был восстановлен тем же самым императором, который его же и упразднил. Этим титулом со всеми сопутствующими

щими языческими атрибутами был облечен Римский Епископ, который с этого времени стал главным проводником и распространителем разрушающей доктрины возрождения через крещение, равно как и остальных доктрин язычества, почерпнутых в древнем Вавилоне.

Когда этим языческим титулом был облечен римский епископ, это был не просто почетный титул, но титул, сопряженный с огромной властью. Под власть Римского Епископа в этой новой для него роли Понтифика попали в качестве советников “пять или семь других епископов” и даже митрополиты иностранных церквей обширного западного региона. Для полного подчинения несогласных этому титулу были приданы и функции светской власти. Велика была опасность для дела правды и праведности, когда решением императора такая власть была вручена Римскому Епископу, который охотно взялся за распространение лживой доктрины. Но, не взирая на опасности, истинная Община Мессии, Невеста, жена Агнца (там, где такую Общину можно было найти в пределах Западной Империи) была чудесным образом защищена от них. Эта Община была на время спасена от беды не просто возможностью ее членов найти укрытие в горных крепостях, как это сделали Иовиниане, Вигилантусы, Вальденсы и подобные им верные, бежавшие в Альпы и другие удаленные от людей места Европы, а непосредственным заступничеством Промысла Всевышнего: “Но земля раскрылась и проглотила реку, которая вышла из пасти дракона” (Откр. 12:16). Что значит символ “земля раскрылась”? При естественном порядке вещей земля раскрывается во время землетрясения, а “землетрясение” на образном языке Откровения означает большое политическое потрясение. Если исследовать историю рассматриваемого периода, мы обнаружим, что этот факт полностью согласуется с образным языком. Вскоре после того, как римский епископ стал Понтификом и в качестве Понтифика принялся усиленно насаждать в Церкви язычество, в Римской империи начали происходить политические потрясения, не прекращавшиеся до тех пор, пока не разрушилась вся структура империи и она не разлетелась на куски. Но для этого духовная власть Папства должна была установиться над всеми народами Запада еще задолго до времени ее реального проявления. Ясно, что сразу после того, как римский епископ Дамасус получил власть понтифика, в Риме широко распространилось предсказанное “отпадение” (1 Тим. 4:3). Тогда начали “запрещать жениться” и стали заставлять воздерживаться от употребления мяса. Целибат священства был введен римским епископом Сирициусом в 385 г. н.э. (Gieseler)

Затем были внедрены лживые доктрины о грехе и праведности, и людей стали учить тому, что все принявшие крещение обязательно получают возрождение. Если бы Римская Империя продолжала оставаться под единым светским управлением, то Римский Епископ очень скоро заразил бы своим языческим учением все части империи. Если учесть, с какой

жестокостью Римский Понтифик при поддержке императорской власти обходился с иовинианами и всеми теми, кто противился языческим доктринам относительно брака и воздержания от пищи, то легко представить, что произошло бы с истиной в пределах Западной Империи, если бы событиям был предоставлен их естественный ход. Но вмешался великий Повелитель Общины. “Нашествие готов” и завоевание Рима готским Алариком в 410 году настолько потрясло Римскую Империю, что в 476 году привело к полному ее развалу. Как известно, в 445 году императорским указом Римский Епископ был официально объявлен “Главой всех западных церквей”, а всем епископам было приказано “считать для себя обязательным к исполнению законом все постановления и указы Римского Епископа”. Потрясения империи и последующий ее распад вместе с исчезновением власти императора в большой степени свели на нет катастрофические последствия такого указа.

“Земля раскрылась”, другими словами, Римская Империя раскололась на многие независимые государства, что содействовало развитию истинной веры и не предотвратило поток заблуждений и растления, источник которых находился в Риме. Когда вместо единой воли Императора, на которого опирался Верховный Понтифик, появились различные источники власти разных государств, то влияние Понтифика было в значительной степени нейтрализовано. “В таких условиях, — пишет Гислер, говоря о влиянии Рима на различные королевства, на которые распалась бывшая империя, — римские папы не могли напрямую вмешиваться в религиозные дела, и их связь с официальной церковью каждой отдельной страны полностью зависела от прихоти тамошнего короля”. В конце концов, папство преодолело последствия землетрясения, и королевства Запада затопил вылившийся из пасти дракона поток заблуждений. Но крушение имперской власти, которая так рьяно поддерживала духовный деспотизм Папства, дало истинной Церкви на Западе продолжительный период относительной свободы, которая иначе была бы невозможна. Если бы не вызванные готами и вандалами политические катаклизмы, то “Темные Века” раннего Средневековья, когда тьма стала еще гуще, наступили бы куда быстрее. Вторжение вандалов и готов оказалось бичом для отпавшего от истины общества и не было направлено на преследование святых Всевышнего, хоть в отдельных случаях их и могли коснуться общие беды. Рука Провидения отчетливо просматривается в том, что в критический момент земля раскрылась и помогла женщине.

Вернемся, однако, к памятному периоду, когда Римский епископ получил титул Понтифика. Обстоятельства, при которых Папа Дамасус получил этот языческий титул, хорошо иллюстрируют тогдашнее состояние веры. Хоть язычество и было официально упразднено в западной части Римской Империи, город на Семи Холмах, если верить очевидцу событий Иерониму, продолжал оставаться “погруженным во всяческие

суеверия”. И как следствие, в то время, как по всей Империи соблюдался указ об упразднении язычества, в Риме этот документ был пустой бумажкой. Префект города Симмахус и высшие семьи патрициев, равно как и массы простых людей, были фанатично привержены старой религии. Поэтому Император счел необходимым вопреки закону, потворствовать идолопоклонству римлян. Насколько позиции язычества были сильны в Имперском городе даже после того как угасли огни Весты и была отменена государственная поддержка весталок, читатель может судить на основании следующих слов Гиббона: “Статуя и алтарь Победы (Виктории) действительно были удалены из здания Сената, но Император сохранил статуи богов, которые находились в общественных местах. А для удовлетворения религиозных потребностей народа на своих местах оставались четыреста двадцать четыре храма или часовни, а в каждом римском квартале чувства христиан оскорблялись дымом языческих жертвоприношений”. Вот таким прочным было язычество в Риме даже после того, как в 376 году государство перестало его поддерживать. Но стоит посмотреть на пятьдесят лет вперед, как вы увидите, что от этого осталось. Название “язычество” почти повсеместно исчезло, настолько, что молодой Тэодосий в своем указе от 423 г. н.э. употребляет такие слова: “. . . оставшихся язычников, хоть мы думаем, что таковых не осталось”. Слова Гиббона по этому поводу просто поразительны. Полностью признавая тот факт, что, вопреки имперским законам, направленным против язычества, не было особых трудностей у тех, “кто верил в сказки Овидия и упрямо отвергал чудеса Благовестия”. Гиббон выражает удивление быстроте перехода римлян от язычества к христианству. В 378–395 годах н.э. — годах, когда Римский Епископ стал Понтификом, Гиббон писал: “Крушение язычества во времена правления Тэодосия, является, наверное, единственным примером полного искоренения любого древнего и всеобщего суеверия и может считаться единственным событием такого рода во всей истории человечества. . .” После описания быстрого обращения сената он продолжает: “Назидательному примеру семьи Анициана [в принятии христианства] вскоре последовала остальная часть знати. . . Церкви Латерана и Ватикана заполнили толпы новообращенных граждан. Декреты сената, запрещавшие поклонение идолам, были ратифицированы общим согласием римлян. Величие Капитолия померкло, а отдельные храмы были оставлены на разрушение и забвение. Рим взял на себя иго Благовестия. . . Поколение, выросшее после провозглашения императорского закона, было привлечено в пределы Католической Церкви, и весьма быстро. И при этом падение язычества было настолько *мирно*, что через каких-то двадцать восемь лет после смерти Тэодосия [старшего] не осталось и следа прошлого”. Как же объяснить такое быстрое и массовое обращение? Может потому, что Слово Всевышнего обрело свободу и почитание? Но тогда как объяснить новую роль, которую стала играть Римская Церковь? В точ-

ном соотношении с тем, как язычество исчезало под напором Церкви, оно появлялось в ней. Повсеместно в моде были языческие одеяния для священников, языческие праздники для народа, разнообразные языческие доктрины и идеи. Свидетельство того же историка, который так убедительно рассказал об обращении римлян к Благовестию, не менее убедительно и относительно последнего вопроса. Описывая Римскую Церковь в главе “Принятие языческих ритуалов”, он пишет следующее: “По мере того, как объекты поклонения были постепенно сведены к уровню видимого восприятия, появлялись новые ритуалы и церемонии, направленные на наиболее эффективное воздействие на чувства толпы. Если бы в начале пятого века Тертуллиан или Лактантус вдруг воскресли из мертвых, чтобы провести праздник в честь какого-нибудь популярного святого или мученика, они бы с изумлением и негодованием взирали на кошунственный спектакль, заменивший собой чистое и духовное служение в собрании верующих. Как только они переступили бы порог церкви, их бы оскорбил дым курений, запах цветов и мерцание лампад и тонких свечей, среди бела дня источавших яркий, чрезмерный и, по их мнению, кошунственный свет”. Дальше Гиббон пишет в таком же духе. И может ли кто-либо теперь сказать, что все это было случайно? Нет. Все это явилось результатом беспринципной политики Папства, примеры которой мы уже увидели по ходу нашего исследования. Гиббон недвусмысленно признает это. “Следует бесхитростно признать, — пишет он, — что служители Католической Церкви подражали кошунственной модели, которую они так ревностно уничтожали”.

Папа Дамасус видел, что для того, чтобы в городе, так сильно захваченном идолопоклонством, хранить Благовестие в чистоте и целостности, ему пришлось бы нести свой крест, испытывать ненависть и недоброжелательство, переносить трудности воина Иисуса Христа. С другой стороны, он прекрасно осознавал, что, если принять титул, с которым на протяжении многих веков были связаны все надежды и чаяния язычества, он смог бы дать своей пастве повод верить в то, что он согласен действовать в соответствии с истинным духом этого титула, что давало бы ему популярность, возвеличение и славу. Какую же альтернативу мог выбрать Дамасус? Человек, пришедший на пост епископа Рима как вор и разбойник, по трупам более сотни своих оппонентов, не мог колебаться с выбором. Результат показывает, что он действовал в соответствии с характером принимаемого им титула языческого Понтифика. Он не поколебался пожертвовать истиной ради приобретения титула, который в глазах язычников давал ему права законного представителя их долгой череды понтификов. Этому просто нет никакого другого объяснения. Вполне очевидно также и то, что он и его преемники были *приняты* в таком качестве язычниками, которые, ринувшись в Католическую Церковь и собравшись вокруг нового Понтифика, не сменили свой символ веры, а принесли его в Церковь.

Читатель уже увидел, насколько точной и совершенной копией древнего вавилонского язычества была религия, которую под покровительством Пап укоренили в Римской Церкви. Читатель увидел, что бог, которому Папство поклоняется под видом Сына Всевышнего, не только является точным соответствием бога древнего язычества, но и имеет функции и качества, совершенно *противоположные* тем, которые имеет милостивый Спаситель. Этот языческий бог — бог огня Молох, или Ала Махозим (бог укреплений/фортификаций). Читатель увидел, что почти в то же самое время, когда Римский Епископ был наделен языческим титулом Понтифика, Спасителя начали называть Ихтус, или “Рыба”, таким образом отождествляя Его с Дагоном, или богом рыб. И с тех пор, шаг за шагом, насколько позволяли обстоятельства, поклонение Мессии заменялось поклонением вавилонскому божеству со всеми сопутствующими ритуалами и помпезными церемониями, выглядящими точно так, какими они были в древнем Вавилоне. И, наконец, читатель увидел, что в конце четвертого века Верховный Понтифик так называемой христианской Римской Церкви прекрасно приспособил к себе этот титул, который на протяжении многих веков был “святоотечественным именем”, которое носили древние вавилонские понтифики. В первом издании моей книги я сказал, что не нашел веских доказательств официально совершенного Гратианом назначения Папы Понтификом с прямой властью над язычниками. Это произошло не потому, что я не верю в то, что такое назначение имело место, а просто потому, что на тот момент у меня не было достаточно таких доказательств. Баркрофт Боук, очень образованный служитель Англиканской церкви на Цейлоне, передал мне свои исследования данного вопроса, которые заставили меня усомниться в том, что язычник Гратиан официально наделил Римского Епископа какой-либо властью. В настоящее время я уже уверен, что так оно и было. Покойный мистер Джонс, доказывая то, что такое назначение имело место, в своей статье в журнале “Journal of Prophecy” не только ссылается на “Приложение к Кодексу Тэодосиана”, но, разъясняя слова Кодекса, весьма утвердительно признает, что существовала даже борьба за пост Понтифика, в которой участвовали два кандидата: один — язычник Симмахус, который ранее был заместителем Валентина, а другой — Римский Епископ. (Quarterly Journal of Prophecy, Oct. 1852) Мне не удалось получить личного подтверждения мистера Джонса по этому вопросу, но это утверждение настолько подробно, что очень трудно предположить то, что он все это мог придумать. Я нашел у мистера Джонса некоторые ошибки по отдельным пунктам, но никаких ошибок относительно обсуждаемой темы. Да и сама личность автора не дает повода к этому. Кроме того, язык Приложения просто не допускает никакого другого толкования. Но даже если и не было никакого официального расширения полномочий епископа Дамасуса до функций понтифика язычников, то на основании рескрипта Гратиана (подлинность которого полностью под-

тверждена дотошным Гислером) вполне ясно, что Папа стал верховной духовной властью во всей Западной Империи по всем религиозным вопросам. Когда в 400 году христианский император западной Империи, исходя из политических соображений, приказал считать языческих священников “государственными служащими” (Cod. Theod., ad Pompejanum, Procons), эти языческие священники в обязательном порядке попали в подчинение Римскому Епископу, поскольку, кроме него, не было больше никакой другой высшей инстанции, занимавшейся религиозными вопросами. Правда в первом издании своей книги я об этом не упомянул. Я думаю, что читатель согласится, что приведенных фактов достаточно и без этого.

Если обстоятельства, при которых Папа поднялся ко всем своим вершинам власти и святотатственных полномочий, сравнить с пророчествами Даниила, которые, за неимением истинного ключа, никогда не были поняты, то, я думаю, читатель увидит, насколько история римских пап соответствует этим пророчествам. Пророчество, которое я имею ввиду, называется “Своенравный Царь” (начиная с Даниила 11:36). Этот “Своенравный Царь” обычно считается Антихристом, который не просто противится истине, но противится и папству, а также всему, что имеет отношение к Мессии. Но давайте попробуем прочесть это пророчество в свете уже рассмотренных фактов, и мы увидим существенную разницу смысла (стих 36): “И будет поступать царь тот по своему произволу, и вознесется и возвеличится выше всякого божества, и о Господе Боге станет говорить хульное и будет иметь успех, пока не совершится гнев: ибо что предопределено, то исполнится. И о богах отцов своих он не помыслит, и ни желания женщин, ни даже божества никакого не уважит; ибо возвеличит себя выше всех”. Эти слова дают точное описание папства со всей его гордыней, святотатством и принудительными celibатом и девством. Пророчество гласит, что в Общине Мессии объявится тот, кто не просто будет стремиться к необычному личному возвышению, но и реально достигнет этого, так что “будет поступать по своему произволу” и возглавит самое крайнее противление любому закону, земному или небесному. Если этот царь будет претендовать на роль преемника рыбака из Галилеи, то возникает естественный вопрос: “Как же он сумеет достичь таких вершин власти?” Следующие слова дают четкий ответ на этот вопрос: “Ни даже божества никакого *не уважит*; ибо возвеличит себя выше всех. Но богу крепостей (Ала Махозим) на месте его будет он воздавать честь, и этого бога, которого не знали отцы его, он будет чествовать золотом и серебром, и дорогими камнями, и разными драгоценностями, и устроит твердую крепость с чужим богом. Для тех, кто признает его, он увеличит почести и даст власть над многими, и землю раздаст в награду”. Обратите внимание, что не сказано, что он станет *поклоняться* любому богу; как раз наоборот, он *не уважит* никакого божества и возвеличит себя выше

всех. Тут употребляется то же самое слово, что и в словосочетании “бог крепостей”, которое употреблено чуть раньше.

Так звучит пророчество. Именно так и поступил Папа. Самовозвеличение всегда было главным принципом папства, и, “возвеличивая” себя, оно воздало почести “богу крепостей”. Папство установило в Католической Церкви поклонение именно этому богу, и, сделав так, оно превратило в свою силу то, что иначе было бы его слабостью — римское язычество, которое окружало пап, со всех сторон стало силой папства. Как уже было доказано, когда Папа под видом христианства согласился принять язычество, то язычники и языческие священники стали его самыми рьяными и верными защитниками. И когда Папа стал стяжать царскую власть над всеми христианами, кем были люди, кого он стал продвигать, кого он стал назначать на почетные и властные посты? Именно тех, кто особенно ревностно предавался поклонению “чужому богу”, которого он предложил для поклонения Христианской Церкви. Личный интерес и признательность язычников сильно этому способствовали. Иовиане и все те, кто противостояли языческим идеям и языческой практике, отлучались и преследовались. Продвигались и поощрялись лишь те, кто всем сердцем принимал отступление от истинной веры (в этом никто не мог быть более ревностным, чем настоящие язычники). Таких людей рассылали из Рима по всем направлениям, даже до Британии, чтобы восстановить власть язычества. Таких людей награждали высокими титулами, между ними распределялись земли, и все это делалось для расширения сферы влияния папского Рима, когда со всех концов земли Римскому Понтифику приносили “петрову монету”. Но еще сказано, что этот возвеличивающий самого себя царь будет чествовать “бога, которого не знали отцы его, он будет чествовать золотом и серебром, и дорогими камнями, и разными драгоценностями”. Принцип, на котором основано пресуществление, — это, вне сомнения, вавилонский принцип, хоть папы несколько изменили его. Мы точно знаем, что в языческом Риме не было похожего бога вафли (облатки), которому поклоняются папы. Цицерон, который сам был римским аугуром и священником, говорит: “Разве есть такой безумец, который считал бы богом то, что он поедает?” Цицерон не говорил бы этого, если бы в Риме существовало нечто наподобие вафлепоклонства. Но то, что было чересчур абсурдно для римского язычника, для Папы совсем не было абсурдом. Гостия, или освященная облатка (вафля), является великим богом Католической Церкви. Гостия помещается в коробку, украшенную золотом, серебром и драгоценными камнями. Это в точности соответствует пророческому описанию “бога”, которого не знали даже языческие “отцы” Папы, чествующие этого бога именно так, как написано у пророка. Таким образом, когда Папа получил языческий титул Понтифика и стал вести себя сообразно этому титулу, то он во всех отношениях в точности исполнил пророчество Даниила, записанное более 900 лет до

этого.

Но вернемся к символике Откровения. “Поток воды” излился изо рта “Огненного Дракона”. В конце четвертого века, так же, как и сейчас, Папа был единственным представителем Бэлшаззара (Валтасара), или Нимрода, на земле; ибо язычники открыто *признавали* его за такового. Естественно, что в точно такой же степени он был преемником римского “Огненного Дракона”. Когда, таким образом, он получил титул Понтифика, он стал распространять древнюю вавилонскую доктрину о возрождении через крещение, что явилось непосредственным исполнением слов Всевышнего о том, что огромный Огненный Дракон извергает изо рта поток воды для того, чтобы унести Женщину. Он и те, кто в этом ему помогал, проложили путь той грандиозной гражданской и духовной деспотии, которая распространилась во всей Европе, начиная с 606 г. н.э., когда из бушующих, словно гигантское море, и мятущихся народов Римский Епископ восстал в качестве Вселенского Епископа, а затем десять основных европейских королевств признали его в качестве Наместника Христа на земле, единственным центром единства и единственным источником стабильности своих тронов. Тогда, благодаря своим действиям и общему согласию всеобщего римского язычества, он фактически стал представителем Дагона. А поскольку и по сегодняшний день Папа носит на голове митру Дагона, то факт — налицо. Только с этого периода можно начать отсчет известных 1260 дней, т.е. с того дня, когда Папа стал Главой зверя о десяти головах и главой Вселенской Церкви. Обратите внимание, что хоть вышеупомянутый зверь и прошел через море, он все еще сохраняет свои первоначальные качества. Первоначально главой отступничества был Кронос, “Рогатый”. Кронос и продолжает оставаться главой отступничества, поскольку он и есть зверь “с семью головами и *десятью рогами*”.

Может ли быть еще какое более полное исполнение главы 13:1–4: “Тут я увидел, как из моря появился зверь. У зверя было десять рогов и семь голов, и на рогах было семь венцов. На каждой голове было написано святотатственное имя. . . Одна из голов зверя, казалось, получила уже когда-то смертельную рану, но эта рана зажила. Жители земли были очарованы зверем и пошли за ним”?

Часть III.

Выходящий из земли Зверь.

Об этом звере сказано так: “Потом я увидел другого зверя. Он выходил из земли, и у него было два рога, как у Агнца, но говорил он как дракон/змей”. (Откр. 13:11). Хоть этот зверь и упоминается вслед за зверем из моря, он не появляется сразу после морского зверя. Его действия указывают как раз на обратное, потому что благодаря ему жители земли были стали (стих 12) “поклоняться первому зверю, у которого к этому

времени зажила смертельная рана”, что указывает на то, что он уже существовал. Причина, по которой он упоминается вторым, заключается лишь в том, что он использует власть первого зверя для того, чтобы заставить людей поклониться ему, поэтому второго зверя нельзя должным образом описать, пока на сцене не появился первый зверь. В древней Халдее был и такой тип. Это был бог, которого в Вавилоне называли Нэбо, в Египте — Нуб или Нум, а среди римлян он был известен как Нума, поскольку Нума Помпилиус, великий римский царь-священник, занимал то же положение, что и вавилонский Нэбо. В Египте, особенно среди грекоязычного населения, египетское “б” часто переходило в “м”.

Среди этрусков, у которых римляне позаимствовали большую часть своих ритуалов, он назывался Таг. Имеются упоминания о том, что этот Таг, на манер увиденного Иоанном выходящего из земли зверя, был чудесным образом рожден из расселины или отверстия в земле. В Египте этот бог был представлен с рогами барана на голове.

В Этрурии он изображался похожим образом, потому что здесь мы находим изображения божественного и чудесного ребенка, носящего рога барана.

Имя Нэбо, главное отличительное имя этого бога, значит “Пророк”. Поэтому в таком качестве он произносил оракулы, занимался гаданиями, делал вид совершителя чудес и был знатоком магии. Он был великим чудотворцем и в точности соответствовал условиям пророчества, которое гласит (стих 13): “Он совершал великие чудеса и сводил огонь с небес на глазах всех людей”. Именно в таком качестве был известен этот этрурийский Таг. Согласно мифам, именно он научил римлян искусству гадания и другим подобным суевериям и чудодейственным фокусам.

В наши дни, как и в древности, мы слышим истории о плачущих статуях Мадонн и подобных бесчисленных чудесах, постоянно имеющих место в Католической Церкви, что является доказательством того, что эта папская догма была частью вавилонской системы. В наши дни трудно найти на берегах Тибра какую-либо форму “благочестивого обмана” или “святого жульничества”, которая не имела бы своего соответствия на берегах Евфрата и не была частью той же самой системы. Разве мало ходит разговоров о плачущих Девах? Языческие статуи проливали много слез. Именно об этих “мягкосердечных” плачущих идолах, покровителях страны, упоминает Лукан, когда говорит о чудесах во время гражданских войн. О том же рассказывает и Вергилий, говоря о плачущих бронзовых статуях, которые тем самым предсказывали войны.

Когда во время консульства Аппиуса Клавдия и Маркуса Перпенны в

битве с Аристоником был убит Публий Красс, статуя Аполлона в Кумах непрерывно лила слезы на протяжении четырех дней. У идолов были также периоды хорошего настроения, равно как и приступы плача. Если католический Рим считает подмигивание священной статуи Мадонны знаком свыше, то так же было и с древними язычниками, у которых статуи позволяли себе время от времени ухмыляться. А то, что они так делали, тому у нас имеется множество свидетельств. Псэллус рассказывает, что, когда священник демонстрировал свою магическую силу, “тогда священные статуи смеялись, а лампы самозажигались”. Когда статуи веселились, они передавали свои радостные чувства тем, кто на них смотрел. Сальверт пишет: “Чародеи делали так, что от зажженного огня в воздухе посреди газообразного облака появлялись статуи богов”. Чародей Максимус, несомненно, использовал подобные секреты, когда кадил ладан перед статуей Гекаты. Тогда люди видели, как статуя смеялась настолько естественно, что вызывала у зрителей ужас. Правда, в разные времена у статуй идолов проявлялись различные чувства. Разве с икон Мадонны не смотрят на молящегося доброжелательно, как бы обнадеживая всем своим видом, так что молящийся идет домой уверенный в том, что его молитва будет услышана? То же самое происходило и со статуями египетской Исиды. Они были изготовлены таким образом, чтобы богиня могла тряссти серебряной змеей у себя на голове и утвердительно кивать тем, кто представлял ей свои прошения в угодном ей виде. Мы читаем о католических святых, которые показывали свою чудотворную силу, переходя реки или моря самыми невероятными способами. Так, о святом Раймонде написано, что он пересек море на своем плаще. Язычество несколько не отличалось от этого. Так, есть описание того, как один буддийский святой, Сура Ахарья, во время посещения им своей паствы, находившейся на другом берегу реки, переплывал ее на своей накидке. А языческие боги и первосвященники проявляли еще большую плавучесть. В наши дни в Европе почитается принадлежащий Католической Церкви святой Кубертин, который так переполнялся духовностью, что когда он начинал молиться, то вопреки всем законам гравитации его тело отрывалось от земли и парило в воздухе. То же самое происходило несколько веков тому назад и со знаменитым Франциском Ассизским, Петрусом-а-Мариной и Франциском из Мацераты. Но святые Кубертин и Франциск сотоварищи были далеко не оригинальны в таком сверхчеловеческом молении. Священники и чародеи практиковали это во время халдейских мистерий на протяжении не просто сотен, но тысяч лет. Коэлиус Родигинус говорит, что “согласно халдеям, светозарные лучи, испускаемые душой, иногда божественным образом проникают в тело, которое от этого само поднимается над землей, что и происходило с Заратустрой”. Ученики Ямблихуса утверждают, что им часто приходилось быть свидетелями такого самого чуда, совершавшегося их учителем, который во время молитвы отрывался от

земли почти на четыре с половиной метра. Самое большое чудо, на которое претендует Рим, — это его способность при помощи повторения пяти волшебных слов “опустить с небес на землю тело, кровь, душу и божество нашего Господа Иисуса Христа, чтобы Он реально и телесно присутствовал во время таинства алтаря” Халдейские священники также делали вид, что при помощи своих магических заклинаний точно так же вселяют в свои статуи богов, чтобы “их реальное присутствие” стало видимым и осязаемым. Это у них называлось “деланием богов”. Несомненно, что именно от этого берет свое начало кощунственная фраза, произносимая папскими священниками, что у них есть власть/сила “создавать своего Создателя”. Нет никаких данных, насколько мне это удалось установить, что в вавилонской системе тонкая круглая лепешка или вафля, “бескровная жертва мессы/литургии”, считалась ни чем иным, как только символом, и что от нее не ожидали превращения в бога, которого она представляла. Но учение о пресуществлении, очевидно, магическое по своей сущности, когда при произнесении нескольких могущественных заклинаний одна субстанция превращается в другую или когда при помощи ловкости рук одна вещь исчезает, а на ее месте возникает другая. Кроме того, Папа во всей полноте своей власти претендует на право низвержения молний Всевышнего и поражения ими своих обидчиков. Цари и целые народы, веря в такую его силу, трепетали и преклонялись перед ним из боязни быть испепеленными его духовными громами и молниями. Языческие священники претендовали на такую же самую силу, и для усиления веры в их духовную власть они даже пробовали в буквальном смысле низвести гром с неба. Причем, похоже, есть все основания считать, что им это удалось. Об этом свидетельствуют удивительные открытия доктора Франклина. Говорят, что Нуме Помпилиусу это полностью удалось сделать. Его преемник Туллу Хостилиус погиб при попытке повторить его пример, когда он и вся его семья были поражены молнией подобно тому, как это случилось с профессором Рейхманом в наши времена, который также пробовал низвести молнию. Такими были чудотворные силы, приписываемые Священным Писанием зверю, который должен был выйти из земли. Поскольку это древний вавилонский тип, то все эти силы должны были быть имитированы. Способы, призванные низводить молнию, описываются в книгах этрурийского Тага. Нума переписал эти книги и оставил в них свои комментарии, которые Таллус неправильно понял, отсюда и катастрофа.

В память о рождении бога из “отверстия в земле” Мистерии часто праздновались в подземных пещерах. Так было в Персии, где тамошний Митра, так же, как и Таг, который, согласно легенде, был рожден из земли, похожим образом появился из пещеры в земле. Иустин Мученик. Примечательно, что как Митра родился из пещеры, так же и номинальные христиане-идолопоклонники с Востока (“православные”) похожим обра-

зом изображают нашего Спасителя рожденным в пещере. В Писании нет ни малейшего намека на это.

Римский Нума утверждал, что получил все свои откровения от нимфы Эгении, в пещере. После смерти Нимрода в этих пещерах люди проходили посвящение в тайны Мистерий, и при помощи знамений и ложных чудес, которые им показывали, их увлекали поклоняться этому богу в его новом образе. Этот Зверь Откровения, когда он “выходит из земли”, во всех отношениях соответствует древнему богу “из отверстия в земле”, поскольку никакие другие слова не описывают его более точно, чем слова пророчества (стих 13): “Он совершал великие чудеса и сводил огонь с небес на глазах всех людей. . . Он повелел им воздвигнуть первому зверю монумент — изображение зверя, который был смертельно ранен и рана которого потом зажила”. Этот зверь-чудотворец по имени Нэбо, или “Пророк”, в качестве пророка идолопоклонства был, конечно же, “ложным пророком”. Сравнив предыдущий отрывок с Откровением 19:20, станет ясно, что зверь, который “вышел из земли”, выразительно называется именно этим именем: “Зверь был схвачен и вместе с ним — ложный пророк, который в свое время творил чудеса, содействуя зверю, и обманывал тех, кто получил печать зверя и поклонялся его изображению. И тот и другой были брошены заживо в озеро, горящее серой”. Это был “зверь из земли”, который “творил чудеса” перед первым зверем, что указывает на то, что “зверь из земли” — это “ложный пророк”, другими словами, “Нэбо”.

Если исследовать историю Римской империи, то здесь тоже можно обнаружить точное соответствие между типом и антитипом. Когда смертельные раны язычества зажили и был восстановлен древний языческий титул Понтифика, то, благодаря отступившим от веры священникам и согласно всеобщим верованиям, он символизировался изображением зверя с рогами как у агнца, в точности со словами нашего Повелителя: “Берегитесь ложных пророков, которые придут к вам в овечьих шуках, но внутри они будут лютые волки”. Священство, как корпоративная структура, состояло из двух основных частей: обычные и светские клирики соответствовали двум рогам зверя, или видам власти, что на раннем периоде отождествляло как светскую, так и духовную власть. Епископы, как главы этого священства, обладали огромной светской властью еще до того, как Папа получил светскую корону. У нас на этот счет имеются достаточные свидетельства Гуизота и Гиббона. Показав то, что до пятого века священство не только стало отличным от простого народа, но и независимым от него, Гуизот добавляет: “У христианских священников появился дополнительный источник влияния. Епископы и священники стали главами муниципальных структур. . . Если раскрыть кодекс Теодосия или Юстиниана, можно увидеть множество правил, обуславливающих деятельность весьма благочестивых священников и епископов на муниципальных постах”. Гуизот приводит несколько цитат. Вот отрывок из

кодекса Юстиниана, который достаточно хорошо показывает, насколько обширной была светская власть, которой были наделены епископы: “О ежегодном состоянии городских дел. В том, что касается обычных городских поступлений от городской собственности, или от частных пожертвований, или из других источников, где это касается общественных работ, или распределения продовольствия, или содержания бань или акведуков, или сооружения стен или башен, или ремонта мостов и дорог, или издержек на судебные разбирательства, в которые может быть вовлечен город по поводу общественных интересов, мы устанавливаем следующее: Из числа первых людей города выбираются благочестивый епископ и три знатных лица, которым нужно собираться вместе. Каждый год они должны проверять проделанную работу, они должны заботиться о тех, кто ее выполнял, они должны точно все подсчитывать и оценивать, и показывать, что они должным образом исполнили свои административные обязанности, будь это общественный памятник или деньги, потраченные на продовольствие или бани, или на другую работу”. Здесь приводится огромный перечень функций, возложенных на духовные плечи “каждого весьма благочестивого епископа”, каждая из которых не имеет ни малейшего отношения к духовной сфере обязанностей епископа, о чем сказано в Священном Писании (см. Тимофею 3:1–7 и Титу 1:5–9). Как епископы, которые первоначально были предназначены чисто для духовного служения, помыслить могли о таком объеме светской власти? Гиббон проливает свет на реальную причину того, что Гуизот называет “огромная власть”. Автор “Упадка и падения” показывает, что вскоре после времени правления Константина, “церковь [и, соответственно, епископы, особенно если учесть их особое по отношению к остальному священству положение] обрела огромную светскую власть в виде права на убежище, которым обладали языческие храмы, власть, которую императоры передали христианской церкви”. Автор книги пишет: “Беглецу и даже преступнику разрешалось просить о справедливости или пощаде у Бога и Его служителей”. Так были заложены основы для перенимания прав гражданской власти священнослужителями, и так они поощрялись к получению всей полноты власти в государстве. Таким образом, как справедливо заметил автор книги “Рим в 19-ом столетии”, говоря о праве на убежище, “алтари превратились в охрану преступности, для искоренения которой они, собственно, и были воздвигнуты”. Это весьма поразительно и показывает, как светская власть папства с самого ее начала была основана на “беззаконии” и является дополнительным доказательством того, что Глава Римской системы — Папа, которому подчинены все епископы, действительно “Беззаконник” (2 Фессал. 2:8), предсказанный в Писании в качестве Главы “Тайны беззакония”. Вся эта светская власть попала в руки людей, которые, называясь служителями Христа и последователями Агнца, просто заботились о своем собственном возвеличении и, не колеб-

лясь, предали дело, которому они на словах служили. Духовная власть, которую они имели над душами людей, и светская власть, которую они получили в делах этого мира, использовались совершенно противоположно назначению истинной и чистой веры. Сначала эти ложные пророки, уводя людей от истинной веры и стараясь соединить язычество и христианство, работали *подпольно*, невидимо подкапываясь, как крот, тайно извращая простое учение, как об этом сказал Павел, что “тайна беззакония уже в действии”. Постепенно, к концу четвертого века, когда умы людей были уже достаточно подготовлены и все оказалось расположено для открытых действий, волки в овечьих шкурах вышли на поверхность и шаг за шагом вынесли на свет свои тайные доктрины и практику. Столетие за столетием, по мере возрастания их власти, они при помощи всякого “обмана и нечестивости”, а также “знамений и ложных чудес” обольстили умы плотских христиан, чтобы те поверили, что анафема священников равноценна проклятию Всевышнего, другими словами, что они “могут сводить огонь с неба”, чтобы “заставить всех жителей земли поклониться первому зверю, у которого к этому времени зажила смертельная рана”.

Когда “смертельная рана” языческого зверя зажила, и из моря вышел зверь, сказано, что зверь из земли стал общепризнанным исполнителем воли великого морского зверя (ст.12): “Он был наделен властью первого зверя и содействовал ему во всем”. Выходящий из моря зверь — это “маленький рог”, у которого “есть глаза, как глаза человека” (Даниила 7:8), т.е. это — Янус Туэнс, “Всевидающий Янус”, другими словами, Вселенский Епископ, который со своего трона на семи холмах правит посредством организованной системы исповеди, видит и знает все, что происходит вплоть до самых окраин своих обширных владений. Приблизительно в то же самое время, когда Папа стал вселенским епископом, епископы Западной империи стали носить епископские мантии, призванные символизировать их связь с Римской Церковью и Папой, который их вручал. Gieseler. От Гислера мы узнаем, что еще в 501 году Римский Епископ заложил основание корпорации епископов через возложение на них мантий. Правда, тот же Гислер утверждает, что это произошло лишь в 602 году при императоре Фоке, который и сделал Папу Вселенским Епископом, что именно в это время Папа стал систематично и широко возлагать епископские мантии.

Эта мантия, надеваемая епископами на плечи, была, с одной стороны, мантией Папы, которая символически связывала их всех как функционеров Рима и указывала на Папу как источник их власти, который управляет ими как “Епископ епископов”, а с другой стороны, и в действительности, была видимым облачением этих волков в овечьих шкурах. Ибо что из себя представляла мантия папского епископа? Это был плащ из шерсти, освященный Папой, сделанный из священных овец, которых содержали монахи ордена святой Агнессы, сотканный их “святыми” руками,

и возлагался на тех, кого Папе угодно было отметить. Цель этого была в том, как сказал один из них, “соединить их в одно стадо под началом одного пастыря”. (Гислер. Папство.) Если внимательно прочитать ранние письма Папы по поводу возложения мантии, можно заметить большую разницу значений между выражениями “стадо под началом одного пастыря” и “единое стадо” под водительством нашего Повелителя. Во втором случае это на самом деле означает стадо из пастухов или пастырей. Папское письмо недвусмысленно подразумевает организацию епископов как отдельную корпорацию, независимую от Церкви и зависящую исключительно от Папства, что прекрасно согласуется со словами пророчества о выходящем из земли звере.

Будучи посланными и рукоположенными вселенским Епископом, они успешно выполнили свою работу и “заставили всех жителей земли поклониться первому зверю, у которого к этому времени зажила смертельная рана”. Это была их часть предсказанной работы зверя. Но остается еще не менее важная, которую мы рассмотрим далее.

Часть IV.

Образ Зверя.

Зверь из земли не только увлек мир почитать первого зверя, но (стих 14) “он повелел им воздвигнуть первому зверю монумент — *изображение* зверя, который был смертельно ранен и рана которого потом зажила”. Размышляя на протяжении многих лет над тем, что бы могло подразумеваться под “изображением зверя”, я не мог согласиться ни с одним существующим объяснением на этот счет, пока, наконец, не наткнулся на скромный, но весьма ценный труд, о котором я уже упоминал, — “Оригинальное истолкование Апокалипсиса”. Этот труд, несомненно, является результатом пронизательного ума, хорошо постигшего историю Папства и нашедшего разрешение трудного вопроса. Автор книги называет образ зверя как изображение Девы-Матери, или Мадонны. На первый взгляд это может показаться маловероятным объяснением, но, если сравнить это с религиозной историей Халдеи, всякие сомнения исчезают. В древнем вавилонском язычестве был образ Зверя из моря, а поскольку нам известно о существовании такого образа, то вопрос, я думаю, вполне решен. Когда впервые стали поклоняться Дагону, он был изображаем в самых различных формах, но наиболее популярной формой для поклонения ему был, как уже известно читателю, ребенок на руках у матери. По ходу естественного развития событий вместе с ребенком стали поклоняться и матери, которая стала любимым объектом для поклонения. Для оправдания этого поклонения, как мы уже увидели, этой матери должен был быть придан статус божества и приписаны божественные силы и прерогативы. Каким бы божественным статусом ни обладал сын, такая же божественность бы-

ла приписана и его матери. Какое бы почетное имя он ни носил, она получила такое же. Его звали Бэл (“Господин/Господь”), ее звали Бэлтис (Моя Госпожа). Его звали Дагон, ее — Дэркэто (Сирена/Русалка). Он как царь мира носил рога быка, она, как мы уже увидели с подачи Санчуниатона, возложила себе на голову в качестве символа царского сана голову быка. (Eusebius, *Proeparatio Evangelii*.) Это место из Евсевия весьма примечательно, поскольку показывает, что рога, которые носила великая богиня, должны были указывать на нее как на заместителя изображения Нинуса, или “Сына”. Если бы она носила рога коровы, то это понималось бы как ее идентичность с луной. Но рога быка показывают, что намерение было в том, чтобы изобразить ее равной по власти и значению с Нимродом, или Кроносом, “Рогатым”.

Его, как бога-Сына, называли Бээл-самэн (Господин/Господь небес), ее, как богиню Луны, — Мэлкат-ашемин (Царица небесная). Ему поклонялись в Египте как “Явителю благодати и истины”, ей — в Вавилоне, в виде символа Голубя, как богине доброты и милости, “Матери милостивого принятия”, “милостивой и благоволящей к людям”. Ему, под именем Митра, поклонялись как Меситу, или “Посреднику”; а ее, как Афродиту, или “Укротительницу гнева”, называли Милитта (Посредница). Он изображался сокрушающим своей пятой голову громадного змея, она — как поражающая змеиную голову своей рукой. Он под именем Янус носил ключ как открывающий и закрывающий ворота невидимого мира. Она под именем Сибила также имела подобный ключ в качестве символа аналогичной власти. Tooke’s *Pantheon*. То, что в эзотерическом изложении ключ Сибилы соотносился со значением Януса, проявляется из свойств, которые приписывались ей как Посреднице.

Его, как очищающего от греха, называли “Незагрязненный бог”; и она также имела власть смывать грех, и ее, хоть она была матерью семени, называли “чистая и непорочная Дева”. Его изображали как “Судью мертвых”, а ее — стоящей подле него рядом с тронном судьи невидимого мира. После того, как его убили при помощи меча, то, согласно мифу, он воскрес их мертвых и вознесся на небо. Она так же (хоть история доносит сведения о ее смерти от меча в руках одного из ее сыновей), согласно мифу, в телесном виде была вознесена ее сыном на небо, где стала Памбасилией (Царицей вселенной). Наконец, в довершение всего, имя, под которым ее знали, было Семела, что в переводе с вавилонского языка значит “*изображение*”. Таким образом, до самой последней детали она стала образом вавилонского “зверя, который был смертельно ранен (мечом) и рана которого затем зажила”. Подобным же образом, в Египте считалось, что Хор отрубил своей матери голову, так же, как в Вавилоне Бэл разрубил пополам великую первобогиню вавилонян. (Bunsen) Аполлодор пишет, что Бахус, вознеся свою мать на небеса, назвал ее Туон, что является всего лишь женской формой его собственного имени — Туоэнус, по-латински —

Туонэус. (Ovid, Metam.) “Туонэус” образовано от пассивной формы причастия “тн” (плакать, рыдать), синонима имени “Бахус”, “оплакиваемый бог”. Туон, похожим образом, означает “оплакиваемая богиня”. Римская Юнона была известна именно в таком качестве “Образа”, поскольку в Риме на Капитолийском холме был храм в ее честь под названием “Юнона Монета”. “Монета” — это эмфатическая форма одного из халдейских слов, переводящегося как “образ”. То, что это и было настоящим значением имени, становится ясно из того, что в пределах ее храма находился монетный двор. А что еще изображается на монетах, как не “образы”. Отсюда и связь между Юноной и чеканкой монет.

После того, что читатель увидел в предыдущих главах, трудно добавить еще нечто большее, подтверждающее, что в Католической Церкви наших дней под именем Мария поклоняются именно этой богине. Хотя эта богиня и называется матерью нашего Спасителя, все ее атрибуты и качества списаны непосредственно с вавилонской Мадонны, а не с девы-матери Мессии. Сам способ изображения папской Мадонны является копией идольских изображений языческой богини. Великого вавилонского бога обычно изображали сидящим на цветке Лотуса. В Индии такое изображение весьма распространено. Брахма часто показывается сидящим на цветке Лотуса, который, согласно мифу, вырос из пупка Вишну. Подобным манером, великая богиня должна была иметь похожее сиденье. Так, в Индии мы видим изображения Лакшми, “Матери Вселенной”, сидящей на Лотусе, который, в свою очередь стоит на везущей их черепахе.

Папство скопировало этот пример, поскольку на изображении, известном как *Raneargium Marianum*, Дева и ребенок показаны сидящими на цветке тюльпана.

Во всем Священном Писании нет и слова намека на то, что следует поклоняться Марии, что она является “прибежищем грешников”, что она была “непорочно зачата”, что она совершила искупление за грех, когда стояла возле креста и когда, по словам Симеона, “меч пронзил и ее душу”, или что после своей смерти она была воскрешена из мертвых и в славе перенесена на небеса. Но все это присутствует в вавилонской системе; и все это теперь стало частью римокатолической системы. “Священное сердце Марии” изображается пронзенным мечом, а церковь-отступница учит

тому, что горе, охватившее ее во время распятия, стало истинным искуплением, так же как и смерть Мессии. Обо всем этом можно прочесть в многочисленных католических требниках, служебниках и катехизисах, где содержатся такие кощунственные слова: “Приди, верное дитя! Приди

к сердцу Христа, но пусть твой путь лежит через сердце Марии. Меч горя, пронзивший ее сердце, открывает тебе путь. Войди через раны любви". А католические богословы вроде профессора Освальда из Падербона говорят, что Мария была не простым человеком вроде нас с вами, а "особой Женщиной, как и Христос был особым мужчиной", что "Мария со-присутствует во время евхаристии (коммунии) и что, согласно церковному учению о евхаристии, такое присутствие Марии реально и истинно, а не просто метафора". Более того, в одном из папских постановлений о Непорочном Зачатии мы читаем, что та же самая Мадонна ради этой самой цели была "ранена мечом", воскресла из мертвых, была вознесена и стала Царицей Небесной. Все это является примером "изображения зверя, который был смертельно ранен (в сердце) и рана которого потом зажила". Memoir of Rev. Godfrey Massy. Эти слова взяты из подписи под рисунком, на котором изображена Мария, стоящая у подножия креста *с мечом в груди*. И такие слова: "Твой возлюбленный сын принес в жертву свою плоть, а ты — свою душу, да, тело и душу". Это возносит Деву на больший уровень, приписывая ей большее, нежели то, что совершил Мессия. В 1617 году эта формула была частью символа веры иезуитов, а теперь она стала частью всеобщего символа веры папства.

То, что на протяжении многих веков деятельности церкви-отступницы звучало неофициально или подразумевалось, было официально закреплено в декабре 1854 года. Тогда в Рим съехались епископы и другие представители католической церкви со всех концов земли и при одном лишь голосе против постановили, что "Мария, мать Божья, которая умерла, воскресла и вознеслась на небеса", отныне должна называться Непорочной Девой, "зачатой и родившейся без греха". (Догмат о том, что сама Мария родилась в результате непорочного зачатия ее матери Анны). Это является официальным воздвижением Образа зверя для поклонения "всем живущим на земле". Сказано, что после того, как Образ зверя был воздвигнут, зверь из земли дает ему жизнь и способность говорить, что подразумевает отсутствие у него способности самостоятельно жить и говорить. Но это, в свою очередь, подчеркивает способность зверя из земли жить и говорить, и быть эффективным агентом папского священства, который станет говорить так, как они захотят. Поскольку Образ был воздвигнут, его голос стал слышен во всех пределах папских владений. Раньше папские постановления звучали, более или менее, от имени Христа. Теперь же все стало совершаться именем Непорочной Девы. Ее голос слышен повсюду, ее голос главный. Но следует заметить, что всякий раз, когда слышен этот голос, это не голос милости и любви, а голос жестокости и террора. Папские декреты, утвержденные печатью имени Образа, состоят в том, что "все, кто не имеет такой печати, не смогут больше ничего ни продать, ни купить" (стих 17). Как только образ был воздвигнут, все это стало исполняться. Что такое Конкордат в Австрии, как не это?

Если бы этот конкордат был введен в полное действие, то в результате ни один житель Австрийской империи не мог бы “покупать или продавать” без знака зверя. Сам факт возникновения такого нетерпимого конкордата сразу после принятия доктрины о Непорочном Зачатии указывает на его сущность. События, случившиеся вскоре в Испании, показывают мощное действие того же самого духа преследования. Если я был прав в истолковании соответствующего места из Писания, то, похоже, что нас ожидает новая волна преследований и нетерпимости, которая, по Писанию, должна последовать вслед за воздвижением Образа. Я считаю неуместными разговоры вроде: “Все это уже имело место в Темные века Средневековья” или “это исполнилось еще до Лютера”. Я вас спрошу: разве у людей, которые жили на земле до Лютера, был подобный Образ? Ясно, что нет. Постановление о Непорочном Зачатии было принято на днях. (Эти строки автор книги — Александр Хислоп — писал в 50-е годы 19 века.) Поэтому пророчество относится к нашему времени, к тому периоду, в который сейчас вступает Церковь. Другими словами, убийство свидетелей и великое испытание святых *еще впереди*.

Часть V.

Число Зверя и число его имени.

После того, как мы отождествили Папу с Дагоном, мы естественным образом подошли к числу и имени зверя. Многие протестантские авторы считают, что у имени “Lateinos” есть большая вероятность быть этим именем, поскольку содержит в себе достаточно элементов для такого утверждения. Но при этом всегда существовала некоторая доля определенного сомнения и чувства, что чего-то не хватает. Если рассмотреть вопрос с вавилонской точки зрения, мы увидим, что нет ничего непонятного в имени и числе зверя. Все достаточно очевидно. Осирис, или Нимрод, которого представляет Папа, имел множество различных титулов и, как отмечает Уилкинсон, занимал почти такое же положение, что и его жена, которую называли “Мирионимус”, богиня с “десятью тысячами имен”. Как среди этих бесчисленных имен мы выделим имя, на которое Дух Всевышнего таинственным языком указывает как на имя зверя и число его имени? Если нам известно Апокалиптическое имя системы, то мы можем установить и имя главы этой системы. Имя системы — “Тайна” (Откр. 17:5). Тут у нас появляется ключ к тайне. Нам сейчас остается лишь узнать, под каким именем был известен Нимрод в качестве бога в халдейских Мистериях. Это имя, как мы уже увидели, было Сатурн. “Сатурн” и “Мистерия” являются халдейскими словами-коррелятами. Если “Мистерия” обозначает тайную систему, то “Сатурн” — тайного (скрытого) бога. Во время Литургии (Мессы) от молящихся требуется такая молитва: “Бог Скрытый, мой спаситель, помилуй нас”. Откуда еще взялся этот “Бог Скрытый”, как не

из древнего поклонения Сатурну, “Скрытому Богу”? Мы знаем, что Папство канонизировало вавилонского бога под именем Святого Дионисия и Святого “мученика” Бахуса. Точно так же оно ввело в свой календарь “Святого мученика” Сатура, который отмечается 29 марта. (Chamber’s Book of Days)

Для всех тех, кто проходил посвящение (инициацию), бог был открыт, для всех остальных — скрыт. Имя “Сатурн” по-халдейски звучало как “Сатур”. Но всякий знаток халдейского языка знает, что это имя состоит лишь из четырех букв — “Стур”. В этом имени заключено апокалиптическое число 666:

S = 060

T = 400

U = 006

R = 200

(самэх + тав + вав + рэш)

Если Папа, как мы уже увидели, является законным представителем Сатурна, число Папы, как главы Тайны Беззакония, будет 666. Более того, известно также, что оригинальное название самого Рима было Сатурния, “город Сатурна”. Это подтверждается Овидием, Плинием и Аурелием Виктором. Таким образом, Папа дважды претендует на имя и число зверя. На сегодня он — единственный законный представитель оригинального Сатурна, и правит в том самом городе на семи холмах, где когда-то правил римский Сатурн, почему вся Италия и была названа его именем — “сатурнийская земля”. Но, спросите вы, какое это имеет отношение к имени Lateinos, считающееся “именем зверя”? Большое. Оно доказывает, что такое мнение полностью обосновано. Сатурн и Латэинос — это просто синонимы, имеющие одинаковое значение и принадлежащие одному и тому же богу. Читатель, должно быть, помнит место из Вергилия, где показано, что Латэинос, которого римляне, или латиняне, считают своим родоначальником, изображался с нимбом славы вокруг головы, что указывало на него как на “сына Солнца”. Вполне очевидно, что в представлении широкой публики оригинальный Латэинос занимал то же самое положение, какое в Мистериях занимал Сатурн, которому поклонялись как “отпрыску Солнца”. Более того, известно, что для римлян имя “Латэинос” значило “Скрытый”. Исследователи древности говорят, что Латэиум получил свое имя от Сатурна, который там “скрывался”. С этимологической точки зрения, на основании римских свидетельств, имя Латэинос эквивалентно “Скрытому”, т.е. богу Мистерий Сатурну. Latium Latinus (римская форма греческого “Lateinos”) и Lateo (скрываться) образованы от халдейского слова “Lat”, имеющего такое же самое значение. Именем “Lat”, или “Скрытый”, так же, как и Сатурн, был назван великий вавилонский бог. Из названия/имени рыбы “Латус”, которой поклонялись вместе с египетской Минервой в городе Латополис, теперь Энэш (Wilkinson),

вытекает, что рыба Латус была еще одним вариантом имени бога рыб Дагона. Мы уже говорили, что Ихтус, или Рыба, было одним из имен Бахуса. Согласно мифам, ассирийская богиня Атэргатис вместе со своим сыном Ихтусом была брошена в озеро Аскалон. То, что бог солнца Аполлон был известен под именем Лат, вытекает из греческого имени его матери-жены Лето, или на дорическом наречии — Лато, что является женской формой имени Лат. Римское имя Латона подтверждает это, поскольку значит “оплакивающая Лата”, так же как Бэллона значит “оплакивающая Бэла”. Индуистский бог Шива, который, как мы знаем, иногда изображается в виде ребенка у груди матери, был таким же кровавым персонажем, что и Молох, или римский Сатурн, и назывался тем же самым именем, что видно из такой подписи под изображением в его храме в Сомнауте: “Это мрачное изображение того, чье имя было ЛАУТ, нашел храбрый Махмуд, когда он взял Сумнаут”. (Borrow’s Gypsies in Spain, or Zinicali)

Поскольку имя Лат было еще одним именем Сатурна, то нет сомнения, что имя Латинус употреблялось в таком же смысле.

Обожествленных царей называли именами тех богов, потомками которых, по всеобщему верованию, они были, а совсем не по названию подвластных им земель. То же верно и в случае с Латинусом.

Таким образом, если Сатурн — это имя зверя, содержащее таинственное число, то Латэинос, которое содержит такое же число, является аналогичным именем того же самого зверя. Тогда Папа, как голова зверя, равным образом является Латэиносом, т.е. главой вавилонской “Тайны/Мистерий”. Таким образом, папская традиция совершения религиозного служения на “латинском языке” является продолжением традиции совершения служения на языке “Мистерий”. А когда католическая церковь называется латинской, это является эквивалентом названия “Церковь Тайны/Мистерий”. Следовательно, эта отступившая от истины религиозная организация имеет на лбу (ведь Папа — глава) надпись “тайна — великий Вавилон”. И, соответственно, она несет у себя на лбу неизгладимое число 666. А тот, кто восседает на троне в городе семи холмов — Риме, обладает исключительным правом зваться Видимым главой/головой зверя.

Читатель, обративший внимание на язык, которым описывается имя и число апокалиптического зверя, должен был бы заметить, что в терминах, описывающих имя и число, все еще остается загадка, которую нельзя упустить из виду. Вот эти слова: “Это требует мудрости! Тот, кто наделен разумом, пусть высчитает число зверя. Это *человеческое* число 666” (Откр. 13:18). Что значат слова “человеческое число” зверя? Значит ли это лишь то, что он имеет имя как обыкновенный человек? Обычно так и понимают эти слова. Но тогда в этом не было бы ничего примечательного, ничего такого, чего нельзя было бы соотнести с другими бесчисленными именами. Но если попробовать понять этот язык в связи с уже рассмот-

ренными фактами, мы получаем совсем другую картину. Сатурн, скрытый бог, которого представляет Папа, является богом Мистерий, чьи секреты открываются только посвященным, был идентичен Янусу, который имел в Риме широкую известность как для посвященных так и для непосвященных в качестве великого Посредника, открывающего и закрывающего, имеющего ключ от невидимого мира. Так каково же значение имени Янус? Это имя, согласно Корнифициусу, в действительности звучало как Эанус, а по-древнехалдейски “Э-ануш” значит “Человек”. Именно этим именем при своем первом появлении был назван вавилонский зверь из моря. Бэрозус называет его греческое имя — О-аннэс (Оанн), но это как раз и есть греческая форма халдейского “Хэ-анэст” (“человек”). “Хэ-сири” в греческом языке становится “Осирис”, “Хэ-сарсифон” превращается в “Осарсифон”, а “Хэ-анэш”, естественно, превращается в “Оаннэс”. Баркер (Lares and Penates) переводит имя Оаннэс как “Человек-бог”. Похожий переход “х (h)” в “о” можно наблюдать в ирландском языке в фамилиях вроде “O’Brien” и “O’Connell”, первоначально выглядевших как “H’Brien” и “H’Connell” (Sketches of Irish History).

Имя Э-ануш, или “Человек”, употреблялось в отношении вавилонского мессии для отождествления его с обещанным семенем Женщины. Имя “Человек” употребительно к богу должно было указывать на него как на “богочеловека”. В индуистских священных книгах написано, что для того, чтобы боги смогли победить своих врагов, Солнце, верховное божество, должно было воплотиться в человеческом теле, родившись от Женщины. У античных народов были точно такие же легенды. “На небесах существовало предание, — пишет Аполлодор, — что гигантов никогда не удалось бы победить без помощи человека”. Этим человеком, который, согласно мифам, победил неприятелей богов, был Янус, богочеловек. В добавок к приписываемым ему чертам и отличиям, Янус был наделен самой высокой властью смотрителя небесных врат и определителя вечной участи человека. Именно полноправным представителем этого Януса, этого вавилонского “человека”, и является Папа; об этом мы уже упоминали. Равно как и хранителем ключей совместно с Сибиллой, матерью-женой Януса, а также всех остальных его кощунственных полномочий. Тот факт, что Папа претендует на роль вселенского хранителя ключей от небес и приписывает себе противоречащую всем принципам христианства власть открывать и затворять врата славы в соответствии с его единоличным желанием и соизволением, является поразительным и дополнительным доказательством того, что он и есть голова зверя из моря, чье число, являющееся числом Януса, есть числом человека и равно точно 666.

Но в имени Януса, или Эануса, есть еще нечто, чего нельзя пропустить. Янус, кроме того, что ему поклонялись как мессии или богочеловеку, считался также “Principium Decorum”, источником и началом всех языческих богов. В такой роли мы проследили его происхождение еще во времена

от Ноя до Куша, но для полноты картины следует копнуть еще глубже. Как мы уже упоминали, во времена Сима и его братьев, которые передали потомкам историю потопа, что было временем зарождения Мистерий, язычники знали обо всех случившихся событиях, знали и историю Адама. Поэтому при обожествлении человека для язычников было важно наличие некоего предшествовавшего им божества в человеческом облике как “Отца богов и людей”. Поэтому Мистерии были наполнены повествованиями о том, кем это бог был, что он делал и что с ним произошло. Его имя Э-ануш, или в египетской форме “Фъанэш” (“Человек”), было лишь одним из имен великого прародителя всех. Имя Адам в еврейском языке книги Бытия почти всегда стоит с предваряющим его артиклем, указывающим на него как на единственную и уникальную личность или на единственного “Человека”. Есть, однако, разница: “Адам” указывает на человека не падшего, а “Э-ануш” (“Человек”) — на “человека падшего”. Таким образом, Э-ануш, как “Principium decorum”, “источник и отец богов”, есть “*падший* Адам”. Анэш, в действительности, обозначает только слабость или брэнность падшего человека, но всякий, кто читал Fasti Овидия, где описывается Янус, мог заметить, что когда Э-ануш был обожествлен, он был не просто слабый *падший* человек, а *испорченный падший* человек.

Принцип языческого идолопоклонства заключается в том, чтобы непосредственно прославлять падшего человека, освящать его похоти, позволять человеку жить по плоти, и при этом давать ему уверенность, что после смерти он получит вечное блаженство. Э-анус, “падший человек”, был воздвигнут как Глава этой системы разложения, этой “Тайны Беззакония”. С данной позиции мы начинаем видеть реальное значение имени, которое употреблялось по отношению к божеству, которому во Фригии широко поклонялись наряду с Сибиллой и в том же самом качестве, что и Янусу, который первоначально был Отцом богов и богом-посредником. Это имя было Атис, или Аттис, или Аттэс, а его значение проявляется в значении хорошо известного греческого слова Атэ, что значит “ошибка греха” и являющегося производным от халдейского слова “хата” (грешить). Smith’s Classical Dictionary, “Atys”. Отождествление Аттэса с Бахусом, или Адонисом, который первоначально был Отцом богов и Посредником, подтверждается следующими соображениями: 1. От Страбо мы узнаем, что любимым богом фригийцев был Аттэс, называемый “Сибелиус Аттэс”, которому во Фригии поклонялись вместе с Сибиллой и звали по имени Дионисия или Бахуса. 2. Аттэс был представлен точно так же, как и Бахус. У Бранта есть пример надписи, упоминающей его вместе с идэйской богиней Сибиллой, где он называется “Минотавр Аттис”. Бахус носил рога быка и в таком качестве был известен как Минотавр, получеловек-полубык. 3. В эзотерических повествованиях он изображается погибающим точно так же, как и Адонис, — от дикого кабана (Pausan). 4. Во время ритуалов Magna Mater, или Сибилы, священники призыва-

ли его словами: “Deus propitius, Deus sanctus” (“милостивый Бог, святой Бог”) (Arnobius in Maxima Biblioth. Patrum), в чем проявляется сущность Бахуса, или Адониса, как бога-посредника.

Атис или Аттэс образованы от одного и того же глагола и одинаково значат “Грешник”. Читатель должен помнить, что во Фригии Рея, или Сибиле, поклонялись под именем *Idaia Mater* (“Мать знания”) и что в руке она держала свой символ — гранат, из чего мы заключили, что язычники считали гранат плодом “запретного дерева”. А кто еще мог более всего быть ближе к “Матери знания” как не Аттэс, “Грешник”, ее муж, которого она совратила к соучастию в ее грехе, в разделении с ней рокового знания, и который (Аттэс) в прямом смысле стал “Человеком греха” — “человеком, через которого грех вошел в мир, а через грех вошла смерть, и смерть перешла ко всем людям, потому что все согрешили”.

Вся история Аттэса в мельчайших деталях указывает на то, что это история Грехопадения. Миф гласит, что этот грех связан с неуместной любовью к “нимфе, чья судьба зависела от дерева” (Ovid, *Fasti*). Любовь Аттэса к нимфе была с одной стороны оскорблением Сибилы, но с другой — это была любовь к самой Сибиле, поскольку Сибилла имеет две отличительные фундаментальные черты — Святого Духа и нашей праматери Евы. “Нимфа, чья судьба зависела от дерева”, была Рея, мать человечества.

Аттэс, этот “Человек греха”, пройдя через все скорби и страдания, ежегодно отмечаемые его поклонниками, обрел отличительные черты и славу мессии. Он был отождествлен с солнцем, единственным богом, также он был отождествлен и с Адонисом. Вруант. Основания для отождествления Аттэса с солнцем были в том, что как “хата” обозначает “грех”, так и “хатах”, что значит “гореть”, произносится точно так же (без звука “х” на конце). (см. примечания к главе)

Хорошо известно, что Адонис похожим образом был известен своими страданиями и скорбями. Ведь в его честь, или в честь Таммуза, проводились ежегодные оплакивания, которые быстро перерастали в ликование по поводу его мифического возвращения из Аида, или ада. Но не так хорошо известно то, что язычество приписывало своему богу-посреднику наличие тела мессии. О том, что все было именно так, мы узнаем из свидетельств Паусания: “Агдистис (т.е. Сибилла) узнала от Юпитера, что ни одна часть тела Аттэса не сгниет и не будет выброшена”. Так язычество приписало Аттэсу, “грешнику”, несравненную честь истинного Мессии, Который пришел “спасти Свой народ от грехов”. Если, таким образом, Папа, как мы увидели, занимает место Януса-человека, насколько очевидно и то, что он равным образом занимает место и Януса-грешника, и насколько хорошо он (Папа) соответствует определению “Человек греха”, о котором сказано в Священном Писании (2 Фесс. 2:3), и является главой современного вавилонского язычества.

Таким образом, Папа во всех отношениях демонстрирует то, что он является видимой головой зверя. Но у зверя есть не только видимая, но и невидимая голова, которая им управляет. Эта невидимая голова есть никто иной, как Сатана, предводитель самого первого отступничества, которое началось непосредственно на небесах. То, что это совершенно так, подтверждается словами из Откровения: “Они молились дракону и благодарили его за то, что тот дал зверю такую власть. Они молились и зверю и говорили: “Разве еще есть кто-то подобный этому зверю? Кто решился бы с ним сразиться?!” (Откр. 13:4). Эти слова показывают, что поклонение дракону соразмерно поклонению зверю. То, что дракон и есть сатана, сам архивраг, ясно из сказанного в предыдущей главе Откровения: “Но дракон не был достаточно силен, и он потерял свое место на небесах. Этот дракон — древний змей, которого называют дьяволом и ха-сатаном: он, обманувший весь мир, был вместе со своими ангелами сброшен на землю” (Откр. 12:9). Таким образом, если Папа, как мы уже увидели, является видимой головой зверя, то приверженцы католической религии, поклоняясь Папе, в обязательном порядке поклоняются также и дьяволу.

Имея такое откровение Всевышнего, нет никакой возможности избежать этого утверждения. Следует помнить, что Папа, как глава Тайны Беззакония, является “сыном погибели”, Искарриотом, ложным пророком, изменником. Ясно сказано, что перед тем, как Искарриот совершил измену, в него вошел “сатана”, князь бесов, и обрел полный контроль над ним. По аналогии мы можем ожидать того же самого и в случае с Папой. До того, как Папа смог только помыслить о совершении измены своему Повелителю, что мы уже доказали, до того, как он смог привести свои отступнические планы в действие, в него должен был войти сам сатана. Тайна Беззакония должна была совершаться и процветать в соответствии с “действием”, т.е. буквально, “в соответствии с энергией или силой сатаны” (2 Фесс. 2:9). Мы не случайно употребили здесь слово “энергия”, поскольку этот термин постоянно используется в халдейских книгах при описании вдохновения, которое посылают своим поклонникам боги и демоны. (Taylor’s Jamblichus)

Таким образом, сам сатана, а не какой-нибудь подчиненный ему дух ада, должен руководить всей разветвленной системой освященного беззакония, он лично должен брать под контроль того, кто является видимым главой. Тогда вся система становится управляема и направляема его дьявольской хитростью и “заряжается” его сверхчеловеческой энергией. Помня об этом, мы можем увидеть, что, когда приверженцы Папы поклоняются ему, они поклоняются также и “дракону, который дал зверю силу”. Таким образом, опираясь на независимые исторические свидетельства, мы приходим к неопровержимому заключению, что католическое поклонение (религия) является обширной системой поклонения дьяволу. Достаточно уже было бы одного лишь основанного на Священном

Писании доказательства того, что Папа является головой зверя, чтобы заключить, что все те, кто сознательно или не сознательно поклоняются Папе, в действительности поклоняются дьяволу. Но в дополнение ко всему у нас имеются исторические свидетельства, и весьма убедительные, что Папа, как глава халдейских Мистерий, является таким же непосредственным представителем сатаны, каковым он является в отношении ложного вавилонского мессии. Еще Иреней в конце второго века заметил, что имя Тэйтан содержит таинственное число 666, и высказал мысль, что это имя Тэйтан и есть “самое вероятное имя” зверя из моря. Irenaeus. Хотя имя Тэйтан имеет халдейское происхождение, оно было полностью адаптировано греческим языком. Поэтому для того, чтобы привести более исчерпывающие свидетельства по поводу этого важного предмета, похоже, что Дух Всевышнего сделал так, что число имени Тэйтан в терминах греческого языка соответствует числу халдейского имени Сатур.

Доводы, приводимые Иренеем в пользу своего мнения, не имеют большого веса, но свое мнение он вполне мог заимствовать от других авторов, у которых было куда больше оснований и знаний для подобных умозаключений. При ближайшем рассмотрении можно увидеть, что имя Сатурн было именем *видимой* головы зверя, а имя Тэйтан было именем *невидимой* головы. Тэйтан является всего лишь халдейской формой от Шейтан, имени, которым с незапамятных времен называют сатану дьяволопоклонники Курдистана или Армении, откуда дьяволопоклонство распространилось на запад, попав, тем самым, в Малую Азию, а оттуда — в Этрурию и Рим, и стало частью халдейских Мистерий. Для осведомленного читателя нет надобности приводить примеры подобного частого перехода халдейских звуков/букв “ш” или “с” в “т”, но для тех, кто этого не знает, можно сказать следующее: еврейское слово “шекель” (взвешивать) в халдейском языке становится “тэкель”, еврейское “шабар” (ломать) в халдейском превращается в “табар”, еврейское “серафим” в халдейском звучит как “тэрафим” — вавилонская имитация священных Херувимов или Серафимов. И далее: еврейское “асар” в халдейском языке становится “атар”, еврейское “шани” по-халдейски звучит как “танин”.

То, что у античных народов Тэйтан был известен как Сатан, или злой дух, источник нравственного зла, можно доказать соответствующими упоминаниями о нем у Гомера и Гесиода, которые описывают историю Тэйтана и его *братьев*. Из античных авторов они были первыми, кто это сделал, хотя более поздние легенды, часто основанные на их произведениях, практически повторяют имеющиеся в Священном Писании упоминания о сатане и его ангелах. Гомер пишет, что “все боги Тартара”, или ада, “назывались Тэйтаны”. Гесиод рассказывает о том, как эти Тэйтаны, или “боги ада”, попали туда. Самый главный из них совершил против своего отца, верховного бога небес, какое-то зло, в чем был поддержан многими из “сынов небес”. За это отец “назвал их всех позорным именем

Тэйтаны”, проклял их, а затем, во исполнение своего проклятия, “вверг их в ад” и “связал цепями тьмы бездонной”. Хотя это повествование и является самым ранним греческим рассказом о Тэйтане и его последователях, оказывается, что в халдейской системе имя Тэйтан было синонимом имени Тифон, злого Змея или Дракона, который везде считается дьяволом, автором всякого зла. Согласно языческой версии истории, Тифон убил Таммуза и расчленил его на куски. Однако Лактантус, хорошо знакомый с данной темой, укорял своих соотечественников-язычников за “поклонение ребенку, разорванному на куски Тэйтанами”. Таким образом, становится ясно, что, по языческим верованиям, Тэйтан был идентичен Дракону, или Сатане. Мы уже упоминали, что Сим (Шем) был тем, кто в действительности убил Таммуза. Поскольку он был главным противником языческого мессии, то те, кто ненавидел его за этот поступок, называли его именем Главного Врага всех — Тифоном, или дьяволом. “Если Хозяина дома называют Вельзевулом”, то нет ничего удивительного, что и его слуг называют таким же именем.

Как уже говорилось раньше, существенное изменение в Мистериях произошло только после соответствующей подготовки. Сначала Таммузу поклонялись как поражающему голову змея, подразумевая то, что он и был предсказанным разрушителем царства сатаны. Затем они понемногу стали поклоняться самому дракону, или сатане, чтобы, как говорили язычники, “немного утешить его” по поводу утраты им своей власти и предотвратить его попытки навредить им. В конце концов, дракон, или Тэйтан, или Сатан, стал главным объектом для поклонения, а Титании, или ритуалы Тэйтана, заняли видное место в египетских мистериях и в их греческих аналогах. Насколько важным было место, которое занимали такие ритуалы Тэйтана, или Сатана, можно судить по тому, что к Плутону, богу ада (который в своей сущности был главным Врагом), относились с благоговейным страхом и трепетом как к великому богу, от которого зависела судьба людей в вечном мире. Ведь считалось, что Плутон отвечал за “очищение душ после смерти”. Чистилище у язычников, так же, как и в Папстве, было мощным инструментом власти и суеверий. Именно чистилищем заведовал этот “бог Ада”. Нет ничего удивительного, что змей, этот главный инструмент дьявола для искушения человечества, по всей земле был почитаем с величайшим благоговением. Согласно языческим мифам, “змеи были самыми превосходными над всеми богами и правителями Вселенной”. И не удивительно, что даже существовала вера в то, что мессия, на которого возлагалась вся надежда человечества, был “семенем змеи”! Именно так было в Греции, ведь первое упоминание о Бахусе гласило о том, что он появился в результате связи его матери с отцом богов, явившимся к ней в виде “пятнистой змеи”. Ovid, *Metam.* Идея о том, что “семя змеи” является великим царем всей земли, настолько прочно укоренилась в умах язычников, что, когда человека провозгласили богом на

земле, стало необходимо учредить ему особый титул, который доказывал бы его принадлежность к “семени змеи”. Так, когда Александр Македонский был объявлен богом, его мать Олимпия провозгласила, что он был сыном не ее мужа — царя Филиппа, а сыном Юпитера, который явился к ней в виде змеи. Точно так же и Юлий Цезарь называл себя сыном Аполлона, который ради его рождения принял форму змеи.

То, что “отец богов” был именно “богом ада”, видно и из мифа о том, как Прозерпина, мать Бахуса, чудесно зачала и родила прекрасного ребенка в результате изнасилования ее Плутоном, которому в Мистериях отводилось значительное место. А Прозерпине, как жене бога ада, поклонялись под именем “Святая Дева”, о чем мы упоминали раньше. История об искушении Евы змеем была прямоком перенесена в этот миф, точно так же, как потом Папство ввело в свой обиход языческое идолопоклонство. Мы знаем, что Семела, мать греческого Бахуса, идентифицировалась с Евой, поскольку, согласно Фотию, ее называли еще именем Хузэ. А “Хузэ” — это еще один вариант прочтения еврейского имени “Хавйау” (Ева).

Вера в то, что за личностью Плутона стоял сатана, была настолько глубока и крепка в античном мире, что по прошествии некоторого времени она проявилась и среди тех, кто называл себя “учениками Христа”. Тех, кто исповедывал такое учение, называли офiane или офиты, т.е. змеепоклонники. “Эти еретики, — писал Тертуллиан, — настолько высоко возносят змея, что отдают ему предпочтение даже перед Самим Христом, объясняя это тем, что именно змей дал нам познание добра и зла. Они считают, что именно на основании признания его власти и величия Моисей повелел вознести на столб медного змея, который исцелял тех, кто на него смотрел. По их словам, сам Христос в Евангелиях подражал священной силе змея, когда говорил: “Как Моисей вознес змея в пустыне, так должен быть вознесен и Сын Человеческий”. Они читают это место во время Евхаристии”. Эти нечестивые еретики открыто поклонялись древнему змею, или сатане, как великому благодетелю людей за то, что тот открыл им знание добра и зла. Но это учение они принесли с собой из языческого мира, откуда они вышли, или из отмечавшихся в Риме Мистерий, в которых они участвовали. Хоть в дни Гесиода и в ранней Греции имя Тэйтана носило оскорбительный характер, в дни Империи к нему появилось совершенно противоположное отношение. “Величие или слава Тэйтана” — именно такие слова употребляли в Риме по отношению к Тэйтану. Это был титул, обычно употребляемый по отношению к Солнцу, как к светилу, так и к божеству. Мы уже говорили, что в Риме поклонялись еще одной форме бога солнца, или Тэйтана, чем был эпидаурийский змей, которому поклонялись под именем “Эскулап”, т.е. “змей, наставляющий людей”. “Аиш-шкул-апэ” — от “Аиш” (“человек”), “шкул” (“наставлять”) и “афэ” или “апэ” (“змей”). Греческая форма этого имени была Асклепий, что значит “наставляющая змея”, где “А” — определенный артикль, “скл” — “учить”,

“эффи/эпи” — “змея”. Имя Асклепий можно истолковать и по-другому, где оно образовано от “Ааз” (“сила”) и “хлеп” (“обновлять”). Таким образом, в эзотерическом учении Асклепий был известен как “восстанавливающий силы”, или “исцеляющий бог”. Но, поскольку он отождествлялся со змеем, истинное значение его имени следует понимать в первом варианте его истолкования. Макробиус, описывая мистическое учение древних, говорит, что Эскулап был благотворным влиянием солнца на души людей. А Змей был символом просвещающего солнца.

В Риме Тэйтан, или Сатан, отождествлялся со “змеем, который научил людей”, открыл им глаза (когда те, естественно, были слепы) и дал им “знание добра и зла”. В Пергаме, как и во всей Малой Азии, откуда Рим непосредственно заимствовал свои знания Мистерий и где первоначально находилось “местопребывание сатаны”, широко поклонялись богу солнца в виде змея по имени Эскулап, “змей, наставляющий людей”. Согласно фундаментальной доктрине Мистерий, в таком виде она была принесена в Рим с Пергама, где солнце было единственным богом. Таким образом, Тэйтан, или Сатан, считался единственным богом, а Таммуз, или Янус, в своей ипостаси Сына, или Семени женщины, был воплощением этого бога. Вот здесь на свет извлекается главная тайна Римской Империи — настоящее имя бога-хранителя Рима. Эту тайну скрывали самым ревностным образом, до такой степени ревностным, что когда, согласно Цицерону, один знатный римлянин по имени Валериус Соранус, “один из самых образованных римлян”, по неосторожности объявил об этом публично, его безжалостно предали смерти. Однако теперь эта тайна полностью раскрыта. Найденное в Помпее символическое представление поклонения римлян с поразительной силой подтверждает это. Только взгляните на дошедшую до нас резьбу по дереву.

Со слов автора книги Ротреи мы уже узнали, что змеи, так или иначе, представляли темных божеств. Так и в этом рисунке ласточки, гонящиеся за мухами, представляют то же самое, что и змеи под ними. Но змей, чье двойное

изображение мы видим, вне всякого сомнения, является змеем Эскулапа. Таким образом, уничтожающая мух ласточка должна представлять то же божество. На сегодня всем известно, каковым было имя “Господа мух”, или уничтожающего мух бога Востока. Это был Бээл-зэуб. Это имя, значащее “Господь мух”, для непосвященного означало лишь его силу уничтожать рои мух, которые часто донимали людей в жарких странах и были для них источником мучений. Но это имя, отождествленное со змеем, ясно открывается как одно из отличительных имен сатаны. А насколько уместным было это имя, если вникнуть в его тайный или эзотерический смысл? Баал-зэуб переводится как “неугомонный Господь”. Оно хорошо подходит тому, кто “ходит по земле, проходит безводные

части, ища покоя, и не находит его”. Из всего сказанного неизбежно вытекает то, что Сатана под своим непосредственным именем, должен был считаться великим богом секретного и таинственного поклонения. Clavis Stockii, “Zebub”. Слово Зэбуб, употребляемое по отношению к мухе, имеет арабский корень, который указывает на движение с места на место без остановки где-либо, как это и делают мухи. Баал-зэбуб, таким образом, в тайном значении этого слова значит: “Господь неугомонности и беспрестанного движения”. Я считаю, что Лактантус пришел к выводу, что Асклепий был выразительным символом сатаны, ибо, рассказывая о перенесении эпидаурийской змеи в Рим, он пишет: “Демониарх (или Князь дьяволов) был принесен сюда (т.е. в Рим) в своем непосредственном виде и без всякой маскировки, поскольку те, кто был послан для этого, принесли с собой дракона поразительных размеров”.

В том, как Гратиан упразднил законы, обеспечивавшие поддержку в Риме огнепоклонства и змеепоклонства, можно узреть, насколько точно исполнилось содержащееся в Священном Писании пророчество: “Этот дракон, древний змей, которого называют дьяволом и ха-сатаном: он, обманувший весь мир, был вместе со своими ангелами сброшен на землю” (Откр. 12:9). Изложенные выше факты проливают определенный свет на широко известное среди нас суеверие. Каждый англичанин слышал о дне Св. Свитина. Согласно суеверию, если в этот день идет дождь, то он не прекратится на протяжении шести недель. Кем же был этот Св. Свитин, что его день имеет связь с сорокадневным непрерывным дождем (шесть недель в округленном виде составляют приблизительно сорок дней)? Прежде всего очевидно, что он не был никаким христианским святым, хоть, как говорят, в десятом веке этим именем звали Архиепископа Кентерберийского. Святой-покровитель сорокадневного дождя — это просто-напросто Таммуз, или Один, которому поклонялись наши предки, считавшийся новым воплощением (инкарнацией) Ноя, в чьи дни на протяжении сорока дней и ночей непрерывно шел дождь. Таким образом, Таммуз и Св. Свитин должны были быть одним и тем же лицом. Но, как это имело место в Египте, Риме, Греции и почти везде, Таммуз еще задолго до эпохи Мессии считался воплощением дьявола, поэтому нет ничего удивительного, если мы вдруг узнаем, что Св. Свитин — никто иной, как Св. Сатан. Одной из широко употреблявшихся среди язычников форм имени врага было Ситан или Сифан. Это имя, применительно к Лукавому, распространилось далеко на восток, вплоть до царства Сиам. В связи с потопом это имя было известно и друидам. (Davies, Druids) Когда англосаксы приняли это имя, они адаптировали его к своему языку, изменив Ситан на Свитан, на манер того, как они поменяли имя Один на Водин. Таким образом, на примере дня Св. Свитина и связанного с ним суеверия мы имеем еще одно поразительное доказательство того, насколько широко в языческом мире было распространено поклонение дьяволу и как хорошо

наши предки-язычники были знакомы с содержащимся в Священном Писании фактом сорокадневного непрерывного дождя Великого Потопа.

Если кому-либо кажется невероятным то, что Сатан мог в Средние Века вот так просто быть канонизован Папством в качестве святого, позвольте обратить внимание на вопиющий факт того, как даже в сравнительно недавние времена дракон, универсально признанный символ дьявола, являлся объектом для поклонения со стороны католиков под именем “доброего Св. Вэрмина”!! (Notes of the Society of the Antiquaries of France, Salverte)

Папа, как языческий Понтифик, чью власть и функции он перенял, является, таким образом, первосвященником сатаны. Поэтому, когда Папа вошел в союз с системой дьяволопоклонства, согласился стать Понтификом и принес в Церковь языческую мерзость, он автоматически стал главным служителем дьявола и, конечно же, попал под его прямую власть, как это уже было до него с языческим Понтификом. Это придает новое и более мрачное значение мистическому знаку “Тау”, или знаку креста. Первоначально он был символом Таммуза, а затем стал символом Тэйтана, или самого сатаны.

Насколько точно исполнились слова Священного Писания о том, что приход Сына Человеческого должен произойти “после проявления сил сатаны”. Здесь мы приходим к главному, основанному на исторических сведениях и Священном Писании, заключению: как тайна язычества и всего противного Всевышнему проявляет себя в теле, так и тайна беззакония, насколько это возможно, проявляет себя в воплотившемся в человека дьяволе.

Грешник Аттэс

Мы уже знаем, что имя Пан значит “отворачиваться”, а также пришли к заключению, что, поскольку оно является синонимом имени “Хата (hata)” “грешить”, где его правильное смысловое значение будет “отворачиваться/уклоняться от прямой линии”, то это имя является именем нашего первого прародителя Адама. Одно из имен Евы, которой в древнем Вавилоне поклонялись как первобытной богине, подтверждает сказанное и довольно необычным образом проливает свет на еще один классический миф. Имя этой первобытной богини, по словам Бэрозуса, было Талатт, что значит “ребро”. А имя Адама, ее мужа, тогда должно звучать как Баал-Талатт (Муж ребра), поскольку слово “Баал” значит “господин” в смысле “муж”. Но Баал-Талатт в качестве еврейской идиомы переводится также как “тот, кто остановился или пошел в сторону (бок)”. Халдейское слово “талатт” (ребро или сторона/бок/край) происходит от глагола “талаа”, халдейской формы “цалаа”, что значит “отклоняться, поворачивать в сторону”, “останавливаться”, “идти в сторону (бок)”.

В этом состоит причина хромоты Вулкана, ведь Вулкана, как “Отца богов” следует отождествлять с Адамом, а также с другими “отцами богов”, что мы и сделали раньше.

После того, как Адам совершил грех и уклонился от предписанной ему прямой линии, на протяжении всей своей жизни он был “Баал-Талаттом” не только как “Муж ребра”, но и как “Человек, свернувший в сторону (пошедший боком)”. Несомненно, что именно в память о таком отклонении от прямого пути священники Баала “(боком) скакали вокруг жертвенника” (3 Царств 18:26), когда умоляли своего бога услышать их (потому, что в этом заключается точное значение слова, переводимого как “скакали” — см. Kitto’s Bib. Cyclop). Друидские священники также *ходили боком*, совершая некоторые священные ритуалы, что видно из следующего отрывка из книги Дэвиса: “Танец совершался во время торжеств на берегу озера, где вокруг алтаря *ходили боком* священники. . .” (Druids). Этот самый Дэвис связывает данный ритуал с мифом о Юпитере, отце богов, который, приняв обличие змея, вступил в связь со своей собственной дочерью. Посмотрим, что изображено на груди у Дианы Эфесской, матери богов, и мы увидим, что там имеется указание на ее участие в таком же хождении боком, ведь там изображен краб, который как раз *ходит боком*. Тогда это показывает значение одного из знаков Зодиака. Рак является памятью о фатальном отклонении от прямого пути праведности, совершенного нашими прародителями, когда они нарушили Эдэмский завет.

Язычники знали, что такое уклонение от прямого пути, или хождение боком, подразумевало смерть, смерть души: “Ибо в день, в который ты вкусишь от него, смертью умрешь”. Поэтому, во время весенних праздников (25 марта) Сибилы и Аттэса всегда имели место великие рыдания (оплакивания) по поводу смерти Аттэса, после чего, в последний день празднований, плач превращался в ликование, ведь “мертвый бог вернулся к жизни” (Dupuis, Origine de tous les Cultes). Если Аттэс был тем, кто, “уклонившись в сторону”, принес в мир грех и смерть, то чем могла быть жизнь для того, кто так быстро был воскрешен, как не новой и божественной жизнью, которая входит в каждую душу, когда та “рождается вновь”, переходя тем самым “от смерти к жизни”. Когда было дано обещание, что семя женщины поразит змея в голову, и Адам принял его с верой, то нет сомнения, что это свидетельствовало о восстановлении его духовной жизни, о его рождении вновь (свыше). Именно это происходило в Мистериях Аттиса, тайна которых береглась с особым рвением. Паусаний пишет, что тайное значение этих Мистерий ему не удалось раскрыть, несмотря на все его старания (Achaïca). Ведь раскрытие этой тайны показало бы значение имени Аттэса, связанного с ним грехопадения и смерти, сущностью которых и есть язычество.

Новое рождение Аттэса послужило основанием для изображения его в виде младенца, отождествляемого также и с Адонисом, который, хоть и

умер взрослым человеком, изображался похожим образом. В элевсинских таинствах (мистериях), в которых отмечалось изнасилование Прозерпины, т.е. искушение змеем Евы, присутствовал плачущий бог, или Бахус, который изображался как младенец у груди великой Матери, которую Софокл называл Дэо (Antigone). Дэо, или Деметра, представлялась как Великая Мать, что является одной из форм “Матери Знания” (Idaia Mater), где слово “Idaia” образовано от глагола “daa” или “idaa” (“знать”). Точно так же было и с младенцем, который, являясь Аттэсом, одновременно был и Дэоиусом. Хилария, праздник радости, или день Богоматери, отмечаемый 25 марта, заимствован из отмечавшихся приблизительно в это же самое время ликований дня Провозглашения (Благовещения) будущего рождения семени женщины, радость празднования которого усиливалась новым рождением в этот самый день Аттэса, “Грешника”, или Адама, который в результате нарушения завета “стал мертвым по своим грехам”.

